ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ

2026 Том 26 № 3

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Средство массовой информации
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

2026 Volume 26 No. 3

Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)
4 выпуска в год.
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org.**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/sociology.**

Электронный адрес: **socioj@rudn.ru.**

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)
4 issues per year.
Languages: Russian, English.
Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE *(Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org.**

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/sociology.**

E-mail: **socioj@rudn.ru.**

Подписано в печать 01.09.2026. Выход в свет 10.09.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 25,03. Тираж 500 экз. Заказ № 1027. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

© Российский университет дружбы народов, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров Б.В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Гаспаришвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Тюрина И.О., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН по научно-проектной и организационной деятельности

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейкситы (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор — проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор ***К.В. Зенкин***
Компьютерная верстка: ***И.А. Чернова***
Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru
Почтовый адрес редакции:
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bazarov B.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of IInstitute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Danilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), Professor, First Vice-Rector, Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Tiourina I.O., PhD (Sociology), Deputy Director for Scientific, Project and Organizational Activities of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences

---

Review Editor ***Konstantin V. Zenkin***
Computer design: ***Irina A. Chernova***

Editorial office:
Postal Address of the Editorial Board:
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

От редакции 695

Поздравления 697

Батыгин Г.С. Социология и интернет: наука и образование в виртуальном пространстве 705

Петрусек М. Социология между прошлым и будущим: традиции и перспективы 727

Субботина М.В. Наукометрический портрет журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» 737

Ларина Т.И., Пузанова Ж.В. Социологическая лаборатория РУДН на страницах «Вестника РУДН. Серия: Социология» 747

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Данилов А.Н., Костюкевич С.В. К истокам теоретических кризисов в социологии 762

Кравченко С.А. Р. Мертон: теория серендипити – неслучайная случайность в научных инновациях и открытиях 777

Куропятник М.С. Индигенные методологии: альтернативный подход или ускользающий предмет 789

Троцук И.В. В поисках империи: подходы к определению понятия в современном научном дискурсе 801

Никулин А.М. Идеи фордизма в России в начале XX века: три зарисовки в ритмах города и деревни (на англ. яз.) 816

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Адаптация россиян к трансформирующейся реальности: индикаторы, состояние и факторы 830

Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Семейные установки студенческой молодежи: между ценностями поколения зумеров и вызовами демографической политики 847

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Чепуренко А.Ю. Российская социология 2020-х годов о социодинамике российского общества (по материалам ведущих отечественных журналов) 867

Рязанцев И.П., Ардельянова Я.А. Духовно-нравственная культура как социальный феномен: теоретико-методологический анализ 888

Чугров С.В., Кучарина С.А. Трансмедийный политический нарратив: методология анализа и рамки концепта 902

Голенкова З.Т., Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б. Социология на пульсе трансграничного региона: кейс Бурятии 917

Чернозуб О.Л., Белоножко М.Л., Федоров В.В. Дитя своего времени: потенциал структурной теории эскалации действий в объяснении семейно-демографических макротрендов (на англ. яз.) 930

Осеев А.А., Тимохина Ю.В. Современные подходы к исследованию профессиональных качеств: концептуальные модели и прикладные методики 948

НАШИ АВТОРЫ 964

CONTENTS

JOURNAL'S ANNIVERSARY

Editorial ... 695

Congratulations ... 697

Batygin G.S. Sociology and the Internet: Science and education in the virtual space ... 705

Petrusek M. Sociology between the past and the future: Traditions and prospects ... 727

Subbotina M.V. Scientometric profile of the RUDN Journal of Sociology ... 737

Larina T.I., Puzanova Zh.V. RUDN Sociological Laboratory on the pages of the RUDN Journal of Sociology ... 747

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Danilov A.N., Kostyukevich S.V. To the origins of theoretical crises in sociology ... 762

Kravchenko S.A. R. Merton: theory of serendipity – non-random chance in scientific innovations and discoveries ... 777

Kuropjatnik M.S. Indigenous methodologies: An alternative approach or an elusive subject ... 789

Trotsuk I.V. In search of empire: Approaches to defining the concept in contemporary academic discourse ... 801

Nikulin A.M. Fordism in Russia in the early 20th century: Three sketches in the urban-rural rhythms ... 816

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Tikhonova N.E., Dudin I.V. Russians' adaptation to the transforming reality: Indicators, state and factors ... 830

Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Narbut N.P., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Family attitudes of the student youth: Values of Generation Z and challenges of demographic policy ... 847

SOCIOLOGICAL LECTURES

Chepurenko A.Yu. Russian sociology of the 2020s on sociodynamics of Russian society (based on materials from leading Russian journals) ... 867

Ryazantsev I.P., Ardelyanova Ya.A. Spiritual-moral culture as a social phenomenon: A theoretical-methodological analysis 888

Chugrov S.V., Kucharina S.A. Transmedia political narrative: Methodology of analysis and conceptual framework 902

Golenkova Z.T., Badaraev D.D., Tsydenov A.B. Sociology on the pulse of the cross-border region: The case of Buryatia 917

Chernozub O.L., Belonozhko M.L., Fedorov V.V. Child of its time: The potential of the Escalating Actions Structural Theory in explaining family-demographic macro-trends 930

Oseev A.A., Timokhina Yu.V. Contemporary approaches to the study of professional qualities: Conceptual models and applied methods 948

AUTHORS 964

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 695–696**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

JOURNAL'S ANNIVERSARY

Журнал и время: 25 лет журналу «Вестник РУДН. Серия: Социология»

У научного журнала свой способ измерять время — это не только количество статей, выпусков, томов, но прежде всего вопросы, освещаемые на его страницах. Одни темы постепенно уходят, теряют свою актуальность, другие возвращаются в новом контексте; меняются исследовательские методы, язык описания социальной реальности и само представление о том, что сегодня заслуживает социологического рассмотрения. В этом смысле четверть века «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — гораздо больше, чем юбилейная дата. Первый номер журнала вышел в 2001 году, а это, по сути, граница двух социальных эпох. Социологу начала XXI века и социологу 2026 года приходится иметь дело с разной социальной реальностью, поэтому архив научного журнала интересен не только как совокупность публикаций. Если просматривать его последовательно, он превращается в своеобразную хронику изменений общества и — одновременно — изменений взгляда исследователя на это общество

За четверть века на страницах журнала обсуждались множество различных проблем. Большинство из них не потеряли актуальности и сегодня, но изменились обстоятельства, в которых они рассматриваются, а вместе с ними и исследовательские вопросы. За двадцать пять лет менялись авторы (но многие остались верны журналу с самого его основания), рецензенты, читатели. Люди, читавшие «Вестник» студентами и аспирантами в начале 2000-х годов, сегодня признанные специалисты, преподаватели, исследователи. Вероятно, именно в этом и проявляется наиболее естественная форма академической преемственности — продолжение профессионального разговора.

Особое значение для журнала с самого начала имела международная составляющая. Она органична и университетской среде РУДН: в редакционной коллегии и среди авторов — имена известных российских и зарубежных исследователей.

За четверть века изменился и статус самого журнала — сегодня он занимает достойное место в российских и международных базах данных и без преувеличения является одним из ведущих социологических журналов страны.

Юбилейный выпуск хочется представить не как собрание текстов «по случаю даты» — это попытка одновременно увидеть пройденный путь и продолжить разговор о том, что происходит с обществом, поэтому номер обращен одновременно и к истории журнала, и к сегодняшнему дню. В журнале, созданном через девять лет после открытия кафедры социологии, с первого номера публиковались работы известных российских и зарубежных ученых. Достаточно сказать, что только в первые несколько лет его существования (2001–2008) среди авторов мы видим имена выдающихся российских социологов — Г.С. Батыгина, З.Т. Голенковой, М.К. Горшкова, Л.М. Дробижевой, В.Н. Иванова, Г.Г. Татаровой, Ж.Т. Тощенко, В.И. Чупрова, видных европейский ученых — Д, Марковича (Югославия), П. Махонина, И. Мусила — председателя Европейской социологической ассоциации (1999–2001), М. Петрусека (Чехия) и др. Высокой планки, заданной с самого начала, журнал стремился придерживаться всегда, и в 2017 году вошел в ведущие международные базы данных WoS и Scopus.

В этом номере мы предлагаем вашему вниманию статьи Г.С. Батыгина и М. Петрусека, опубликованные в журнале в первые его годы. Это не только дань памяти выдающимся ученым, но и работы, которые дают представление о тематической направленности издания и не потеряли своей актуальности и сегодня.

Мы надеемся, что благодаря нашим авторам, рецензентам и читателям достойно прошли продолжающийся период реформирования системы российского высшего образования, сложный для любого академического издания, выпускаемого вузом силами отдельной кафедры, и намерены продолжать работу в роли своеобразного путеводителя в современном социологическом дискурсе для самых разных по дисциплинарной принадлежности и по уровню подготовки читателей. Мы открыты для предложений — новых тематик, рубрик и исследовательских направлений, но все же стремимся сохранить свой основной тематический акцент — описание и, по возможности, объяснение ценностного многообразия современного общества в сравнительном — темпоральном и региональном — контексте.

Благодарим наших авторов, читателей и рецензентов за интерес и доверие и надеемся на продолжение нашего прекрасного сотрудничества!

Николай Петрович Нарбут,
доктор социологических наук,
главный редактор журнала
«Вестник РУДН. Серия: Социология»

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляю редакционную коллегию, редакцию, рецензентов, авторов и читателей прекрасного научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» (RUDN Journal of Sociology) с 25-летним юбилеем

За четверть века журнал стал одним из ведущих российских научных изданий в области социальных наук, значимой профессиональной площадкой для развития социологического знания и междисциплинарного диалога. Неизменно высокий статус журнала подтверждается его исследовательской репутацией, вхождением в ведущие международные базы данных и авторитетные научные индексы, что обеспечивает его публикациям широкую видимость и отклик в российском и международном академическом пространстве.

Особенно важно, что журнал, поддерживая высокие стандарты научной экспертизы, объединяет исследователей их разных стран, научных школ и поколений. Тем самым журнал в полной мере отражает миссию РУДН — открытость новому, развитие международного академического сотрудничества, междисциплинарный диалог и научная ответственность.

Благодарю всех, кто на протяжении этих лет создавал журнал и способствовал его развитию, но особенно редакционную коллегию и коллектив редакции — за кропотливую экспертную работу, воспитание новых поколений социологов и укрепление научного авторитета РУДН как издателя журнала в России и за рубежом.

Убежден, что впереди нас ждут новые успешные проекты и научные открытия. Желаю журналу долгих лет плодотворной работы, актуальной исследовательской повестки и широкой читательской аудитории! С юбилеем!

Председатель Координационного совета
научного журнала «Вестник РУДН»,
ректор РУДН имени Патриса Лумумбы
Олег Александрович Ястребов

Уважаемый Николай Петрович!

От имени редакционной коллегии, международного редакционного совета журнала «Социологические исследования» и от себя лично сердечно поздравляю Вас, редколлегию и коллектив редакции, авторов, рецензентов и читателей научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» со знаковой датой —25-летием со дня основания издания и выхода в свет его первого номера!

Как известно, юбиляра красят не годы, а заслуги и достижения. И здесь «Вестнику РУДН. Серия: Социология» есть чем гордиться. Учрежденный в 2001 году на базе кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, журнал прошел впечатляющий путь становления и развития от специализированного университетского до одного из ведущих профильных изданий социологического сообщества России. Путь, богатый примечательными датами и событиями. И сегодня журнал представляет собой авторитетную площадку для академического диалога, широкого обмена научной информацией и результатами теоретических и практических исследований экспертов-социологов, признанную не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, убедительным свидетельством чему представляются включение и индексация журнала в опорных библиографических и реферативных базах данных рецензируемой научной литературы, включая международные.

За минувшую четверть века активной, плодотворной, высокопрофессиональной работы социологическая серия «Вестника РУДН» стала живым зеркалом отечественной и мировой социологической мысли, мощным «рупором социологии» в терминологии Б. Фирсова. На страницах журнала неоднократно находили и находят отражение наиболее острые и актуальные проблемы общественной жизни, анализируются сложные социальные процессы и их последствия. Из рубрик, образующих широкое тематическое пространство издания, можно узнать о текущем состоянии и тенденциях развития современного социума, увидеть материалы по историографии мировой обществоведческой мысли, статьи, посвященные проблематике специальных социологических теорий, переводы значимых для социологического дискурса трудов известных ученых, публикации, отражающие проблемы выбора методологии и методики для изучения комплексных социальных явлений… Журнал блестяще выполняет свою главную миссию — служит мостом между научными школами разных стран, объединяя исследователей вокруг универсальных ценностей познания социума.

Особые и отдельные слова коллегиальной признательности и уважения хочется выразить Вам, Николай Петрович, как инициатору создания и бессменному главному редактору серии. С течением времени журнал обрел свое уникальное лицо и постоянно поддерживает строгие академические стандарты и безупречную репутацию. И переоценить это невозможно! В год, когда Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы отметил свой собственный большой юбилей — 65 лет со дня основания, достижения журнала обретают особое символическое значение, демонстрируя высочайший уровень научной школы РУДН, всегда опиравшейся на принципы интернационализма и открытого обмена знаниями.

Юбилей — прекрасная вершина, позволяющая не только оценить пройденный путь, но и определить новые вехи и ориентиры, вспомнить о прошлом и задуматься о предстоящем. В контексте современности перед социологией стоят беспрецедентные вызовы и задачи. Уверен, что накопленный опыт позволит «Вестнику РУДН. Серия: Социология» оставаться на переднем крае науки, открывая новые имена и задавая тренды в исследованиях будущего.

Позвольте еще раз от всей души поздравить Вас и коллектив журнала с важной юбилейной датой и пожелать неугасающей творческой энергии и реализации творческого потенциала, новых ярких публикаций и расширения географии авторов, крепкого здоровья и отменного благополучия, новых профессиональных достижений и успехов на благо российской социологии и Отечества!

Главный редактор журнала
«Социологические исследования»
доктор философских наук, профессор
Григорий Артурович Ключарев

Поздравление журнала «ПОЛИС. Политические исследования»

Уважаемый Николай Петрович!

По поручению всей команды «Полиса» сердечно поздравляю Вас, всю редколлегию и редакцию журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» с 25-летним юбилеем!

С момента появления журнал играет важную роль в становлении сообщества социологов России. Свидетельством тому — каскад интересных статей, опубликованных на страницах журнала и посвященных постановке и обсуждению свежих и фундаментальных проблем современного общества. Радостно убеждаться при чтении каждого нового номера, что журнал поддерживает достойную пропорцию между авторами — маститыми социологами и талантливой молодежью. На выращивание социологической школы мирового уровня требуется несколько поколений свободолюбивых граждан и подготовленных ученых. Впереди еще большой и славный путь!

Лично для меня «Вестник РУДН. Серия: Социология» — это флагманский социологический журнал, который читается от корки до корки; способ знакомства с современными подходами к исследованию самых сложных процессов, происходящих в обществе; открытый реестр мнений и позиций, с которыми я сверяю свои представления об проблемах общественного развития; лаборатория научной мысли, калейдоскоп смыслов научного воображения и кладезь гипотез; как для редактора политологического журнала — образец научной честности и современной методологии социологического исследования.

Уверен, что великолепный творческий коллектив журнала еще долгие годы будет выполнять свою уникальную миссию законодателя социологического знания.

Передаю полисовский привет коллегам и пожелания бодрости духа, творческого размаха и мощных антител, защищающих от бюрократизма и косности.

Сергей Владиславович Чугров,
доктор социологических наук,
главный редактор журнала
«ПОЛИС. Политические исследования»

Дорогие коллеги!

От имени редакции журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», высылаю поздравление с замечательным юбилеем.

Сердечно поздравляем коллектив редакции журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» с 25-летием! За эти годы ваш журнал стал авторитетной платформой для публикации результатов социологических исследований и обмена идеями среди представителей социальных наук. Публикации журнала играют важную роль в развитии социологической науки и вдохновляют новых авторов, а усилия и профессионализм редакции журнала заслуживают высочайшей оценки.

Желаем журналу дальнейшего процветания, интересных публикаций, талантливых авторов и преданных читателей. Коллективу редакции желаем неиссякаемой энергии и новых творческих идей. Пусть «Вестник РУДН. Серия: Социология» и впредь играет значимую роль в развитии отечественной и мировой социологии и в укреплении социологического сообщества.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
главный редактор журнала
«Вестник Санкт-Петербургского университета.
Социология»,
доктор социологических наук,
профессор факультета социологии СПбГУ,
Виктория Ивановна Дудина

Глубокоуважаемые коллеги, друзья!

У Вас большой и заслуженный праздник — 25 лет как вышел в свет первый номер вашего прекрасного журнала. За плечами четверть века… Исторически совсем небольшой отрезок времени, но, учитывая достигнутое — вхождение во всероссийскую элиту научных изданий, утверждение в качестве одного из лидеров социологического изучения современного социума, признание законодателем в подготовке профессиональных социологов для всего мира, — это блестящий результат

Становится еще более очевидным масштаб достигнутого успеха, если учесть, что журнал фактически создавался на энтузиазме маленькой горстки подвижников кафедры социологии РУДН. Можно много говорить о каждом номере, авторах, тематике, удачах и просчетах. Журнальная кухня всегда удивительна и непредсказуема — здесь происходит действо сродни чуду! И это чудо вершат люди, влюбленные в социологию — науку трудной судьбы, науку честных и мужественных исследователей.

В сегодняшней счастливой истории есть лидер и его команда. Сродни управлению океанским лайнером, капитан со своей командой, преодолевая трудности и невзгоды, ведут журнал к победе. В их таланте, трудолюбии и вере в успех заключена огромная сила созидания, реализуемая в энергии творчества, большой самоотдаче, высоконравственном понимании своего долга и предназначения. Им дано заглянуть за горизонт в поиске ответов на новые вызовы времени. Журналу сказочно повезло, что на капитанском мостике все эти годы стоят прекрасные ученые, талантливые организаторы — профессора Николай Петрович Нарбут и Ирина Владимировна Троцук. Восхищены вашим умением видеть и понимать мир, ощущать время, раскрывать созидательный потенциал авторов, объединять их вокруг издания.

Поздравляем творческую команду редакции, авторов и многочисленных читателей с юбилеем! Желаем изданию семь футов под килем, благополучного и безопасного плавания! Удачи Вам и новых свершений, дорогие друзья!

Александр Николаевич Данилов,
председатель Белорусского социологического общества,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
заведующий кафедрой социологии
Белорусского государственного университета,
главный редактор «Журнала Белорусского
государственного университета.
Социология»

Уважаемый профессор Николай Петрович Нарбут!

Позвольте мне от имени журнала «Социолошки преглед» (Белград, Сербия) и от своего имени поздравить Вас и Редакционную коллегию журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» с 25-летием успешной публикационной деятельности и работы над диссеминацией научных работ по социологии. Ваш научный вклад в развитие социологии тем более значителен, что осуществляется в сложных условиях борьбы за позиции в мировых рейтингах журналов, где зачастую применяются и вненаучные критерии.

«Социолошки преглед» с особым удовольствием интенсивно сотрудничает с журналом, которым Вы руководите, и мы надеемся, что в ближайшие годы это сотрудничество станет еще лучшим, в интересах развития социологической науки России и Сербии.

С уважением,
Белград, 15 июня 2026 г.
Главный и ответственный редактор
журнала «Социолошки преглед»
Проф. д-р Снежана Стойшин

Уважаемый профессор Николай Петрович Нарбут!

От имени Сербского социологического общества как общенациональной представительной организации социологов Сербии поздравляем Вас с 25-летием публикационной деятельности журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.

За время своего существования журнал, которым Вы руководите, внес вклад не только в распространение результатов социологических исследований российских и зарубежных авторов, но и в укрепление российско-сербского научного сотрудничества в области социологии.

Желаем вам больших успехов в будущей работе, а также в ваших усилиях по укреплению научных, социологических связей между российским и сербским социологическими сообществами.

С уважением,
Белград, 15 июня 2026 г.
Председатель Сербского социологического общества
Проф. д-р Сретен Елич

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 705–726**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

Г.С. Батыгин

Социология и интернет: наука и образование в виртуальном пространстве

Г.С. Батыгин

Первый номер журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» в 2001 году открывала данная статья Геннадия Семеновича Батыгина. Он преподавал в Российском университете дружбы народов более десяти лет, до своей смерти в 2003 году, и по праву считается одним из наиболее известных и авторитетных российских социологов 1980-х — начала 2000-х годов. Сфера его профессиональных интересов была чрезвычайно широка: среди прочего он занимался проблематикой и вопросами методологии социологических исследований, историей зарубежной и отечественной социологии, историей общественной мысли в СССР, социологией знания и науки; был основателем и редактором «Социологического журнала». Повторно публикуемая спустя четверть века статья — не только дань памяти выдающемуся ученому, и представляет не только мемориальную ценность. За последние двадцать пять лет окружающий человека социальный и технологический универсум изменился до неузнаваемости. Информационно-коммуникационная революция, связанная с повсеместным распространением интернета, по-видимому, не имеет прецедентов в мировой истории. Речь идет не только о фундаментальном характере происходящих на наших глазах изменений, последствия которых сегодня трудно в полной мере оценить, но и о скоростях, темпах наблюдаемых трансформаций. Сегодня мы живем в двух мирах, или в одном гибридном — офлайно-онлайновом, в реальности «виртуальной» как минимум наполовину.

Не так давно — на рубеже XX–XXI веков — ворота в новый цифровой мир только приоткрывались, и по ту сторону ворот открывались перспективы довольно туманные, неопределенные, ведь этот мир только формировался. Тогда наступление новой эры развития человечества во множестве конкретных деталей едва ли можно было точно спрогнозировать и диагностировать. Батыгин был одним из тех немногих российских обществоведов, которые относились к происходящим изменениям серьезно, как к предмету, заслуживающему изучения. Некоторые суждения и выводы, содержащиеся в предлагаемой читателям статье, могут показаться наи-

вными, не оправдавшимися и не выдержавшими проверку временем. Но стоит ли на этом основании упрекать автора в непроницательности? Знавшие Геннадия Семеновича лично коллеги или просто знакомые с его публикациями продолжают делиться впечатлениями, которые производил он и транслируемые им идеи. Все сходятся в одном: Батыгин чрезвычайно тонко чувствовал сложность, парадоксальность и драматизм социальной жизни. Реалии нашего коллективного опыта начала второй четверти XXI века из «темпоральной точки наблюдения» 2000 года едва ли могли быть распознаны во всей полноте. Нельзя эмпирически корректно рассуждать о том, чего еще нет, — это как было бы ожидать от К. Маркса детального и точного анализа трансформаций капиталистического общества в XX веке. Тем не менее, социологические интуиции Батыгина двадцатипятилетней давности соответствуют той совокупности данных и инструментарию их исследования, которые имелись в распоряжении ученого тогда, когда была написана статья. Несомненно, материал представляет интерес для истории новейшего этапа развития социологии в России — для тех, кто был ее свидетелем и участником, и для тех, кто только осваивает социологию как будущую сферу профессиональных занятий.

Д.Г. Подвойский

В публицистической литературе принято писать о грандиозных возможностях интернета, ассоциации с которым аналогичны ассоциациям со светлым будущим всего человечества. Основная идея статьи тривиальна: виртуальное пространство — не более чем кодированные электромагнитные сигналы, позволяющие относительно быстро накапливать, преобразовывать и пересылать сообщения. Поэтому виртуальная коммуникация и интернет не имеют никакого значения для содержания социологических идей, а равным образом и любых других идей, не только гуманитарных, но даже технических и информационно-технологических. Разумеется, в Сети имеется огромное количество интересной для социолога информации, многие источники телекоммуникационных ресурсов систематизированы П.Г. Арефьевым [1]. Свою задачу я вижу также в том, чтобы очертить некоторые проблемы социологии текстообразования (мы можем без всяких затруднений истолковать текст как надындивидуальный факт, сообщество sui generis) и «социологии интернета», которая благодаря работе десятков исследователей, прежде всего Б. Уэлмана и его школы, стала признанным и авторитетным направлением в нашей области [28]. Многие очерченные в статье идеи заимствованы из работ моих коллег: И.Р. Купер, подготовившей диссертацию «Гипертекст как форма организации социального знания» [7], А.В. Бахмина, опубликовавшего статью «Сотрудничество и конфликт в виртуальном сообществе» [3], и С.И. Паринова, создавшего сетевые сервисы, обеспечивающие функционирование онлайнового сообщества — «Российской виртуальной лаборатории для экономистов и социологов» [10].

Разумеется, одним из главных вопросов является перспектива практического применения телекоммуникации в преподавании социальных наук. Здесь многое неясно. Однако есть и очевидные вещи. Во-первых, для содержания преподавания (для идей) интернет не имеет практиче-

ского значения, поскольку издержки (финансовые и временные) на поиск и обработку информации многократно перекрывают полезные эффекты. Во-вторых, даже для систематического чтения литературы по узкой специальности от научного сотрудника требуются немалые усилия. Я не располагаю более или менее надежными данными об интенсивности и репертуаре чтения в российском научном сообществе, но есть сведения зарубежного происхождения: научные сотрудники и преподаватели читают очень мало из того, что они обязаны читать по службе, не потому, что они ленивы, а потому что обработка и в целом потребление информации — очень трудоемкое дело. Я не ошибусь, если предположу, что на рабочих столах научных сотрудников и преподавателей годами лежат книги, которые надо срочно прочитать. А каково читать материалы в Сети? Соответственно, меняются и техники чтения — чтение, что называется, по строчкам уступает место «сканированию», штурмовому полету над текстом, при котором мелькают параграфы и главы, зато мгновенно опознаются прецедентные тексты: имена, цитаты, термины. Если так, то, в-третьих, радикально меняются требования к организации текста в науке и преподавании.

Происходит технологическая революция в форматах текстообразования: прежде всего, переход от кодекса к свитку и функционально-технологическое реструктурирование текстового производства. Для нас, преподавателей, это означает превращение учебного процесса из человеческого общения учителя и ученика в изготовление знания с заранее заданными параметрами. Если угодно, мы можем назвать этот процесс локковским термином «импринтинг», и все станет ясно. Маленькое «но» заключается в том, что интернет имеет к этому процессу отношение лишь в той степени, в какой шаблоны изготовления web-страниц и html-ные форматы требуют тщательной организации текста — поток сознания здесь не нужен. Мультимедийная версия учебного курса или монографии представляет собой технологический процесс par excellence. Здесь преподаватель общественных наук должен стать технологом или уйти с арены. Далее я попробую перечислить требования, предъявляемые к форматам курсов.

Переход текстообразования и коммуникации в науке и образовании на электронные носители сам по себе не имеет существенного значения. Производство и распространение идей могут с успехом осуществляться и на традиционных (в том числе бумажных) носителях. Во всяком случае, текст, созданный на компьютере и почти мгновенно распространенный по Сети, ничем не лучше текста, написанного чернилами, практически неразборчиво, на оборотных сторонах листов, и не только не опубликованного, но и преданного грызущей критике мышей, как это случилось с «Немецкой идеологией». Еще до того, как просвещение

стало оправдывать знание, великие раввины немало заботились о том, чтобы толкование текста и мира было закрыто от неподготовленного недоброго человека. Интернет им бы не пригодился. Во всяком случае, популярность текста и его качество — не одно и то же.

Следует более или менее приблизительно очертить степень распространения интернета в нашей стране и за рубежом. По данным агентства Monitoring.ru, в России выходили в интернет в 2000 году более 6 миллионов человек, регулярная аудитория составляла около 3 миллионов, 3 часа в неделю и более в интернете работали 800 тысяч. Средний возраст этого контингента составляет 28–30 лет, их доходы выше среднего, 2/3 контингента имели высшее образование [16. С. 90–93]. Эта цифра кажется завышенной, но данные других обследований отличаются от приведенных ненамного. По результатам некоторых обследований (тоже не вполне надежных), в Москве и Санкт-Петербурге пользовались интернетом около 15 % населения. В более развитых странах эта цифра достигает 50 % (Швеция). Предполагается, что в течение ближайших лет доминирующее положение в розничной торговле займет интерактивное телевидение. Проблема заключается в том, чтобы снизить цену устройств, позволяющих выходить в Сеть с мобильных телефонов. Тогда интернет станет глобальной формой коммуникации. Б.З. Докторов имеет основания предполагать, что в жизнь войдет поколение, практически не умеющее писать «от руки» и все социологические опросы будут осуществляться через Сеть [6]. С 2000 года Фонд «Общественное мнение» совместно с сайтом http://internet.strana.ru проводит национальное выборочное обследование домохозяйств, задачей которого является изучение аудитории интернета. Получены неординарные данные, что 53 % пользователей используют интернет для работы, 40 % — для образования, а для удовольствия и общения, соответственно, 35 % и 29 % [15]. Все это относится к публичной жизни, в которую отчасти включены и преподаватели социологии.

Однако нас должен больше интересовать вопрос о том, какой сегмент в общей структуре интернет-коммуникации занимает информационное обеспечение научных и образовательных технологий. Здесь мы можем с уверенностью сказать, что пока в структуре научной коммуникации интернет не имеет существенного значения. В преподавании интернет практически не используется ни за рубежом, ни в России. Опубликованы данные Е.З. Мирской и С.Б. Шапошника, что интернет используется исследователями преимущественно для переписки, а получение новой информации непосредственно не связано с Сетью [9]. Аналогичными данными располагаю и я. Опять же, не следует преувеличивать возможности интернета как источника научной информации. Помимо компьютера, модема и абонирования линии здесь требуется

сформированный запрос, который невозможно описать в меню Help. Если учесть репертуар запросов, то объем использования интернета в научном сообществе для получения именно научной информации по сравнению с развлечениями и поиском более полезных сведений о товарах и услугах можно определить информационно-библиграфической культурой научного сообщества. В естественных и технических науках структура чтения научных сотрудников и преподавателей локализована достаточно отчетливо — здесь действуют «незримые колледжи» и ясные предписания относительно источников, поэтому примерно треть релевантной информации проходит по каналам научной коммуникации еще до опубликования результатов на «переднем крае». Не вполне объяснимы данные, что только 30 % ссылок в публикациях переднего края принадлежат «своей» области знания. Кажется, что использование интернет-коммуникации усиливает возможность поддержки «незримых колледжей» и ухода от разного рода институциональных зависимостей. Например, в технических науках круг профессионального общения активных пользователей интернета значительно отличается от круга рабочего общения. Аналогичные данные получены нами применительно профессиональному сообществу социологов. Обмен предварительными сообщениями о данных исследований, а также сведениями о результатах, полученных коллегами, в значительной степени изменяет релевантный информационный поток и, если не делает ненужными «традиционные» журналы, то существенно изменяет их функциональное предназначение — быть легитиматорами научного результата и конституировать «признание» как норму научной деятельности.

Данные по использованию Сети в социологии фрагментарны. За неимением лучшего я буду ссылаться на материалы обследования сектором социологии знания Института социологии РАН 137 научных сотрудников и преподавателей социологии в крупных университетских центрах в 2000 году (табл.). Имеется существенное систематическое смещение обследованного контингента относительно воображаемого среднего массива российских социологов: почти 50 % имеют хотя бы эпизодическую возможность пользоваться электронной почтой, поэтому контингент можно назвать продвинутым (куда и зачем, сказать трудно). Основными дифференцирующими критериями здесь являются возраст, среднее значение которого у социологов-пользователей интернета составляет 33 года, владение английским языком (65 %), контакты с зарубежными коллегами и интенсивное получение грантов. Тематика обращений к Сети не устанавливается — во всяком случае, доля обращений к справочно-библиографической информации и исследовательским материалам (полнотекстовым публикациям) незначительна. Кажется, что научные сотрудники и преподаватели не столько работают, сколько «гуляют» в интернете,

как и все нормальные люди. Это подтверждают и вполне надежные данные о доле ссылок на web-публикации в суммарном библиографическом списке пяти ведущих российских обществоведческих журналов в январе — июне 2000 года: одна ссылка на web-публикацию приходится примерно на 450 обычных ссылок. Можно предположить, что даже расширение возможностей выхода в Сеть существенно не изменит интенсивность и эффективность использования телекоммуникационных ресурсов в науке и образовании. Проблема в том, чтобы знать, что знать, т.е. сформировать информационный запрос. Суть дела заключается не в интернете, а в формировании круга чтения в социологическом сообществе, который остается диффузным и не отличается, по существу, от общегуманитарного чтения. В этом плане Д. де Солла Прайс имел все основания отнести социальные науки к группе «не-наук».

Таблица

Дифференциация социологического общества в зависимости от включенности в телекоммуникацию

Характеристики	Пользуются интернетом постоянно/ эпизодически	Не пользуются интернетом
Средний возраст, лет	33	41
Владеют английским языком, %	65	15
Получали гранты зарубежных фондов, %	13	7
Оценивают свое материальное положение как хорошее, %	51	12
Сотрудничают с зарубежными коллегами, %	37	5
Придерживаются марксистского направления в социальной теории, %	9	11
В среднем работают больше 40 часов в неделю, %	53	33

Нам понадобится некоторая теория виртуального пространства. В предисловии к «Персидским письмам» Монтескье П. Валери говорит о том, что общественное развитие представляет собой переход от варварства — эры факта — к эре порядка, которая зиждется на фикциях и действенном присутствии вещей отсутствующих: «Образуется некая мнимостная или условная система, устанавливающая между людьми воображаемые связи и преграды, эффекты которых вполне реальны. Для общества они существенно необходимы» [4. С. 381]. Телекоммуникация освобождает производство и передачу текста от «места» как специфической формы организации социального пространства, более того, делает саму привязанность к «месту» бессмысленной [2]. Имея дело с универсальной (борхесовской) библиотекой, мы стал-

киваемся с бессмысленностью, например, таких номинаций, как «русская социология» или «китайская социология». Автор, не связывающий круг используемых источников и потенциальных адресатов своего сообщения с «местом», вероятно, утрачивает и «национальность». Замена места на точку зрения порождает специфическую мыслительную позицию, которую можно было бы вслед за А. Вебером и К. Манхеймом назвать позицией свободно парящего интеллектуала, если бы она обладала, кроме независимости, устойчивостью и воспроизводимостью обоснованного суждения. В данном случае сама позиция — отказ от позиции в мире, который отныне являет собой «замкнутую вселенную символов», самодостаточный текст, интерпретируемый без внешнего обоснования, языковую игру [22] или, по Р. Барту, бриколаж. Некоторые авторы, склонные к экзотическому конструированию реальности, считают компьютерную коммуникацию новой формой общественной жизни [27]. Так или иначе, имеются данные, что виртуальная коммуникация дестабилизирует распределение статусов и социальную структуру в целом, в частности, исчезают границы между работой и домом, частным и публичным пространством [17]. Образование превращается в бесконечное путешествие по сайтам.

Введенное М. Маклюэном различение устной, письменной и электронной культур как исторически последовательных типов массовой коммуникации часто преувеличивается. Античность видела в письменной речи суррогат устной. Реформация породила тиражирование изданий и «массовую литературу». Письменная речь свела многообразие устной речи к простому визуальному коду [24. P. 45], но этот код содержит в себе неисчерпаемый смысловой диапазон устной речи — письменная речь может быть и прочитана, и прослушана много раз. Изменения в формах организации знания осуществляются незаметно. Например, с уходом чистописания незаметно изменился канон письменной речи, до минимума снизились требования к графике рукописного текста, а компьютерный набор делает это требование архаичным. Искусство письма отныне не воспринимается как критерий культуры.

Вряд ли есть основания сравнивать распространение компьютерных технологий с величайшими переворотами в истории человечества [28]. Можно предположить, что информационная революция уже завершилась в той мере, в какой завершилось формирование стандартных образцов организации знания, прежде всего гипертекста — связки, превращающей произведение во фрагмент универсального информационного пространства [7]. Этот процесс обусловлен прежде всего кумулятивным развертыванием эпистемы и преемственностью рационального рассуждения, а также универсализацией научного этоса — профессиональных норм, сформировавшихся в среде «производителей знания». Наука и образование превращаются, таким образом, в определенный тип социального действия и университетское сообщество рассматривается как сообщество интерактивное и интерпрета-

тивное [120. P. 118], производящее текст, относительно независимый от внешних задач, стоящих перед наукой. Доминирование в виртуальном пространстве устной речи сопряжено с изменением структурно-функциональных характеристик текста, предназначенного для использования в образовании. Возникает новая форма учебника. Он перестает быть письменным в той степени, в какой утрачивает ориентацию на норму, ориентацию, поддерживающуюся институтами контроля, в первую очередь журналами на переднем крае науки.

Реструктурирование дисциплинарных границ и направлений в науке в значительной степени определяется коммуникацией в дискурсивном сообществе. Национальные и языковые границы становятся условными. Тематические репертуары и «агенды» преподаваемых дисциплин формируются уже не статусными и институциональными критериями, а своего рода референтными группами. Компьютерная коммуникация делает научного сотрудника менее зависимым от институциональных норм — «невидимый колледж» и поддержка в «сети» могут играть не менее важную роль, чем позиция в формально организованном сообществе. Они способствуют формированию долговременных, устойчивых контактов, при этом отсутствие определенного места встречи освобождает обмен сообщениями от неизбежных в других случаях ограничений, в том числе стандартных маркеров социальной дистанции: статуса, пола, возраста, специальности. Чаще всего компьютерная коммуникация поддерживается членами научных сообществ, знающих друг друга в «обычном режиме», и сообщения, возникшие в одной информационной среде (лаборатории, издательстве, конференции), продолжаются в онлайн-режиме. Поэтому реальные и виртуальные сообщества различаются не столько по составу, сколько по форме коммуникации. Отсюда, в частности, следует, что устная, письменная и электронная «культуры» образуют единый комплекс коммуникации.

Архитектура сети способствует формированию двух противоположных тенденций структурирования виртуальных сообществ. Участники информационного обмена входят одновременно в несколько «клик» и групп и могут принимать разные профессиональные идентичности. Поскольку б*о*льшая часть контактов в сети имеет эпизодический характер, виртуальные сообщества достаточно диффузны и неустойчивы. С другой стороны, в виртуальной коммуникации усиливаются корпоративизм и стремление оградить локальные сообщества, в том числе «колледжи», объединенные взаимным цитированием, от нежелательных внешних контактов. Аналогичным образом происходит формирование структурированных подгрупп в диффузном межличностном взаимодействии. Благодаря компьютерной коммуникации отмечено активное формирование гибридных областей науки и университетских силлабусов, выражающееся в цитированиях, заимствовании метафор и методов из сопредельных дисциплин. В то же время преодоление дисципли-

нарных границ сопряжено со стандартизацией знания. Например, исследования показывают, что содержание учебников не только по естественным, но и по социальным наукам становится гомогенным и унифицированным, усиливается контроль над композицией и дизайном изданий, графическими материалами — происходит стандартизация форм представления знания. Можно предположить, что видимая доступность разнообразных интерпретаций, преодоление дисциплинарных условностей и возможность альтернативных взглядов не только не исключают «типовые образцы» совокупного текста науки, но и ведут к рутинизации исследовательских программ, где новый текст в значительной степени является преобразованием предшествующего.

Виртуальное пространство становится ареной борьбы за распределение ресурсов и контроль над знанием. Прежде всего это касается стандартизированных форм научной литературы, создающих эталонный образ университетской дисциплины и технологию управления учебным процессом. Унифицированные форматы публикаций переднего края (журнальных статей), монографий и учебников являются необходимыми условиями их выхода в свет. По данным Д. Перлмуттера, содержание учебников обычно «подбирается» в соответствии с нормами публичного дискурса [26]. Например, в большинстве учебников по социологии, которые похожи как капли воды, описываются теоретические «парадигмы» (функционализм, марксизм, интеракционизм, феноменология), акцентируются преимущества развитых культур и отсталость «неразвитых», обязательно обсуждаются социальное неравенство и положение меньшинств. При этом авторы и издатели избегают обсуждения аномалий в научной теории и методах; рационально-критический компонент научной деятельности, связанный с опровержением «нормальных» идей, перемещается в область неформального (преимущественно устного) общения.

«Современные требования», диктуемые публичным дискурсом и общественностью, способствуют формированию двух планов научного знания. Первый (презентабельный) создается «общественностью», второй (не вполне презентабельный, но более правдивый, для внутреннего пользования) сфокусирован на аномалиях, конфликтах и других внутренних проблемах профессионального сообщества, которые иногда обозначаются как «быт науки». Этнографическое направление в социологии науки открывает мир лаборатории и устную коммуникацию-диалог между посвященными [5]. Предполагается, что в текстах второго плана непосредственно связываются содержание знания и интересы тех, кто создает его. Проблема состоит в том, что в электронной коммуникации базовое различие между внешним и внутренним текстом дисциплины в значительной степени преодолевается. Электронная коммуникация открывает неизмеримо б*о*льшие возможности для «утечки» текстов второго плана. Например, многие онлайн-журналы и другие полнотекстовые источники созданы как альтернативные версии

по отношению к «традиционным» научным и литературным направлениям. В той мере, в какой сеть сетей открыта для всех, экспертный контроль, привычный для традиционных форм интеллектуальной социализации и воспризнания вкладов, становится локальным и эпизодическим. Обычно это приводит к «балканизации» совокупного текста дисциплины и учебных программ. К счастью, пока доля электронных источников в совокупном тексте социологии и их влияние на профессиональное сообщество незначительны. Электронные книги и журналы занимают маргинальное положение в институциональной структуре науки, а большинство лидирующих периодических изданий воздерживаются от создания открытых полнотекстовых версий в Сети. Сохранение институционального контроля в науке и обеспечение внутренней экспертизы осуществляется традиционными бумажными изданиями. Отчасти это связано с инерционностью публикации как важнейшей формы организации знания и оценки научного вклада. Электронные издания ориентированы не столько на укрепление, сколько на разрушение «парадигм» и нормализованных дискурсивных техник. Еще одним свидетельством «балканизации» совокупного текста дисциплины в виртуальном пространстве является его стилистическое контаминирование — в массиве электронных текстов наряду с образцами логической и экспериментальной доказательности все чаще встречаются и беллетристика, и паранаучные произведения. М. Линч и Дж. Боген назвали такого рода контаминацию «эпистемическим выравниванием» [23. P. 481].

Телекоммуникационный обмен является наиболее полным выражением принципов научного этоса: универсализма, коммунизма, незаинтересованности и организованного скептицизма. Норма создается здесь не контрольными органами науки, а принимаемым «по умолчанию» обязательством, соблюдение которого делает науку профессией. При этом в эгалитарной по своей природе телекоммуникационной форме производства знания сохраняется выраженная вертикальная стратификация профессионального сообщества. Изменения в ценностно-нормативных регуляторах научной деятельности находят выражение не столько в явных, артикулированных формах контроля, сколько в литературных модах и «практических» установках экспертов. Интенсивность информационного обмена и видимая свобода коммуникации в гиперпространстве усиливают групповую борьбу [18], интенсифицируются неформальные корпоративные отношения и, следовательно, доминирующую роль в воспроизводстве знания играют виртуальные сообщества и соответствующие формы организации текста [3]. На смену массовой коммуникации, основанной на пространственном различении автора сообщения и аудитории, приходит интерактивная коммуникация — аналог межличностного общения. Гиперпространство не разрушает «естественную» межличностную коммуникацию, а, наоборот, повышает ее интенсивность и расширяет многообразие ее форм независимо от предметного содержания. Нормы,

идеологии, предрассудки, моды, этикеты, стандарты жизни, круг общения, представления о возможном и необходимом — проекция виртуального мира на повседневную жизнь.

Перифразируя Маклюэна, можно сказать, что образование — не только среда, но и единственно возможный способ действия относительно данной «среды». Несомненным изменением в стиле образования является перемещение взаимодействия профессора и студента из аудитории в виртуальное пространство и размещение виртуальных технических устройств в аудитории. В этом отношении класс как форма учебной коммуникации и легитимации знания уходит в прошлое. Совместная работа над текстом не требует личной встречи, однако сохранение автономии и одновременно возможности непосредственной коммуникации значительно усиливают производительность учебной работы. В то же время в Сети складываются особые нормы и стандарты поведения, отличающиеся от норм и стандартов поведения в институциональной организации.

Мир виртуальной коммуникации обладает автономным существованием, независимым от участников коммуникации. Тема, форма и техники производства сообщений задаются стандартными форматами знания. Если различить содержание и коммуникативный контекст сообщений, можно предположить, что и коммуникативный контекст формируется независимо от повествователя. Использованная У. Эко метафора «текст как машина» подразумевает безучастную позицию автора относительно создаваемого им текста. Это обусловлено не только технологическими форматами знания, адресованного массовой аудитории, но и семиотическими закономерностями обращения текста в информационной среде, в частности, принципиально различными задачами автора и интерпретатора (читателя). «Повествователь, как и поэт, никогда не сможет истолковать собственную работу, — пишет Эко. Текст — это машина для обнаружения интерпретаций. Если текст вызывает вопросы, бессмысленно обращать их к автору» [21]. Интерпретацию текста Эко связывает с пирсовским понятием «бесконечного семиозиса». Помимо всего прочего это означает принципиальную неоднозначность интерпретаций — всегда есть возможность поставить под сомнение толкование текста. В то же время следует различать целевую установку автора, целевую установку читателя и целевую установку самого текста. Последнее становится возможным, если предположить, что текст предназначен для модельного, типового читателя. «Когда текст разлит по бутылкам, а это происходит не только с поэзией или повествовательными жанрами, но и с “Критикой чистого разума”, т.е. когда текст создан не для единственного адресата, а для сообщества читателей, автор знает, что его будут интерпретировать не в соответствии с его намерениями, а в соответствии со сложной стратегией взаимодействия, включающей, кроме всего прочего, читателей, владеющих языком как тезаурусом, включающим не только совокупность грамматических

правил, но также нормы бытования языка: культурные конвенции, воспроизводимые языком, и саму историю предыдущих интерпретаций множества текстов, пронизывающих текст читаемый здесь и теперь» [21]. Таким образом, каждое прочтение — это взаимодействие между компетентностью читателя (знанием о мире, которым обладает читатель) и определенным типом компетентности, постулируемым текстом, чтобы быть прочитанным экономичным способом. Это несет в себе возможность радикальных изменений для самой идеи образовательного процесса и обучения как импринтинга.

Эко говорит о «модельном читателе», отличающемся от «читателя эмпирического». Эмпирические читатели могут читать различными способами, и не существует закона, предписывающего им, как читать, потому что они часто используют текст в качестве вместилища собственных страстей, которые могут приходить извне текста или пробуждаться им по воле случая [26]. Стремление эмпирического читателя проверить соответствие текста реальности несущественно — это обстоятельство принципиально меняет задачи образования, которое опирается на логическую и эстетическую завершенность «замкнутой вселенной» текста, а не на заданную схему интерпретации. Восприятие текста сопряжено с «добровольной приостановкой сомнений» (Х.Л. Борхес). Так в научный дискурс и процесс обучения привносятся приемы драмы. Теория, сомнения в которой приостановлены, являет собой самодостаточное произведение, перестает быть метафорой, а ее развертывание в «парадигму» превращается в следование формальным правилам текстообразования.

П. Димаджио и В. Пауэлл указали на три социальных механизма, оказывающих давление на организацию знания и образовательный процесс: регулятивный, нормативный и миметический. Гомогенизация организованного знания выражается в унификации форматов публикаций, прежде всего переднего края, стандартизации процедур присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, правил экспертизы, нормализации научной лексики, укреплении этикетов науки. В качестве регулятивных механизмов воспроизводства научного знания выступают формальные и неформальные нормы, касающиеся как положения исследовательских учреждений и университетов в обществе, так и профессиональной деятельности научных сотрудников. Эти нормы регулируют и внешние ожидания относительно науки, и внутренние, в том числе неявные, нормы профессиональной деятельности. В последнем случае речь идет о кодах поведения, обусловливающих функциональное воспроизводство нормативной структуры. В частности, формальные сертификаты образования (ученые степени, звания, членство в академиях, премии, гранты) являются базовыми для формирования институциональной структуры науки [19]. Виртуальная реальность, казалось бы, не содержит нормативных кодов социального контроля, однако и здесь помимо общих представлений о статусе коммуниканта вступает в действие

латентный, не обязательно артикулируемый фактор «траста» [14] — доверия, засвидетельствованного экспертами.

Организация письменной речи предполагает функциональные «приспособления», обеспечивающие адекватную адресацию и восприятие текста: дизайн печатной полосы и книжного блока, графика, идентификаторы авторства, заглавия произведений, вспомогательный аппарат, библиографические списки, примечания, комментарии, цитаты, аллюзии, реминисценции, формы распространения и хранения изданий (в данном случае мы можем рассматривать библиотеки как важнейший социальный институт (фрейм), организующий и сохраняющий знание), техники чтения и ретрансляции текста. Если не ограничивать область рассмотрения организации текста письменной речью, можно сказать, что культура — это метатекст, задача которого заключается в референции к вербальному пространству текста, создании вторичной референциальной среды. Метатекст — своего рода коммуникативный «дейксис», указывающий на тему сообщения, организацию текста, его структурированность и связность [12. С. 89, 90]. Изменения в формах производства и ретрансляции знания дают аргументы в пользу переосмысления дескриптивной интерпретации научной речи, ограниченной изложением содержания знания (фактов, теорий, опровержений и т.п.). Научный текст представляет собой семиотическое целое, характеризующееся логической, стилистической и эстетической завершенностью. Изменяется само произведение как единица организации совокупного текста. Электронная версия произведения может вообще не полагать границ в виртуальном пространстве, делая чтение практически бесконечным, так что границы произведения могут (теоретически) совпадать с границами научного дискурса.

Тенденция к виртуализации текста отчетливо определилась с введением стандартной композиции научной статьи, монографии и учебника, норм цитирования, вспомогательного аппарата и библиографических списков, которые приобрели самостоятельное значение и в некоторых случаях описываются как отдельное произведение. Однако мультимедийное обеспечение воспроизводства текста в образовательном процессе позволяет соединить письменную и устную речь. Адекватное прочтение (понимание) текста включает, по меньшей мере, три компонента: визуальный, аудиальный, эвристический. Мысль М.М. Бахтина о понимании как соотнесении текста с другими текстами получает в этой связи новую интерпретацию: письменную речь нужно не только видеть, но и слышать, тогда откроется и эвристический уровень текста. Устная интерпретация текста, оснащенная паралингвистическими средствами выражения, может открывать принципиально иное его прочтение. Эвристический компонент текста предполагает понимание знаковой системы. Сопоставление визуального, аудиального и эвристического уровней обнаруживает их неконсистентность, обусловленную принадлежностью к различным речевым планам. Собственно говоря, эти компоненты

всегда несопоставимы, хотя бы в той степени, в какой несопоставимы устные и письменные произведения одинакового содержания. Каноны литературной речи предписывают считать аутентичным письменный текст. Не исключено, что мультимедийные версии текста возвращают письменную речь к ее устным и иконографическим истокам. Письменная культура возвращается к изображениям, а аудиальная и письменная формы текста представляют собой два уровня текста как семиотической системы, функционирующие в разных контекстах. Устная полемика превращает письменный текст в препринт — материал, подлежащий обсуждению и истолкованию для получения новой версии текста, адекватной научному результату. Вероятно, гипертекстовая форма организации знания связана с феноменом интертекстуальности — установкой на «бесконечное» прочтение путем установления связей с другими текстами или разрешение не понимать текст, который трактуется в данном случае как аномалия [13]. Данная проблема традиционно связывается с семантикой художественной речи: аллюзиями, реминисценциями, цитациями, прецедентными текстами, иными словами, с текстом в тексте (образцом текста в тексте считается набоковский «Дар»). Однако такова же и научная проза, воспроизводящаяся из предшествующего текста и перемещения его в контекст новых (опровергающих) аргументов. Во всяком случае, техника научного письма линейна: перемещение предшествующего текста в актуальный текст — реинтерпретация — опровержение — новая версия интерпретации.

Распространение информационных технологий и кажущиеся радикальными изменения в формах воспроизводства научного знания представляют собой следствие рутинных форм организации «бумажного» текстообразования (функционально-стилистических норм, дизайна печатной полосы, вспомогательного аппарата, техник аргументации и представления данных, систематизации и каталогизации произведений), сложившихся в 1950–1980-е годы. Как гутенбергова революция не сводилась к тиражированию изданий, так и компьютерные технологии не сводятся к переходу на электронные носители. Речь идет об универсальных стандартизированных форматах представления знания. Функциональная структурированность издательскими образовательными стандартами, этикетами письменной речи, — готовый «фрейм» для гипертекстового формата, требующий для своего завершения перевода в электронную форму.

Формат включает следующие элементы: титульный лист, сведения об издании, оглавление, пространственное разделение текста (главы, параграфы, периоды), вспомогательный аппарат (указатель имен, предметный указатель, указатель географических названий, примечания, ссылки, библиографические списки, выходные данные и другие характеристики издательского дизайна). Можно сказать, что гипертекстуализация печатного текста произошла до перехода на электронные носители, когда сформи-

ровалась техника комментария как порождения текста из текста, а затем дизайн печатной полосы. Сама форма организации письменного знания и его включенность в совокупный текст посредством ссылок на источники и комментариев предуготовила универсализацию пространственных границ произведения как «единицы» знания. Текст как социальный и культурный феномен преодолевает свою форму и ищет новые способы дизайна — причины гипермедийных метаморфоз лежат не столько в каких-либо внешних «общественных потребностях», сколько в жизни самого текста. Текст стремится выразить себя экспрессивно в визуальном дизайне и превращается в «картинку», печатная страница (полоса) и кодекс (книжный блок) преодолеваются. Работая с электронным изданием, читатель получает доступ к материалу, принципиально нереализуемому в форме книги. Гипермедийное проектирование текста ставит и проблему «центрального текста», организующего гипертекстовые связи. «Центр» может быть создан дизайнером, но и пользователь может начать навигацию с любой точки текста. «Начала» как «предисловия» или «первой главы» здесь может не быть. Разумеется, любой документ или массив документов организованы и структурированы для направленного поиска. Гипертекст, вообще говоря, не предназначен для того, чтобы фокусировать внимание на определенном тексте или совокупности текстов. Он создается для расширения диапазона возможного чтения. Однако гипертекст, в отличие от книги, которую можно уничтожить полностью или частично, но изменить нельзя, находится в состоянии постоянного изменения. Гипертекст, следовательно, не может быть завершен, поскольку изменяются и связанные с ним сайты, и предполагает децентрализацию дизайна — возможность создания бесконечного количества центров и связывающих их «линков» [25. P. 12].

В публикациях «переднего края» (журнальных статьях) сформировались нормы, регламентирующие стандартное оформление: автор, сведения об авторе (в том числе позиция в профессиональном сообществе, адрес, электронная почта), выражение признательности, историография проблемы, методический, инструментарий, база данных, представление результатов, обсуждение, выводы. Вспомогательный аппарат научного произведения включает примечания (комментарии), библиографический список, сформатированный в соответствии со стандартными правилами, и аннотацию. Особое значение имеет пристатейная библиография — своеобразный «драфт» гипертекста, где доступ к источнику еще не обеспечивается форматом HTML, но в данном случае сама задача возникает после того, как условия ее решения уже имеются налицо. Электронная версия документа отличается в данном случае от бумажной только тем, что гипертекстовая ссылка открывает новый документ в режиме реального времени. В книжных изданиях стандартизация дизайна и вспомогательного аппарата (включает десятки элементов) также предуготовила переход на электронные носители.

Вероятно, основное значение для рутинизации «фрейма» печатного текста имеют заглавия как основная область тематического поиска, стандартная библиографическая запись ссылки на источник — именно ссылка создает феномен универсального текстового пространства и «бесконечного семиозиса» — а также вспомогательные указатели. Э.Л. Призмент и Е.А. Динерштейн определяют вспомогательный указатель как путеводитель по тексту книги, представляющий перечень названий или обозначений. В этом отношении о вспомогательных указателях можно говорить как об информационно-поисковых системах, отражающих содержание текста в релевантных понятиях. Развернутые вспомогательные указатели (предметные и систематические) порождают два вида чтения. Первый можно назвать линейным: читатель следует авторскому изложению и пропуск более или менее пространного фрагмента рассматривается как отклонение от нормы, чреватое непониманием замысла. Научный и учебный текст может быть прочитан «прицельно»: нужен путеводитель, не связанный с композицией основного текста, заданной оглавлением, — выступает как устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые значения и порождать новые, своего рода информационный генератор. Социально-коммуникативная функция текста включает, таким образом, следующие процессы; общение между адресантом и адресатом; общение между аудиторией и культурной традицией, где текст выполняет функцию коллективной культурной памяти; общение читателя с самим собой, где текст выступает в роли медиатора, способствующего структурной самоориентации читателя; общение читателя с текстом, обусловленное тем, что высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации и становится равноправным собеседником; общение между текстом и культурным контекстом, принимающее либо метафорический, либо метонимический характер, — перемещаясь в другой культурный контекст, текст актуализирует прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы [8. С. 204–205]. Эти перспективы позволяют предполагать существование семиотически несопоставимых режимов генерирования текста.

Отмечая общую тенденцию к росту электронных изданий, в том числе препринтов и электронных журналов, Р. Клинг указывает, что в социологии публикации переднего края науки в компьютерном виде более характерны для периферии научных институтов, неформальных сообществ, так как «за редким исключением электронные журналы распространяются в своего рода призрачном мире, преисподней академического издательского дела», поэтому сложившиеся ученые предпочитают использовать систему бумажных публикаций как более институционализированную форму для построения научной карьеры [17]. Учитывая, что достоинства и недостатки бумажного и электронного форматов представления информации комплементарны, т.е. взаимодополняемы, Клин полагает, что большинство академических изданий, выходивших поначалу в электронной форме, рано или поздно выйдут

и в печатном варианте. Это предположение кажется сомнительным. Несмотря на увеличение количества электронных журналов по социальным наукам, лишь единицы индексируются в крупнейших мировых библиографических указателях по научной периодике, изданиях сигнальной информации и реферативно-аналитических изданиях (например, Social Sciences Citation Index, Current Contents и Sociological Abstracts соответственно). Содержание большинства электронных периодических журналов не рецензируется экспертами, т.е. данные издания не относятся к категории «peer-reviewed journals». Это косвенно свидетельствует о том, что в научном сообществе оценка качества материалов, публикуемых в электронном формате, невысока. Тому есть основания, и многие редакторы презирают интернет-издания.

В заключение я бы хотел остановиться на практическом значении виртуального пространства. Моя мысль заключается в том, что это пространство технологично и требует унификации текстообразования в социальных науках, сколь бы гуманитарными они себя ни считали. Иными словами, нам нужен стандарт учебного курса. Разумеется, я имею в виду не образовательные стандарты по социологии (не к ночи будь помянуты), а стандартные шаблоны форматирования учебных текстов. В принципе нам нужен конструктор мультимедийных курсов по социальным наукам, и опыт такой работы есть: конструктор мультимедийных дистанционных курсов, разработанный компанией «Гиперметод» (http://www.studium.spb.ru), представляет собой программный продукт, содержащий библиотеку шаблонов и стилей, встроенную систему построения разнообразных тестов, автоматического создания гипертекстовых связей и иных возможностей (кроме изложения материала). Содержание учебника может поставляться учащемуся на компакт-диске, а обновление учебного материала, взаимодействие с учебным центром, тестирование, дистанционные семинары и другие контакты осуществляются по каналам интернет (в частности, в режиме электронной почты). Курс может изучаться автономно с использованием мультимедийного персонального компьютера. Опытная эксплуатация и разработка курсов по истории, востоковедению и этнологии осуществляется петербургскими ресурсными центрами Программы поддержки кафедр, в частности, Санкт-Петербургским университетом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Можно предложить некоторые практические требования к формату учебных курсов (независимо от того, на бумажных или электронных носителях они созданы). Во-первых, должна быть соблюдена стилистика заглавий. Дело в том, что поле заглавия — основной элемент информационно-поисковых систем. Заглавие должно включать не образные выражения, а термины-идентификаторы предметной рубрики или темы. Иными словами, терминологический аппарат научной дисциплины должен быть разработан с такой степенью точности, чтобы сигнал отделялся от шума достаточно эффективно. Один из моих ранних научных трудов назывался «Если заглянуть глубже…» — нетрудно догадаться,

что такого рода труды сразу же попадают в виртуальную мусорную корзину. Во-вторых, есть не только великолепные книги об аннотациях, но и образцы аннотаций по социальным наукам, которые производит Sociological Abstracts. В-третьих, каждое произведение, в том числе учебный курс, поддерживается функциональными реквизитами. В данном случае я имею в виду стандартную структуру курса, адаптированную к форматам гипертекста. Он должен включать, например, следующие реквизиты: фамилию, имя, отчество преподавателя, его ученую степень и ученое звание, адрес, телефон, электронную почту, основные публикации, в том числе полнотекстовые версии публикаций, доступные в режиме онлайн (рекомендуется разместить на web-странице фото преподавателя); сведения об общем количестве часов, в том числе лекций, семинаров, консультаций, практических занятий, индивидуальных занятий, самоподготовки и других форм обучения; формы контроля и оценки результатов обучения (письменные работы, тесты, устные и письменные экзамены); связь курса с общей программой обучения (предыдущие и последующие курсы) и государственным стандартом по специальности; цели и ожидаемые результаты курса; необходимый уровень подготовки студентов (слушателей, аспирантов); необходимое лабораторное, компьютерное и другое оборудование, дидактические материалы; сведения о практической апробации курса. Тематический план курса включает детальный перечень вопросов (позиций), рассматриваемых в каждой лекции, а также план семинаров. При этом каждое заглавие открывает нижний уровень «дерева», а основной текст содержит гипертекстовые ссылки на источники (полнотекстовые версии) по схеме вспомогательного указателя. Здесь надо заметить, что качественные бумажные издания, оснащенные вспомогательными указателями, являются образцом для интернет-версий. Каждая тема курса должна сопровождаться списком литературы с указанием разделов (параграфов и страниц, необходимых для изучения). Список основной литературы по курсу включает учебные издания и хрестоматии, усвоение которых рассматривается как обязательный минимум знаний, а список дополнительной литературы включает научные издания и оригинальные источники, предполагающие самостоятельную работу по их изучению.

Рекомендуемый общий ориентировочный объем источников по семестровому курсу может составлять, на мой взгляд, 300–500 страниц. Очевидно, списки учебной и научной литературы должны оформляться в соответствии с нормами и правилами библиографического описания изданий. Списки рекомендуемой литературы должны сопровождаться кратким комментарием с указанием фрагментов, которые следует изучить особенно тщательно. Целесообразно указать, в каких библиотеках и на каких сайтах можно получить доступ к источникам. Помимо списка литературы для каждой темы курса должен быть разработан список контрольных вопросов, а также список ключевых слов (терминов). Факультативные элементы учебной программы включают: экзаменационные вопросы; рекомендуемые темы пись-

менных работ; глоссарий — определения ключевых терминов курса; планы лабораторных и практических занятий; дидактические и демонстрационные материалы (визуальные материалы, демо-версии, макеты). Особую часть курса составляет хрестоматия: тексты, необходимые для изучения основных тем курса (здесь возникает не вполне ясная проблема передачи авторских прав, но ее лучше не обсуждать). Вероятно, «технологическая цепочка» включает методические рекомендации для преподавателей. На первый взгляд, кажется, что столь мелочная регламентация может задушить гуманитарную мысль на корню. Это так. Говорят, что социальные науки принадлежат классу «оральных» наук. Не исключено, что, если соблюдать функциональные и технологические требования хотя бы к форматам, мы сможем отличить учебный курс от других литературных жанров: саг, од, филиппик, мадригалов, политических и моральных деклараций, эссе, собственных размышлений вслух и других форм орального самовыражения.

Библиографический список

1. *Арефьев П.Г.* Навигатор по телекоммуникационным ресурсам в социологии // Социологический журнал. 1999. № 3/4.
2. *Бауман З.* Место без власти, власть без места // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
3. *Бахмин А.В.* Сотрудничество и конфликт в виртуальном сообществе // Социологический журнал. 1997. № 1/2.
4. *Валери П.* Предисловие к «Персидским письмам» // Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1993.
5. *Гилберт Дж., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.
6. *Докторов Б.З.* Онлайновые опросы: обыденность наступившего столетия. URL: http://www.isn.ru/sociology/public/sociology.htm.
7. *Купер И.Р.* Гипертекст как форма организации социального знания // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
8. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997.
9. *Мирская Е.З., Шапошник С.Б.* Компьютерные коммуникации в российской науке // Вестник РАН. 1998. № 3.
10. *Паринов С.И.* «Онлайновые сообщества»: методы исследования и практическое конструирование: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. техн. н. Новосибирск: ИЭО, 2000.
11. *Призмент Э.Л., Динерштейн Е.А.* Вспомогательные указатели к книжным изданиям. М.: Книга, 1988.
12. *Рябцева Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
13. *Фатеева Н.А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. № 56.
14. *Фукуяма Ф.* Доверие: Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999.
15. Цели использования Интернета и особенности типов Интернет-пользователей. URL: http://internet.strana.ru/demo/976991227.html.
16. *Чесноков С.* Аудитория российского Интернета: измерения и реальность // Broadcasting. 2000. № 3.

17. Computerization and Controversy: Value Conflict and Social Choices / Ed. by R. Kling. New York: Morgan Kaufmann, 1996.
18. *Cruz M., Buster F., Rodriquez J.* The impact of group size and proportion of shared information on the exchange and integration of information in groups // Communication Research. 1997. Vol. 24.
19. *DiMaggio P., Powell W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational field // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2.
20. *Eagleton T.* Literary Theory: An Introduction. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.
21. *Eco U.* An author and his interpreters: A lecture presented by the Italian Academy for Advanced Studies in America. 1996. URL: http://www.columbia.edu/cu/casaitaliana/ecotextl.html.
22. *Lichardson L.* Fields of play: Constructing an academic life // Sociological Review. 1997. Vol. 62. No. 3.
23. *Lynch M., Bogen D.* Sociology's asociological "core": An examination of textbook sociology in light of the sociology of scientific knowledge // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. No. 3.
24. *MacLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
25. *McGann J.* The rationale of hypertext. URL: http://jefferson.village. virginia.edu/public/jjm2f/rationale.html.
26. *Perlmutter D.* Manufacturing visions of society and history in textbooks // Journal of Communication. 1997. Vol. 47. No. 3.
27. *Rheingold H.* The Virtual Community: Homes Steadying on the Electronic Frontier. Reading: Addison Wesley, 1993.
28. *Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Carton L. et al.* Computer networks as social networks: Collaborative work, telework, and virtual community // Annual Review of Sociology. 1996. Vol. 20.

Sociology and the Internet: Science and education in the virtual space

G.S. Batygin

The first issue of the *RUDN Journal of Sociology* in 2001 opened with this article by Gennady Semenovich Batygin. He taught at the RUDN University for over ten years, until his death in 2003, and is rightfully considered one of the most renowned and authoritative Russian sociologists of the 1980s — early 2000s. His professional interests were extremely broad: among other things, he considered the issues of methodology of sociological research, history of foreign and Russian sociology, history of the social thought in the USSR, sociology of knowledge and science; he was the founder and editor of the *Russian Sociological Journal*. This article, republished a quarter of a century later, is not only a tribute to the memory of this outstanding scholar and is of more than just memorial value. Over the past twenty-five years, the social and technological universe surrounding us has changed beyond recognition. The information-communications revolution associated with the Internet is apparently unprecedented in world history. This is not only due to the fundamental nature of unfolding

changes, the consequences of which are difficult to fully assess today, but also to the speed and pace of these transformations. Today, we live in two worlds, or in one hybrid — offline-online, at least half "virtual" reality.

Not long ago — at the turn of the 21st century — the gates to a new digital world were just beginning to open, and the prospects were rather vague and uncertain, as this world was just emerging. Back then, the advent of a new era of human development in its many specific details could hardly be accurately predicted or diagnosed. Batygin was one of the few Russian social scientists who took these changes seriously, as a subject worthy of study. Some of the judgments and conclusions in this article may seem naive, unjustified and have failed to stand the test of time. But should we accuse the author of lack of insight? Colleagues who knew Gennady Semenovich personally or who are simply familiar with his publications continue to share their impressions of him and his ideas. Everyone agrees that Batygin had an extremely keen sense of complexity, paradox and drama of social life. The realities of our collective experience at the beginning of the second quarter of the 21st century could hardly have been fully grasped from the "temporal observation point" of 2000. It is impossible to judge empirically correctly about something that does not yet exist — that would be like expecting Karl Marx to provide a detailed and precise analysis of the transformations of capitalist society in the 20th century. Nevertheless, Batygin's sociological intuitions from twenty-five years ago are consistent with the data and research tools available at that time. Undoubtedly, this article is of interest to the history of the latest stage of sociology's development in Russia — for those who witnessed and participated in it and for those who are just exploring sociology as a future professional field.

D.G. Podvoyskiy

References

1. Arefyev P.G. Navigator po telekommunikatsionnym resursam v sotsiologii [Navigator of telecommunication resources in sociology]. *Sociological Journal*. 1999; 3/4. (In Russ.).
2. Bauman Z. Mesto bez vlasti, vlast bez mesta [Place without power, power without place]. *Sociological Journal*. 1998; 3/4. (In Russ.).
3. Bakhmin A.V. Sotrudnichestvo i konflikt v virtualnom soobshchestve [Cooperation and conflict in virtual community]. *Sociological Journal*. 1997; 1/2. (In Russ.).
4. Valery P. Predislovie k "Persidskim pismam" [Preface to "Persian Letters"]. Valeri P. *Ob iskusstve*. Moscow: Iskusstvo; 1993. (In Russ.).
5. Gilbert G., Mulkay M. *Otkryvaya yashchik Pandory: sotsiologichesky analiz vy-skazyvaniy uchenyh* [Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse]. Moscow: Progress; 1987. (In Russ.).
6. Doktorov B.Z. Onlaynovye oprosy: obydennost nastupivshego stoletiya [Online surveys: Everyday life of the new century]. URL: http://www.isn.ru/sociology/public/sociology.htm. (In Russ.).
7. Kuper I.R. Gipertekst kak forma organizatsii sotsialnogo znaniya [Hypertext as a form of organization of social knowledge]. *Sociological Journal*. 2000; 1/2. (In Russ.).
8. Lotman Yu.M. Semiotika kultury i ponyatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text]. *Russkaya slovesnost: Antologiya*. Moscow: Academia; 1997. (In Russ.).
9. Mirskaya E.Z., Shaposhnik S.B. Kompyuternye kommunikatsii v rossiyskoy nauke [Computer communications in the Russian science]. *Bulletin of the RAS*. 1998; 3. (In Russ.).
10. Parinov S.I. *"Onlaynovye soobshchestva": metody issledovaniya i prakticheskoe konstruirovanie* ["Online Communities": Research Methods and Practical Design]: Abstract of the PhD thesis. Novosibirsk: IEO; 2000. (In Russ.).
11. Prizment E.L., Dinerstein E.A. *Vspomogatelnye ukazateli k knizhnym izdaniyam* [Auxiliary Indexes to Book Editions]. Moscow: Kniga; 1988. (In Russ.).

12. Ryabtseva N.K. Kommunikativny modus i metarech [Communicative mode and meta-speech]. *Logichesky analiz yazyka: yazyk rechevyh deystviy*. Moscow: Nauka; 1994. (In Russ.).
13. Fateeva N.A. Intertekstualnost i ee funktsii v khudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its functions in the artistic discourse]. *Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1997; 56. (In Russ.).
14. Fukuyama F. Doverie: Sotsialnye dobrodeteli i sozidanie blagososotoyaniya [The social virtues and the creation of prosperity]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade: Antologiya*. Moscow: Academia; 1999. (In Russ.).
15. Tseli ispolzovaniya Interneta i osobennosti tipov Internet-polzovateley [Purposes of Internet use and characteristics of different types of Internet users]. URL: http://internet.strana.ru/demo/976991227.html. (In Russ.).
16. Chesnokov S. Auditoriya rossiyskogo Interneta: izmereniya i realnost [Russian Internet audience: Measurements and reality]. *Broadcasting*. 2000; 3. (In Russ.).
17. *Computerization and Controversy: Value Conflict and Social Choices*. Ed. by R. Kling. New York: Morgan Kaufmann; 1996.
18. Cruz M., Buster F., Rodriquez J. The impact of group size and proportion of shared information on the exchange and integration of information in groups. *Communication Research*. 1997; 24.
19. DiMaggio P., Powell W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational field. *American Sociological Review.* 1983; 48 (2).
20. Eagleton T. *Literary Theory: An Introduction*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1983.
21. Eco U. An author and his interpreters: A lecture presented by the Italian Academy for Advanced Studies in America. 1996. URL: http://www.columbia.edu/cu/casaitaliana/ecotextl.html.
22. Lichardson L. Fields of play: Constructing an academic life. *Sociological Review*. 1997; 62 (3).
23. Lynch M., Bogen D. Sociology's asociological "core": An examination of textbook sociology in light of the sociology of scientific knowledge. *American Sociological Review*. 1997; 62 (3).
24. MacLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press; 1967.
25. McGann J. The rationale of hypertext. URL: http://jefferson.village. virginia.edu/public/jjm2f/rationale.html.
26. Perlmutter D. Manufacturing visions of society and history in textbooks. *Journal of Communication*. 1997; 47 (3).
27. Rheingold H. *The Virtual Community: Homes Steadying on the Electronic Frontier*. Reading: Addison Wesley; 1993.
28. Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Carton L. et al. Computer networks as social networks: Collaborative work, telework, and virtual community. *Annual Review of Sociology*. 1996; 20.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 727–736**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

М. Петрусек

Социология между прошлым и будущим: традиции и перспективы

М. Петрусек

Выдающемуся чешскому ученому, социологу Милославу Петрусеку в этом году исполнилось бы 90 лет. Он ярко вписал свое имя в историю социологии своей страны. Его работы по различным аспектам социологической науки, анализу происходящих социальных изменений становились событием не только в профессиональном сообществе, но и находили широкий отклик у научной общественности и не только в Чехии. М. Петрусек был выдающимся организатором — основателем и первым деканом факультета социальных наук Карлова университета, проректором Университета, неоднократно избирался президентом и вице-президентом Чешского социологического общества. Петрусека хорошо знали в России — как автора многих замеченных научной общественностью статей в российских журналах, в 1994 году он был избран действительным членом Российской академии социальных наук. Благодаря его настойчивым усилиям российская научная общественность практически впервые познакомилась с теоретическим наследием Т.Г. Масарика — классика чешской социологии, первого президента Чехословакии («Т.Г. Масарик: философия — социология — политика. Избранные тексты». М.: Изд-во РУДН, 2003). Постоянный автор и член редколлегии нашего журнала, Петрусек неоднократно посещал РУДН, проводил занятия для студентов и аспирантов, мастер-классы для преподавателей. Наши студенты-социологи неоднократно по его приглашению приезжали в Прагу, имели возможность проводить совместные исследования с исследователями Карлова университета. Петрусек блестяще владел русским языком, глубоко разбирался в российской истории и культуре. В его

учебнике по истории социологии есть глава о русской социологии, что является исключением для западных изданий подобного рода.

Представленная в юбилейном номере статья Петрусека была впервые напечатана в нашем журнале в 2013 году (№ 1), вскоре после смерти ученого. Текст позволяет зафиксировать состояние академической дискуссии в социологии 2000-х годов по вопросу ее природы, структуры и дидактики. В статье рассмотрен ряд теоретических, методологических и практических проблем, актуальных для развития современной социологии. В частности, автор касается различных подходов к классификации западной социологической традиции, поднимает фундаментальный вопрос о специфике социологического познания общественных явлений, характеризуя его «мультипарадигмальный» статус, указывает на ряд сложностей, связанных с особенностями преподавания социологии в университетах в условиях радикальной плюрализации интеллектуальной жизни, типичной для «эпохи постмодерна». Очевидно, что точка в данной дискуссии, которая не изменилась по существу, еще не поставлена. Статья, несомненно, представляет интерес для исследователей в области истории и методологии социальных наук, социологии знания и специалистов по дидактике высшей школы.

Н.П. Нарбут

Не нужно ссылаться на авторитеты, чтобы доказать факт, о котором социологи прекрасно знают, но не любят говорить. Он состоит в том, что социология в ряду естественных и даже гуманитарных наук занимает исключительное положение — характеризующееся перманентной изменчивостью и неуверенностью. Этот факт становится очевидным, если мы исходим из тривиальной предпосылки, которая полностью не относится ни к одной социальной или гуманитарной науке и как будто бы вообще неприменима к наукам естественным. Дело в том, что социология в равной мере является (согласно правилам построения науки) и структурированным инструментом познания социальной действительности, и ее неотъемлемой частью. Первое понятно, так сказать, ex definiote, даже если социологи в большинстве своем и не сходятся в ответах на вопрос, что должно считаться специфическим предметом социологического познания. Тем не менее, все они сходятся как минимум в том, что этим предметом являются некие социальные феномены.

Под мало определенное понятие социального феномена может подпадать предельно широкий круг феноменов: простые социальные интеракции face-to-face, структуры человеческих отношений в социальных организациях самых разных типов и, наконец, «грандиозные трансформации», подобные переходу европейских обществ к модерну, или — иначе — трансформации социальных институтов традиционного общества в институты общества индустриального [15] и затем постиндустриального [2].

Согласно Р. Коллинзу, в истории классической социологии, растянувшейся более чем на столетие (от О. Конта до 1960-х годов, когда заканчивается эпоха так называемых великих систем, представленных П. Сорокиным, Ж. Гурвичем и особенно Т. Парсонсом), по существу закрепилось внутреннее деление на три или четыре основных течения — социально-фактологическое («дюркгеймовское»), социально-интерпретативное («микроинтеракционистское») и социально-конфликтное [12]. Коллинз впоследствии модифицировал

собственное понимание социологической традиции, используя другие термины для обозначения школ или направлений, а также добавив четвертую традицию, а именно рационально-утилитаристскую [4]. Указанные течения находились в перманентном споре, нередко подогреваемом идеологическим неприятием, но в целом терпимо относились или по крайней мере считались друг с другом.

Первую ориентацию представляла концепция, подчеркивавшая, что социальные феномены (единственно чем должна заниматься социология) — это социальные факты, которые находятся вне индивида и, — сказано хорошим старомодным термином — «подавляют» его. Индивидуум их не выдумывает, осваивает и подчиняется им. А если он так не поступает, то вступает в спор с обществом, которое наделено практически божественными качествами, особенно способностью подвергать нелояльного человека легитимным санкциям [13]. Назовем этот подход дюркгеймовским.

Его противоположностью, не ставившей под сомнение объективное существование социальных феноменов и не исключавшей фактов социального давления, было представление, сделавшее акцент на другом — что никакой социальный феномен не является социальным до тех пор, пока он не воспринимается и не интерпретируется как социальный. «Понимание» попадает в центр воззрения на социальную действительность, и это понимание в двух смыслах: социальный контакт и возникновение социального отношения невозможно без взаимного понимания (с одной стороны), но характер, возникновение и развитие социальных организаций, структур и отношений возможны и без понимания со стороны исследователя (с другой стороны). Назовем этот подход веберовским (возможно, мидовско-знанецковским).

Третья традиция связана с именем К. Маркса — он создал альтернативное по отношению к контовской идее порядка видение общества как конфликтной конфигурации, как процесса перманентного возникновения и разрешения конфликтов, особенно на макросоциологическом уровне — конфликтного отношения общественных классов.

Четвертая традиция основывается на тесной связи социологии и экономической науки, точнее — на решительной интервенции экономического видения мира в традиционную социальную оптику. В сущности, речь идет о нескольких параллельных теориях, которые с разной степенью интенсивности трансформируют социальное отношение в экономическое (или хотя бы находят экономические элементы там, где их социология до этого не видела). Со времен формулирования центральных идей отца современной экономики А. Смита, бывшего также и «моральным философом», вплоть до начала 1960-х годов экономическое видение социального мира проявлялось как исключение. Даже у Маркса речь не шла об «экономической парадигме», а его социальная теория достаточно решительно отделена от чисто экономических текстов. Дж. Хоманс привнес в социологию «теорию обмена». Эта концепция была радикализирована Г. Беккером до попытки интерпретации всех социальных процессов как

процессов рационального обмена и т.д. Для данного взгляда на социальный мир существенным было возвращение на арену общественной жизни индивидуального актора, принимающего самостоятельные решения, и упор на рациональность человеческого поведения. Назовем этот подход теорией рационального выбора (или хомансовско-беккеровской «парадигмой»).

Именно подобным образом структурирована социологическая традиция. Можно и далее дополнять ее именами, направлениями и концепциями, но ее основной каркас в действительности примерно такой. Относительно спокойное сосуществование отличных ориентаций и объяснений социального мира естественно нарушало другое обстоятельство, оказывавшее существенное влияние на характер социологии как науки: ни одна из этих традиций не могла освободиться от своей социальной обусловленности. Каждая из них социальную действительность не только выражала, более или менее адекватно изображала (избежим словосочетания «правдиво изображала», чтобы не покоробить слух постмодернистских эпистемологов). Высказывания о социальной действительности были в значительной степени обусловлены тем, из каких социальных корней они вырастали, с какими социальными интересами были связаны, каким социальным силам служили и в какой мере этой связью (де)формировалось соответствующее видение социального мира.

На подобную ситуацию впервые, как известно, систематически обратил внимание еще Ф. Бэкон в своей знаменитой концепции «идолов», искажающих наше видение мира. В «Новом Органоне» мы читаем о том, что все искажает наше познание: от языка, социальных контактов вплоть до обремененности философской традиции. В одном случае, однако, Бэкон поддался атмосфере своего времени — вере, что можно освободиться от пут идолов, обладая твердой волей: «Все они должны быть отвергнуты и отброшены… и разум должен быть совершенно освобожден и очищен от них. Пусть вход в царство человека, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное, “куда никому не дано войти, не уподобившись детям”» [3. С. 33]. Бэкон не мог знать, что это невозможно, что естественные науки, пугающие идолов, в большинстве своем ограничены, а социология с самого начала и во всех своих формах ими опутана. О социологии Бэкон не мог иметь представления, так как она еще не существовала даже in statu nascendi. Начала социологии восходят самое раннее к Дж. Вико, издавшему в 1725 году свои «Основания новой науки об общей природе наций». Маркс, а потом К. Мангейм будут искать объяснение и понимание этих вещей в концепции идеологии и в создании самостоятельной области социологического исследования — социологии знания.

Социология знания, возникшая в 1920-е годы, стремилась отличаться от марксовой теории идеологии, несмотря на то что исходила из нее: «Социология знания тесно связана с учением об идеологии… Учение об идеологии ставит перед собой задачу разоблачать более или менее осознанные ложь и маскировку, применяемые отдельными группами людей, в первую оче-

редь политическими партиями. Социология знания рассматривает не столько те случаи, когда более или менее осознанная воля ко лжи или маскировке подлинной ситуации направляет высказывания данного лица в определенную сторону, сколько те, где общественная структура со всеми ее феноменами должна быть воспринята различным образом наблюдателями, помещенными в различных пунктах этой структуры» [6. С. 220]. Прелестная наивность, которую мы отметили у Бэкона, как бы возвратилась в размышлениях Мангейма, предложившего, так сказать, «примирение». Мангейм своим «реляционизмом» (ни в коей мере не релятивизмом) попытался доказать, что взгляд на социальную действительность различается в зависимости от того, смотрим ли мы на нее “из дворца или из хижины”»: nil sub sole novi.

Однако, подобно историкам определенного склада, которые хотели знать «как это было на самом деле», радикальные позитивисты в социологии прониклись глубоким убеждением, что применение «точных методов» избавит от какой-либо идеологической зависимости и даже от социальной обусловленности. Мы не допускаем, что их представление полностью иллюзорно, наоборот, к ним применимо брехтовское (или гавеловское) «лучше всего служит тот, кто не знает, что служит». Кстати, с этой точки зрения, критика П. Фейерабенда, представленная в работе «Против метода», вполне оправдана.

Затем смерч критики обрушился со стороны так называемой радикальной социологии (Ч.Р. Миллс, А. Гоулднер, вся неомарксистская традиция, включая Франкфуртскую школу, и др.). Он смел карточный домик позитивистского, «точного» видения мира, но сама критика стала служить противоположному полюсу общественно-политического спектра — «левым» в разнообразных институциональных формах. Предложенное Мангеймом примирение заключалась в констатации, что «в ряде областей историко-социального познания знание конститутивно содержится в позиции познающего субъекта и это не умаляет значения знания… Ведь и в визуальном изображении предмета в пространстве то обстоятельство, что предмет может быть в силу природы вещей дан только в перспективе, не является источником ошибки; проблема состоит не в том, как создать изображение, лишенное перспективы, а в том, как посредством сопоставления различных точек зрения понять сущность перспективы как таковой и тем самым достигнуть объективности нового типа» [6. С. 248]. Так как подобную проблему во времена Мангейма решала и современная физика, я давно позволил себе переформулировать тему до подобия идеи комплементарности в социологии [18]. Несмотря на то, что подобные голоса звучали и из авторитетнейших мест, вместо попытки поиска такого видения мира, которое стремилось бы к «новой объективности», начиная с 1960-х годов в социологии разыгралась новая борьба — на этот раз не внутри традиции, а против нее и в противоречии с ней.

Ни в одной другой науке понятие «парадигма» не сделало такой карьеры, как в социологии. Этот многозначный термин, в 1960-е годы внесенный в философию науки Т. Куном, представлял для социологии смертельную угрозу. Согласно Куну, «нормальной наукой» является только такое упорядочение знания, которое руководствуется одной доминирующей парадигмой, т.е. одним сочетанием теоретических, методологических, технических и языковых правил. Данная парадигма может в один прекрасный момент измениться в результате научной революции, которая подорвет старую парадигму и постепенно установит власть новой [5]. Эта небесспорная схема, выведенная из развития астрономии и оптики, будучи распространенной на социологию, означала две вещи: социология не является и никогда не была стандартной, «нормальной» наукой, поскольку — как мы уже видели — с самого начала ее развитие было отмечено сосуществованием нескольких отличных, нередко противоположных оптик или парадигм (конфликт–равновесие, индивидуум–структура и т.д.); социология именно вследствие вовлеченности в объект, который она изучает, являясь его составной частью, не может избавиться от этой каиновой печати. Более того, она и не хочет от нее избавляться.

С 1960-х годов — сказано другим модным словом, а сейчас уже стандартным — она стала мультипарадигмальной, хотя основная разделительная черта постоянно проводится на осях «факт–понимание, консенсус–конфликт». Еще в 1975 году Р. Будон идентифицировал три доминирующих (макроструктурных) парадигмы — функционалистскую, интеракционистскую и неомарксистскую [10], а сегодня существует несколько типологий, которые дают возможность говорить о совершенно небывалом плюрализме парадигм. Более того, социология вследствие беспрецедентных историко-социальных изменений второй половины XX столетия «сменила программу». Целый комплекс традиционных для нее проблем исчез, потому что, как говорится, исчез реально (социальные группы, как их понимали в традиционном смысле, распались, классическая классовая структура превратилась в другой тип неравенства и т.д.). З. Бауман со своим учеником Т. Мейем наглядно показали, как данная «нетрадиционная программа» выглядит конкретно [9]. При этом всплыл ряд тем, отчасти связанных с реальностью (хотя и она не осталась не поставленной под сомнение), отчасти софистически надуманных. То, что мы живем в мире, в котором изменилась роль тела и телесности, отношение к другим и чужим, но также отношения родителей и детей, что в обществе произошла коммодификация культуры, изменилось понятие народа и национализма и т.д., — в этом нет сомнения. Социология начала активно работать с новым понятийным аппаратом — с категорией идентичности (индивидуальной, групповой, национальной, этнической и т.д.), с понятием гендера, с термином «мультикультурализм» и скрытым за всем этим множеством других частных тем и проблем. Более того, указанные факты и реалии втянуты в глобализирующийся мир, кото-

рому одни пророчат экологическую катастрофу, а другие — перспективы вхождения в светлое будущее.

Мы живем не только в постиндустриальном обществе с его чрезмерным потреблением и специфическими формами социального неравенства, но также и в обществе повышенного социального риска. Одна из наиболее значительных книг второй половины XX столетия «Общество риска» У. Бека [1] касается интересного различия. Согласно Беку, можно различать модернизацию традиционного и индустриального общества, а также два вида сциентизации общества, т.е. того, как наука внедряется в общество. В первой фазе, где речь идет о простой сциентизации, наука применяется к природному миру, человеку и обществу, естественно, с ожиданием какого-то позитивного эффекта. Во второй — рефлексивной — фазе большинство наук находится в конфронтации со своими последствиями и продуктами. Речь идет не только об атомной бомбе, манипуляциях с генетическим материалом или экологических последствиях некоторых инициированных и ставших возможными благодаря науке технологических проектов. Речь идет не в последнюю очередь о социологии. Э. Гидденс говорит, что «главное положение социологии в рефлексивной современности вытекает из ее роли как наиболее общего типа рефлексии современной социальной жизни… Современность (модерн) сама глубоко и внутренне социологична» [14. С. 44]. Социология в современном мире не может рассматриваться ни как «руководство к действию», как бы сказали ортодоксальные марксисты, ни как руководство к «рациональной реконструкции мира», как сказал бы Ф. фон Хайек или В. Клаус. Она может быть только ограниченной совокупностью экспертного знания, хотя Гидденс и не конкретизирует эту мысль. Мы знаем, что «так должны действовать», с большим или меньшим успехом «так и действуем», но необходимый третий рефлексивный шаг, заключающийся в том, чтобы социология эффективно отражала саму себя, все же отсутствует.

Попробуем уклониться здесь от обвинений в охваченности социологии духом постмодернового релятивизма и от сомнений, насколько глубоко она стремится к познанию действительности в том традиционном смысле, который разделяли все предыдущие поколения социологов. Наш мир в определенном смысле есть постмодерн. Но необходимо ли общество постмодерна исследовать средствами постмодерна? Кто-то когда-то в этой связи пошутил: нужно ли в изучении зеленого листа применять зеленый метод? Мы ни в коем случае не ставим под сомнение легитимность постмодернистского взгляда на общество и не разделяем «радикализма» консервативных критиков, которые в постмодернизме видят, с одной стороны, кульминацию наиболее отталкивающих мыслительных традиций европейского кризисного сознания, а с другой — кумуляцию всех разлагающих идеологических принципов, которые по своим последствиям приведут к деструкции «старого доброго» консервативного мира. Мышление постмодерна, как и всего позднего модерна, амбивалентно [8]; оно и разлагающе и конструктивно, рефлексивно и провокативно, элементарно

понятно и до абсурдного туманно. Наиболее существенным, с точки зрения преподавателя высшей школы, является то, что амбивалентность парадигмы постмодерна дает позитивное расширение и обогащение тематического содержания, понятийного аппарата и методологии, но одновременно привносит тенденцию к радикальной закрытости групп посвященных, которые начинают понимать только друг друга и демонстрируют нетерпимость к чему угодно, что «отдает традицией». Каждая традиция в значительной мере консервативна, но ее консерватизм не может сводиться к тому, что Э. Шилз обозначает как тотальный традиционализм — «такой взгляд, который не апеллирует ни к каким иным критериям кроме тех, которые были всеобщими или репрезентативными в прошлом… Но можно по праву спросить — почему то, что старше, нужно считать лучшим? Почему сам факт более раннего существования в истории общества, культуры, страны или вида должен иметь особое значение?» [19. С. 48, 50]. Именно это «почему» является оправданным вопросом молодых скептиков постмодернизма.

Новое положение дел в социологии между прошлым и будущим характеризуется, помимо когнитивного аспекта (парадигматические изменения) и аспектов социальных (изменение социальных связей и функций, вступление социологии в круг экспертного сообщества), сменой поколений, которая не проходит стандартно, как «передача эстафеты», но драматически, выражаясь словами Х. Ортеги-и-Гассета, «как борьба и замещение, где старики сметены молодыми» [17. С. 10]. Не будем выносить ценностных суждений, но о чем мы должны задуматься так это о проекции данного состояния на отношение к обучению социологии.

Социология, в отличие от наук с четко структурированным предметом и педагогической традицией, находится в состоянии, в котором чрезвычайно возрастает ответственность за качество передаваемого и усваиваемого знания. Это вытекает из того, что социология уже не пугает никого возможными планами рациональной реконструкции мира, но в то же время эффективно функционирует как одна из форм экспертного знания; а, с другой стороны, из того, что сформировалось социально-психологическое окружение, склонное скорее к либеральным, чем к каким-либо обязательным и обязывающим формам обучения. Отсюда возникает спор, который касается недооцененных проблем: может ли существовать какой-то общеобязательный стандарт знаний, которым необходимо овладеть студентам; в какой пропорции следует изучать обязательные и выборные предметы; какую роль отводить абстрактной теории (на ее доминирующую роль делал ставку Д. Белл), а какую — прикладному знанию, овладению необходимыми «навыками», включая трудоемкую исследовательскую методологию; каковы должны быть оптимальные масштабы «свободы выбора», предоставляемой студентам при формировании учебной программы; какова должна быть пропорция между «классическим» знанием, получаемым традиционными методами (напри-

мер, через чтение и разбор текстов на семинарах), и знанием, требующим активного использования новых информационных технологий, и т.д.

Последствия перемен, пережитых социологией в ее развитии и прямо пропорциональных динамичному росту обществ позднего модерна вместе с их рисками, реальной и потенциальной конфликтностью, во многом определяют то, какой будет профессия социолога в ближайшем будущем. В стремлении к защите права традиций на «достойную старость» хотелось бы выразить опасение: будущий социолог в своих исследовательских поисках, возможно, будет опираться вовсе не на «плечи гигантов», как говорил Р. Мертон [16], т.е. не на труды классиков, но на замечательно оборудованные современные наблюдательные приборы. При этом кажется, что компромисс между данными полюсами не слишком правдоподобен. Суд о том, что останется надолго, какие идеи, знания, инспирации переживут наше время, вынесет будущее. И для социологии в полной мере имеет значение то, что писал Ортега-и-Гассет о философии: «Если бы философ имел дело только с объектами, философия была бы постоянно философией примитивной. Рядом с вещами находится исследовательский дух, мысли других, все прошлое человеческого размышления, бесчисленные тропы предыдущих исследований, следы дорог, проложенных через вечные заросли проблем, которые сохранили свою девственную неизменность, несмотря на то что их снова и снова покоряют» [17. С. 5]. Мы должны прилагать усилия к тому, чтобы новейшая социология не примитивизировалась в своей предметной ориентации, не стремилась самонадеянно игнорировать богатое прошлое собственного развития — те надежные тропинки, которые были протоптаны нашими предшественниками. В самом деле должны? А кто, собственно говоря, должен?

Библиографический список/References

1. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society, Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. (In Russ.).
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozi-rovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Akademiya; 1999. (In Russ.).
3. Bacon F. Velikoe vosstanovlenie nauk. Novy Organon [The Great Instauration. The New Organon. Preparative toward a Natural and Experimental History]. Bacon F. *Sochineniya v dvuh tomah*. Moscow: Mysl; 1978. Vol. 2. (In Russ.).
4. Collins R. *Chetyre sotsiologicheskih traditsii* [Four Sociological Traditions]. Moscow: Izdat. dom “Territoriya budushchego”; 2009. (In Russ.).
5. Kuhn T. *Struktura nauchnyh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST; 2009. (In Russ.).
6. Manmheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and utopia]. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow: Yurist; 1994. (In Russ.).
7. Alexander J. *Fin de Siècle Social Theory*. London; New York: Verso; 1995.
8. Bauman Z. *Wieloznacność nowoczesna — nowoczeność wieloznaczna*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN; 1995.
9. Bauman Z., May T. *Myslet sociologicky. Netradiční uvedení do sociologie.* Praha: Sociologické nakladatelství; 2004.

10. Boudon R. The three basic paradigms of macrosociology: Functionalism, neo-marxism and interaction analysis. *Theory and Decision*. 1975; 6.
11. Buchanan P.J. *Smrt Západu. Jak vymírání obyvatel a invaze přistěhovalců ohrožují naši zemi a civilizaci*. Praha: Mlada fronta; 2004.
12. Collins R. *Three Sociological Traditions*. New York; Oxford: Oxford University Press; 1985.
13. Durkheim É. *Elementární formy náboženského života. Systém totemismu v Austrálii*. Praha: OIKOYMENH; 2002.
14. Giddens A. *Důsledky modernity*. Praha: Sociologické nakladatelství; 1998.
15. Giddens A. *Sociology: A Brief but Critical Introduction*. London: Macmillan; 1986.
16. Merton R.K. *On the Shoulders of Giants*. New York: Free Press; 1965.
17. Ortega y Gasset J. *Úkol naší doby*. Praha: Mladá fronta; 1969.
18. Petrusek M. *Teorie a metoda v moderní sociologii.* Praha: Karolinum; 1993.
19. Shills E. Tradycja. *Tradycja i nowoczesność*. Warszawa: Czytelnik; 1984.

Sociology between the past and the future: Traditions and prospects

M. Petrusek

The outstanding Czech scholar and sociologist Miloslav Petrusek would have turned 90 this year. He brightly inscribed his name in the history of sociology in his country. His works on the state of sociological science and his analysis of ongoing social changes were extremely significant for sociologists and found a wide response among the scientific community not only in the Czech Republic. Petrusek was an outstanding organizer — he was the founder and first dean of the Faculty of Social Sciences at the Charles University and its vice-rector; he was repeatedly elected president and vice-president of the Czech Sociological Society. Petrusek was well known in Russia as the author of many well-recognized articles in Russian journals; in 1994 he was elected a full member of the Russian Academy of Social Sciences. Due to his persistent efforts, the Russian scientific community became acquainted with the theoretical legacy of Tomáš Masaryk, a classic of Czech sociology and the first president of Czechoslovakia (*T.G. Masaryk: Philosophy — Sociology — Politics. Selected Texts*. Moscow: RUDN University Publishing House; 2003). An author and a member of the editorial board of the *RUDN Journal of Sociology*, Petrusek frequently visited the RUDN University, teaching classes for undergraduate and graduate students and conducting master classes for teachers. Our sociology students repeatedly visited Prague at his invitation, having the opportunity to conduct joint studies with researchers from the Charles University. Petrusek knew Russian perfectly and had a deep understanding of Russian history and culture. His textbook on the history of sociology includes a chapter on Russian sociology, which is an exception for Western textbooks.

Petrusek's article in this anniversary issue was first published in our journal in 2013 (No. 1), shortly after his death, and describes the state of the academic debate in sociology in the 2000s on its nature, structure and didactics. The article considers some theoretical, methodological and practical issues relevant to the development of contemporary sociology, in particular, various approaches to the classification of the Western sociological tradition, the fundamental question of the specifics of sociological cognition of social phenomena, sociology's "multi-paradigmatic" status, and difficulties associated with teaching sociology at universities under the radical pluralization of intellectual life typical of the "postmodern era". Obviously, the end of such a debate, which has not changed in essence, has not yet been reached. The article will undoubtedly be of interest to researchers in the fields of history and methodology of social sciences, sociology of knowledge and higher education didactics.

N.P. Narbut

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 737–746**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-737-746
EDN: SQXRJC

Наукометрический портрет журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология»*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу рейтинговых показателей научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» (RUDN Journal of Sociology). Цель — не только зафиксировать текущее положение издания в системах национального и международного научного цитирования, но и выявить ключевые факторы редакционной политики, обеспечившие динамику роста. В статье представлен анализ динамики наукометрических показателей журнала в международных системах цитирования Scopus, Web of Science, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ и RSCI), а также позиций в Перечне Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и «Белом списке». Отдельное внимание уделено стратегии интернационализации, политике открытого доступа и следованию стандартам публикационной этики. Сделан вывод, что рост рейтинговых позиций журнала является прямым следствием последовательной редакционной политики, направленной на повышение качества экспертизы и открытости и развитие международного сотрудничества.

Ключевые слова: наукометрия; Scopus; Web of Science; РИНЦ; RSCI; Перечень ВАК; Белый список; импакт-фактор; редакционная политика

Для цитирования: *Субботина М.В.* Наукометрический портрет журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 737–746. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-737-746 EDN: SQXRJC

За четверть века своего существования — с 2001 по 2026 год — «Вестник РУДН. Серия: Социология» превратился из площадки для внутривузовского обмена опытом в одного из признанных лидеров российской социологической периодики. На страницах журнала зафиксирована не только эволюция академического знания, но и трансформация российского общества: от первых сравнительных исследований ценностных ориентаций до анализа цифрового разрыва и этики искусственного интеллекта. Сегодня, подводя итоги

*© Субботина М.В., 2026
Статья поступила в редакцию 19.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

25-летней работы, можно с уверенностью сказать, что журнал стал своеобразным «барометром» социальных изменений — местом встречи поколений, школ и парадигм.

В условиях глобальной конкуренции в сфере научных и академических достижений российские научные журналы сталкиваются с рядом вызовов: с одной стороны, необходимость интеграции в мировое научное пространство, с другой — важность соответствия национальным критериям оценки результативности науки. Иными словами, современные научные издания вынуждены одновременно соответствовать трем логикам функционирования: глобальной (Scopus/WoS — требования англоязычности, цитируемости и интернациональности коллегий); государственной (ВАК, «Белый список» — требования «национальной значимости», доли российских авторов, тематики); рыночной/репутационной (привлечение авторов, авторитет издания). При этом требования различных систем цитирования нередко противоречат друг другу: например, чрезмерная ориентация на западные темы может снизить оценку по линии ВАК, а фокус на региональной проблематике — сократить международный интерес. В свою очередь, привлекательность для авторов зачастую обуславливается оперативностью рецензирования и возможностью опубликовать труд в кратчайшие сроки, что может негативно сказываться на качестве экспертизы: редакции нередко оказываются перед выбором — потеря интересного текста/авторитетного исследователя или оперативная публикация с риском пропустить некачественный материал. В сложившихся условиях успешными становятся те издания, которые не только линейно улучшают количественные показатели, но оказываются способы найти компромисс и гибко балансировать между этими тремя частично противоречивыми системами требований.

Примером достижения высоких результатов как в отечественном, так и в международном научном пространстве — опыт журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология». Журнал, основанный в 2001 году, служит площадкой для презентации результатов социологических исследований российских и зарубежных ученых и нацелен на широкий обмен научной информацией. В статье показана динамика ключевых рейтинговых показателей журнала и обозначены редакционные решения, обеспечившие восходящий тренд. Статья основана на анализе данных из открытых (и частично открытых в условиях санкционных ограничений) наукометрических систем: Scopus (SJR, CiteScore), Web of Science (JIF, Citation Report), RSCI, а также данных «Белого списка» и Перечня ВАК.

Динамика рейтингов и позиции в системах оценки

Международные базы данных. Несмотря на ограничения доступа российских исследователей к западным наукометрическим базам, индексация в международных базах — одно из главных свидетельств призна-

ния журнала мировым академическим сообществом. «Вестник РУДН. Серия: Социология» индексируется в ведущих базах — Scopus и Web of Science. Расчет квартиля журналов в Scopus основан на ранжировании изданий внутри каждой предметной категории по одному из библиометрических показателей — как правило, по показателю SCImago Journal Rank (SJR), показателю научного престижа журнала, который учитывает не только количество цитирований, но и их качество (источник и тематическую близость). Расчет SJR основан на взвешенных цитированиях за трехлетний период (1). На данный момент (согласно последним данным SJR, «Вестник РУДН. Серия: Социология» имеет квартиль Q2 в категории «Social Sciences (miscellaneous)». Ключевой показатель SJR стабилизировался на уровне Q2 с 2019 года, что само по себе является высоким достижением, так как в этой категории среди российских журналов лишь 8 входят в Q2 (в Q1 российские журналы не представлены). Индекс Хирша журнала составляет 10, а самоцитирования стабильно имеют низкие показатели (рис. 1) (2).

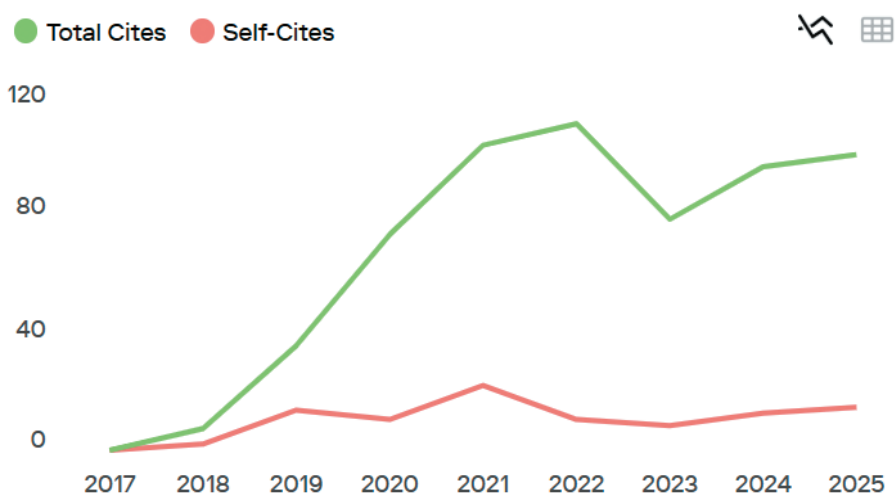

Рис. 1. Соотношение цитирований и самоцитирований статей по данным SJR

Другой важный показатель в Scopus — индекс CiteScore, среднее число цитирований, полученных рецензируемыми текстами за четырехлетний период (1). По состоянию на 2025 год значение CiteScore для «Вестника РУДН. Серия: Социология» составило 0,8 (33-й процентиль, 192 место из 286 в категории General Social Sciences) и сохраняется на этом уровне с 2022 года, что демонстрирует уверенную и стабильную позицию (3).

Что касается индексации в Web of Science Core Collection, то начиная с 2017 года журнал включен в базу Emerging Sources Citation Index (ESCI;

Q4). В Web of Science квартиль присваивается на основе импакт-фактора Journal Citation Reports (JCR) — он рассчитывается как отношение числа ссылок на статьи журнала за предыдущие два года к числу публикаций в журнале за этот период. Один из ключевых показателей в JCR — JIF (Journal Impact Factor, «импакт-фактор журнала»), который отражает, как часто в среднем цитируются статьи, опубликованные в журнале. JIF «Вестника РУДН. Серия: Социология» на 2025 год составляет 0,4 и демонстрирует ежегодный стабильный рост (в 2021 году — 0,12, в 2022–0,18 и т.д.). Согласно Citation Report (отчету о цитировании) в Web of Science индекс Хирша журнала составляет 9, существенный скачок цитирований пришелся на 2024 год (рис. 2).

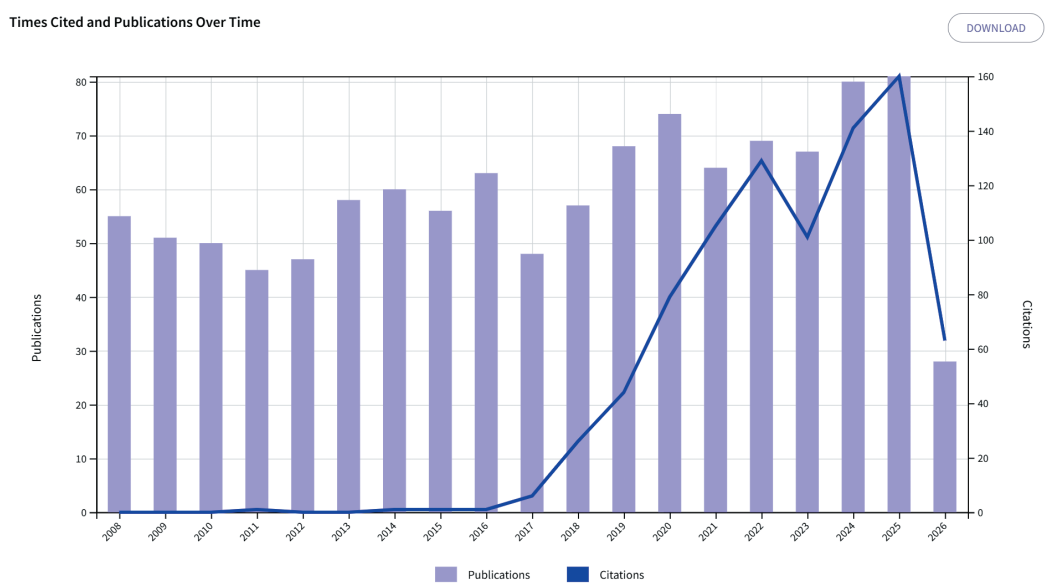

Рис. 2. Цитирования статей в базе Web of Science

Активный рост цитирований в этот период во многом можно объяснить тем, что первый выпуск журнала за 2024 год был посвящен секции «Социологические науки», которая прошла в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы в рамках Шестого профессорского форума. Выпуск собрал тексты ведущих российских социологов (М.К. Горшкова, В.Н. Иванова, Ж.Т. Тощенко, С.А. Кравченко и других видных деятелей социологической науки) и статьи, посвященные актуальным проблемам социологии и высшего образования, что стало хорошим репутационным решением и придало журналу дополнительный импульс узнаваемости, повысив его авторитет в глазах академического сообщества. Также тематический выпуск привлек внимание научного сообщества к журналу, оказав позитивное влияние на объем цитирований.

Так, на сегодняшний день самой цитируемой статьей по данным Citation Report стал текст «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1)» Нарбута Н.П. и Троцук И.В. (2018. Т. 18. № 1): ежегодно текст цитируется 4–5 раз, в сумме за последние пять лет статья имеет 23 упоминания.

Также, в пятерку самых цитируемых текстов входят: «Political economy of agrarian change: some key concepts and questions» Г. Бернштейна (2017. Т. 17. № 1; индекс Хирша автора — 32); «Зомия: успешные стратегии бегства от государства» Дж. Скотта (2012. № 4; индекс Хирша — 20); «Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва» Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко (2019. Т. 19. № 1; индексы Хирша — 4 и 5 соответственно); «Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn» С.А. Кравченко (2019. Т. 19. № 3; индекс Хирша — 8) (4).

Данное распределение косвенно подтверждает, что одним из ключевых критериев частого цитирования выступает статус, узнаваемость и авторитет авторов (учитывая тематический разброс и отсутствие прочих общих знаменателей у перечисленных текстов). Таким образом, несмотря на санкционные ограничения и высокую конкуренцию в своей области, журнал занимает уверенные позиции в международных наукометрических базах, демонстрируя планомерный рост ключевых библиометрических показателей.

Российские рейтинги. В национальной системе оценки научных журналов «Вестник РУДН. Серия: Социология» также занимает ведущие позиции. В Перечне рецензируемых научных изданий ВАК журнал имеет первую категорию (К1) по социологическим и философским специальностям. Распределение журналов Перечня ВАК по категориям осуществляется на основе рейтинга их научной значимости, рассчитываемого по совокупности количественных и качественных критериев (качество публикуемых статей, уникальность содержания, авторитет авторов, организация цитирования, учредители, доля профильных публикаций), после чего все издания ранжируются по убыванию полученного коэффициента и делятся на три группы в фиксированной пропорции: 25 % лучших получают К1, следующие 50 % — К2, а оставшиеся 25 % — К3.

Не менее значимо включение журнала в «Белый список» – государственный перечень научных изданий, утверждаемый Министерством образования и науки России. Попадание в «Белый список» (Единый государственный перечень) и присвоение высшего уровня осуществляется на основе балльной системы, суммирующей формальные критерии (индексация в международных базах, регистрация в Crossref) и наукометрические показатели РИНЦ. По итогам 2025 года журнал набрал необходимое количество баллов для отнесения к первому (высшему) уровню (5), что не только подтверждает его

статус как одного из лучших в стране по научным и редакционным стандартам (и ставит его в ряд изданий, признанных приоритетными для российской науки), но и дает авторам дополнительные преимущества при оценке их публикационной активности (6).

В системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) двухлетний импакт-фактор журнала на 2025 год составляет 2,413. По тематике «Социология» журнал занимает 17 место из 159, по тематике «Философия» — 7 из 118 (7). «Вестник РУДН. Серия: Социология» входит в первый квартиль (Q1) ядра RSCI. Квартили RSCI рассчитываются на основе комплексного Академического рейтинга журналов, разработанного Российской академией наук, который учитывает не только импакт-фактор, но и индексы Херфиндаля по организациям авторов и по цитирующим журналам, индекс Джини, среднее число просмотров аннотаций на статью, а также весовые коэффициенты, сумма которых равна среднему цитированию статьи в соответствующей тематической группе. Статьи, опубликованные в журнале, широко цитируются в таких высокорейтинговых и статусных журналах, как, например «Социологические исследования» (78 цитат), «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (47) и «Вестник Института социологии» (39) (8).

Таким образом, в национальных базах журнал имеет устойчивый статус высокорейтингового издания.

Редакционная модель: системные ответы на вызовы

Достигнутые рейтинговые позиции — результат последовательной реализации нескольких ключевых направлений редакционной политики.

Структура номера. «Вестник РУДН. Серия: Социология» отличается продуманной и гибкой структурой. Традиционно каждый номер открывается рубрикой, в которой публикуются статьи по вопросам истории, теории и методологии социологии. Далее следуют рубрики, посвященные актуальным проблемам и перспективам развития современного общества, а также материалы массовых опросов, экспериментов и кейс-стади. Отдельные разделы отведены для социологии управления, социологии организаций и социологии образования. Важной особенностью структуры журнала является наличие «плавающих» рубрик, которые подбираются для структурирования тематического пространства каждого номера, что позволяет редакции гибко реагировать на актуальную научную повестку и группировать статьи не по формальным признакам, а по содержательной логике конкретного выпуска. Широкий диапазон тематических разделов задан намеренно, чтобы обеспечить возможность публикации в рамках одной рубрики материалов, разнящихся по целевой проблематике, идейно-теоретическим аспектам, применяемым исследовательским

инструментам, географической и отраслевой специфике. Гибкая рубрикация выступает не просто организационным приемом, но и инструментом тематического позиционирования в поле международной социологии. Это позволяет предположить, что динамическая структура номера работает как механизм реакции на актуальный научный запрос, что частично объясняет рост JIF с 0,1 до 0,4.

Согласно данным elibrary, одними из наиболее цитируемых за последние почти десять лет (2017–2026) стали статьи, посвященные вопросам цифровизации и развития информационных технологий: «Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва» (Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.; 2019. Т. 19. № 1; 233 цитирования); «Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России» (Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В.; 2020. Т. 20. № 3; 125 цитирований); «Искусственный интеллект и высшее образование — враги или союзники» (Субботина М.В.; 2024. Т. 24. № 1; 80 цитирований); «Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта» (Цвык В.А., Цвык И.В.; 2022. Т. 22. № 1; 66 цитирований); «Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении» (Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.; 2024. Т. 24. № 2; 65 цитирований) (9). Высокий объем цитирований этих статей подтверждает, что оперативное реагирование на современные тренды позитивно сказывается на рейтингах социологического издания.

Завершают номер, как правило, рубрики «Рецензии» и «Научная жизнь», в которых публикуются обзорные материалы, критические эссе и информация о значимых событиях в научном сообществе, что позволяет читателям следить за актуальной повесткой и находить ориентиры для своих профессиональных поисков.

Таким образом, структура номера «Вестника РУДН. Серия: Социология» основана на тематическом принципе с четким выделением теоретико-методологического ядра, эмпирических исследований и прикладных разделов. Гибкая система рубрикации позволяет журналу сохранять баланс между фундаментальностью и актуальностью публикуемых материалов.

Стратегия интернационализации. Один из ключевых факторов развития журнала — его ориентация на международное сотрудничество. Журнал публикует статьи на двух языках — русском и английском, при этом все метаданные (названия статей, аннотации, ключевые слова, списки литературы) также представлены на английском языке. В составе редакционной коллегии и авторского коллектива представлены ведущие социологи из многих стран: Белоруссии, Бразилии, Испании, КНР, Монголии, Сербии, Словакии, Чехии.

Авторский состав. Журнал привлекает ведущих ученых как из России, так и из-за рубежа. Среди авторов — представители признанных научных школ, чьи работы имеют высокий индекс цитирования. Наличие в редакционной коллегии и среди авторов исследователей с мировым именем создает «эффект притяжения»: молодые ученые стремятся публиковаться в журнале, который уже зарекомендовал себя как надежная площадка. В свою очередь, высокие рейтинговые показатели журнала служат дополнительным стимулом для маститых авторов, поскольку публикация в издании повышает их «видимость». Так складывается взаимовыгодная экосистема: журнал получает качественные рукописи, а авторы — выход на международную аудиторию.

Политика открытого доступа. Журнал придерживается модели открытого доступа (Open Access) и работает по модели алмазного открытого доступа (Diamond Open Access): для авторов и читателей отсутствует плата за публикацию (Article Processing Charge — APC). Политика открытого доступа делает результаты исследований, опубликованных в журнале, доступными для широкой международной аудитории без финансовых и институциональных барьеров.

Качество экспертизы и этика. Высокое качество экспертизы обеспечивается процедурой двойного «слепого» рецензирования (double-blind peer review). Журнал следует этическим стандартам Комитета по этике научных публикаций (COPE), а также руководствам ORI (Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) и EASE (European Association of Science Editors). Журнал проводит проверку поступивших текстов на плагиат с использованием специализированного программного обеспечения. Срок от подачи рукописи до публикации составляет до шести месяцев, что, с одной стороны, может восприниматься авторами как недостаток, но, с другой стороны, обеспечивает уверенность в публикации качественных текстов.

Подводя итог, следует отметить, что обозначенная тройственная стратегия — интернационализация, открытый доступ и качество экспертизы — обеспечила журналу устойчивый восходящий тренд в национальных и международных рейтингах. Видимо, модель алмазного открытого доступа привлекла авторов из развивающихся стран (Бразилия, Монголия, Сербия), что расширило географию цитирований и повысило показатель SJR за счет разнообразия источников. Двойное «слепое» рецензирование обеспечило публикацию работ с методологической и фактической новизной, что напрямую отражается на импакт-факторе (рост JIF тому прямое свидетельство). Причем рейтинги — не самоцель, а измеримый результат последовательного выполнения редакционных обязательств перед авторами и читателями.

Констатируя высокие рейтинговые позиции «Вестника РУДН. Серия: Социология» (Q2 Scopus, Q1 RSCI, К1 ВАК, первый уровень «Белого

списка») как закономерный итог системной работы по всем направлениям редакционной политики, отметим, что воспринимать этот успех как финальную точку было бы ошибкой — нельзя обойти вниманием вызовы, с которыми журнал столкнулся в последние годы. Геополитическая турбулентность и санкционные ограничения привели к заметному сокращению числа новых рукописей от авторов из западных стран, что потребовало более активной переориентации на партнеров из традиционно дружественных стран. Такой переход сопряжен с дополнительными усилиями по обеспечению качества перевода англоязычных текстов. Кроме того, сохраняется риск излишней «отечественной» ориентации тематики, что потенциально может снизить конкурентоспособность журнала в Scopus. Осознавая эти риски, редакция намерена в ближайшие годы активнее развивать рубрики, посвященные кросс-культурным сравнениям и глобальным процессам, сохраняя при этом глубокий интерес к российской социологической традиции. Иными словами, в юбилейный год журнал не только подводит итоги, но и ставит новые цели: сохранение статуса ведущего социологического журнала, укрепление и улучшение позиций в базах данных и дальнейшее расширение географии авторов. Сохраняя баланс между фундаментальностью и актуальностью, журнал надеется оставаться флагманом российской социологической периодики и в следующем десятилетии.

Примечания

(1) Metrics in SciVal — what are they and what are their strengths and weaknesses? URL: https://service.elsevier.com/app/answers/detail/a_id/13936/kw/publication+set/c/10546/supporthub/scival/#list.
(2) RUDN Journal of Sociology. SCImago Journal & Country Rank. URL: https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100843015&tip=sid&clean=0&__cf_chl_f_tk=DmPTHJaGeiNwN5fIuYwrkfxhxdLwVsI_BIRI_GHD9GY-1783111382-1.0.1.1-2Qbl_JkGeo29NicP5tYNFv7zlsn_2F5K.6aVG2k5Efg.
(3) RUDN Journal of Sociology. URL: https://www.scopus.com/sourceid/21100843015
(4) Web of Science. Citation Reportю URL: https://www.webofscience.com/wos/woscc/citation-report/a5b09ee0-c445-4b36-aeac-5c9dd38b2c37-15f05983.
(5) Протокол заседания Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов от 9 сентября 2025 года № ДС/122-пр. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=99628.
(6) Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. «Белый список». URL: https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/details/19139.
(7) Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Анализ публикационной активности. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=3140.
(8) Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Список публикаций, цитирующих статьи в журнале. URL: https://elibrary.ru/cit_title_items.asp?id=3140.
(9) Анализ цитирований. URL: https://www.elibrary.ru/title_items.asp.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-737-746
EDN: SQXRJC

Scientometric profile of the RUDN Journal of Sociology*

M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article considers the achievements and ranking indicators of the RUDN Journal of Sociology. The author aims not only at identifying the journal's current position in national and international scientific citation systems but also at describing the key editorial policy factors that have contributed to such a position. The article presents an analysis of the journal's scientometric indicators in the Scopus, Web of Science, Russian Science Citation Index and of its status in the Higher Attestation Commission (HAC) List and the White List. The author focuses on the journal's internationalization strategy, open access policy, and adherence to the high publication ethics standards. Based on the analysis, the author argues that the current ranking positions of the RUDN Journal of Sociology are directly determined by the consistent editorial policy aimed at improving the quality of expertise, openness, and international cooperation.

Key words: scientometrics; Scopus; Web of Science; Russian Science Citation Index (RSCI); Higher Attestation Commission (HAC); White List; impact factor; editorial policy

For citation: Subbotina M.V. Scientometric profile of the *RUDN Journal of Sociology. RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 737–746. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-737-746 EDN: SQXRJC

* © M.V. Subbotina, 2026
The article was submitted on 19.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 747–761**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-747-761
EDN: VXVETG

Социологическая лаборатория РУДН на страницах «Вестника РУДН. Серия: Социология»*

Т.И. Ларина , Ж.В. Пузанова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва. 117198, Россия

(e-mail: larina-ti@rudn.ru)

Аннотация. Статья подготовлена к юбилею журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» и посвящена реконструкции исследовательской траектории Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований РУДН, результаты работы которой представлены на страницах журнала с момента его основания. Эмпирическую основу обзора составили 50 публикаций, отражающих основные тематические и методические направления деятельности Лаборатории. Показано, что публикации в журнале позволяют проследить последовательное развитие ее исследовательской программы: от изучения ценностных ориентаций, этнической толерантности, межкультурной коммуникации и социального самочувствия студенческой молодежи к анализу качества социологических данных, сенситивных тем, молодежных и цифровых рисков, а также новых форм социальной диагностики. Особое внимание уделено тому, как на страницах журнала фиксировалось не только расширение предметного поля исследований, но и усложнение методического инструментария Лаборатории — сравнительных, психосемантических, проективных, фокус-групповых и экспериментальных процедур. Делается вывод, что журнал выступал не только площадкой публикации отдельных эмпирических результатов, но и пространством, в котором последовательно отражалась эволюция исследовательской программы Лаборатории. В этом смысле история публикаций Лаборатории в «Вестнике РУДН. Серия: Социология» позволяет увидеть вклад журнала в поддержку научных исследований, соединяющих академическую социологию, прикладную диагностику университетской и молодежной среды, методическую рефлексию и подготовку студентов к участию в реальных исследовательских проектах.

Ключевые слова: Лаборатория социологических и фокус-групповых исследований РУДН; юбилей журнала; студенческая молодежь; качество социологических данных; фокус-группы; социальные риски; исследовательская программа

Для цитирования: *Ларина Т.И., Пузанова Ж.В.* Социологическая лаборатория РУДН на страницах «Вестника РУДН. Серия: Социология» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 747–761. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-747-761 EDN: VXVETG

*© Ларина Т.И., Пузанова Ж.В., 2026
Статья поступила в редакцию 29.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

С момента создания журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» (далее — Журнал) на его страницах регулярно публиковались материалы, отражающие результаты исследований, проведенных в Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований (далее — Лаборатория), которая существует с 1993 года и возглавляется Ж.В. Пузановой.

За годы работы Лаборатория сформировалась как признанный научно-исследовательский и учебно-методический центр, на базе которого реализуются как академические, так и прикладные проекты. Полная модернизация лаборатории, проведенная в 2025 году, существенно расширила ее технические и организационные возможности, позволив проводить исследования современного уровня — от массовых опросов и фокус-групп до комплексного анализа социальных установок, ценностей, эмоциональных реакций и коммуникативных практик. Лаборатория является важной инфраструктурой научной и образовательной деятельности кафедры социологии. Существенная особенность ее работы состоит в том, что значительная часть исследований носит инициативный характер и возникает из научных интересов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры. Наряду с этим ресурсы Лаборатории используются для выполнения исследований по заданиям ректората и деканата, реализации хозрасчетных проектов, организации научно-исследовательской практики бакалавров и магистров, а также деятельности Студенческого социологического бюро. Ежегодно на базе Лаборатории проводится более десяти эмпирических исследований, что позволяет студентам не только осваивать методы социологического анализа в учебном формате, но и включаться в реальные исследовательские циклы — от разработки инструментария и сбора данных до интерпретации результатов и подготовки аналитических материалов.

Лаборатория всегда внимательно относилась к инновациям и трансформации социальной реальности, учитывая это в своей деятельности. Современные социологические исследования сталкиваются с усложнением объекта ввиду турбулентности и непредсказуемости общества [3. С. 196]. Особенно это видно в университетской, молодежной и цифровой среде, где данные зависят не только от формулировки вопроса, но и от эмоций, групповой динамики, социальной желательности, идентичности, доверия и сенситивности темы. Опыт Лаборатории показывает, что ее исследовательская программа развивается в логике социальных изменений, реагируя на новые вызовы университетской, молодежной и цифровой среды и расширяя методологический инструментарий.

Деятельность Лаборатории может быть рассмотрена в логике публичной социологии М. Буравого [2], поскольку она соединяет академическое исследование, образовательную практику и работу с общественно значимыми проблемами университетской, молодежной и цифровой среды. Научные

лаборатории университетов являются элементом исследовательской инфраструктуры университета, обеспечивающим связь науки, образования, прикладных проектов и внешних социальных/профессиональных запросов [1]. Помимо этого, вклад Лаборатории может быть рассмотрен в более масштабном контексте «Трех миссий университетов», согласно которым университет должен учить, развивать науку и обеспечивать связь с обществом и местными сообществами. Такое понимание роли Лаборатории соотносится с представлениями о современном университете как институции, в которой исследовательские подразделения выполняют не только академическую, но и инфраструктурную, образовательную и прикладную функцию, обеспечивая связь производства знания, подготовки кадров и ответа на внешние запросы общества и профессиональной среды [4; 5]. Во многом именно это сочетание позволило РУДН в 2026 году войти в тройку российских вузов, которые представлены в рейтинге QS по направлению «Социология».

Материалом статьи выступает корпус научных публикаций сотрудников Лаборатории, отражающий основные направления ее исследовательской деятельности с основания журнала в 2001 году. Конечно, и раньше в Лаборатории проводились исследования, в том числе по крупным грантам, однако в статье мы фокусируемся на том, как на страницах журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» представлена эволюция исследовательской программы Лаборатории. В корпус включались публикации при соблюдении одного или нескольких критериев: связь с эмпирическими проектами Лаборатории; участие ее сотрудников в разработке исследования; использование ее инфраструктуры; отражение методических решений, развиваемых в рамках исследовательской практики Лаборатории; тематическая связь с ключевыми направлениями работы Лаборатории. Эмпирическую основу статьи составили 50 публикаций, размещенные в Журнале с момента его основания. Для удобства изложения и во избежание избыточного цитирования материалы корпуса далее идентифицируются по авторам и году публикации без повторного оформления библиографических ссылок на каждую публикацию.

Методически статья выполнена в логике качественного обзорного анализа публикационного корпуса: материалы рассматривались не как библиографический перечень, а как совокупность текстов, позволяющая реконструировать тематические направления, методические решения и этапы развития исследовательской программы. Такая стратегия близка к качественному контент-анализу, в котором единицами анализа выступают не только отдельные публикации, но и устойчивые смысловые линии, повторяющиеся проблемные поля и способы методического обоснования исследования [7].

Хронологические этапы развития исследовательской программы Лаборатории представлены в Таблице.

Таблица

Корпус исследований Лаборатории, описанных в публикации

Хронологический этап исследований	Публикации
2000-е — начало 2010-х От университетской диагностики к изучению ценностей, идентичности и межкультурной адаптации студенческой молодежи	Краснова Г.А., Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Витковская М.И. Кто и почему учится в институте дистантного образования РУДН? (по материалам социологического исследования «Студент ИДО РУДН») // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 2
	Пузанова Ж.В. Кто поступает в РУДН? (по материалам социологического исследования «Абитуриент–2000») // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 1
	Витковская М.И. Производственная практика и профессиональное становление студентов (по материалам социологического исследования) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. № 1
	Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6–7
	Витковская М.И. Теоретико-методологические основы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5
	Пузанова Ж.В. Метод неоконченных предложений в изучении проблемы одиночества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6–7
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Оценка функционирования сектора дополнительных услуг РУДН его потребителями // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2005. № 1
	Троцук И.В. Групповая беседа как метод пилотажного исследования (на примере изучения современной молодежи Кавказа) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2006. № 1
	Троцук И.В. Идентификационные доминанты молодежи Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 5
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез: на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 4
	Пузанова Ж.В. Социологическое исследование одиночества: проблема построения концептуальной модели // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 2
	Пузанова Ж.В. Исследование этнической толерантности в полиэтничной молодежной среде РУДН // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 4

Продолжение таблицы

Хронологический этап исследований	Публикации
2010–2014 Социальное самочувствие, одиночество, страхи, жизненные планы и здоровье студентов	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социологическая оценка образов стран-соседей в восприятии российской студенческой молодежи: методические и содержательные компоненты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 4
	Puzanova Zh.V. Psycho-semantic methods in the study of the phenomenon of loneliness // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 2
	Чеховский И.В. Групповые дискуссии как разновидность интервью (на примере фокус-группы) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 5
	Борисенкова П.А. Антропологический подход к изучению профессий (на примере исследований салонов красоты) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 5
	Вольфсон Ю.Р. Телевидение в новом медиапространстве: проблема измерения телеаудитории // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 5
	Вдовина Т.В. Междисциплинарность и (мультимодальный) дискурс-анализ в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 5
	Пузанова Ж.В., Демидова И.И. Опыт исследования уровня этнической толерантности студентов РУДН в 2008–2011 гг. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 4
	Троцук И.В. Образ Сербии в российском обществе: результаты опроса московского студенчества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 3
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4
	Пузанова Ж.В., Медведева А.В. Использование психосемантических методов в изучении этнических стереотипов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 1
	Пузанова Ж.В., Вялов И.С. Управление здоровьем: научные подходы к исследованию здоровья и здоровьесберегающего поведения у студентов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4
	Пузанова Ж.В., Чеховский И.В. Здоровый образ жизни: понимание и отношение студенческой молодежи: по результатам фокус-групповых исследований // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4

Продолжение таблицы

Хронологический этап исследований	Публикации
2014–2016 Переход от содержательного мониторинга к методическому осмыслению качества данных	Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Социальное измерение жизни российского студенчества в контексте евроинтеграции образовательного пространства: методические аспекты исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4
	Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн. Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3
	Троцук И.В., Савельева Е.А., Салех А.А. Семья, брак, любовь — равноценные или несвязанные понятия для молодых россиян? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3
	Нарбут Н.П., Троцук И.В. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Представления о современном мире граждан Беларуси, России и Украины: методические аспекты социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4
	Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4
	Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г. Способы обработки данных, полученных методом виньеток в социологических исследованиях // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. «Субъективная» и «объективная» неискренность в социологических опросах: диагностика по невербальным проявлениям // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4

Продолжение таблицы

Хронологический этап исследований	Публикации
2018–2021 Методологические «инновации»: диагностика университетской среды	Puzanova Zh.V., Larina T.I., Zakharova S.V. Recommendations for interviewers conducting sociological surveys: The use of the psychotypes theory and analysis of respondents' nonverbal reactions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Социальное измерение студенческих проблем в контексте развития инфраструктуры современного университета // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4
	Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения: на примере студенчества РУДН // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2
	Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I. Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гаспаришвили А.Т., Радкевич К.В., Захарова С.В. Личностные характеристики участников фокус-группового исследования как фактор повышения качества данных // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4
2022–2023 Молодежные риски: новые зоны диагностики	Троцук И.В., Субботина М.В. «Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4
	Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Larina T.I., Simonova M.A. Family attitudes of university students in terms of extremism risks // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 2. № 4
	Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г. Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гудкова Я.А. Диагностика уровня конформности студенческой молодежи: результаты методического эксперимента // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3
	Тупикова В.А., Гудкова Я.А., Овчинников-Лысенко Е.Г. Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3
	Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Старостина А.А. Восприятие фейковых новостей студенчеством с разными психологическими характеристиками: результаты методического эксперимента // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4
	Puzanova Zh.V., Larina T.I., Ignatova T.A. Combination of focus group and experiment methods: Opportunities and limitations // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4
2025–2026 Социальная сплоченность, ИИ и человек за «цифрой»	Тупикова В.А., Мисяутова Е.К., Мурзиков Л.Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2
	Пузанова Ж.В., Гудкова Я.А. Образовательные практики настоящего и будущего: студенты об использовании ИИ в университете // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1
	Ларина Т.И. Эмоционально-ориентированный подход: как учесть человека за «цифрой» // Вестник Вестник РУДН. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1

2000-е — начало 2010-х. От университетской диагностики к изучению ценностей, идентичности и межкультурной адаптации студенческой молодежи. Первый этап исследований Лаборатории, который отражен на страницах Журнала, был связан с изучением студенческой молодежи как особой социальной группы, через которую можно увидеть более широкие процессы — изменение ценностных ориентаций, формирование идентичности, межкультурное взаимодействие, этнические стереотипы и установки толерантности. Такой фокус был во многом обусловлен спецификой РУДН как полиэтничной и поликультурной университетской среды, где представители разных стран, регионов и этнических групп постоянно взаимодействуют в учебной, бытовой и коммуникативной повседневности. Интерес к молодежной проблематике Лаборатории был заложен еще до основания Журнала и во многом обоснован преподаванием на кафедре социологии классика отечественной социологии молодежи В.И. Чупрова [6].

В ранних работах анализировалось, кто поступает и учится в РУДН, как устроены образовательные траектории студентов, как они оценивают дополнительные услуги университета, проходят производственную практику и включаются в профессиональное становление. Уже здесь исследования Лаборатории выполняют роль механизма обратной связи между университетом и его студентами. Также в центре внимания оказываются темы адаптации иностранных студентов к жизни и учебе в России, межкультурной коммуникации, идентификационных доминант (через какие символические и социальные категории молодые люди описывают себя и свое окружение), этнической толерантности. Сравнительное изучение ценностных ориентаций молодежи стало еще одним важным направлением. Студенчество рассматривалось в межстрановой и региональной перспективе: сопоставлялись ценностные приоритеты студентов России и КНР, а также различия между столичными и региональными вузами. Значимым здесь было не только получение эмпирических данных, но и постепенное формирование исследовательского инструментария, позволяющего корректно работать с разными социокультурными контекстами. Другой важной траекторией стало изучение одиночества как сложного социально-психологического феномена. Амбассадором направления стала Ж.В. Пузанова, в работах которой одиночество рассматривалось как объект социологического анализа, требующий концептуальной модели и специальных методических решений. Использование психосемантики и метода неоконченных предложений позволяло реконструировать личностные смыслы и эмоциональное отношение респондентов к этому состоянию.

Уже на первом этапе заметна методическая неоднородность исследований. Наряду с массовыми опросами используются групповые беседы, пилотажные качественные процедуры, социологическая оценка университетских сервисов, анализ профессионального становления, а также первые обращения

к темам страха и одиночества как сложных объектов социологического изучения. Лаборатория начала свое путешествие по страницам Журнала с описания результатов исследований ценностей студенческой молодежи, проблем толерантности и этнических стереотипов, отражая социальную «повестку дня». Это период становления Лаборатории в качестве университетской исследовательской инфраструктуры, способной соединять прикладные задачи РУДН и поиск адекватных методов работы с субъективным опытом студентов.

2010–2014. Социальное самочувствие, одиночество, страхи, жизненные планы и здоровье студентов. Второй этап исследований Лаборатории в Журнале связан с расширением предметного поля: от межкультурной проблематики — к изучению социального самочувствия, жизненных планов, страхов, здоровья, семейных ориентаций и одиночества в студенческой среде. Молодежь здесь рассматривается уже не только как участник межкультурного взаимодействия, но и как группа, находящаяся в ситуации выбора образовательной, профессиональной и личной траектории.

Одной из центральных линий этого этапа стало изучение социальных представлений о странах-соседях и других культурах. Подробно анализировались образы стран-соседей и, в частности, образ Сербии в восприятии московского студенчества. Эти исследования важны не только содержательно, но и методически: они показывают, как в молодежном сознании формируются устойчивые символические образы, какие культурные и медийные рамки влияют на восприятие других стран и народов, как конструируются границы близости и дистанции. В этот же период продолжается линия этнической толерантности. Работа Ж.В. Пузановой и И.И. Демидовой, основанная на исследовании уровня этнической толерантности студентов РУДН в 2008–2011 годы, переводит эту проблематику в мониторинговую плоскость. Важным становится уже не только описание установок, но и фиксация их динамики, что усиливает диагностический потенциал Лаборатории для понимания состояния полиэтничной университетской среды.

Другая траектория связана с исследованием страхов, ожиданий и жизненных планов студенческой молодежи. Анализируются смысложизненные приоритеты, репертуар страхов, стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и профессиональные ожидания студентов, нередко с учетом кросскультурной перспективы. Эти исследования показывали внутреннюю неоднозначность молодежного опыта: сочетание стремления к успеху, профессиональной самореализации и социальной мобильности с тревогами по поводу трудоустройства, одиночества, неопределенности будущего и риска социальной неуспешности. Лаборатория также обращается к темам семьи, брака и любви как ценностным категориям, которые для молодых людей оказываются значимыми, но не всегда совпадающими по смыслу. Линия здоровья представлена исследованиями, где здоровье анализируется не только как медицинская, но и как социальная категория, связанная с образом

жизни, самоорганизацией, повседневными практиками и культурой отношения к собственному телу.

Второй этап нельзя сводить только к содержательному расширению молодежной тематики. Он важен еще и как период методического разнообразия. В корпусе появляются работы, связанные с фокус-группами, групповыми дискуссиями, измерением телеаудитории, мультимодальным дискурс-анализом, антропологическим подходом к изучению профессий. Они расширяют методический горизонт публикаций, связанных с Лабораторией, и показывают, что ее исследовательская программа постепенно выходит за пределы студенческого мониторинга, включая более широкий набор качественных, дискурсивных, прикладных и междисциплинарных подходов.

2014–2016. Переход от содержательного мониторинга к методическому осмыслению качества данных. Третий этап связан со смещением акцента: Лаборатория продолжает изучать студенческую среду, ценности и социальные представления, но все больше внимания уделяет тому, как именно производятся данные, насколько они сопоставимы, валидны и чувствительны к методике сбора.

Важной вехой в жизни кафедры социологии и Лаборатории стало пилотное участие России в европейском проекте Eurostudent V, который был ассоциирован с Университетом, а исследовательская команда состояла из преподавателей кафедры. Частично результаты участия представлены в публикации, где социальное измерение жизни российского студенчества рассматривается как инструмент диагностики изменений университетской среды. Помимо этого Лаборатория продолжает линию мониторинга студенческих проблем, но придает ей более выраженное методическое обоснование. В статье Н.П. Нарбута и И.В. Троцук сравнительный анализ представлен не просто как сопоставление эмпирических данных, а как методологическая процедура, требующая учета языковой, культурной, функциональной и прагматической эквивалентности, особенно в межстрановых исследованиях. С этой же логикой связана работа Ж.В. Пузановой и Т.И. Лариной, посвященная представлениям о современном мире граждан Беларуси, России и Украины: в ней содержательная проблематика социальных представлений соединяется с вопросами методической сопоставимости межстранового исследования.

Развивается линия проективных методов, прежде всего метода виньеток — они рассматриваются как способ изучения социальных представлений, норм и объяснительных схем, в том числе при обращении к сенситивной проблематике; отдельно обсуждаются качественные и количественные стратегии обработки данных. Чаще поднимаются вопросы о неискренности в социологических исследованиях, в частности о «субъективной» и «объективной» неискренности, когда данные трактуются не только как вербальные высказывания, но и как результат коммуникативного контекста, эмоционального состояния, социальной желательности и невербальных проявлений.

Третий этап можно охарактеризовать как методический поворот Лаборатории: от содержательного мониторинга студенческой среды — к осмыслению сопоставимости, валидности, искренности ответа, роли инструментария и качества данных.

2018–2021. Методологические «инновации» Лаборатории: диагностика университетской среды. Четвертый этап связан с дальнейшим усложнением исследовательской оптики Лаборатории. В центре внимания оказываются уже не только студенческая среда и ее проблемы, но и участники исследовательского процесса: интервьюер, респондент, модератор, группа, их личностные особенности, коммуникативные реакции и влияние этих факторов на качество данных.

Развивается линия анализа невербальных реакций и психотипов респондентов как ресурса для повышения качества социологического опроса. Здесь исследовательская ситуация рассматривается как коммуникация, в которой важны поведение респондента, его эмоциональные реакции и готовность к открытому ответу. Значимым элементом этапа становится рассмотрение фокус-группы уже не просто как метода сбора мнений, а как сложной коммуникативной ситуации, где личностные характеристики участников влияют на групповую динамику и качество получаемых данных. Эта линия стала одним из самых инновационных направлений научной школы кафедры социологии и исследований, которые проводятся в Лаборатории и сегодня.

Студенческие проблемы рассматриваются не только как предмет описания, но и как основание для управленческих решений в современном университете, акцент переносится на диагностический потенциал социологических исследований для развития университетской инфраструктуры. В молодежные риски включаются проблема инфантилизации, предложена методика диагностики распространенного этого риска среди молодежи, а также проблема социально-культурных аспектов, связанных с насилием. 2018–2021 годы характеризуются ростом интереса к исследованиям, связанным с исторической памятью. В Журнале появляется интересная методологически работа, предлагающая новый взгляд на типологию исторической памяти современного студенчества.

На этом этапе в исследованиях Лаборатории все четче обрисовывается инновационный методологический арсенал, фокусирующийся на характеристиках участников социологического исследования, их реакциях, которые могут влиять на качество получаемых данных.

2022–2023. Молодежные риски: новые зоны диагностики. Этот период ознаменован бурными социально-политическими трансформациями российского общества, поэтому на страницах Журнала появляются публикации, связанные с исследованиями о сенситивных темах и социальных рисках: экстремизм, моральная эксклюзия, фейковые новости и пр.

Важной особенностью этапа становится отказ от прямолинейного понимания ответа респондента как простой фиксации мнения. В работах И.В. Троцук

и М.В. Субботиной, Ж.В. Пузановой и А.Г. Тертышниковой показано, что за ответами на ценностно и морально нагруженные вопросы стоят сложные смысловые и нормативные структуры. Метод неоконченных предложений позволяет реконструировать «ядро» и «периферию» представлений о счастье и справедливости, а анализ моральной эксклюзии в контексте социальной желательности показывает, что респондент нередко отвечает не только от себя, но и в рамках ожидаемой, допустимой или социально одобряемой позиции. Тем самым социальная желательность перестает быть лишь «погрешностью» опроса и становится самостоятельным предметом анализа.

Развивается линия изучения молодежных рисков: экстремизм рассматривается не только как социально-политическая угроза, но и как зона сложной диагностики, где значимы семейные установки, уровень эмпатии, эмоциональная восприимчивость, психологическое благополучие и особенности морального выбора. Такой подход позволяет уйти от поверхностного описания «группы риска» и приблизиться к пониманию механизмов уязвимости молодежи к радикальным и насильственным формам поведения. Отдельно стоит упомянуть выполнение Лабораторией совместного с Институтом социологии ФНИСЦ РАН научного проекта, посвященного динамике ценностных ориентаций молодежи, соруководителем которого выступал М.К. Горшков. В Журнале в рамках этого проекта освещены психоэмоциональные характеристики и социальный автопортрет современного студента.

Другое направление этапа связано с информационными рисками и представлено исследованием о восприятии фейковых новостей студентами с разными психологическими характеристиками. Здесь информационная среда выступает не просто новым тематическим полем, а пространством проверки прежних методических наработок Лаборатории: важными оказываются доверие к информации, реакция на неопределенность, восприимчивость к манипуляции, эмоциональная окраска восприятия и связь этих реакций с личностными особенностями респондентов. Для исследований этого направления становится недостаточно классического социологического инструментария, активно проводятся эксперименты по сочетанию методов и исследовательских дизайнов с целью повышения валидности измерений.

Этот этап исследований Лаборатории открывает новые зоны диагностики привычных социальных проблем, развивая и экспериментируя с нестандартными методологическими решениями.

2025–2026. Социальная сплоченность, ИИ и человек за «цифрой». Шестой этап можно обозначить как выход Лаборатории к более широкой исследовательской «рамке»: от анализа студенческой и молодежной среды — к вопросам социальной сплоченности, цифровизации и качества социологических данных. При этом сохраняется общая логика предыдущих этапов: интерес не только к фиксируемым ответам, но и к тому, как человек воспринимает

социальную реальность, реагирует на неопределенность, формирует оценки и принимает решения.

Статья В.А. Тупиковой, Е.К. Мисяутовой и Л.Е. Мурзикова, в которой социальная сплоченность рассматривается как важный показатель состояния российского общества, представляет собой яркий пример исследований, выполненных студентами и опубликованных на страницах Журнала. Цифровая линия представлена работой Ж.В. Пузановой и Я.А. Гудковой об использовании искусственного интеллекта студентами. ИИ рассматривается не только как технологический инструмент, но и как фактор изменения образовательных практик, академической самостоятельности, границ допустимой помощи и новых рисков в университетской среде. Тем самым цифровизация включается в привычную для Лаборатории исследовательскую оптику: важно не только наличие технологии, но и то, как ее воспринимают и используют сами участники образовательного процесса.

Обобщающим методологическим акцентом этого этапа становится идея внимания к человеку за «цифрой». Она продолжает прежние линии Лаборатории — интерес к качеству данных, социальной желательности, сенситивным темам, эмоциональным и коммуникативным условиям ответа. Смысл этого поворота не в отказе от количественных данных, а в понимании того, что за каждым распределением стоят конкретные ситуации восприятия, доверия, тревоги, нормы и выбора.

Шестой этап показывает расширение исследовательской программы Лаборатории: социальная сплоченность, ИИ и качество данных объединяются общей задачей — точнее понять, как человек действует и отвечает в сложной, быстро меняющейся социальной и цифровой среде.

Таким образом, публикации, выполненные на базе Лаборатории, позволяют рассматривать ее деятельность как целостную исследовательскую программу, в которой прикладное изучение молодежи и университетской среды сочетается с разработкой собственных методологических подходов. Исследовательская траектория Лаборатории представляет собой сложный и интересный путь становления одного из флагманов отечественной вузовской и эмпирической социологии со своей научной школой. С этой точки зрения Лаборатория хорошо вписывается в рамку публичной социологии. Ее исследования не замыкаются на академической дискуссии: они связаны с реальными проблемами университета, молодежи, межкультурной коммуникации, цифровой среды и качества социологических данных. В этом проявляется и ее значение для третьей миссии университета — Лаборатория не только обеспечивает учебный процесс и публикует научные результаты, но и работает как площадка, где социологическое знание применяется для диагностики университетской среды, анализа социальных рисков и подготовки студентов к реальной исследовательской работе. Поэтому история публикаций Лаборатории в Журнале важна не только как история отдель-

ных статей. Она показывает, как в рамках университета может складываться исследовательская школа, где наука, обучение и прикладная работа не отделены друг от друга. Журнал в этом случае становится не просто площадкой для публикации и обсуждения результатов, а пространством, в котором фиксируется развитие этой линии — от первых исследований студенческой среды до современных работ о цифровых вызовах, качестве данных и человеке за «цифрой».

Библиографический список

1. *Аношкин А.Н.* Место центров коллективного пользования и высокотехнологичных лабораторий в инфраструктуре исследовательского университета // Высшее образование в России. 2013. № 11.
2. *Буравой М.* Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 4.
3. *Галкин К.А., Протасенко Т.З.* Стратегии не(доверия) к социологическим исследованиям и опросам общественного мнения в период глобальных трансформаций // Власть. 2024. № 3.
4. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011.
5. *Константинов Г.Н., Филонович С.Р.* Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. № 1.
6. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М., 2003.
7. *Mayring P.* Qualitative Content Analysis: Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution. Klagenfurt, 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-747-761
EDN: VXVETG

RUDN Sociological Laboratory on the pages of the RUDN Journal of Sociology*

T.I. Larina, Zh.V. Puzanova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: larina-ti@rudn.ru)

Abstract. The article, prepared for the anniversary of the *RUDN Journal of Sociology*, reconstructs the research trajectory of the RUDN Laboratory for Sociological and Focus Group Studies, the results of which have been presented in the journal since its founding. The review's empirical basis consists of 50 articles reflecting the Laboratory's main thematic and methodological research areas. The author shows that publications in the journal allow to trace the development of the Laboratory's research program: from the study of value orientations, ethnic tolerance,

*© T.I. Larina, Zh.V. Puzanova, 2026
The article was submitted on 29.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

intercultural communication and social well-being of the student youth to the analysis of the quality of sociological data, sensitive topics, youth and digital risks, new forms of social diagnostics. The author argues that the articles show not only the expansion of the subject area but also the development of methodological approaches — comparative, psychosemantic, projective, focus group and experimental. Thus, the journal has been not only a platform for presenting empirical results but also a space that consistently reflected the evolution of the Laboratory's research program. In this sense, the history of the Laboratory's publications in the *RUDN Journal of Sociology* allows to see the journal's contribution to supporting scientific studies that combine academic sociology, applied diagnostics of university and youth environment, methodological reflection and preparing students for participation in real research projects.

Key words: RUDN Laboratory for Sociological and Focus Group Studies; anniversary of the journal; university students; quality of sociological data; focus groups; social risks; research program

For citation: Larina T.I., Puzanova Zh.V. RUDN Sociological Laboratory on the pages of the RUDN Journal of Sociology. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 747–761. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-747-761 EDN: VXVETG

References

1. Anoshkin A.N. Mesto tsentrov kollektivnogo polzovaniya i vysokotekhnologichnyh laboratorij v infrastrukture issledovatelskogo universiteta [The place of shared use centers and high-tech laboratories in the infrastructure of the research university]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii.* 2013; 11. (In Russ.).
2. Burawoy M. Publichnaya sotsiologiya prav cheloveka [Public sociology of human rights]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Sntropologii*. 2007; 4. (In Russ.).
3. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Williams K. *Molodezh v obshchestve riska* [Youth in the Risk Society]. Moscow; 2003. (In Russ.).
4. Clark B.R. *Sozdanie predprinimatelskih universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation]. Moscow; 2011. (In Russ.).
5. Galkin K.A., Protasenko T.Z. Strategii ne(doveriya) k sotsiologicheskim issledovaniyam i oprosam obshchestvennogo mneniya v period globalnyh transofrmatsij [Strategies of (dis) trust of sociological research and public opinion polls during global transformations]. *Vlast*. 2024; 3. (In Russ.).
6. Konstantinov G.N., Filonovich S.R. Chto takoe predprinimatelsky universitet [What is the entrepreneurial university?]. *Voprosy Obrazovaniya.* 2007; 1. (In Russ.).
7. Mayring P. *Qualitative Content Analysis: Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution*. Klagenfurt; 2014.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 762–776
http://journals.rudn.ru/sociology

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776
EDN: VVSOJM

К истокам теоретических кризисов в социологии*

А.Н. Данилов[1], С.В. Костюкевич[2]

[1]Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

[2]Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова 1, корп. 2, Минск, 220072, Республика Беларусь

(e-mail: a.vitebsk55@gmail.com; svkostus@yahoo.com)

Аннотация. В статье проанализирована связь теоретических кризисов в социологии с влиянием на нее экспериментальной науки, возникшей в Европе в середине XVIII века в результате научной революции, связанной прежде всего* с именами Г. Галилео и И. Ньютона. Показано, что конституирование в Европе Нового времени позитивистской социологии происходило в подражание естественной экспериментальной науке, что обусловило понимание объекта социологического изучения (человеческого общества) как естественного явления (наподобие природы в естествознании), которое подчиняется в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам и закономерностям. Подражательность позитивистской социологии проявилась и в том, что, как и естественные науки, она, с одной стороны, демонстрирует приоритет теоретического над эмпирическим, а, с другой стороны, считает важным проводить сбор эмпирических данных через введение измерительных процедур, т.е. позитивистская социология ориентирована на связь теории и практики. Доказывается, что в основе теоретических кризисов социологии лежит невозможность развивать социологию, гуманитарную по своей сути науку, преимущественно по канонам естественно-научного исследования. И ответственность за кризисы лежит в большей степени на позитивистской методологии, поскольку она была первой по времени и доминировала в течение всего XX столетия. В силу специфики зарождения и развития социологии ей важно искусно совмещать каноны естественной и гуманитарной наук. В этой связи социологии следует не только развивать измерительные процедуры, но и расширять сотрудничество с гуманитарными науками для обогащения своего концептуального аппарата.

*© Данилов А.Н., Костюкевич С.В., 2026
Статья поступила в редакцию 05.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Ключевые слова: социология; теоретические кризисы; позитивистская социология; культур-социология; цивилизационнный подход; институционализация; институциональный подход

Для цитирования: *Данилов А.Н., Костюкевич С.В.* К истокам теоретических кризисов в социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 762–776. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776 EDN: VVSOJM

Социология, как и всякая наука, отвечая на вызовы современности, периодически переживает теоретические кризисы, что, как правило, требует методологического обновления. «История XX и начавшегося XXI столетия наглядно демонстрирует, что все социально-политические и экономические трансформации не только генетически детерминируются, но и легитимизируются благодаря трансмутации культурно-нравственных смыслов человеческого бытия, с помощью смыслов и ценностей перекодировки реальности, которая происходит в культуре» [1. С. 6]. В настоящее время кризис в социологии очевиден — невозможно объяснить и спрогнозировать с помощью имеющейся теоретико-методологической базы и методического инструментария вызовы будущего, упредить их возможные негативные последствия.

У социологии есть свои особенности: будучи гуманитарной наукой по своей сути, она с самого начала была ориентирована на каноны естественно-научного исследования. Это было задано ее отцом-основателем О. Контом — его позитивистский подход (по времени первый методологический подход, который до сих пор является доминирующим) означал введение математики и, соответственно, процедур измерения в гуманитарное знание. Л.Г. Ионин отмечал, что социальные науки «постоянно колеблются между сциентистской позицией, ориентированной на идеал естественно-научного знания, и герменевтической установкой, которая близка традиционному литературно-гуманитарному подходу» [2. С. 36]. При этом колебание чаще идет в сторону сциентистской позиции, что позволяет говорить о доминировании естественнонаучных стандартов в социологии: «Естественно-научный подход по целому ряду причин возобладал в социальных науках. Этому есть историческое объяснение. Социальные науки и социология в том числе начали формироваться в XIX веке как “социальная физика”, “социальная физиология”, “социальная арифметика” и т.п., т.е. подражая естественно-научным моделям и методам познания. С тех самых пор строгость, точность, объективность, адекватность и надежность в социологическом знании измерялись тем, в какой степени социология следует идеалу естественно-научной методологии, отождествляемой в конечном счете со степенью усвоения социологией измерительных и статистических процедур. Такая ориентация в социологии, именуемая то сциентистской, то натуралистической, то позитивистской, оказалась преобладающей в течение всего XX столетия» [2. С. 38].

Конт ввел в научный оборот термин «социология», сделав объектом ее изучения общество — то объективно общее, что присуще для всех исторически существующих обществ, т.е. отделил социологию от истории, которая также изучает человеческие общества, но как отдельные социально-исторические образования в истории. Общество как таковое (теоретическое понятие) не является объектом исторического исследования — история изучает исторические факты. Общество как таковое (вообще, а не как исторический факт) самостоятельно может существовать, во-первых, как понятие, отражающее то объективно общее, что присуще для всех исторически существующих обществ и, во-вторых, «как всякое общее, общество вообще реально существует, но не само по себе, а только в отдельном и через отдельное» [3]. «Понятие “общество вообще” не является произвольной мыслительной конструкцией. Оно имеет объективное содержание, ибо фиксирует объективное общее, присущее всем социоисторическим организмам без исключения» [3].

Обозначив объект изучения социологии (общество) теоретическим понятием, Конт заявил социологию в качестве *теоретической научной дисциплины* и тем самым задал вектор ее развития как аналитической генерализирующей науки, которая стремится открывать типическое (общее) и логически обосновывать социально-историческую жизнь людей через открытие законов и закономерностей, по которым развивается общество. Историку важнее изучение и описание отдельных обществ. Социологу, который ориентируется на открытие типического, законов и закономерностей, важнее создание теорий, которые описывают много или даже все общества.

Развитие в рамках позитивистской методологии социологии как теоретической науки, ориентирующейся на каноны естественнонаучного исследования (экспериментальной науки, возникшей в Европе в середине XVIII века в результате научной революции, связанной, прежде всего, с именами Г. Галилео и И. Ньютона), обусловило следующее понимание общества: во-первых, как *естественного явления* (наподобие природы в естествознании) — позднее это понимание подверглось критике в культур-социологическом подходе. Например, М. Вебер, исходя из того, что осмысленные действия совершают только люди, считал, что общества (а также государство и т.п.) — образования, фиксирующие специфическое поведение людей, которые не имеют вне-индивидуальной и над-индивидуальной реальности. Между тем как Конт считал, что общество — это над-индивидуальная объективная реальность наподобие естественного (природного) явления, и имеет свои законы развития. Во-вторых, как *единого человечества*, подчиняющегося в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам, т.е. общества проходят одни и те же стадии развития, например, у А. Смита — охотничьи-собирательские, пастушеские, земледельче-

ские и торгово-промышленные общества; у А. Сен-Симона — античное общество, основанное на рабстве, феодальное общество, в котором доминировало крепостничество, общество Нового времени, индустриальное, в котором господствует наемный труд.

Идея о том, что человечество — это не природа, где действуют универсальные законы, что оно не представляет собой единства, потому что есть разные цивилизации, только формировалась, хотя некоторые исследователи во времена Конта указывали, что в древности существовали общества разной организации, например, Б.Г. Нибур, Л.Г. Морган и др. Подчиняются ли общества разной организации логике развития, описанной Смитом и Сен-Симоном: современный мир показывает, что, скорее, да, чем нет, поскольку есть примеры успешной индустриализации в СССР и в Китае. Однако есть и неудачные примеры (например, в странах Латинской Америки), поэтому спорной стала идея, что человечество едино и все общества проходят одни и те же стадии в своем развитии. Неудивительно, что идея разного цивилизационного развития получила широкое распространение в XX веке — сформировался *цивилизационный подход.*

Учитывая ориентацию позитивистской методологии на каноны *экспериментальной науки,* которая соединила теорию и практику (эксперимент) в научном исследовании*,* утвердив тем самым, что отныне не только логическое доказательство, но и практика — критерий истины, а также что теоретическое знание должно использоваться для обслуживания практических интересов и целей, неудивительно, что Конт предлагал социологии быть *одновременно теоретической и практической наукой*. Как отметил Н. Смелзер, «Две идеи просматриваются в ходе развития социологии. И обе они берут начало в работах Огюста Конта. Первая — применение научных методов для изучения общества. Вторая — практическое использование науки для осуществления социальных реформ. Конт был убежден, что добытые наукой знания могут послужить благосостоянию общества» [4. С. 39]. Однако убеждение Конта, что наука должна приносить пользу обществу, а, значит, социология должна ориентироваться на социальное реформирование, т.е. претворять свои теории в жизнь, запрограммировало будущие кризисы — в XX веке наступило разочарование от переделывания (модернизации) общества согласно социологическим теориям, в основе которых лежала идея единства человечества, подчиняющегося в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам. Разочарование не могло не наступить, если незрелая еще гуманитарная наука, к тому же копирующая естественнонаучный подход, начинает вмешиваться в социальную жизнь. Не отрицая необходимости и важности социальных реформ, есть основание считать, что в основе теоретических кризисов социологии лежит поспешная установка на практику (социальное реформирование).

Исходя из позитивистской методологии, ориентирующейся на естественнонаучные стандарты, идею единства человечества и важность социального реформирования, в XX и XXI веках разработанные для западных стран экономические и социальные модели автоматически переносились в незападные страны, и этот опыт был далеко не всегда удачным [5]. Полагаем, что в основе теоретических кризисов социологии *лежит невозможность развивать социологию, гуманитарную по своей сути науку, преимущественно по канонам естественно-научного исследования* (1) [6].

Связь социологии с историей и естественными науками

В современной социологии присутствует позиция, которая склонна объединять социологию и историю «формой развития теоретической социологии на исходе нашего века становится историко-теоретическое исследование. Мы же имеем достаточно серьезные основания говорить еще об одном синтезе — синтезе истории и теории социологии вообще. Одно из выразительных свидетельств этой тенденции — историческая ориентированность сугубо теоретической работы Э. Гидденса “Социология. Вопросы и проблемы” (1968), засвидетельствованная им самим. “Пожалуй, главной отличительной чертой данной книги является ее теоретическая направленность… хотя социология и история преподаются как две совершенно различные дисциплины, такой подход я считаю ошибочным [7. С. 129]”» [8. С. 59]. Современные социологи (например Гидденс) ориентируют социологию на гуманитарные науки, в частности, историю, из чего следует, что при создании теорий социологи могут опираться в большей степени не на измерительные математические процедуры и математические модели, а на исторические факты.

Однако история и социология — все-таки разные научные дисциплины, хотя, разумеется, исторический анализ должен присутствовать в социологическом исследовании. Историку важнее факты, а социологу, который ориентируется на открытие закономерностей, важнее теоретические конструкции. Социология — аналитическая генерализирующая наука, в этом и ее достижения, и ее неудачи (создание теории требует от исследователя много времени и сил, чтобы объединить массу знаний и фактов в непротиворечивую цепочку суждений, к тому же знаний и фактов часто бывает недостаточно). Приоритет логического над историческим и теории над эмпирией, установка на открытие законов и создание теорий — все это подчеркивает связь социологии с естественными науками.

Традиционно в позитивистской социологии научное исследование начинается с теории — с изучения уже предложенных объяснений. Затем, исходя из имеющихся теорий и собственных идей, проводится операционализация понятий — должна быть применена процедура измерения, чтобы ввести математику в гуманитарное знание. Затем проводится эмпирическое исследование, которое можно сравнить с лабораторным экспериментом. Как видим,

научное исследование в социальной науке строится по образцу экспериментальной науки в физике, но физики классического периода, которую Конт взял за образец для социологии, поэтому неудивительно, что в социологии присутствует позитивистская установка недоверия к теории, если она не подтверждается эмпирически. В связи с этим есть основание назвать социологию *эмпирической наукой*.

С другой стороны, позитивистская социология, как и естественные науки, демонстрирует *приоритет теоретического над эмпирическим* и следует древнегреческому канону теории как логически стройной и непротиворечивой системы суждений, к тому же записанной частично математически, но тем самым позитивистская модель подчиняет историческую и социальную жизнь людей логике, что чревато логическими спекуляциями и, как результат, ошибочными прогнозами. Неудивительно, что столь популярна идея Н. Талеба о роли случайности и непредсказуемости, выраженная метафорой черных лебедей [9]. Талеб считает, что аналитики переоценивают рациональные объяснения статистических данных и потому делают неверные прогнозы. При доминировании логики и математики в анализе и прогнозировании неудивительно, что всех застают врасплох «черные лебеди».

Кроме того, культ теории, оставленный древними греками нам в наследство, со временем применительно к гуманитарному и социальному знанию привел к разочарованию в теоретизировании, т.е. в логически непротиворечивом доказательстве (обосновании) исторической и социальной жизни, и к постмодернистскому скепсису в «тотальных нарративах». Не отрицая факта логических спекуляций и провала некоторых ярких теоретических конструкций (например, теории общественно-экономических формаций К. Маркса), все же не следует отрицать значение теоретизирования, из которого, впрочем, не следует делать культа. Нет единой тотальной теории для всех времен и народов, теория всегда ограничена и относительна, но позволяет делать концептуальное обобщение эмпирических фактов и тем самым объяснять логику и причинность явлений. Без теории мы имеем только практическую пользу от обобщения эмпирических фактов, а с теорией понимаем причинно-следственные связи.

Позитивистская социология и культур-социология

Ориентация Конта и его последователей на естественно-научный идеал в конечном итоге спровоцировала в социологии первый теоретический кризис и оформление второго методологического подхода — *культур-социологии* (культур-аналитического подхода, понимающей социологии), ярким представителем которой является М. Вебер. За кризисом, который показал существенное различие гуманитарной и естественной наук (2), скрывался методологический спор между *социологическим номинализмом и социологическим реализмом*. Те, кто стоял у истоков социологии — Конт (3), Г. Спенсер,

Э. Дюркгейм, были сторонниками социологического реализма, который исходил из видения и понимания общества как целого, несводимого к составляющим его частям, т.е. отдельным индивидам, что позволило, например, выделить социальные институты как особую форму социальной жизни, являющейся в то же время вне-индивидуальной и над-индивидуальной реальностью.

Сторонники социологического номинализма, наоборот, считали, что общество есть лишь совокупность индивидов, поэтому люди должны быть объектами социологического исследования: «Сходного взгляда придерживался… Вебер. "Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических… может быть, напротив, целесообразно или даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно также, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования — просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий"» [3]. Исходная позиция реалистов, что общество — целое, несводимое к его частям (людям), имела слабое место, на которое указал Вебер: только люди демонстрируют осмысленное поведение. Найти теоретическое решение этого противоречия не смог даже Дюркгейм.

Дюркгейм настаивал, «что общество представляет независимую от индивидов, внеиндивидуальную и надындивидуальную реальность. Эта особого рода реальность, несводимая к другим ее видам, включена в универсальный природный порядок. Социальная реальность столь же устойчива и основательна, как все другие виды реальности, и, соответственно, как и они, развивается по определенным законам. На естественно возникавший вопрос о природе этой социальной реальности Дюркгейм прямого ответа не давал. Но так как он с самого начала своей научной деятельности настаивал на духовном характере всех социальных явлений (включая экономические), то получалось, что эта реальность была в сущности духовной. Объяснить, каким образом духовная реальность могла быть независимой от людей, Дюркгейм оказался не в состоянии. И в результате, начав с резкой критики психологизма, с подчеркивания внешнего и принудительного характера социальных фактов, он в последующем все в большей и большей степени стал склоняться к психологическому их объяснению» [3]. В отличие от Дюркгейма Вебер настаивал, что социальная реальность не сродни природным реальностям, т.е. не объективна сама по себе (вне воли людей), а субъективна, создается людьми как продукт культуры и не может развиваться по законам, независимым от воли людей.

В понимающей социологии Вебера «объекты культуры имеют онтологический статус (как и объекты природы), но на самом деле это смысловые реальности, обусловленные своим существованием человеческой активности… Социальные институты — это продукт творчества людей, и они есть не природные, а культурные реальности, родившиеся из осмысленного социального поведения и имеющие смысл для каждого человеческого существа… Общество в целом также является культурным установлением, так как оно основано на осмысленном поведении, а не на инстинктивном реагировании, свойственном животному миру. Все чисто природное смысла не имеет» [2. С. 22]. Продолжая объяснять социологию Вебера, Л.Г. Ионин пишет: «Именно потому, что конституирующим признаком социального является субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию, Вебер называет свою социологию понимающей… Если это так, то социология, которая видится Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественно-научными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, исходить из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача — объяснить саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе. Но тогда меняется и само понимание человеческого общества: его уже не следует рассматривать как продолжение природы, как объективную реальность, подобную той, которую изучают естественные науки. Оно, общество, — продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, т.е., иначе говоря, культурный продукт» [2. С. 42]. «По Конту, общество, с одной стороны, объективная реальность, вещь, система, эволюционирующая по собственным законам, а с другой — продукт эмоций, идей, мнений. В социологии Дюркгейма социальные факты одновременно и вещи, и коллективные представления, факты психической реальности. Вебер же как исходную предпосылку социологии использует положение, что человек — культурное существо, и на основе этой предпосылки пытается построить здание объективной социологии» [2. С. 43].

В этой исходной посылке (общество — природное или культурное явление) суть *первого теоретического разногласия* в социологии между представителями позитивистского и культур-социологического подходов. Первые ориентировались на каноны научной объективности в естествознании, вторые — на выдающихся гуманитариев того времени, чьи работы о формировании в древности обществ разного типа опирались на широкий эмпирический материал и предлагали не менее объективное знание. Если аксиоматически не допускать объективность общества как вне- и над- индивидуальной социальной реальности, которая, по мнению Дюркгейма, включена в универсальный природный порядок, а объяснять, как объективное (общество) возникает из субъективного (действий людей) [11], мы получаем веберовскую ориента-

цию социологии на гуманитарный (герменевтический) подход для анализа и понимания смысла и значения человеческих действий и творчества.

Человеческое творчество создает смысловую реальность (одновременно социальную и культурную). Согласно Ф. Тенбруку в любом эмпирическом явлении социальной жизни невозможно отделить социальную часть от культурной — налицо «бесшовное соединение» [2. С. 40]. «Вебер использовал метод исторического исследования, анализируя связь между религией и социальными изменениями. Он был убежден, что в протестантизме и особенно в учении Кальвина (XVI) заложен некий призыв к самодисциплине, которая является важным условием делового успеха. Стремясь доказать это, он внимательно изучал проповеди великих протестантов, уделяя особое внимание их мыслям об упорном труде, самоограничении, разумном использовании времени и денег. Он также анализировал произведения Франклина, высоко ценившего деловой успех. Кроме того, он изучал историю нескольких религий — например, Индии и Китая, где деловому успеху не придавалось такого важного значения, как в протестантской Европе, и обнаружил, что эти темы встречаются не во всех религиях… Использование исторических документов для проверки гипотез является важным методом исследования для многих социологов» [4. С. 32] (переписи населения, судебные протоколы, записи в церковных книгах, полицейские архивы и т.д.). «Тем не менее ориентирующуюся на человеческую субъективность веберовскую социологию нельзя назвать гуманитарной дисциплиной в традиционном понимании, как например историю, которая изучает индивидуальные, обладающие культурной значимостью, действия, институты и т.п. Социология как генерализирующая наука, оперирует типическими явлениями, фактами, личностями, которые в ходе социологического образования понятий освобождаются от индивидуального содержания, но при этом социологические абстракции — типы — не оторваны от субъективного смысла реальных человеческих действий» [2. С. 44].

Итак, в отличие от Конта и Дюркгейма, Вебер в центр социологии ставит субъективность — люди творят социальный мир, но при этом он, как Конт и Дюркгейм, ориентирует социологию быть генерализирующей наукой, в которой, в отличие, например, от истории, приветствуются теоретические конструкции. Уходя от позиции Конта и Дюркгейма о том, что общество — это над-индивидуальная объективная реальность наподобие естественного (природного) явления, Вебер в то же время солидарен с ними в сохранении культа теоретического знания в социологическом исследовании и стремится логически обосновать историческую и социальную жизнь. Таким образом, природное ли общество явление или культурное, но стороны согласны в том, что им правят универсальные законы, которые устанавливает теория. Подвергнут сомнению универсальность социальных закономерностей представители цивилизационного подхода.

Позитивистская социология и цивилизационный подход

Во времена Конта и Вебера еще не получили широкого признания идеи о принципиальном различии цивилизаций, хотя они уже существовали. Например, Н.Я. Данилевский изложил свою теорию о культурно-исторических типах [12], О. Шпенглер рассматривал историю с позиции цивилизационного подхода. Позднее, в середине и в конце XX века идея цивилизационного развития получила широкое распространение [13]. Например, С. Хантингтон полагал, что «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов» [14. С. 33]. Нет единства человечества, а есть конфликты между цивилизациями. Каждый из представленных Данилевским культурно-исторических типов, «или цивилизаций, имеет свою собственную историю, и нельзя говорить об общей или универсальной истории человечества. Когда мы обсуждаем вопросы древней, средней или новой истории, мы обычно подразумеваем историю Европы. На самом деле каждый из культурно-исторических типов имеет свою собственную древнюю, среднюю и новую историю, причем некоторые из них уже завершили свой цикл, другие существуют, находясь на разных ступенях развития» [2. С. 25–26].

Но если нельзя говорить о единой истории всех времен и народов, подчиненной единой логике, то необходимо искать логику создания социального (социальной структуры, стратификации, институтов и др.) в историческом анализе той или иной цивилизации (ее доминирующей культуры и культурной идентичности, в творчестве доминирующих в ней элитных групп). В современную эпоху одним из значимых представителей цивилизационного подхода в социологии является Ш.Н. Эйзенштадт, который расширил понимание теории модернизации: вместо единого пути развития он предложил концепцию *множественной модернизации*, т.е. модернизация общества связана с его культурно-историческими особенностями, значит, модернизация и вестернизация — это не одно и тоже, и западный образец — один из возможных (4) [15]. «В конце 50-х, а особенно начиная с середины 60-х годов, стала нарастать критика ранних теорий модернизации… направленная прежде всего против дихотомии традиция–современность, в том числе на выявление неисторичности и западоцентричности этой модели. Другое направление критики относилось к базовым теоретическим и аналитическим предпосылкам модели, особенно ее предпосылок “развития” как эволюци-

онного процесса и “функционально-структурной” схемы анализа устроения общества» [15. С. 471].

Итак, цивилизационный фактор стал еще одной причиной теоретического разногласия в современной социологии. В итоге была подвергнута сомнению идея универсальности социальных закономерностей, открываемых социологической теорией, и угас интерес социологов к построению теорий макроуровня.

Социология XXI века — синтез естественной и гуманитарной науки

Сегодня признается, что недостаток позитивистской модели социологического исследования, связанный с подражанием естественнонаучным стандартам, — *пренебрежение фактором времени* (результат подражания классической физике) [16. С. 11]. В постклассической науке ситуация изменилась: «в современных научных представлениях не сохранилось и намека на былые представления о властно повелевающих и требующих беспрекословного повиновения “законах” природы. Ныне под законами природы принято понимать статистические закономерности, справедливые в определенные моменты времени и в определенных местах» [16. С. 52]. Об игнорировании фактора времени в социологии пишет Г. Дерлугьян применительно к академической американской социологии, «во всяком случае ее господствующий “мейнстрим” ориентирован одновременно на внеисторические инвариантные модели (которые считаются основной, если не единственной формой теории), а также на конкретные исследования явлений, берущихся многочисленными индивидуальными учеными почти неизменно на микроуровне и на кратких временных участках» [17. С. 8].

Недостатками позитивистской модели социологического исследования также признаются *пренебрежение фактором творчества,* что идет от восприятия общества как естественного (природного) явления, отражается в пренебрежении гуманитарным знанием и в ориентации на использование математических моделей, и *пренебрежение фактором разной организации человеческого общества,* что ставит вопрос о цивилизационном развитии и о социальной и культурной идентичности.

Есть основание считать, что тенденция сближения истории и теоретической социологии поможет последней выйти из теоретического кризиса, так как доминирование в XX веке позитивистского (натуралистического, сциентистского) подхода привело к тому, что социологические теории, описывая главным образом функционирование современных обществ западного типа на базе эмпирической (статистической) информации, предлагали себя в качестве универсальных для всех стран. Теоретические источники, на которые опираются социологи в своих исследованиях — концепции структурного функционализма, теории модернизации, инновационной экономики, человеческого капитала, постиндустриального общества, среднего класса и др.,

были зачастую нерелевантны для обществ незападного типа. Вот почему практика переноса западных теорий и моделей развития на незападные страны во многом оказалась неудачной. Более того, даже применительно к западным странам такие теоретические конструкции не всегда могли служить надежной базой для успешного прогнозирования. Все это провоцировало в социологии разочарование в теоретизировании.

Историческое рождение социологии как науки с опорой на естественнонаучные стандарты диктует ей быть аналитической генерализирующей наукой, которая строит теоретические конструкции и ищет закономерности. Но социология не естественная наука, так как она изучает не природные, а смысловые реальности. В социологическом исследовании важно опираться не только на количественное измерение и математические модели, но и использовать исторические данные, учитывать фактор времени, фактор творчества, роль элитных групп, разнообразие цивилизаций, специфику социальных институтов — все это позволяет усилить понимание человеческого общества и тем самым9 объективность социологического знания. В силу специфики рождения социологии ей важно искусно *совмещать каноны естественной и гуманитарной науки,* продолжать использовать измерительные процедуры и расширять сотрудничество с гуманитарными науками для расширения собственного концептуального аппарата (перевод достижений других наук на социологический язык).

Еще одним важным направлением в преодолении кризисных явлений в теоретической социологии должно стать более тесное сотрудничество с другой социальной наукой — экономикой, в рамках которой активно развивается так называемый институциональный подход и возникло новое научное направление «институциональная экономика». Во времена Конта, Дюркгейма и Вебера в центре внимания при изучении социального мира был главным образом человек (люди с их идеями, верованиями, ценностями и т.д.), но современный мир даже в развивающихся странах стал больше миром социальных институтов и организаций — именно они в большей степени определяют жизнедеятельность мира и подчиняют человека своим правилам и процедурам. Вероятно, сегодня, изучая социальные институты и организации, социологи больше узнают об обществе, чем изучая самих людей.

Современный мир очень институционализировался, и что логично, появилась институциональная экономика: прежде экономисты могли изучать экономику отдельно от всего, но сегодня ситуация иная — экономисты вынуждены рассматривать экономику как часть конкретного общества, которая движется не только экономическими интересами и потребностями людей, но и установлениями таких социальных институтов, как религия, образование, право и др. У. Хамильтон провел серию отраслевых исследований, стремясь показать, что заработная плата и цены устанавливаются не рыночными

силами, как считали неоклассические экономисты, а зависят от социального и исторического контекста.

Влияние социального, политического и исторического контекста есть в любой экономике (не только западного типа). Сегодня экономисты-институционалисты вышли на уровень изучения экономических игроков как участников институциональных отношений, объясняя ход исторического развития, природу прогресса и отсталости стран и народов. В современном мире культура общества и его социальные институты выступают на передний план анализа — подобное есть не только в экономике, но и в социологии. Если в экономике новая научная область именуется Cultural Economics, то в социологии в конце XX века появляется Cultural Sociology (Дж. Александер). Учитывая внимание современных исследователей к культуре обществ и их социальным институтам, представляется важным для социологии в плане выхода из теоретического кризиса двигаться в этом мейнстриме, используя достижения экономистов-институционалистов для обогащения собственного концептуального аппарата.

Примечания

(1) Э. Гидденс называет позитивистскую социологию натурализмом, подчеркивая тот факт, что она рассматривает общество как естественное явление (т.е. не искусственное, а натуральное, наподобие природы в естествознании).

(2) Данный теоретический кризис был связан с проблемой той эпохи, которая оформилась в середине XX веке, в частности, в связи с публикацией в 1959 году работы «Две культуры и научная революция» физика Ч.П. Сноу, в которой он высказал сожаление о том, что мир естественников и мир гуманитариев разошлись и они стали плохо понимать друг друга. В Советском Союзе такая общественная дискуссия прошла под лозунгом «о физиках и лириках» и зафиксировала существенную разницу в научной культуре двух лагерей — научно-технического и гуманитарного.

(3) Исследователи творчества Конта отмечают, что он стремился отмежеваться от упреков в социологическом реализме [10]. Конт не хотел, чтобы его имя связывали с прошлым — спор средневековых реалистов и номиналистов он считал анахронизмом, а точку зрения реалистов — эмпирически недоказуемой. Но тем самым он демонстрировал логическую непоследовательность своей позиции: с одной стороны, выделял в качестве объекта социологии общество, которое невозможно эмпирически доказать, с другой — считал, что по образцу экспериментальной науки изучение общества должно быть основано на получении эмпирических данных о нем.

(4) «Эйзенштадт критикует традиционные модели модернизации, предлагая более гибкое понимание, где модернизация не является линейным процессом и включает в себя множество путей развития, учитывающих культурные и цивилизационные особенности societies» [15. С. 470].

Библиографический список

1. *Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
2. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 2004.
3. *Семенов Ю.И.* Общество: теоретический анализ понятия. URL: https://scepsis.net/library/id_65.html.

4. *Смелзер Н.* Социология М., 1994.
5. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2021.
6. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии. URL: https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-devyat-tezisov-o-buduschem-sotsiologii.
7. *Гидденс Э.* Социология // Социологические исследования. 1994. № 2.
8. *Давыдов Ю.Н.* Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические исследования. 1995. № 8.
9. *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2017.
10. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М., 1979.
11. *Гайденко П.П.* Социология Макса Вебера // История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 2001.
12. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.
13. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.
15. *Эйзенштадт Ш.Н.* Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.
16. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2000.
17. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776
EDN: VVSOJM

To the origins of theoretical crises in sociology*

A.N. Danilov[1], S.V. Kostyukevich[2]

[1]Belarusian State University,
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

[2]Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova St., 1, bldg. 2, Minsk, 220072, Republic of Belarus

(e-mail: a.vitebsk55@gmail.com; svkostus@yahoo.com)

Abstract. The article considers the relationship between theoretical crises in sociology and the influence of experimental science, which emerged in Europe in the mid-18th century as a result of the scientific revolution primarily associated with Galileo and Newton. The authors argue that positivist sociology in Europe imitated natural experimental sciences, which determined the understanding of the object of sociological study (society) as a natural phenomenon (similar to nature in natural sciences) developing according to the same (universal) laws and regularities. The imitative nature of positivist sociology is also manifested in the fact that, like natural sciences, on the one hand, it demonstrates the priority of the theoretical over the empirical, while, on the other hand, considers it important to collect empirical data through measurement procedures, i.e., positivist sociology aims at connecting theory and practice. The authors believe that theoretical

* © A.N. Danilov, S.V. Kostyukevich, 2026
The article was submitted on 05.03.2024. The article was accepted on 13.07.2024.

crises of sociology are determined by the impossibility of developing sociology, an essentially one of humanities, according to the canons of natural sciences. And it is positivist methodology that is largely responsible for these crises, as it was the first in time and dominated throughout the 20th century. Given the specific nature of sociology's origins and development, it is essential for it to skillfully combine canons of natural and human sciences. Therefore, sociology should not only develop measurement procedures but also expand its conceptual framework in cooperation with humanities.

Key words: sociology; theoretical crises; positivist sociology; cultural sociology; civilizational approach; institutionalization; instutional approach

For citation: Danilov A.N., Kostyukevich S.V. To the origins of theoretical crises in sociology. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 762–776. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776 EDN: VVSOJM

References

1. Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiyskoy kultury* [At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture]. Moscow; 2022. (In Russ.).
2. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Semenov Yu.I. Obshchestvo: teoreticheskiy analiz ponyatiya [Society: A theoretical analysis of the concept]. URL: https://scepsis.net/library/id_65.html. (In Russ.).
4. Smelser N. *Sociology*. Moscow; 1994. (In Russ.).
5. Acemoglu D., Robinson J. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow; 2021. (In Russ.).
6. Giddens A. Nine theses on the future of sociology. URL: https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-devyat-tezisov-o-buduschem-sotsiologii. (In Russ.).
7. Giddens A. Sociology. *Sociological Studies*. 1994; 2.
8. Davydov Yu.N. Evolyutsiya teoreticheskoy sotsiologii XX veka [Evolution of theoretical sociology of the 20th century]. *Sociological Studies*. 1995; 8.
9. Taleb N.N. *Cherny lebed. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. *Istoriya burzhuaznoy sotsiologii XIX — nachala XX veka* [History of Bourgeois Sociology in the 19th — Early 20th Centuries]. Ed. by I.S. Kon. Moscow; 1979. (In Russ.).
11. Gaidenko P.P. Sociology of Max Weber. *Istoriya sotsiologii v Zapadnoy Evrope i SShA*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow; 2001. (In Russ.).
12. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. The Slavic World's Political and Cultural Relations with the Germanic-Roman West]. Moscow; 1991. (In Russ.).
13. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow; 2003. (In Russ.).
14. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy? [Clash of civilizations?]. *Political Studies*. 1994; 1.
15. Eisenstadt Sh.N. Novaya paradigma modernizatsii. Raspad ranney paradigmy mo-dernizatsii i peresmotr sootnosheniya mezhdu traditsiey i sovremennostyu [The new paradigm of modernization. The collapse of the early modernization paradigm and a reconsideration of the relationship between tradition and modernity]. *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy: Khrestomatiya*. Moscow; 1998. (In Russ.).
16. Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow; 2000. (In Russ.).
17. Arrighi G. *Dolgy dvadtsaty vek: dengi, vlast i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time]. Moscow; 2006. (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 777–788
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788
EDN: VOVSFD

Р. Мертон: теория серендипити — неслучайная случайность в научных инновациях и открытиях*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76. Москва. 119454, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена теория серендипити Р. Мертона, нацеленная на изучение фактора «неслучайной случайности» в нелинейном процессе производства особого типа научных инноваций — возникающих как «побочный продукт» запланированных исследований, который проявляется в виде «самоисполняющегося пророчества» и непредвиденных последствий целенаправленных действий ученых. Показано, что атрибутом серендипити является обоснование данных, не соответствующих ожиданиям исследователей, — они представляются несовместимыми с доминирующей теорией и установленными фактами и имеют стратегическое значение для разработки новой теории или качественного развития существующей. Дискурс серендипити выступает драйвером конкуренции ученых за признание приоритета в обосновании конкретного инновационного знания — автор анализирует особые функции неологизмов, стимулирующих и закрепляющих научные инновации. Раскрыта суть взгляда Мертона на амбивалентные последствия «неслучайных случайностей» в науке — подчеркивается социальная ответственность ученых за формирование культуры доверия к научному знанию в контексте производства инноваций. Показана значимость мертоновских идей о том, как легитимировать приоритет ученого на инновацию и как практически организовывать управление случайными открытиями в науке на макро- и микроуровнях. Востребованность актуализации теории серендипити обусловлена тем, что в ней обосновывается стратегия формирования институциональных научных и образовательных структур, нацеленных на подготовку социологов-профессионалов как экспертов, призванных формировать у себя креативность, смелость мысли и инновационные компетенции, столь необходимые для обеспечения научно-технологического лидерства страны.

Ключевые слова: «неслучайная случайность»; «паттерн серендипити»; нелинейность; инновация; гуманизм; легитимность; приоритет; планирование открытий в науке; инновационные компетенции

Для цитирования: *Кравченко С.А.* Р. Мертон: теория серендипити — неслучайная случайность в научных инновациях и открытиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 777–788. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788 EDN: VOVSFD

---

*© Кравченко С.А., 2026

Статья поступила в редакцию 02.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Р. Мертон обосновал теорию серендипити как «неслучайной случайности» или «счастливой случайности» в научных инновациях. Суть серендипити заключается в обнаружении чего-то ценного в месте или способом, которого никто не ожидал. Такой тип инновации проявляется в *непредвиденных научных открытиях* — «побочном продукте» запланированных исследований, «открытии, которое не искали» [8. С. 234]. Изначально слово «серендипити» означало уникальный дар участника счастливого случайного открытия, но со временем стало использоваться более широко — для интерпретации всего события случайного открытия и его объекта.

По словам Мертона, он «случайно наткнулся на странно выглядящее, но благозвучное слово “серендипити”, когда потратил значительную часть своей стипендии аспиранта на двенадцать томов Оксфордского словаря английского языка. Это стало “огромной инвестицией”… Статья в Оксфордском словаре косвенно отражает медленное, но определенное переосмысление феномена случайности в науке как особого и сложного когнитивного процесса, развивающейся концепции, которая с опозданием находит свое место в социологии и философии науки… Слово “серендипити” сразу же вошло в мой рабочий лексикон… перекликалось с моей теоретической одержимостью социологического изучения важности непредвиденных последствий целенаправленных действий в социальной жизни и неожиданных этапов развития знаний. Эта навязчивая идея зародилась в моей докторской диссертации середины 1930-х годов о непреднамеренной и довольно парадоксальной роли пуританизма в продвижении инновационной науки в Англии XVII века», а затем была сформулирована в более общем виде в эссе “Непредвиденные последствия целенаправленных социальных действий”» [8. С. 241, 260].

В обосновании этих новаторских идей Мертон социологически «переоткрыл» историю, написанную в 1754 году литератором Г. Уолполом — о трех принцах Серендипов, проявивших во время своего путешествия особую наблюдательность, в результате чего они нашли интересные данные, которых не искали. Придание инновационного смысла «серендипити» было сочетанием случайности и научной проницательности ученого — он «принадлежит тому типу читателей словарей, которые находят в словарном хранилище не просто определения, но и краткие обзоры культурной истории. Они не только “используют” словарь в смысле “поиска” слов, которые им попались, но и систематически или спорадически читают словари. Поиск конкретного слова становится лишь отправной точкой исследования “случайностей”… Что касается проницательности, то она тоже сыграла свою роль — на слово “серендипити” упал восприимчивый взгляд» [8. С. 140]. Так, неслучайная случайность, по сути, стала фактором создания теории сендипити, которую Мертон развивал с 1930-х по 2001 год, дополняя все новыми положениями. Ее практическим воплощением стала институционализация серендипити в мировой социологии.

Приведем примеры серендипити из отечественной социологии. В.А. Ядов, будучи руководителем первой вузовской лаборатории социологических исследований (при ЛГУ), изучал ценностные ориентации рабочих в проекте «Человек и его работа» [5]. Полученные результаты, по его словам, позволили «реинтерпретировать марксистское понятие “содержание труда”» и сделать вывод о том, что не реализовался прогноз Маркса о превращении рабочих из «класса в себе» в «класс для себя»: советский рабочий класс — «это “класс в себе”, он не стал коллективным субъектом социального действия» [13]. Это непредвиденное научное переоткрытие важнейшего положения марксизма стало «побочным продуктом» запланированных исследований. В.Н. Иванов, будучи директором Института социологии в советское время, ставил перед коллективом масштабные идейно-политические задачи «изучения изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества… разработки путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [2. С. 18]. Вскоре он пришел к убеждению, что путь к решению самых серьезных задач служения Отечеству и социологической науке включает в себя не только валидные теории и строгие эмпирические исследования, но и поэтические метафоры. Результатом стала интеграция социологического знания и литературы, преодоление разрыва между строгой научной терминологией и поэтическими формулировками: «Я жил одною жизнью со страной, О чем рассказ мой вдохновенный, И строй научный, строй военный По сути для меня единый строй — Строй моего Отечеству служенья» [3. С. 307]. Так, Иванов благодаря неслучайной случайности создал уникальную социолого-поэтическую парадигму.

Квинтэссенция «паттерна серендипити»

В выступлении перед Американским социологическим обществом в марте 1946 года Мертон представил инновационную теорию «паттерна серендипити», включавшую в себя объяснения природы таких явлений, как «*самоисполняющееся пророчество*» и *непредвиденные последствия целенаправленных социальных действий* [11]. Он обосновал важную закономерность научного творчества — наблюдении за «неожиданными, аномальными и стратегическими данными, которые становятся теоретико-методологическим фундаментом для разработки любой новой теории или для расширения существующей» [10. С. 505]. У серендипити три атрибута: обоснование данных, не соответствующих ожиданиям исследователей; они представляются несовместимым с доминирующей теорией или другими установленными фактами; они имеют стратегическое значение для разработки новой теории. К углублению содержания серендипити Мертон вернулся в 1949 году в работе «Социальная теория и социальная структура», представив его в качестве важной закономерности научных исследований и сопут-

ствующего неологизма, имеющего самостоятельную ценность для развития научного знания [9. С. 255–257].

Паттерн серендипити основан на *синергии ряда неожиданностей*, последствия чего выражаются в том, что «неожиданное наблюдение приводит к непредвиденному виду новых знаний. Во-первых, полученные данные не предполагались. Исследование, направленное на проверку одной гипотезы, дает случайный побочный продукт; неожиданное наблюдение имеет отношение к теориям, которые не вызывали сомнений на момент начала исследования. Во-вторых, данное наблюдение стало аномальным, удивительным либо потому, что представляется несовместимым с преобладающей теорией или с другими установленными фактами. В любом случае кажущаяся несовместимость вызывает любопытство; оно побуждает исследователя “осмыслить данные”, вписать их в более широкую систему знаний. Наряду с этими двумя компонентами неожиданности в паттерне серендипити существует третий компонент — ученый, который находит полученные данные вызывающими… Короче говоря, неожиданные, аномальные и стратегические данные не просто “где-то там”, а отчасти (но только отчасти) представляют собой когнитивную “конструкцию” — теоретическую ориентацию и знания наблюдателя, как явную, так и латентную функции» [8. С. 236–237].

Слово «серендипити» вошло в социальные науки, и тема неслучайных случайных открытий становилась все более актуальной при изучении трендов производства научных инноваций, которые возникали непреднамеренно. Динамика интереса к серендипити приобрела нелинейный характер. По Мертону, первый бум серендипити пришелся на эпоху Возрождения XVIII века, второй — на XIX век, когда ученые, увлеченные открытием законов и обоснованием закономерностей, стали осознавать важную роль случайности в общественном развитии, исходя из неожиданных инноваций и открытий. Третий бум пришелся на середину XX века, и к 2001 году количество публикаций во Всемирной сети, содержащих слово «серендипити», в базе данных Google, насчитывающей два миллиарда документов, увеличилось на порядок, достигнув 636 тысяч [8. С. 287].

Серендипити приобретало множество значений в процессе распространения в разных социальных группах. Среди этих групп Мертон выделил две, которые особенно «озабочены поиском инноваций»: коллекционеры (библиофилы, антиквары, собиратели антиквариата) и ученые. В конце XIX — начале XX века некоторые библиофилы и антиквары одними из первых оценили уместность слова «серендипити» для описания своего опыта счастливых случайных открытий, будь то желаемые книги или необходимые обрывки информации [8. С. 41]. Эти социальные практики, их описание и анализ концептуально закреплялись в неологизмах, обозначающих научные инновации: «Природа науки такова, что постоян-

но возникают новые концепции, факты и инструменты, и существует перманентная сопутствующая потребность в новых терминах для их обозначения. С ускорением темпов научного развития в XIX веке потребность в новых терминах часто ощущалась и так же часто удовлетворялась путем создания неологизмов… В обоих социальных мирах, потенциально заинтересованных в случайных открытиях, — мире коллекционеров, с одной стороны, и мире ученых, с другой — “серендипити” с большой долей вероятности становилась результатом викторианского отвращения к легкомыслию и причудливости» [8. С. 46–48]. Так паттерн серендипити в итоге сформировал собственный инновационный дискурс.

Особые функции неологизмов в дискурсе серендипити

Бумы серендипити для Мертона важны возможностью не только изучения инновационных трендов развития научной мысли, но и определением места и роли неологизмов в научных инновациях. Мертон проявлял неизменный интерес к аргументам за и против появления новых понятий, особенно в науке. «Слово “серендипити” было принято людьми из самых разных кругов: среди коллекционеров, писателей, литературоведов, медиков-гуманистов и их окружения, среди социологов, людей, занимающихся прикладными исследованиями, и, наконец, среди научных писателей. В каждой группе причины интереса были несколько иными… в некоторых социальных средах оно воспринималось скорее из-за своего эзотерического характера, причудливого происхождения или привлекательного звучания; в других случаях мыслилось как особая способность описывать определенные переживания членов среды… Среди тех, кто интересуется случайными открытиями, — писатели и лексикографы, люди, профессионально занимающиеся словами; для них знакомство с новыми, старыми или приятными словами является частью профессиональной деятельности» [8. С. 148, 149].

В 1930-е годы феномен случайных открытий совершил скачок из литературы в мир науки. Большинство ученых, как отмечает Мертон, стремятся информировать коллег о созданном ими знании, сообщая, что «они первыми достигли цели»; признание же коллегами оригинальности открытия («приоритета») обеспечивает функциональность социального механизма вознаграждения в науке [7. С. 635–659]. Суть мотивации ученых заключается в том, что «именно неявная и явная конкуренция за честь признания — драйвер научного сообщества, так же как конкуренция за прибыль — движущая сила рынка. Излишне говорить, что любое открытие чего-либо ценного — это приятный опыт, но удовольствие от него усиливается, если открытие неожиданное» [8. С. 82].

В 1940–1950-е годы многие ученые предлагали своим коллегам, по сути, первые наработки теоретико-методологического инструмен-

тария серендипити, включая суждения о его закономерности [8. С. 41]. Были выдвинуты положения, «что в частых и важных открытиях, которые были “результатом чистой случайности”, человека, совершившего открытие, можно заменить любым другим, не препятствуя при этом совершению открытия: при правильных обстоятельствах открытие было неизбежно» [8. С. 43].

По Мертону, неологизмы способствуют признанию приоритета, и ученые «постоянно придумывают такие слова». В социальных и гуманитарных науках новые слова и фразы выполняют особые функции: «Использование нового характеризующего слова или фразы, радикальное переопределение старого слова или возрождение вышедшего из употребления термина — неотъемлемая часть развития инновационных представлений и интерпретаций. Социальный ученый должен часто использовать новые термины, чтобы отличать систематические абстракции, которые он вводит, анализируя социальное поведение, от абстракций обывателя, основанных на здравом смысле» [8. С. 67]. Неологизмы, входя в социальный дискурс, закрепляют инновации в науке и в повседневной. «Реакции на слово “серендипити” могут легко возникнуть в результате любой встречи с этим незнакомым, этимологически загадочным и, представляется, выразительным словом. Такие реакции, как чувство принадлежности, делающее слово исключительно своим, непреодолимое желание узнать его происхождение и множество идей о его современном употреблении, вероятно, довольно часто встречаются у людей, в той или иной мере осознающих свой словарный запас… “Серендипити” — конечно, придуманное слово. Придуманные слова не обязательно должны быть загадочными для тех, кто обладает хотя бы минимальными этимологическими знаниями, но такие знания могут быть использованы только для слов, которые были ссозданы на основе надежных этимологических принципов» [8. С. 88].

Неологизмы, считает Мертон, формируют психологические, эмоционально-чувственные и даже своеобразные эстетические основания для закрепления научных инноваций. «Довольно сложно представить слово, лишенное значения и всех связанных с ним ассоциаций, — слово само по себе, своего рода сочетание звуков, оказывает чувственное воздействие на слушателя, читателя или говорящего. Такое влияние мы видим в слове “серендипити”: не как слова, чья уместность приятна, не как редкого и потому ценного, не как слова, приятного потому, что удовольствие от переживания счастливого случайного открытия передалось ему. Скорее мы отметим, какими отличительными качествами слово может обладать, что мы могли бы назвать “психоэстетическими” характеристиками, делающими его привлекательным независимо от денотативных или коннотативных качеств» [8. С. 95]. Так, неологизмы явно и латентно сопутствуют конкуренции за признание приоритета в научных открытиях.

Серендипити: амбивалентности добра и зла, свободы и контроля, объективности и субъективности

Серендипити органично связано с проблемами *неожиданного зла* или *неожиданной удачи*. «Интеллектуальные и моральные проблемы, возникающие в результате счастливых случайных открытий, во многом схожи с проблемами, связанными с объяснением и оправданием удачи и неудачи в целом… Неожиданная неудача может тяготить человека сильнее, чем удача, но неожиданная удача также может быть труднопереносимой… Проблема неожиданного добра и зла — часть более общей проблемы, фактор неожиданности имеет особое значение для людей, поскольку они ценят предсказуемый мир, населенный рациональными индивидами» [8. С. 150].

Моральную сторону социальной ответственности ученого за сохранение и воспроизводство гуманизма Мертон рассматривает в контексте проблемы непредвиденных последствий целенаправленных социальных действий за случайные открытия, которым сопутствуют добро и зло. Он задает ряд амбивалентных вопросов: как объяснить источники удачи и неудач, как ответить на вопрос о наградах, как так получается, что удача и неудача приходят в жизнь людей, и что сделал тот или иной человек, чтобы заслужить свою участь? Его ответ таков: научный сотрудник, будь то специалист в естественных или социальных науках, постоянно сталкивается с ситуацией «*структурированной неопределенности*». Поскольку его главная задача — продвижение знаний, внедрение инноваций, его деятельность перманентно находится на границе знаний, при том, что его способность предсказывать последствия внедрения научных инноваций в жизнь ограничена. «Проблема неожиданного зла и проблема неожиданной удачи обладают определенной симметрией и асимметрией: обе поднимают вопрос об ответственности, но если в случае зла возникает необходимость в оправдании и, возможно, компенсации, то в случае удачи часто возникает необходимость доказать свою достойность. Если зло должно быть принято, то как связанное с какой-то целью; удача же, с другой стороны, при определенных условиях должна сочетаться с заслугами» [8. С. 150–151, 156].

Мертон называет «среди многих условий, необходимых для процветания науки», то, какой смысл люди вкладывают в добро, что выражается в «преобладании определенных убеждений и предположений». В связи с этим крайне значимо, утвердилась ли в обществе *культура доверия науке*. «Для процветания науки люди должны верить, например, в эмпирическую рациональность и предполагать закономерность и детерминированность явлений, осуществляя их эмпирические исследования. Они должны верить в возможность и поддерживать желательность понимания неизменных причинно-следственных связей в материальной вселенной. Но приверженность этим убеждениям допускает множество подчиненных взглядов

на необходимые условия для развития науки и выбор наилучших методов ее продвижения в рамках ряда ограничивающих условий. Эти взгляды различаются в отношении того, какой вклад может или должен внести ученый в развитие науки, какими качествами он должен обладать для внесения максимального вклада. В основе этих взглядов могут лежать более и менее различимые ориентации на такие широкие вопросы, как причины социальных изменений, свобода и контроль, роль личности в решении социальных проблем» [8. С. 158].

«Ученые, историки и социологи науки, антропологи, марксисты и антимарксисты, последователи Конта и антиконтовцы неоднократно, хотя с разной степенью проницательности, обращали внимание как на феномен независимых множественных открытий, так и на некоторые его последствия для понимания развития научного знания» [8. С. 232]. Мертон приводит конкретные примеры различия взглядов на научные инновации и открытия. С одной стороны, доминирует представление об определяющей роли «объективных законов»: «для ортодоксальных марксистов предположение о том, что открытия могут быть вызваны случайностями, а не неумолимым развитием материальной базы общества, было анафемой. Поскольку марксисты считают, что все социальные и физические явления жестко детерминированы, изобретения в принципе предсказуемы, задача историка или философа науки состоит в том, чтобы разработать способы их предсказания». С другой стороны, есть и те, кто абсолютизирует роль субъективных факторов, которые по-разному интерпретируются: «В мире науки приписывание удачи в целом и случайности в частности обычно связано с оценкой заслуг. Быть признанным удачливым нежелательно — это подразумевает, что достижения не заслужены и на удачливого человека нельзя положиться в плане работы (если ему просто повезло, удача может легко отвернуться от него). С другой стороны, случайность может рассматриваться как благо или как зло. Когда случайность считается заслугой, роль удачи в ней сводится к минимуму; когда случайность считается позорным качеством, фактор удачи определяется как первостепенный. Иными словами, если случайность используется для повышения репутации, роль удачи ставится в зависимость от качеств, которые однозначно вызывают восхищение. Удача или случайность, согласно этим формулировкам, не благоволит людям случайным образом; скорее именно подготовленные умы способны извлечь выгоду из удачи, и с подготовленностью можно связать такие качества, как бдительность, гибкость, смелость и усердие» [8. С. 166, 170–171].

По мнению Мертона, необходимо единство объективных и субъективных факторов — *серендипити культурно обусловлено,* и вместе с тем в научных исследованиях ее можно целенаправленно формировать и воспроизводить за счет развития креативных качеств, творческого мышления ученого.

Соответственно, изучая серендипити, социолог должен учитывать ее сложную природу, проявляющуюся в амбивалентности добра и зла, свободы и контроля, объективности и субъективности.

Легитимность случайных открытий

По мнению Мертона, вопрос о легитимности случайных открытий весьма многогранен и к нему есть разные подходы, учитывающие различные факторы. Так, он «может обсуждаться и быть поднят для того, чтобы установить, какие процедуры являются “наилучшими” при проведении научных исследований. По сути, такое видение проблемы заключается не в том, играют или нет случайные открытия роль в развитии науки, а скорее в том, насколько велика их роль в максимальном развитии науки. Некоторые люди, занимающиеся наукой, предлагали разные рецепты для достижения научного прогресса, и в этих подходах легитимность случайных открытий, как правило, занимает незначительное, но показательное место» [8. С. 183].

В вопросе о легитимности значимо, *как* осуществляется планирование случайных открытий в науке на *макро- и микроуровнях*. «Первый подход к возникновению случайных открытий сосредоточен на взаимосвязи между запланированными и непредвиденными последствиями, между характером и масштабом планирования и возникновением случайных открытий. Ученые высказывали мнения о рациональности в возникновении случайных открытий и о том, как следует организовывать научную деятельность, чтобы такого типа открытия происходили. Это макроскопический взгляд на то, “как” и “почему” происходят случайные открытия в науке: анализ того, по какому пути следует развивать науку, принимая во внимание эффект непредсказуемого, а также причин, по которым сформулированные предписания хороши… Смысл макроскопического взгляда — тщательный анализ концептуальных этапов исследования, которые приводят к случайному открытию. Еще раз следует подчеркнуть, что данный анализ не затрагивает личные качества, необходимые для совершения неожиданного открытия, а только модель научного мышления… Проблемы, которые возникают в связи со случайными открытиями при организации и управлении научными исследованиями, несколько отличаются от проблем, проявляющихся в результате случайных открытий отдельных ученых. В последнем случае серендипити поднимает проблемы, связанные с тщательным определением задач и оптимальным их выполнением. В организованных научных исследованиях задачи и цели определяются не только отдельными учеными, но и *для* них кем-то, кто обладает соответствующими полномочиями. Администратор научных исследований формирует ожидания к ученым, несущим перед ним ответственность за свои результаты» [8. С. 195, 199].

Мертон считает, что благодаря планированию случайных открытий в науке на разных уровнях начался процесс институционализации серендипити: «В конце 1970-х годов я обнаружил, что размышляю об особой социокультурной среде, которая, очевидно, способствовала научным открытиям (включая полноценные серендипиозные открытия и серендипиозные моменты в продолжающихся исследованиях)… Разные научные лаборатории и университетские кафедры можно было бы определить как центры “институционализированной серендипити” или как “серендипиозные микросреды”, где разные научные таланты объединяются для участия в интенсивном социокогнитивном взаимодействии» [6. С. 81–85, 102–105]. Институционализация предполагает создание системы управления серендипити: «Удача требует преобразования пассивного события в научное преимущество — серендипити может быть взращено воображением и институциональной гибкостью… Другими словами, если гиганты научного сообщества несут главную ответственность за прогресс, то именно их следует всячески поощрять; если ученые, способные на серендипити, вносят огромный вклад в науку, то все они достойны максимальной поддержки… Несомненно, значимые случайные открытия — это голубые бриллианты лабораторных исследований. Они так же редки, как и непредсказуемы. Хорошо организованные исследования по четко определенным направлениям — основной методом, с помощью которого современная наука достигает целей. Это не означает, что случайность не стоит культивировать… Серендипити — это “искусство” быть любопытным в подходящий, но неожиданный момент. Это искусство столь же древнее, как и самые примитивные науки, и оно сопровождало развитие и алхимии, и современной науки» [8. С. 205, 207, 209, 210]. Сегодня значимость серендипити как науки и искусства возрастает.

Вместо заключения: актуализация серендипити в учебном процессе

Сегодня мертоновская теория серендипити входит в сферу не только научных исследований, но и образования. Главный путь к достижению практической цели — управление наукой и искусством, формируя у студентов инновационные компетенции [1; 12], прежде всего способность оценивать то, как эффекты «стрелы времени» влияют на бумы инноваций научного знания, критически анализировать теории и методологический инструментарий, выявляя сигналы их «устаревания»; умение диагностировать инновации и их амбивалентные последствия в виде вызовов гуманизму и неожиданных проявлений добра и зла. Сегодня идет активное становлении инноватики как области знаний, изучающей характер и содержание инноваций, — это «комплексный процесс созда-

ния, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой (или для лучшего удовлетворения уже известной) общественной потребности; одновременно это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социальной и вещественной сфере, в которой совершается его жизненный цикл… при этом на первых местах по уровню поддержки населением и по весу в совокупности факторов были и остаются позиции, имеющие четкую *гуманистическую ориентацию* в повседневной жизни» [4. С. 159, 239]. Научное лидерство страны во многом зависит от управления учебным процессом, его нацеленности на развитие творческого мышления и инновационных компетенций у студентов, привлечение их к реально значимой научно-исследовательской работе.

Библиографический список/References

1. *Буш К.* Неслучайная случайность. Как управлять удачей и что такое серендипность. М., 2022 / Bush K. *Nesluchajnaya sluchajnost. Kak upravlyat udachej i chto takoe serendipnost* [The Serendipity Mindset: The Art and Science of Creating Good Luck]. Moscow; 2022. (In Russ.).
2. *Иванов В.Н.* Социология в СССР. Записки директора института. М., 2018 / Ivanov V.N. *Sotsiologiya v SSSR. Zapiski direktora instituta* [Sociology in the USSR. Notes of the Institute's Head]. Moscow; 2018. (In Russ.).
3. *Иванов В.Н.* Служение (70 лет в строю: 1954–2024). М., 2024 / Ivanov V.N. *Sluzhenie (70 let v stroyu: 1954–2024)* [Service (70 Years in Service: 1954–2024)]. Moscow; 2024. (In Russ).
4. *Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики. М., 2008 / Lapin N.I. *Teoriya i praktika innovatiki* [Theory and Practice of Innovation]. Moscow; 2008. (In Russ.).
5. Человек и его работа: социологическое исследование / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова. М., 1967 / *Chelovek i ego rabota: sotsiologicheskoe issledovanie* [Man and His Work: A Sociological Study]. Ed. by A.G. Zdravomyslov, V.A. Yadov. Moscow; 1967. (In Russ).
6. Merton R.K. *Sociology of Science: An Episodic Memoir*. Southern Illinois University Press; 1976.
7. Merton R.K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science. *American Sociological Review*. 1957; 22.
8. Merton R.K., Barber E. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton University Press; 2004.
9. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York; 1949.
10. Merton R.K. The bearing of empirical research upon the development of sociological theory. *American Sociological Review*. 1948; 13.
11. Merton R.K. The unanticipated consequences of purposive social action. *American Sociological Review*. 1936; 1 (6).
12. Pievani T. *Serendipity: The Unexpected in Science*. MIT Press; 2024.
13. Vivat, Ядов! К 80-летнему юбилею. М., 2009 / *Vivat, Yadov! K 80-letnemu yubileyu* [Vivat, Yadov! On the 80th Anniversary]. Moscow; 2009. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788
EDN: VOVSFD

R. Merton: theory of serendipity — non-random chance in scientific innovations and discoveries*

S.A. Kravchenko

MGIMO University,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article considers R. Merton's theory of serendipity, which explores the factor of "non-random chance" in the nonlinear production of a specific type of scientific innovation — a "by-product" of planned research, manifesting itself as a "self-fulfilling prophecy" and unanticipated consequences of scientists' purposive social actions. Serendipity is characterized by the explanation of the data that does not meet researchers' expectations, seems incompatible with the dominant theory and established facts and has the strategic significance for a new theory or the qualitative development of the existing one. The discourse of serendipity determines scientists' competition for the recognition of the priority in specific innovative knowledge — the author considers the special functions of neologisms that stimulate and consolidate scientific innovations. The article reveals the essence of Merton's view on the ambivalent consequences of the "non-random chance" in science, emphasizing the social responsibility of scientists for developing the culture of trust in the scientific knowledge in the context of producing innovations. The author proves the importance of Merton's ideas on how to legitimize the scientist's priority for innovation and how to practically organize the management of serendipitous discoveries in science at the macro- and micro-level. The relevance of updating the serendipity theory is determined by its implied strategy for forming institutional scientific and educational structures aimed at training professional sociologists as experts that are to develop creativity, courage of thought and innovative competencies essential for ensuring the country's scientific-technological leadership.

Key words: "non-random chance"; "serendipity pattern"; nonlinearity; innovation; humanism; legitimacy; priority; planning scientific discoveries; innovative competencies

For citation: Kravchenko S.A. R. Merton: theory of serendipity — non-random chance in scientific innovations and siscoveries. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 777–788. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788 EDN: VOVSFD

*© S.A. Kravchenko, 2026
The article was submitted on 02.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 789–800**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800
EDN: VJKDJF

Индигенные методологии: альтернативный подход или ускользающий предмет*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Аннотация. В статье представлены некоторые подходы к концептуализации индигенных методологий, в фокусе которых находятся: контекст исследования и репрезентации его результатов; позиция ученого, чья идентичность артикулируется в терминах индигенности и примордильности; принцип дихотомизации, в соответствии с которым разграничиваются позиции индигенных (изнутри) и неиндигенных (извне) ученых. Индигенные методологии понимаются как особая система производства знания и как инструмент «деколонизации» знания и методологии. Будучи представлены в социальном дискурсе как культурно обусловленный феномен, они не ограничиваются культурой и социальностью коренных народов, а имеют значимое этическое и политическое измерение. В том числе речь идет о преодолении коренными народами стигмы быть объектом исследования. Индигенные методологии концептуализируются как сопряженные, прежде всего, с контекстом формирования дизайна исследования и репрезентации его результатов, а не как предлагающие специальные методы и процедуры. Они осмысляются как одна из версий «антропологии дома», проводимой в родном (со) обществе и соотносимой с концептом индигенности. В контексте индигенных методологий этническая идентичность ученого рассматривается как «эпистемологическая» или «методологическая привилегия» и сопрягается с доступом коренных народов к знанию. В рамках индигенных методологий представлено несколько точек зрения на позицию исследователя, апеллирующего к своей принадлежности к коренным народам, которая понимается (а) как выражение аутентичной точки зрения на окружающий мир изнутри, (б) как культурный перевод, подразумевающий репрезентацию культурных форм как аутентичных в межкультурном пространстве. В последнем случае в фокусе внимания оказываются множественные связи субъекта и объекта исследования, их частичное совпадение, а также паттерны трансформации идентичности индигенного антрополога, вовлеченного в исследование родной культуры. В более широком смысле индигенизация социальной теории означает поиск концепций и методов, укорененных в локальном социокультурном контексте, что лишает западные институты монополии на производство знания.

Ключевые слова: социальная антропология; коренные народы; индигенность; индигенные методологии; антропологическое знание; социокультурный контекст; деколонизация

---

*© Куропятник М.С., 2026
Статья поступила в редакцию 29.01.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Для цитирования: *Куропятник М.С.* Индигенные методологии: альтернативный подход или ускользающий предмет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 789–800. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800 EDN: VJKDJF

Академический дискурс ориентализма, во многом определивший концептуальную карту постколониальных исследований в 1980-е годы (Э. Саид, М.Р. Труйо), в последнее время сместился в сторону индигенности. Эта смена перспектив научных исследований в контексте фундаментальных социальных, экономических и политических трансформаций ландшафтов современности сопряжена в том числе с развитием индигенных методологий как особой системы производства знания и как ответа коренных народов на колониализм. В фокусе внимания оказываются культурное и интеллектуальное измерения (де) колонизации [1. С. 217–263; 7; 19; 20], что подразумевает деколонизацию знания и методологии. Важно отметить, что проблемные поля индигенных методологий и постколониальных исследований частично пересекаются. Однако основные идеи и новые подходы к концептуализации культурных различий, идентичности и их репрезентации, ознаменовавшие постколониальные изменения в антропологии, были восприняты сторонниками индигенных методологий скорее на тематическом уровне. В теоретическом плане индигенные методологии интегрируют разнородные концепции и модели в логике их непрерывного переосмысления и символической инверсии.

В целом дискуссии, сопровождающие формирование индигенных методологий, способствуют критическому переосмыслению проблемы соотношения индигенного знания и антропологической (дисциплинарной) версии культуры, классических методов полевого антропологического исследования и евроцентристских моделей концептуализации и репрезентации его результатов, а также научных и индигенных понятий. При этом сами индигенные исследования понимаются либо как самостоятельная дисциплина, развивающая собственную эпистемологию и методологию, либо как специфический набор тем в рамках соответствующих академических дисциплин — социальной антропологии и социологии.

Индигенные методологии: контекст исследования и интерпретации

Индигенные методологии подразумевают проведение исследований в социокультурном контексте, соотносимом с феноменом индигенности, который в классической социальной антропологии ассоциировался с идеями аутентичности и принадлежности определенному месту [13]. Предпосылки подобных коннотаций сформировались в условиях прежнего фокуса антропологии на изучении экзотичных Других — пространственно удаленных

и имеющих выраженные культурные различия, а также доминирования эволюционной и структурной парадигм в социальных науках. При этом в антропологическом дискурсе «индигенность» была концептуально локализована в колониальных и постколониальных контекстах, что, будучи воспринято индигенными учеными, во многом обусловило репрезентацию ими академических (западных) исследований коренных народов и самого термина «исследование» как колониальных практик [19. С. 107], а индигенных методологий — как альтернативного подхода и инструмента деколонизации. «Деколонизация методологий» [9. С. 123; 19. С. 107–108; 20] — один из инструментов трансформации постколониальных контекстов и важный фактор формирования идентичности коренных народов.

Несмотря на реконтекстуализацию индигенности в условиях глобализации и трансформацию содержания концепта [3], ряд идей и подходов, неоднократно подвергавшихся критическому анализу в социальных науках, воспроизводится сегодня в формате индигенных методологий — в логике формирования и репрезентации знания о себе народами, преодолевающих стигму быть объектом исследования. Прежнее дисциплинарное видение мира парадоксальным образом воплощается в парадигме, дихотомизирующей антрополога (исследователя) и индигенного антрополога [18. С. 671], который аккумулирует местное знание и опирается на традиционные методы познания, — в исходной идее, определившей появление нового направления в начале XXI века.

Индигенные методологии могут быть также представлены как одна из версий «антропологии дома» (Home Anthropology), проводимой в том социальном контексте, который ее продуцирует [21. С. 16], а индигенный ученый — как антрополог, проводящий исследование «в своем сообществе» [12. С. 56]. Однако миссия «быть антропологами у себя дома» определяется не тем, являются ли они уроженцами определенной местности, а «отношением между их методами организации знания и тем, каким образом люди организуют знания о себе» [21. С. 31]. Вопрос в том, позволяют ли индигенные методологии преодолеть неизбежный разрыв между локальным знанием и аналитическими концептами, конституирующими антропологию.

Индигенные методологии концептуализируются прежде всего как сопряженные с определенным контекстом, где формируется дизайн исследования, а не как предлагающие специальные методы и процедуры [20. С. 1–17]. Контекстуализация, т.е. помещение культурных форм, событий, практик в определенный культурный контекст, придает локальные смыслы социальным явлениям [23. С. 157]. М. Стрэтерн обращает внимание на двойственную природу этого процесса: традиционная процедура локализации социальных явлений и вещей (индигенных методологий) в том или ином контексте стимулирует создание контекста как одного из объектов познания [23. С. 160]. В условиях глобализации — осо-

бого контекста формирования и артикуляции смыслов, «контекста контекстов» [22. С. 2, 11] — сама идея ограниченности и относительной контекстуальности знания [23. С. 157–160], ставшая в какой-то момент общим местом, видится весьма проблематичной. С другой стороны, контекстуализирующий эффект индигенных методологий в значительной степени нивелируется практиками индигенных акторов, концептуализирующих свою культуру в политических, научных, музейных и образовательных проектах. Несмотря на репрезентацию ими своих исследований в логике создания нового «корпуса знаний о себе и для себя» [19. С. 105], их практики ориентированы не столько на внутренний, сколько на внешний контекст — национальный и глобальный.

Индигенные исследования, включающие в себя и соответствующие методологии, сфокусированы на культуре и социальных формах коренных народов и представлены в социальном дискурсе как «культурно обусловленный феномен» [16. С. 4]. Культурный протокол, ценности и паттерны поведения — неотъемлемая часть индигенных методологий [20. С. 15]. Однако сами индигенные авторы обращают внимание на то, что индигенные методологии не могут быть редуцированы к объекту исследования (культуре, обществу, искусству, истории, здоровью коренных народов), поскольку имеют значимое этическое и политическое измерение. Именно здесь сконцентрированы наиболее весомые аргументы, сопрягающие индигенные методологии с той проблематикой и подходами, которые значимы для самих народов или исследователей [15. С. 210]. В методологическом плане речь идет также о развитии специфических научных практик, не только совместимых с местными культурными традициями, но и сопряженных с эпистемологией, имманентно присущей системе организации знаний коренных народов о себе и окружающем мире, что подразумевает эпистемологическое различение индигенности и других социокультурных контекстов. Наиболее последовательно такое разграничение проводят те исследователи, которые апеллируют к своей принадлежности миру коренных народов и утверждают, что индигенные методологии позволяют «вырваться из рамок западных эпистемологий» — «сильно отличающихся от аборигенных» и чуждых «локальному мышлению» [9. С. 124]. Речь также идет о связи индигенных методологий с территорией проживания коренных народов [8; 17], что имеет эссенциализирующий эффект, отсылая к прежним антропологическим традициям концептуализации культуры в терминах примордиальности и укорененности, в том числе метафорического «заточения» в определенном месте. В этом случае эпистемология соответствующих академических дисциплин (социальной антропологии, социологии) противопоставлена специфической индигенной эпистемологии и методологии.

Еще раз об антропологе как авторе

Индигенные методологии возвращают в проблемное поле антропологии тему автора (чьи тексты воплощают его отношения с миром [21. С. 24], а биография выступает фактором научных исследований), присущую постмодернисткому дискурсу в социальных науках. Сегодня многие авторы вовлечены в изучение и описание своих сообществ, в том числе тех, что в социальных дискурсах ассоциируются с концептом индигенности. С одной стороны, речь идет об авторах, которые, не являясь профессиональными учеными, преобразуют прежний устно-дискурсивный опыт своей культуры в тексты; с другой стороны, об активном включении в научный дискурс исследователей, определяющих себя либо категоризируемых во внешних контекстах как индигенные (туземные, местные). Само обозначение авторов (ученых) как индигенных отсылает к их этническому происхождению или идентичности. Использование в некоторых научных традициях для определения индигенных методологий термина «этнонаука» (один из новых механизмов (вос) производства этничности [5. С. 185–186]) только усиливает подобные коннотации. В этом случае индигенные авторы отмечают «неразрывную связь исследователя и его культуры», «уникальность научных сотрудников-северян как носителей родного языка и культуры» — «свои исследователи» противопоставляются «профессиональным чужакам», а в ряде случаев декларируется преимущественное право первых на исследование родной культуры [5]. Культурная принадлежность автора, мыслимая в терминах индигенности и этнографической культуры, его «привязанность» к определенному месту (в антропологическом смысле) выступают методическим принципом исследования и одновременно критерием аутентичности текста, т.е. «этнографический взгляд на собственные культурные предпосылки полагается здесь также и условием научной работы» [1. С. 105].

Амплитуда точек зрения, представленных в этой сфере, чрезвычайно широка — от ситуаций, когда авторы акцентируют принадлежность к коренным народам, до артикуляции ими своей идентичности в более сложных категориях, не сводимых к идеям этничности и примордиальности. Так, К. Нараян через свой нарратив демонстрирует эссенциализирующий эффект идентификации в качестве «туземных» антропологов у уроженцев «незападного мира», что возможно только в случае игнорирования их сложного происхождения [18. С. 671–678]. Немецко-американская родословная матери Нараян оказывается нерелевантной для тех, кто изображает ее как индийского — «туземного» — антрополога [18. С. 677]. В этой перспективе индигенные («туземные») ученые — антропологи, этнографы, лингвисты — наделяются способностью выражать аутентичную точку зрения, что, в свою очередь, подразумевает возможность непротиворечивой репрезентации групп, с которыми они ассоциируются [18. С. 676–678]. Подобный подход обусловил предвзятую аналитическую сопряженность идентичности иссле-

дователя, артикулируемой в терминах примордиальной этничности, и концептуальной схемы индигенных исследований. Но даже если не принимать во внимание возможные ситуации смешанного происхождения, то образование, профессиональная деятельность, опыт пространственной и культурной мобильности неизбежно способствуют «привнесению гибридности» [18. С. 672, 681] в тексты. Так, А. Афанасьева, обосновывая методологию своего полевого антропологического исследования принадлежностью к саамскому миру по рождению (indigenous insider), не может не признать, что ее обучение в российском и западном академическом пространстве трансформирует исходную позицию «изнутри» за счет элементов позиции внешнего наблюдателя [12. С. 56–58]. В рамках индигенных методологий такая позиция ученого в поле может пониматься как «the outsider within», обнаруживая при этом ряд вариаций [20. С. 5].

Важно отметить, что всякий раз, когда исследователь апеллирует к своей этнической идентичности и представляет свое видение культуры как выражение позиции определенного сообщества, подразумевается культурный перевод [16. С. 4]. Как любая этнография, индигенные репрезентации культуры не могут быть представлены исключительно в терминах дескрипции, а отсылают к эпистемологическим и политическим основаниям репрезентации индигенных культурных форм как аутентичных в межкультурном контексте.

В современных дискуссиях о специфике «присутствия» индигенного исследователя в своем тексте обозначились два основных подхода. Поскольку индигенные методологии сопряжены с правом коренных народов на производство знания и получением доступа к социальным институтам, позволяющим осознавать и выражать свои интересы, а также с признанием эпистемологического статуса их «голосов», этническая идентичность автора приобретает значимое политическое измерение [16. С. 4]. Дискурс знания–власти (М. Фуко) в контексте индигенных методологий имеет свою специфику и амбивалентный смысл. В рамках индигенного подхода западные академические исследования представлены как способ отлучения знания от мира коренных народов, подразумевающий его «изъятие» из локальных контекстов [19. С. 108]. Тема «возвращения» знания, в том числе символического перемещения из научных архивов и институтов в «изначальное» место производства, развивается в контексте дискурса репатриации культурного наследия коренных народов и их интеллектуальных прав. И тогда не только язык проведения исследования, но и язык публикации результатов [7] — родной, русский или английский — становятся инструментом репрезентации аутентичной культуры в текстах индигенных авторов, как отмечают некоторые из них, не подверженных «искажениям» внешних интерпретаций. В ряде случаев индигенные исследования представле-

ны как исключительная сфера деятельности представителей коренных народов, но допускается использование индигенных методологий учеными независимо от происхождения [24]. Набирающая популярность идея о непременном участии индигенных исследователей во всех проектах, реализуемых в этой сфере, созвучна концепциям интеркультурализма с точки зрения понимания научного коллектива как пространства интеркультурного контакта, диалога и совместного творчества, но при этом сформированного в соответствии с критериями «этнического/индигенного представительства» (последнее неизбежно приводит к «замораживанию» культурных различий).

Этические аспекты индигенных методологий — уважение ценностей коренного народа и непричинение ему вреда [17. С. 48], будучи своеобразной калькой соответствующих положений этического кодекса антрополога, становятся своеобразным императивом, имеющим коннотации преодоления дискриминации и ситуации меньшинства, присущих прежним колониальным контекстам индигенности. Практики определения коренных народов как объекта исследования, наделенного печатью «чуждости» и «инаковости», подвергаются критическому анализу с точки зрения не только частичного совпадения субъекта и объекта, исследователя и изучаемого сообщества, но и их моральных оснований. Декларируемая приверженцами индигенных методологий привилегия на репрезентацию дискурса и опыта коренного населения приводит к (вос) производству социальных границ, но при этом лишает западные культурные институты монополии на антропологическое знание, способствуя формированию множественных перспектив осмысления культурной реальности.

С другой стороны, этническая идентичность автора артикулируется не только в терминах доступа к знанию и контроля над смыслами, но и в плане эпистемологии. Принадлежность к индигенному сообществу сами исследователи понимают как «эпистемологическую» или «методологическую привилегию»: знание языка, местных культурных паттернов, использование родственных сетей — это ресурс и инструмент вхождения в поле, основание частичного совмещения знаний и идентичности исследователя и информанта. В широком смысле «эпистемологическая привилегия» предполагает возможность проведения исследования не только в родном сообществе, но и в любом другом контексте, соотносимом с индигенностью. Тексты индигенных авторов отличает высокая степень саморефлексии — и своей исследовательской позиции, и своего культурного опыта. Например, разграничиваются позиции исследователя внутри определенного сообщества и внутри определенной ситуации, например родственной группы или семьи [12. С. 57–58]. Исследователь, идентифицирующий себя как индигенный, сталкивается с дилеммой возможности установления доверительных отношений и необходимости дистанцирования, что в итоге позволяет поставить

«собственную культуру в перспективу» [10. С. 41]. Глубокое погружение в культуру (в данном случае свою), чрезмерная включенность в ситуации наблюдения воспринимаются приверженцами индигенных методологий скорее как вызов и некоторое ограничение.

Оба подхода представляются проблематичными, так как этническая или индигенная идентичность исследователя выступает непременным условием проведения исследования.

К переосмыслению дихотомии извне/изнутри

В ряде случаев индигенные методологии представлены в терминах дихотомических классификаций, разграничивающих исследовательские позиции извне/изнутри. Так, индигенный поворот в угроведении связан с вхождением «в гуманитарную науку представителей обских угров (хантов и манси), изучающих свою культуру “изнутри”» [6. С. 188]. Подобные аналитические разграничения имеют этноцентристскую природу и воспроизводят организацию академического дискурса в терминах полярности нас и их, субъекта и объекта. Дискурс методологии и эпистемологии в терминах индигенный/неиндигенный, традиционный/современный (академический) имплицитно поддерживает модели дихотомизации социокультурного и академического пространства. Вместе с тем фундаментальные изменения методологии антропологии принимают во внимание многие исследователи, в том числе идентифицируемыми как индигенные. Тогда позиция индигенных исследователей как выражающих точку зрения на окружающий мир «изнутри» [15. С. 210] воспринимается как частичная. Представляется, что эвристический потенциал индигенных методологий заключается в формировании такой аналитической перспективы, которая позволяет концептуализировать «плотные» множественные связи между субъектом и объектом и их частичное совмещение.

Нараян предлагает трансформировать дихотомию outsider/insider или наблюдатель/наблюдаемый и представить антрополога, проводящего исследование в контексте родной культуры, в терминах смещающихся идентификаций (shifting identifications) на фоне взаимопроникающих сообществ и властных отношений [18. С. 671]. Вовлеченность в научные исследования трансформирует информанта, чья основная роль прежде ограничивалась предоставлением сведений о своей культуре, в субъекта, выражающего широкий спектр мнений [18. С. 681], рефлексирующего свой культурный опыт, в том числе локальный, и при этом опирающегося на академическое образование. В эпистемологическом плане индигенные методологии формируют непрерывность между объектом описания (исследования) и текстом (исследованием) [14. С. 31]. Использование индигенных методологий позволяет авторам формировать своего рода не-

прерывность как в культурном, так и в эпистемологическом измерении. Развитием этих тенденций можно считать «интерактивный характер современной этнографии», опирающейся на «народные» знания и «концепции» представителей этнических сообществ, «благодаря чему стирается грань между изучающими и изучаемыми» [2. С. 6–9].

В академическом дискурсе индигенности идея культурной непрерывности ранее реализовывалась преимущественно в ретроспективе, т.е. в историческом плане, через соотношение культуры и социальности коренных народов с древнейшим из известных на определенной территории населением. Индигенные методологии сопряжены с контекстуально воспроизводимой культурной непрерывностью, подразумевающей переосмысление культурных форм в процессе их интеграции в поле индигенных исследований, интерпретаций и политик. В этой перспективе индигенные методологии становятся аналитическим инструментом формирования культурной непрерывности в логике выстраивания множественных частичных отношений между всеми вовлеченными в их реализацию акторами и фрагментами социокультурной реальности.

В последнее время эта проблематика обсуждается и в контексте индигенности, понимаемой в широком смысле и соотносимой с крайне разнородными социальными и культурными сообществами, апеллирующими к своим корням [3. С. 393]. Дискуссии об индигенных методологиях придают новое звучание проблеме релевантности идей, концептов, подходов, сформированных в одном социокультурном контексте, для исследования другого, в том числе осмыслению последствий непреднамеренного дрейфа концептов или их «переноса». Во-первых, наблюдается своеобразная проекция традиционной тематики и методологии антропологии на «новую территорию» — в пространство проведения научных исследований от лица коренных народов. Во-вторых, индигенизация подразумевает поиск концепций и методов, укорененных в локальном социокультурном контексте, полный или частичный отказ от западных социологических моделей и терминологии с их претензией на универсальность знания (см., напр.: [4]). Эта логика не только подразумевает признание значимости культурно-специфических моделей научного знания, культурного релятивизма и методологического плюрализма, но и имеет выраженное политическое измерение. И, наконец, индигенизация социальной теории понимается как ее модификация применительно к историческим условиям [1. С. 254; 11. С. 19]. Дискурс индигенизации как «отуземливания» (например, термин «индигенизация» может быть переведен как «отуземливание» [11. С. 19]) имплицитно возвращает исходный принцип дихотомизации (мы–туземцы).

Таким образом, индигенные методологии позволяют определить природу ряда современных проблем, предлагая новые ракурсы и перспективы

их осмысления. В фокусе при этом оказываются не столько сами методологии, сколько их культурное, этическое и политическое измерения, индигенный контекст формирования дизайна исследования и использования его результатов.

Библиографический список

1. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.
2. *Головнев А.В.* Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1.
3. *Куропятник М.С.* Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
4. *Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Лю Т., Сюй Л.* Индигенизации социологического знания в Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14.
5. *Пивнева Е.А.* «Путь к себе»: этнонаука как новая стратегия идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3.
6. *Пивнева Е.А.* Индигенный поворот в угроведении // Уральский исторический вестник. 2024. № 1.
7. *Резникова К.В.* Индигенные методологии в зарубежном социальном и гуманитарном знании // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 4.
8. *Резникова К.В.* Понимание индигенных методологий коренными малочисленными народами Севера Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 1.
9. *Шадрина С.Н., Борисова Л.П., Холлохова В.Г.* К вопросу об изучении индигенного подхода в этнопедагогических исследованиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12.
10. *Энафф М.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. СПб., 2010.
11. *Ядов В.А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3.
12. *Afanasieva A.* Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Arctic University of Norway, 2018.
13. *Appadurai A.* Putting hierarchy in its place // Cultural Anthropology. 1988. No. 3.
14. *de Castro E.V., Goldman M., Lebner A.* Slow motions. Comments on a few texts by Marilyn Strathern // Cambridge Journal of Anthropology. 2008–2009. Vol. 28. No. 3.
15. *Junka-Aikio L.* Can the Sámi speak now? Deconstructive research ethos and the debate on who is a Sámi in Finland // Cultural Studies. 2016. Vol. 30. No. 2.
16. *Junka-Aikio L.* Institualization, neo-politization and the politics defining Sámi research // Acta Borealia. 2019. Vol. 36. No. 1.
17. *Kovach M.* Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations and Contexts. University of Toronto Press, 2009.
18. *Narayan K.* How native is a "native" anthropologist? // American Anthropologist. 1993. Vol. 95. No. 3.
19. *Porsanger J.* An essay about indigenous methodology // Nordlit. 2004. Vol. 8. No. 1.
20. *Smith L.T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. Zed Books, 1999.
21. *Strathern M.* The limits of auto-anthropology // Anthropology at Home / Ed. by A. Jackson. Tavistock Publications, 1987.
22. *Strathern M.* Foreword // Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / Ed. by M. Strathern. Routledge, 1995.
23. *Strathern M.* The nice thing about culture is that everybody has it // Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / Ed. by M. Strathern. Routledge, 1995
24. *Weber-Pillwax C.* Indigenous research methodology: Exploratory discussion of an elusive subject // Journal of Educational Thought. 1999. Vol. 33. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800
EDN: VJKDJF

Indigenous methodologies: An alternative approach or an elusive subject*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. The article presents some approaches to the conceptualization of indigenous methodologies, focusing on the context of research and representation of its results; the position of the scientist, whose identity is articulated in terms of indigeneity and primordiality; the principle of dichotomization as distinguishing between the positions of indigenous (inside) and non-indigenous (outside) researchers. Indigenous methodologies are understood as a specific system of knowledge production and a means of decolonizing knowledge and methodology. When presented in social discourse as a culturally determined phenomenon, they are not limited to culture and sociality of indigenous peoples but have a significant ethical and political dimension, which includes the indigenous peoples' overcoming of the stigma of being an object of research. Indigenous methodologies are considered as focusing on the context of research design and representing its results rather than applying specific methods and procedures. They are understood as a version of Anthropology at Home conducted in one's native community (society) and associated with the concept of indigeneity. Within indigenous methodologies, the scientist's ethnic identity is considered as an "epistemological" or "methodological" privilege and is linked to indigenous peoples' access to knowledge. There are several interpretations of the position of the researcher who appeals to one's belonging to the world of indigenous peoples: (a) an expression of an authentic worldview from within; (b) a cultural translation implying the representation of cultural forms as authentic in an intercultural context. In the latter case, the focus is on multiple connections between subject and object, their partial overlap and patterns of transformation of the identity of the indigenous anthropologist involved in the study of one's native culture. In a broader sense, indigenization of social theory means the search for concepts and methods rooted in the local sociocultural context, which deprives western institutions of the monopoly on knowledge production.

Key words: social anthropology; indigenous peoples; indigeneity; indigenous methodologies; anthropological knowledge; sociocultural context; decolonization

For citation: Kuropjatnik M.S. Indigenous methodologies: An alternative approach or an elusive subject. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 789–800. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-789-800 EDN: VJKDJF

References

1. Bachmann-Medick D. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kulture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Golovnev A.V. Novaya ethnografiya Severa [New ethnography of the North]. *Ethnografiya*. 2021; 1. (In Russ.).

*© Kuropjatnik M.S., 2026
The article was submitted on 29.01.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

3. Kuropjatnik M.S. Indigennost v kontekste globalizatsii: epistemologichesky i sotsiokulturny aspecty [Indigeneity in the context of globalization: Epistemological and sociocultural aspects]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3). (In Russ.).
4. Lebedintseva L.A., Deryugin P.P., Lyu T., Syuy L. Indigenizatsiya sotsiologicheskogo znaniya v Kitae [Indigenization of sociological knowledge in China]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. 2024; 14. (In Russ.).
5. Pivneva E.A. "Put k sebe": etnonauka kak novaya strategiya identichnosti ["Way to oneself": Ethnoscience as a new identity strategy]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*. 2020; 3. (In Russ.).
6. Pivneva E.A. Indigeny povorot v ugrovedenii [Indigenous turn in Ugric Studies]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*. 2024; 1. (In Russ.).
7. Reznikova K.V. Indigennye metodologii v zarubezhnom sotsialnom i gumanitarnom znanii [Indigenous methodologies in foreign social knowledge and humanities]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2021; 5 (4). (In Russ.).
8. Reznikova K.V. Ponimanie indigennyh metodologiy korennymi malochislennymi narodami Severa Krasnoyarskogo kraya [Understanding indigenous methodologies by the indigenous peoples in the North of the Krasnoyarsk Region]. *Sibirsky Antropologichesky Zhurnal*. 2022; 6 (1). (In Russ.).
9. Shadrina S.N., Borisova L.P., Khollokhova V.G. K voprosu ob izychenii indigennogo podkhoda v etnopedagogicheskoh issledovaniyah [On the study of the indigenous approach in ethnic-pedagogical studies]. *Sovremennaya Nauka: Actualnye Problemy Teorii i Praktiki. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2019; 12. (In Russ.).
10. Henaff M. *Claude Levi-Strauss i strukturnaya antropologiya* [Claude Lévi-Strauss and the Making of Structural Anthropology]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
11. Yadov V.A. Vozmozhnosti sovmeshcheniya teoreticheskih paradigm v sotsiologii [Possibilities of combining theoretical paradigms in sociology]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2003; 3. (In Russ.).
12. Afanasieva A. *Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations*. Arctic University of Norway; 2018.
13. Appadurai A. Putting hierarchy in its place. *Cultural Anthropology*. 1988; 3.
14. de Castro E.V., Goldman M., Lebner A. Slow motions. Comments on a few texts by Marilyn Strathern. *Cambridge Journal of Anthropology*. 2008–2009; 28 (3).
15. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak now? Deconstructive research ethos and the debate on who is a Sámi in Finland. *Cultural Studies*. 2016; 30 (2).
16. Junka-Aikio L. Institualization, neo-politization and the politics defining Sámi research. *Acta Borealia*. 2019; 36 (1).
17. Kovach M. *Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations and Contexts*. University of Toronto Press; 2009.
18. Narayan K. How native is a "native" anthropologist? *American Anthropologist*. 1993; 95 (3).
19. Porsanger J. An essay about indigenous methodology. *Nordlit*. 2004; 8 (1).
20. Smith L.T. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. Zed Books; 1999.
21. Strathern M. The limits of auto-anthropology. *Anthropology at Home*. Ed. by A. Jackson. Tavistock Publications; 1987.
22. Strathern M. Foreword. *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. Ed. by M. Strathern. Routledge; 1995.
23. Strathern M. The nice thing about culture is that everybody has it. *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. Ed. by M. Strathern. Routledge; 1995.
24. Weber-Pillwax C. Indigenous research methodology: Exploratory discussion of an elusive subject. *Journal of Educational Thought*. 1999; 33 (1).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 801–815**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815
EDN: UYHYFM

В поисках империи: подходы к определению понятия в современном научном дискурсе*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. На первый взгляд понятие империи кажется предельно прозрачным: со школьной скамьи мы учимся воспринимать историческое прошлое через хронологическую смену и жизненные циклы империй. Как правило, обыденные трактовки связывают понятие империи с чем-то огромным, могущественным и богатым во всех смыслах словах — отсюда множество метафорических отсылок к «империи» в маркетинговых целях (в названиях питейных и торговых заведений), однако не отличаются детализированными дефинициями и словарные трактовки [8; 33; 35; 75]. Учитывая возрастающую популярность предельно широких историко-политических понятий (например, возрождение междисциплинарного интереса к «цивилизации» [2; 5; 30; 31; 37; 71]), следует прояснить основные интерпретации понятия «империя», тем более что для социологии это не инородный концепт [4; 74; 80]. Признавая обозначенные в литературе проблемы определения империи (масса фактического материала, который сложно обобщить, множество нюансов значений, споры представителей соперничающих теорий, путаница между дефиницией и типологией, лингвистическая двусмысленность и др. [66]), попробуем все же структурировать это вязкое понятийное поле. Для этого предложено несколько возможных решений: во-первых, поиск «типологических синдромов» в выдаче поисковых систем по запросу «определение империи» — просматриваются четыре расширенные и пересекающиеся трактовки (историко-филологическая, историко-(гео) политическая, критически-культурологическая и философско-катехонная). Во-вторых, количественный контент-анализ словарных толкований империи по результатам поисковой выдачи на словарном портале «Академик» — просматриваются пять наиболее частотных трактовок (в переносном значении; часть названия государств прошлого; содержательные определения через перечисление атрибутов империи как особой формы государственного устройства; монархическая или императорская власть; имя нарицательное). В-третьих, обращение к экспертному дискурсу: был проведен качественный контент-анализ публикаций в журнале «Ab Imperio», специализирующемся на развитии методологии изучения империи, — выделены основные концептуальные положения и категории современного «имперoведения» (новая имперская история, имперский опыт, имперская риторика, им-

*© Троцук И.В., 2026
Статья поступила в редакцию 10.06.2026. Статья принята к публикации 25.08.2026.

перский хронотоп, имперская биография, имперская ситуация, постимперия и др.). Сделан вывод о противоборстве двух условных подходов — универсалистски-объективирующего и дискурсивно-контекстуального, но в целом исследовательский фокус смещается с попыток построения гранд-теорий или типологий к анализу имперского опыта в контексте критического восприятия любого социального порядка и его самопрезентаций.

Ключевые слова: империя; обыденные трактовки и научный дискурс; имперский опыт; имперское прошлое; имперская риторика; имперская политика; имперское восприятие; количественный и качественный контент-анализ; новая имперская история

Для цитирования: *Троцук И.В.* В поисках империи: подходы к определению понятия в современном научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 801–815. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815 EDN: UYHYFM

Любые попытки сформировать общий массив трактовок империи с помощью онлайн-поисковиков бессмысленны, но если конкретизировать запрос до «определения империи», то в выдаче начинают просматриваться «типологические синдромы», если сосредоточиться на аналитических материалах (разной тематики и качества). Во-первых, *историко-филологическая трактовка*: слово «империя» имеет римское происхождение, несет на себе «явный отпечаток римской истории» и в российском бытовании связано с двумя ассоциативными рядами — «тюрьма народов и беспросветный гнет правящей верхушки, которая давит всякое проявление свободомыслия» и «русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя, дворцы Растрелли и Росси, стихи Пушкина и музыка Глинки» [42]. Согласно историко-филологическим изысканиям изначально *imperium* не противостоял *respublica* как тип политического устройства, но был более многозначным (государство, держава, власть и конкретные полномочия). Впоследствии в основных европейских языках заимствования, восходящие к *imperium*, разводили империю как власть в широком смысле и императора как обозначение главы имперских наследниц Рима; подразумевали под империей страну, не имеющую над собой другого верховного владыки (самодержавие) или колониальную державу; значительно позже оформилась идея национальной империи.

Во-вторых, *историко-(гео) политическая трактовка*, нередко связанная с поисками ответа на вопрос, можно ли считать современную Россию империей: положительный ответ основан на дефиниции империи как «долгого государства» и «стратегического единства (национального) многообразия», которые «не требуют подбора исторических аналогов» для легитимации [38]. В подобного рода публикациях встречаются ссылки на определение К. Шмиттом империи как «технического термина» — обозначения традиционной (до модерна) формы государства без унификации и унитаризма, а иногда и без императора. Такая трактовка близка российским «государственникам», которые противопоставляют запад-

ноевропейскую искусственную «империю порабощения» российской естественно-исторической империи «проекта» (великой державы, полиэтничного многоконфессионального государства с сильной центральной властью и разнообразной культурой) [45].

Такая трактовка подчеркивает и специфику ряда имперских проектов — нынешнего западноевропейского (Евросоюз как империя нового типа [56]), Российской империи и СССР как особого типа государства с чертами, в чем-то повторяющихся у других империй, а в чем-то уникальных. Атрибуты этого особого типа — «максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов» (мирная или военная гомогенизация населения и/или территории), «построение закрытой для внешнего мира самодостаточной экономической и общественной жизни», «представление в национальном самосознании о наличии у страны особой миссии», «обязательность сакральной фигуры императора-вождя, наделенного всеобъемлющей властью, и под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты — инструменты реализации его воли», «гражданственность как качество населения невозможна, так как не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ… право — инструмент воли самодержца и государственной бюрократии», «отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются» [48]. Список «принципиальных позиций имперской политики России» может выглядеть и более позитивно: «российские власти официально ставили все народы в одинаковое правовое положение перед законом — Россия являлась империей без имперской нации», «отсутствовало жесткое противопоставление подданных по религиозному признаку», «в ходе освоения новых территорий власть стремилась к ассимиляции не только народов, но и их элит», «традиционно отсутствовал национализм… и дискриминация народов… в России невозможно выделить метрополию, которая бы эксплуатировала периферию» [32].

Историко-(гео) политическая трактовка выделяет следующие «индикаторы» империи: «сверхдержава с сильной централизованной, чаще всего монархической, властью, ярко выраженными экспансионистскими устремлениями и мультиэтническим составом населения, находящимся на разных стадиях и уровнях развития, с достаточно четко выраженным комплексом имперских идейных концепций и имперским сознанием, присущим, прежде всего, правящим верхам». По крайней мере «к середине XIX века Российская империя вполне удовлетворяла этим определениям» [32] как «смешанный тип империи» [56], а началось ее строительство «при Петре… однако форма правления и существо власти от этого нисколько не изменились: власть по-прежнему пребывала неограниченной, сосредоточиваясь в руках монарха, но зато получила теоретическое освещение и ясное вы-

ражение в законе… под влиянием тогдашней европейской государственно-правовой философии» [29]. «В XX веке прекратили существование все империи, включая не только советскую, но даже и российскую, пришедшую ей на смену» [36; 72].

Однако далеко не все разделяют точку зрения, что в мире не осталось империй. Критики этой позиции считают ее избыточно политизированной (в политике и историографии империя либо «наша», либо «вредная»): «идея, что у империи как формы политической организации случился какой-то закат… совершенно ложная. Империя изменилась, но никуда не делась, мы все также живем с империями и, судя по всему, будем жить с ними… Империя — доминирующая форма политической организации эпохи модернизма. Когда говорят, что адекватная форма политической организации — это национальные государства, врут. Это придумка национализирующихся историографий… Определений империи много, никакого консенсуса нет. Это естественно: империи живут долго, они меняются во времени» [46; 56].

В-третьих, *критически-культурологическая трактовка* империи как социокультурного феномена, а не только политико-экономического и политико-стратегического, и здесь обнаруживается существенное различие в подходах российских и зарубежных авторов. Первые «отталкиваются от представления о некой ценностно обоснованной общеимперской норме, которая оказывается как бы “предзаданной”, имеющей определенную онтологическую базу»; вторые «концентрируют внимание на субъективно-психологических моментах имперского строительства — проблемах восприятия, мотивации, протекании межэтнических контактов»; однако фундамент обоих подходов — «собственный имперский опыт (или память о нем), а он у разных народов неодинаков» [41]. У западных стран этот опыт имеет преимущественно колониальный характер — отсюда задача изучения корреляции культурной традиции народа и его имперской программы, а также столкновения двух или более культур, т.е. колониальной ситуации [58; 59].

Российская традиция воспринимает империю не как «продукт особого взаимодействия между силами и институтами метрополии и периферии», а как «сложноорганизованную универсальную систему… для империи центральными оказываются функции интеграции… избавление огромного конгломерата разнородных этнических и конфессиональных единиц от тягостной локальной ограниченности и местничества, от взаимных распрей и междоусобиц… общими универсализирующими нормативными принципами и ценностными ориентациями» [41]. В то же время западный и российский подходы взаимодополнительны: первый сосредоточен на миссионерском и коммерческом империализме, второй — на культурно-детерминированной экспансии (б*о*льшая онтологичность, меньше экономических обоснований, больше религиозных), поэтому СССР во многом напоминал модернизирующиеся империи [69].

В рамках критико-культурологической трактовки просматриваются и возможности эмпирического анализа «имперского сознания» посредством опросов общественного мнения: «в современном обиходе слово “империя” обладает сложной семантикой, поскольку в различных контекстах… для различных социальных групп имеет не только разное смысловое наполнение, но и несовпадающую ценностную окраску. Конфликт между позитивным и негативным восприятием определения своей страны как империи — это современный этап развития внутреннего конфликта российской политической культуры и культуры вообще… Имперское тело при любой природе и любой жесткости внешних скреп остается гетерогенным, с зонами неожиданных культурных комбинаций и возможностей» [39].

В-четвертых, *философско-катехонное противопоставление «империи злой» и «империи духовной»*, основанное на идее, что главный «признак империи не в форме ее внутреннего государственного устройства или в наличии у нее колоний или даже военной мощи, а в чем-то другом» [7] (помимо зрелости и мощи [67]), и это другое — принципиальное отличие империи от державы: «право сильного», угнетение слабых, управляемая анархия, стремление «жить как все» и «служение пользе» — «высшая истина человеков», победа над злом, порядок и прочный мир, стремление «жить в правде» и «служение истине» [70]. Данная трактовка не отрицает объективные принципы «эффективности великой державы и ее государственной власти»: дееспособность и миссия; способность быстро мобилизовать огромные экономические, технологические и информационные ресурсы в военных целях и для реализации больших гражданских проектов; притягательность культурных ценностей и общепризнанное образовательное и культурное превосходство; способность поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство (в том числе за счет своих ресурсов и без больших социальных жертв); конкурентоспособная экономика; готовность «сателлитов» признавать превосходство метрополии и желание их элит относить себя к имперскому истеблишменту; гибкий характер сильной центральной власти; контроль над достигнутым пространством и т.д. Однако «все это должно скрепляться и оправдываться чувством “особой миссии”.., основанной на имперской “цивилизаторской идее” и стремлении национальной политической элиты к величию, трактуемому в целом как “расширение (упрочение) влияния империи” в духе утверждения «империя — это Катехон, удерживающий мир от зла» [44].

Учитывая множественность коннотаций слова «империя» (особенно во внешнеполитическом дискурсе, изобилующем понятиями типа «имперские амбиции», «имперский синдром», «имперские претензии» и пр.), вряд ли можно удовлетворительным способом решить задачу систематизации трактовок империи в научном и научно-публицистическом дискурсах (не говоря уже о более широком употреблении производных понятий). Но можно

пойти двумя простыми путями: *первый* — обращение к порталу «Академик», куда погружено множество *словарей*, по которым осуществляется мгновенный поиск «толкований» вбитого в поисковую строку слова. Для «империи» получаем 13 страниц со 128 результатами из толковых словарей, словарей иностранных слов и синонимов, философской, политической и юридической энциклопедий и пр. [34]. Простейший *контент-анализ* позволяет выделить наиболее частотные упоминания империи:

- конкретные примеры использования слова в переносном значении — 41 упоминание (названия спортивных клубов, отелей, торговых сетей, премий, кинофильмов и книг, компьютерных игр и упоминаемых в них «империй»);
- названия государств прошлого — 38;
- (большое/обширное) государство, состоящее из экономически и политически несамостоятельных территорий (стран или народов), нередко включенных в состав империи путем завоеваний и управляемых из единого центра; унитарное объединение разнородных частей с имперским центром, страной-метрополией, создающей империю и управляющей ею и ее составными частями; мощное многонациональное государство, включившее территории других стран и управляющее ими из единого центра, — 30;
- (преимущественно крупное) государство с монархической формой правления — 23;
- (большое/обширное) государство, во главе которого стоит император или императрица (неограниченный, высший по сану правитель) — 26;
- имена нарицательные («империя зла» и «империя добра», «империя наносит ответный удар», «империя грез», «империя развлечений» и др.) — 18.

Если оставить без внимания маркетингово-завлекательное использование слова «империя» и одобренные научным дискурсом исторические (само) наименования, то «денотатом» империи оказывается большое государство с монархической формой правления (как правило, императорской) и жесткой централизацией власти по линии «центр–периферия», независимо от специфики территориального, национального, этнического или иного состава.

Второй, более сложный, но методически схожий путь — *обращение к «экстремальному кейсу»* (по критерию экспертности) — журналу «Ab Imperio», который специализируется на вопросах новой имперской истории и национализма на постсоветском пространстве и играет особую роль в развитии методологии изучения империи и в тех поисках наиболее корректного способа ее определения, которые в последние десятилетия ведутся в России и на западе в русле нового подхода к «империологии» — «анализу имперских историй и имперской ситуации» (не структур, а практик и дискурсов) [28; 41]. «Проект новой имперской истории заключается в том, что эмпирические исследования, позволяющие делать обобщения, создают методологические основания для анализа комплексных, композитивных и неравномерно организованных (гетерогенных) обществ (пространств), т.е.

империй» [41]. По результатам анализа всех предваряющих практически каждый номер (или ключевую его рубрику) обращений редакторов, а также всех статей в рубриках «Методология и теория» и «ABC: исследования империи и национализма» можно реконструировать следующие теоретико-методологические положения и категории современного «имперoведения».

«С одной стороны, история империи возникает как проекция, вызванная распадом многонациональных государств, существенно корректируя квазинациональную оптику предшествующей историографии, которая редуцировала историю империи к истории национального государства (доминантной нации). С другой стороны, имперский исторический опыт отвергается, дискредитируется, дезинтегрируется или апроприируется набирающими силу национальными историческими нарративами. Империя, таким образом, служит *точкой отсчета в "политической истории"* новых национальных государств, противоположным (а в оценочном плане и негативным) *идеальным типом*, противопоставленным нации и национальному государству» [9].

В фокусе *новой имперской истории* — «не целостность социальных групп или хронологических периодов (нация, территория, конфессия, гендер, средневековье), а ситуация *неустойчивого равновесия композитного общества и асинхронность исторического развития*» [10]. Новая имперская история, «изучая общества прошлого — часто архаичные и реакционные… предлагает уникальную возможность увидеть и проанализировать работу *вненациональных или паранациональных* социальных механизмов. Их критический анализ может стать уникальным ресурсом… форм постнационального воображения как предпосылки для более инклюзивного и справедливого общества» [10. С. 10; 11; 40; 50; 64].

«Всякая попытка определить империю в "*объективных терминах*" — как систему стратификации, политику, основанную на силе, или систему эксплуатации — в конечном итоге не достигает цели, так как неспособна вобрать в себя наиболее важный компонент имперской ситуации — *восприятие*… Империи и государства отличаются друг от друга не наличием эксплуатации и даже не применением насилия, но разницей в восприятии политики и практик как "своих" или как "чужих"» [40. С. 16; 12; 13]. Следует «обратить внимание не на онтологическую фундаментальность и структуралистскую симметричность оппозиции "друг–враг", а на то, кем или чем определяются и как функционируют понятия "друзья" и "враги" в имперской ситуации ("друг" может оказаться одновременно "врагом" либо сами эти категории теряют содержательную специфику и оценочную составляющую)… Вместо иллюзорной структурной статики нас интересует историческая динамика имперского социально-политического, культурного и экономического опыта, выражающегося в дискурсивных (и не только) приближениях и отталкиваниях тех или иных групп, сообществ и государств» [13. С. 10]. «Исследователи перешли от фактического и структур-

ного анализа к исследованию механизмов устойчивости империи, которые основывались не только на *физическом принуждении*, но и на сформированном *проимперском общественном мнении*» [64. С. 26] и общественной памяти (в трактовке М. Хольбвакса) [14; 47. С. 85–88], а также на «отказе от детерминизма и телеологизма ортодоксальной теории модернизации» в пользу «адекватного восприятия пространственного компонента *имперского хронотопа*, его многомерности и нелинейности» [15. С. 8–9; 63]. *Компаративная история империй* [77] изучает, как менялось соотношение источников власти, и какие выходили на первый план в разные периоды истории и в разных регионах одной империи. Однако «“имперский компаратив” не может рассматриваться как универсальный метод создания аналитической модели империи: прямому сравнению поддается лишь то, что было присуще вообще всем социально-политическим организациям эпохи, а уникальный внутренний мир империи остается вещью в себе, ибо не был сформулирован рационально» [16].

«Не следует тешить себя иллюзией о возможности создания некой “*универсальной*” *объяснительной модели* империи в период модернизации и национализма… более целесообразно сочетание различных подходов при исследовании взаимодействия имперских властей и местных сообществ» [61. С. 377], поскольку империя — *гетерогенное пространство* и *механизм производства разнопорядковых различий* [6; 17; 18; 51; 53; 60].

Империя — «особое пространство для *биографических и психологических реконструкций*»: «вопрос “что такое империя” заменяется вопросом о том, как она выражает себя на политическом, социальном и прочих уровнях (есть ли у империи специфический “язык” самоописания) и как переживается и осмысливается современниками (что такое жизнь в империи для конкретного человека или групп)… Для историка вполне естественно попытаться найти *агента*, который позволяет связывать воедино стремительно распадающуюся на взаимно непереводимые языки ткань имперского общества… Гетерогенность империи и многогранность индивидуального опыта в ней создают условия для достаточно осознанного конструирования *идентичности*. В этом смысле империя оказывается средой, стимулирующей формирование модерного типа личности, для которой характерны саморефлексия и социальный конструктивизм. Безусловно, империя в равной мере ограничивает этот конструктивизм… В этом кроется основная коллизия “*имперской биографии*”» [19. С. 12–13; 20; 21; 22].

Для «*имперской ситуации*» характерно: наличие разнородных исторических субъектов, отношения между которыми не приводят к гомогенизации политического, социального и культурного пространства; взаимоналожение разнотипных исторических субъектов, в языках самоописания которых содержатся маркеры архаичной и модерной идентичности (архаика модернизируется, а языковая общность и национальная территория историзируют-

ся); отсутствие доминантного и непротиворечивого самоописания империи, укорененной в эпистемологии когнитивной рамки самоописания [23; 49]. Империя выступает и как система умолчаний, которая позволяет согласовать имперскую ситуацию с *нормативным языком современности*: имперский центр эпистемологически претендует на разработку универсальной системы категорий, которые придают смысл имперскому пространству через утверждение или снятие различий [79. С. 57]. Причем важно понимать и то, как имперская ситуация воспринимается «*изнутри*» (обывателями, политиками и обществоведами) [24; 27; 52].

Основные аспекты существования империи в современном мире: «“*имперская репутация*”, или модерные культурные коды и медиумы передачи и распространения имперского опыта в массовой культуре и обществе; *имперская риторика* и воспроизводящийся в ней ценностный традиционализм в оценке империй; наконец, *империя как категория обнажения контекста*. Последняя трактовка однозначно превращает проблему имперской исключительности в исследовательскую ситуацию, поскольку видит в “исключительности” один из языков имперского самоописания, подлежащий научной деконструкции… Дискурс “исключительности”, как и практики исключения и включения в имперское общество, становятся для исследователя языками идентификации империи и рационализации имперской ситуации» [24. С. 12–13].

Соответственно, можно сформировать следующий вполне устойчивый «имперский глоссарий»: имперское строительство, имперский порядок, имперская идеология, имперское сознание, имперский дискурс, имперское наследие, имперский опыт; модернизирующие и традиционалистские империи, или домодерные (древние/архаичные) (формализованная политическая структура, основаны на завоеваниях, нет могущественных соперников в лице суверенных государств и национализма) и модерные (основаны на неформальном колониальном господстве, коммерческих связях и современной технологии, совместимы и даже взаимосвязаны с идеей суверенного национального государства) [26. С. 24]; геополитическая проекция — заморские (колониальные) империи (технологическое и культурное превосходство над периферией благодаря политической революции и буржуазному обществу) и континентальные (территориально-протяженные) (более пористые границы, менее четкие отличия между центром и периферией, полиэтничный состав и дифференцированное гражданство, недемократическая форма правления и национальные движения); имперская/господствующая/объединенная метрополия и имперский проект; имперские исследования, (новая) имперская история, имперская историография, имперская парадигма; имперская риторика, имперское воображение (стимул политического творчества) [78]; империостроительство (процесс становления и развития империи); имперская революция [43; 73; 76].

«Кейсы» как основный метод имперской истории, например, «вместо того, чтобы считать Советский Союз “последней империей”, это государственное образование следует рассматривать как одно из самых первых проявлений *новой формы империи*… — отрицающей свою имперскую сущность и использующей самые основы системы современного национального государства — принципы государственного суверенитета и национального самоопределения — в качестве инструментов не основанного на консенсусе контроля над полиэтничным населением… “Последних империй” не существует… Политика империи остается одним из ключевых направлений, вокруг которых идет борьба внутри современной государственной системы, ее изменение или сохранение… Большинство государств, которые сегодня называют империями, на самом деле представляют собой “*постимперии*”… возникли после распада империй, не заявляют о себе как об империи и не претендуют на наследие империй-предшественниц (хотя зачастую внутри этих обществ существуют силы, имеющие подобные притязания)… Этот переход от чисто структуралистского, “трансисторического” представления к *новому пониманию*, согласно которому империя — это обязательно и идентичность, и претензии на имперский статус, и обвинения в империализме, вполне соответствует тенденциям, наметившимся в изучении проблематики нации и национализма… Империя не только политический ярлык… но и результат… социальный факт, а не просто категория политической практики» [3. С. 73–75]. Однако следует помнить о проблематичности дифференциации имперского и постимперского (иногда используется конструкция «новоимперского»), поскольку «что называть “империей” и что считать ее преодолением лишь отчасти зависит от исторических фактов и обстоятельств» [54. С. 17–18]. «Существует целый ряд *постимперских государств*, возникших на основе бывших имперских центров (Австрия, Германия, Швеция, Португалия, Бельгия или Япония), которые сегодня редко причисляют к империям… Частный случай постимперского государства — постсоветская Россия («клеймо империи» во внутренней и внешней политике; обвинения в имперских амбициях; позитивный дискурс империи как выражение тоски по порядку в имперском «простом» мироустройстве); проимперский националистический дискурс» [3. С. 75, 82].

Таким образом, определение империи требует опоры на принципы лингвистического и когнитивного поворотов и реализации полидисциплинарного критического анализа в условиях «нынешнего спроса на универсальное определение империи как со стороны социальных наук с их обобщающим подходом, так и со стороны глобализированного общественного мнения» [26; 62; 68]. Этот спрос порождает трактовки империи как «универсальной и семантически избыточной метакатегории» — обозначения государственной формы для контроля обширного пространства и управления различиями или исторической предтечи современных структур гегемонии, неравенства

и конфликта, а также фокус на структуралистских (историческая структура политических, социальных и культурных различий), эссенциалистских («реализм империй» и идиома имперского архаизма) и функционалистских (негативные и позитивные оценки «имперского проклятия» или «имперского предназначения») интерпретациях империи. Однако более исследовательски продуктивным видится отказ от таких трактовок и от концепции империи как идеального типа, противоположного национальному государству, в пользу понимания империи как критической (в логике дискурсивных исследований), аналитической и «контекстообразующей» категории для объяснения прошлого и настоящего.

Соответственно, исследовательский фокус смещается с «теории империи» или типологизации империй на «динамическую модель конструирования и маркирования имперского опыта». Аналитическая работа с понятием империи требует дистанцирования от гранд-нарративов национальных историй и монологичных версий прошлого, а также остраненния (отказа от самореферентных и бинарно-оппозиционных описаний) в пользу контекстуально сложных моделей и гибридных множественных субъектностей (дискурсы, социальные практики, группы и т.д.). Такая работа не «выводит историческую мораль, ее задача — обращать внимание на многомерность исторического процесса», но ее результаты «предполагают критическое восприятие любого социального порядка и его саморепрезентации… показывают, как порядок возникает “из хаоса” (в терминологии И. Пригожина)… из несовершенного общественного устройства и неполного знания, а вовсе не в результате телеологического развития, высшего замысла или тайного заговора» [28; 57].

Библиографический список

1. Академический словарь теории и истории империй. СПб., 2012.
2. *Андреев А.Л., Андреев И.А.* Российский путь: горизонты будущего в контексте противостояния цивилизаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
3. *Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. 2005. № 3.
4. *Белоконев С.Ю., Иванов В.Г., Левина Е.В.* Византийское наследие в современной Турции: особенности изучения и политическое значение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
5. *Беляева Л.А.* Цивилизационная идентичность населения в современной России: поиск исследовательских инструментов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
6. *Бурбанк Дж., Купер Ф.* Траектории империи // Ab Imperio. 2007. № 4.
7. *Владимиров А.* Этюд девятнадцатый. Россия как новая Империя. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/etd3.htm.
8. *Гаджиев К.С.* Империя. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2006464.
9. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* К новой политической истории империи // Ab Imperio. 2002. № 2.
10. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Центральность периферии // Ab Imperio. 2002. № 2.

11. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Империя как «заявка», нация как «резолюция»? Языки описания общности и различия в мультикультурной среде // Ab Imperio. 2005. № 3.
12. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Политика языка и политика смыслов // Ab Imperio. 2005. № 2.
13. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Друзья и враги в имперском контексте // Ab Imperio. 2010. № 1.
14. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Есть ли у империи «память»? Приглашение к дискуссии // Ab Imperio. 2004. № 1.
15. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Парадоксы имперской модерности // Ab Imperio. 2002. № 4.
16. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Языки самоописания империи и нации как исследовательская проблема и политическая дилемма // Ab Imperio. 2005. № 1.
17. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А*. Размышления историков о перспективах лингвистического и антропологического поворотов в изучении империи и национализма // Ab Imperio. 2006. № 1.
18. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Империя-садовод и «процесс цилизации» // Ab Imperio. 2008. № 3.
19. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Homo Imperii: поворот к биографии // Ab Imperio. 2009. № 1.
20. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* От редакции // Ab Imperio. 2009. № 2.
21. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* От редакции // Ab Imperio. 2009. № 3.
22. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Имперское общество как продукт воображения Homo imperii // Ab Imperio. 2009. № 4.
23. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Ситуация «пост». После империи: назад, к этносу? Вперед, к нации? // Ab Imperio. 2005. № 4.
24. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Существуют ли «точки сборки»? // Ab Imperio. 2014. № 1.
25. *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* Многообразие инаковости в XX веке // Ab Imperio. 2011. № 1.
26. *Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Семенов А.* Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1.
27. *Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Семенов А*. От редакции // Ab Imperio. 2014. № 2.
28. *Герасимов И., Могильнер М.* Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» // Логос. 2007. № 1.
29. *Грибовский В.М.* Возникновение империи и существо императорской власти // Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912.
30. *Железняков А.С., Чулуунбаатар Г.* Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
31. *Иванов А.В., Попков Ю.В.* Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
32. *Игумен Митрофан (Шкурин).* Империя как цивилизационный вызов и смысл исторического процесса // Церковь и время. 2012. № 58.
33. Империя. URL: http://ponjatija.ru/taxonomy/term/25.
34. Империя. URL: https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F&stype=0&btype=1&p=0.

35. Империя. URL: https://ozhegov.textologia.ru/definit/imperiya/?q=742&n=174149.
36. *Кантор М.* Империя или республика. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-tsivilizatsii/imperiya-ili-respublika.
37. *Кирабаев Н.С., Гнатик Е.Н., Жубрин И.А.* О связи социального и гносеологического аспектов цивилизационного подхода // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
38. *Коровин В.* Является ли Россия империей. URL: https://vz.ru/opinions/2019/5/22/978787.html.
39. *Левинсон А.* Невеликая империя? Об имперскости в применении к современной России // Россия в глобальной политике. 2011. № 3.
40. *Ливен Д.* Империя, история и современный порядок // Ab Imperio. 2005. № 1. С
41. *Лурье С.* Феномен империи: культурологический подход. URL: https://gefter.ru/archive/7040.
42. *Люблжин А.* Что такое империя? // Россия в глобальной политике. 2004. № 5.
43. *Магун А.В.* Империализация. Империя и современный мир // Политические исследования. 2007. № 2.
44. *Малофеев К.* Мы — Империя, царство царств, государство, объединяющее государство. URL: https://zavtra.ru/blogs/mi_imperiya.
45. *Мединский В.* К 300-летию Российской империи. URL: https://histrf.ru/read/articles/k-300-letiyu-rossiyskoy-imperii-2.
46. *Миллер А.* Какие бывают империи и как их строительство сочеталось со строительством наций. URL: https://www.dk.ru/news/237182386.
47. *Нарский И.* В «империи» и в «нации» помнит человек: Память как социальный феномен // Ab Imperio. 2004. № 1.
48. *Никольский С.А.* После империи. URL: https://www.ng.ru/ideas/2013-10-09/10_empire.html.
49. От редакции: Как узнать новую историю и чего от нее ждать? Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии» // Ab Imperio. 2014. № 1.
50. От редакции: На пути к постнациональной истории Евразии: деконструкция империи и денационализация группности // Ab Imperio. 2023. № 1.
51. От редакции: От национализирующей империи к постколониальной нации // Ab Imperio. 2020. № 3.
52. От редакции: Проживая имперскую ситуацию вне империи // Ab Imperio. 2016. № 2.
53. От редакции: Формы и практики воображения постимперского порядка: гибридность как новая субъектность // Ab Imperio. 2016. № 4.
54. От редакции: Что значит пост — в «постимперском»? // Ab Imperio. 2020. № 1.
55. Платформа'24: Восстановление единого научного поля постнациональных и постимперских исследований. URL: https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus.
56. Пути империй: беседа Владимира Рудакова с Домиником Ливеном // Историк. 2021. № 81.
57. *Рогожников М.* Империи без императоров, императоры без империй: беседа с А. Семеновым // Эксперт. 2019. № 5.
58. *Саид Э.* Ориентализм. М., 2023.
59. *Саид Э.В.* Культура и империализм. СПб., 2012.
60. *Семенов А.* Империя как движущаяся мишень // Ab Imperio. 2008. № 2.
61. *Смоленчук А.* Прощание с имперским нарративом? // Ab Imperio. 2008. № 4.
62. *Сораль А.* Понять Империю: Грядущее глобальное управление или восстание наций? М., 2017.
63. *Стоулер Э.* Имперские диспозиции игнорирования // Ab Imperio. 2009. № 2.
64. *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2.
65. *Ткачев С.В.* Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2.
66. *Финли М.* Империя в греко-римском мире. URL: https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343709408.

67. *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М., 2001.
68. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
69. *Хирш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.
70. *Холмогоров Е.* Выбор Империи // Эпоха. 2001. № 11.
71. *Чижо Э., Меньшиков В., Кокаревича А., Селиванова-Федорова Н.* Концентрация имущества и «имущественный средний класс» в современной европейско-американской цивилизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
72. *Шишков В.В.* Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Политические исследования. 2018. № 4.
73. *Adelman J.* The Russian revolution and global empires, or global revolution and the Russian Empire? // Ab Imperio. 2017. № 2.
74. *Allen K.* Weber: Sociologist of the Empire. Pluto Press, 2017
75. Empire. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/empire.
76. *Gerasimov I.* The great imperial revolution // Ab Imperio. 2017. № 2.
77. *Metcalf Th.R.* Afterword: All colonialisms may be different, but in the end all are the same // Ab Imperio. 2012. № 3.
78. *Metcalf Th.R.* From one empire to another: The influence of the British Raj on American colonialism in the Philippines // Ab Imperio. 2012. № 3.
79. *Stoler A.L., McGranahan C.* Refiguring imperial terrains // Ab Imperio. 2002. № 2.
80. *Trotsuk I.* Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon // Russian Sociological Review. 2019. Vol. 18. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815
EDN: UYHYFM

In search of empire: Approaches to defining the concept in contemporary scientific discourse*

I.V. Trotsuk

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The concept of empire seems quite transparent: from our school days, we learn to perceive the historical past through the chronological succession and life cycles of empires. In everyday interpretations, empire is something vast, powerful and wealthy

* © I.V. Trotsuk, 2026
The article was submitted on 10.06.2026. The article was accepted on 25.08.2026.

in every sense of the word, which explains numerous metaphorical references to “empire” in marketing; dictionary definitions also lack precision [8; 33; 35; 75]. Given the growing popularity of extremely broad historical-political concepts (like interdisciplinary interest in “civilization” [2; 5; 30; 31; 37; 71]), it is necessary to clarify the main interpretations of “empire”, especially since it is not an alien concept to sociology [4; 74; 80]. While admitting the well-known challenges of defining empire [66], the author tries to structure this amorphous conceptual field by suggesting several possible ways: first, identifying “typological syndromes” in search results for “definition of empire” — four broad and overlapping interpretations (historical-philological, historical-(geo)political, critical-cultural, and philosophical-katechontic). Second, conducting quantitative content analysis of dictionary definitions of “empire” based on the search results from the Academic dictionary portal — five most frequent interpretations (figurative meaning; part of the names of historical states; substantive definitions with attributes of empire as a specific form of state organization; monarchical or imperial rule; and a common noun). Third, a study of expert discourse — qualitative content analysis of articles in the *Ab Imperio,* which specializes in the development of methodologies for studying empires, — conceptual foundations and key categories of contemporary “empire studies” (e.g., new imperial history, imperial experience, imperial rhetoric, imperial chronotope, imperial biography, imperial situation, post-empire). Thus, there is a conflict between two conditional approaches — universalist-objectifying and discursive-contextual, but the general research focus has shifted from attempts to construct grand theories or typologies to the analysis of imperial experience within a critical examination of any social order and its self-representations.

Key words: empire; everyday interpretations and scientific discourse; imperial experience; imperial past; imperial rhetoric; imperial policy; imperial perception; quantitative and qualitative content analysis; new imperial history

For citation: Trotsuk I.V. In search of empire: Approaches to defining the concept in contemporary scientific discourse. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 801–815. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-801-815 EDN: UYHYFM

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 816–829
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-816-829
EDN: UMEJZF

Fordism in Russia in the early 20th century: Three sketches in the urban-rural rhythms*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article considers some of the artistic and scientific ideas of the remarkable social philosopher Valerian Nikolaevich Muraviev about labor and production organization in Henry Ford's rural development projects in connection with the projects for modernization of social life in the USSR. In his writings on diverse issues of history, war, revolution and construction of socialism, Muraviev quite accurately and profoundly noted the enormous significance and role of the peasantry in Russian history and Russian revolution. The author focuses on the images and ideas of Muraviev's unfinished satirical work "The story of how Yaichkin became Ford" and then considers some Ford's technocratic projects related to experiments in overcoming inequality between the city and the countryside, including positive and negative estimates of Soviet and foreign authors of Ford's agricultural technologies, agrotowns, and rural cultural initiatives. The article provides a brief overview of the USSR's automobile projects proposed by the prominent Soviet Bolshevik Valerian Valerianovich Obolensky (party pseudonym — Nikolai Osinsky) as related to Ford's American projects, emphasizing that in the real conditions of capitalism and socialism both American and Soviet motorization projects led to the intensification and deepening of social and environmental contradictions in social life. In the final part of the article, Ford's agrarian ideas are considered from the perspective of the philosophy of the common cause of Nikolai Fedorovich Fedorov and his follower Valerian Nikolaevich Muraviev.

Key words: V.N. Muraviev; H. Ford; V.V. Obolensky; N.F. Fedorov; rural-urban development; modernization projects; technocratic projects; capitalism; socialism; philosophy of the common cause

For citation: Nikulin A.M. Fordism in Russia in the early 20th century: Three sketches in the urban-rural rhythms. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 816–829. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-816-829 EDN: UMEJZF

Valerian Nikolaevich Muraviev belonged to an ancient noble family, whose members left a significant mark on Russian history. By the early 20th century, he had received a brilliant and comprehensive education in Saint Petersburg and

*© A.M. Nikulin, 2026
The article was submitted on 10.06.2026. The article was accepted on 25.08.2026.

Paris and proved to be a remarkable Russian diplomat in the most important diplomatic missions of the Russian Empire in Western Europe. During the World War I, he served as vice-director of the diplomatic chancery at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, and with the victory of the February Revolution, he became head of the political cabinet of the Minister of Foreign Affairs. Muraviev was also a talented writer, philosopher and publicist in a variety of genres — from the political-legal essay "A small unit of self-government in Russian legislation" (1912) to the vividly journalistic article "The roar of flame" (1918) published in the collection *From the Depths* — a worthy sequel to the famous collection *Milestones*. For many years, until his arrest in 1929, Muraviev worked for the desk drawer on his philosophical mystery play *Sophia and Kitovras*, while his main work involved compiling analytical reviews on the scientific organization of labor in the 1920s, among which his remarkable social-philosophical work *Mastering Time*, also unpublished in his lifetime, holds a central place. He was close to the circles of Russian religious philosophy, maintained personal relationships with Nikolai Alexandrovich Berdyaev, Alexei Fedorovich Losev, and Pavel Alexandrovich Florensky, and in the 1920s became one of the most prominent followers and continuers of Nikolai Fedorovich Fedorov's cosmist philosophy.

Muraviev's relationship with the Soviet regime was difficult. A Slavophile and Christian socialist by conviction, he initially reacted strongly negatively to the Bolshevik coup. The Bolsheviks nearly executed him in 1920, accusing him of participating in the White Guard conspiracy known as the Tactical Center. At the same time, the new government recognized him as a truly valuable expert in international relations. It was Leon Davidovich Trotsky who saved Muraviev from execution and imprisonment in the early 1920s by inviting him to work at the People's Commissariat of Foreign Affairs. For a time, corresponded with both Trotsky and Nikolai Ivanovich Bukharin not only on foreign policy but on general issues of developing a new culture and worldview for Soviet Russia based on the ideas of Fedorov. In the mid-1920s, he worked actively and productively at Aleksei Kapitonovich Gastev's famous Central Institute of Labor. However, with the intensification of political purges in the late 1920s, he was blamed for everything: count's title, philosophical idealism, anti-Bolshevik journalism and participation in a counterrevolutionary conspiracy. In 1929, Muraviev was arrested, exiled to Narym, a notorious concentration camp for political prisoners, and died there of typhus.

The mid-1920s marked the peak of Henry Ford's popularity worldwide and in the USSR not only as an outstanding entrepreneur and organizer of production but also as a unique social thinker with his own philosophy of the meaning of human and social life. Muraviev, who was working at the Central Institute of Labor at the time, followed international scientific literature on organization of production, occasionally publishing translations and reviews

in this subject field. He certainly had a good understanding of Ford's ideas, which is evidenced not only by several references to Ford's ideas in Muraviev's writings but also by his translation of a book about Ford [1] and his review "Ford and agriculture" [13]. It should be noted that Muraviev refers to Ford's ideas and projects neutrally, without judgment, only occasionally mentioning other authors' critical opinions of them. The reason for this seems to be certain self-censorship: Ford, albeit a capitalist but an outstanding and progressive organizer of world-class production, was in general one of the ideological icons of Soviet industrialization. In the 1920s, the Bolsheviks were willing to respectfully study Fordism so that, having learned its lessons, in the 1930s could strive to catch up and surpass America. Thus, in the USSR of that time Ford could be criticized either openly ideologically in party literature (as an unconventional capitalist exploiter) or veiledly-ironically in fiction (as an eccentric technocratic visionary), an example of which is ironic literary criticism of Ford in Andrei Platonovich Platonov's satirical work "Antisexus" [23]. Muraviev followed Platonov's path in one of his unfinished fiction works, the protagonist of which proclaims himself Henry Ford [14]. However, even these works were not published during the lifetimes of both authors for censorship reasons.

The plot of Muraviev's work "The story of how Yaichkin became Ford" can be outlined in several amusing scenes. The protagonist of this story is a timid, old-regime intellectual Yaichkin (Eggy), who humbly and selflessly works in the departmental library of the Supreme Council of the National Economy. Periodically, the self-assured new Soviet man Nakhrapov (Pushy) comes to the library and chummy moscks the old-fashioned clumsy Yaichkin. The librarian Yaichkin falls in love with a young reader, an engineer by profession Mizinchik (Little finger). The librarian carefully selects a series of books on work organization for the object of his affection, but this charming lady pays him no attention. One day, the authorities demanded that Yaichkin deliver a rare book to the high bureaucracy. Horrified Yaichkin discovered that the book was overdue precisely by the engineer Mizinchik. When she eventually showed up, frightened and upset, she told Yaichkin that almost the entire book had been chewed up by a cow, while she was playing lawn tennis nearby. Fearing the harsh Soviet repressive measures against violators of the library law, Mizinchik falls into hysterics and then begins to lose consciousness. Confused Yaichkin tries unsuccessfully to bring her to sensess and is caught in this act by his superiors, who suspect him of violence against a defenseless woman. Mizinchik, having regained consciousness, explains that the librarian, on the contrary, was trying to somehow help in her inconsolable grief. The authorities, having recognized in Mizinchik a familiar face from the ruling Soviet circles, informs her in a friendly way that there would be no punishment — Mizinchik only has to pay the price of the lost book. After this incident, the arrogant reader Mizinchik began to soften to her timid savior, who continued to supply her with library literature, and Yaichkin once confessed his love to her [14. P. 531].

The manuscript had two versions of the story's ending. In the first, Yaichkin has a nightmare in which, finding himself in a hall of machines, he becomes the workshop manager, director of this factory and transforms into Ford, conquering the world. Finally, the former librarian masters the art of turning workers into machines: "Yachkin begins to fear the machines. He wants to run, but he is surronded by an assembly line, on which the iron hands of machine-men perform operations. He wants to run, but machines block his path, catching him with their iron hands. He feels that he turns into a machine — a milling machine, then a machine-assembly machine. And the empty hall shines transparently, full of machines, operating by themselves, without workers" [14. P. 532]. Yaichkin awakens from this dream, goes to the library, lovingly examines books and realizes that he has been cured of his obsession with Fordism and of love for the female engineer. In another version of the story's ending, Yaichkin falls into a dream in which he declares himself Ford, enters a meeting room and announces that he has invented an assembly line for educating people. Which at first delights people around him, but then they realize he is a madman. Yaichkin, continuing to claim that he is Henry Ford, collapses before them, losing consciousness.

Muraviev's youth and young adulthood coincided with the era of symbolism in Russian art. His story about Yaichkin and Ford is filled with easily recognizable symbolic characters, stylized primarily in the style of Nikolai Vasilyevich Gogol: timid Yaichkin resembles the meek Akaky Akakievich, idiotically cheerful Nakhrapov — a new Soviet Nozdryov, Mizinchik — a composite image of most of Gogol's young ladies — charming and calculating, striving to follow the latest fashion (of the first half of the 20th century) and become an engineer, whom Ford admires. Certainly, this story has more symbolic layers: crazy Yaichkin, contrasted with the automobile king and billionaire, resembles Alexander Sergeevich Pushkin's mad Evgeny confronting the Bronze Horseman — the Emperor; workers, phantasmagorically transformed into machines, remind of officials mystically transformed into playing cards in one of Vladimir Fyodorovich Odoevsky's fairy tales [21].

Muraviev prophetically anticipates scenes from the brilliant movie "Modern Times" (1936) in which Charlie Chaplin's young hero is driven mad just as poor Yaichkin by the assembly-line multitude of Ford machines [3. P. 64]. And it is no coincidence that the powerful technocrat-entrepreneur is confronted by the librarian: Muraviev worked as a librarian for a time, and his source of inspiration, Nikolai Fedorovich Fedorov, also spent a significant part of his life as a librarian. The librarian, the symbolic guardian of universal historical knowledge, is confronted by the engineer, the representative of modern, technocratically specialized knowledge. Finally, the cow is deeply symbolic in this story. This charming domestic animal with profound cultural and historical symbolism serves as a paradoxical *deus ex machina*: the cow chewed a book on labor organization, by which pushed both heroes toward a dramatic resolution of the whole story, but

the more important fact is that and the cow destroyed the book right next to a tennis court. In Russia a hundred years ago, signs of rural life were everywhere, both in the suburbs and in the cities. Russia was still a peasant country with cows wandering everywhere. Let us emphasize once again that it is the cow — the symbol of rural life — that harms the bourgeois city dweller with Fordist-engineering ideals, while strangely aiding the protagonist with the rural surname Yaichkin, reminding of *ab ovo* ("from the egg" in Latin).

From literary rural-urban symbols let us turn to the scientific analysis by Muraviev and his contemporaries of *Henry Ford's* ambitious projects in the field of rural-urban transformations. In his article "Application of Ford's methods to the organization of agriculture", Muraviev defines the topic of his research as follows: "Henry Ford is known throughout the world as one of the most original and outstanding organizers of modern industrial production. But Ford, by his origins, as a farmer's son, was no stranger to agriculture, which explains his interest in agricultural issues" [13. P. 91]. Ford even got a farm of several thousand hectares, where he tirelessly experimented with agricultural mechanization already in the 1920s — his tractors plowed land as deeply and quickly as possible [1. P. 79–83].

Muraviev, based on his translation of the book *The New Ford* by the ardent Ford supporter Allan Benson, summarizes Ford's radical views on the coming transformation of agriculture as follows: rural labor should be fully mechanized using automobiles, tractors, combines, and electrical energy; as a result of this manifold increase in agricultural productivity, farmers will have a lot of free time, which they can use in the countryside for industrial work, — compact but highly mechanized factories and plants should be built here and the urban industry of large cities should be dispersed among small rural settlements. In this way, two strategic goals can be achieved: first, to prevent the huge and unpredictably dangerous accumulation of population in huge cities; second, to bring city dwellers (former farmers) back to the countryside, where they would combine the best features of both urban and rural lifestyles [13. P. 91–93]. These abstract ideas of Ford seem to almost completely coincide with the Soviet communist doctrines of harmoniously overcoming differences between the city and the village. However, in the next two decades of his long career, Ford encountered many negative and unpredictable consequences of such revolutionary agrarian reforms, just as happened with the Soviets that made monstrous mistakes on the path of forced collectivization and industrialization [16]. But in 1925, in the review of Fordist rural reforms, Muraviev refers to the experience of German engineers and agronomists to make critical remarks about Ford's excessive agrarian optimism: while agreeing with the German experience, Muraviev argues that the proposed highly mechanized, total plowing of land could quickly lead to soil degradation and loss of fertility [13. P. 92], which did happen in America — the mass plowing of prairies with tractors determined an increase in the great dust storms in the Midwest, which blew away the remnants of fertile soil [12; 17]; a quarter of a century later, the steppes of Southern Siberia

and Northern Kazakhstan during the Soviet industrial campaign to develop virgin lands met the same fate.

Furthermore, Ford approached the issues of interaction between the livestock and agricultural sectors too frivolously and overly ambitious: according to his German critics, there were many regional and cultural nuances that Ford failed to take into account, but they would manifest in the most unpredictable ways [2. P. 39]. In his review of Fordist agrarian reforms, Muraviev emphasized that agricultural mechanization was still in its infancy, but its significant results should be expected in the very near future. Muraviev died in 1930, on the eve of the complete implementation of Fordist and Soviet agrarian-industrial projects.

In the interview to Ilya Ilf and Yevgeny Petrov during their visit to the United States, Ford said that he got the idea for compact agro-industrial enterprises about twenty years earlier, and by the mid-1930s, about twenty such agro-industrial factories had already opened. Such enterprises did not have a huge concentration of machines and workers, yet their labor productivity was higher than at the large factory. Moreover, their workers combined cheap and healthy rural life with the city salary. Ford believed that such rural factory towns could avoid social-economic problems of the big city (psychological stress and social upheavals), and a network of compact agro-industrial production facilities would harmonize rural-urban relations. Ford emphasized that his agro-industrial project of compact factory-settlements was directed against the oligarchy of finance capital, which sought to achieve speculative-financial concentration by stimulating industrial-urban concentration.

Ford dreamed of a future country of such small factories in rural areas, completely free from the control of merchants and financiers. Soviet writers noted that Ford hated Wall Street bankers as parasitic intermediaries between him and farmers, and with his project of farm-industrial factories, he sought to create a new capitalist harmony. Ilf and Petrov characterized it as the latest bourgeois utopia: “Even if the suspiciously softened capitalists succeeded in putting the entire American proletariat on land, exploitation would not only not disappear but would certainly intensify, taking on a more subtle form” [9. P. 41]. Ilf and Petrov were extremely impressed with Ford as both a person and a genius of assembly-line standardization: in fact, he was creating what young Soviet Marxist agrarians had mostly only dreamed of — agro-industrial complexes that would compactly synthesize urban and rural lifestyles into a single complex [5].

Ford’s automobile-agricultural settlements did not survive or take root in America. The aftermath of the Great Depression and capitalist automotive and financial competition made Ford’s carefully crafted rural-urban harmony projects unprofitable. While fighting for his rural-urban dream in North America, Ford tried to organize something similar even in South America from 1926 to the early 1930s — an incredibly ambitious project to create a rural-urban utopia Fordlandia in the wilds of the Brazilian Amazon for mass cultivation of rubber trees for the

production of car tires. In 1930, Brazilian workers in Fordlandia revolted against this city of the American dream, destroying public spaces, cutting telephone and telegraph lines, and driving the city's elite into the jungle for several days. The rebellion was suppressed by Brazilian army units, and a peace treaty was signed between the city administration and the rebels, but residents began to leave this tropical Ford paradise. Having spent millions of dollars, having made various changes to its management, having overcome worker protests, Ford was eventually forced to abandon his Brazilian venture [8].

In his numerous agricultural projects, Ford made repeated and extensive attempts to introduce the diverse technical and cultural achievements of urban industry and science into rural life. Ford was a remarkable optimist and cheerfully predicted that the farmer of the future would come from the city and would quickly adapt to the countryside, and farming would become the most enjoyable of all occupations [1. P. 84]. Since Ford's time, a truly enormous number of scientific and technological advances and benefits of civilization have extended to rural life. Nevertheless, just as they did a hundred years ago, social-economic and cultural-ecological contradictions between the city and the countryside persist and even deepen in many regions and countries of the world.

Let us return to the Soviet Union. Automobilization is perhaps the most common and widespread modernization phenomenon of the 20th century, and in the 1920s in the USSR, the key expert in the development of motor transport was *Valerian Valerianovich Obolensky*, better known by his party nickname *Nikolai Osinsky.* A revolutionary and comrade of Lenin, he was one of the colorful figures of intellectual Bolshevism. Like Bukharin, until the late 1920s, he occasionally expressed his personal point of view, which could diverge from the opinion of the majority in the Central Committee and Stalin. Osinsky successfully combined theoretical academic work at leading institutions of the Academy of Sciences and the State Planning Committee with practical activism in public organizations: in the late 1920s, he headed Avtodor — the Society for the Promotion of Automobile Development and Improvement of Roads in the USSR — and became editor-in-chief of the new Soviet magazine *Za Rulem* (Behind the Wheel).

Osinsky's article "The American automobile or the Russian cart", published in the August 1927 issue of the newspaper *Pravda*, caused a real sensation in the Soviet Union. At the beginning of the article, Osinsky shared his impressions of European and American cities, mentioning that even Warsaw had undergone an automotive revolution by 1927, while Moscow streets differed from European due to their backwardness. Osinsky argued that European cities were living in a different era of transportation and technology: while horse-drawn cabs still drived around Moscow, on American or European city streets one would encounter a horse no more often than a cow. Compared to Berlin, Paris or Stockholm, Moscow still looked like a large village [22. P. 5]. Moreover, Osinsky complemented his phenomenological impressions of Western automobilization with statistical data

like that by the beginning of 1927, there were 12,000 cars in the entire USSR ranked 40th in the world by this indicator; the United States held first place with 23,431,000 vehicles, accounting for 85% of the planet's total; Europe had 3,103,000 vehicles, or 11% of the world's total. The Soviet Union produced annually 600–700 cars, essentially in a semi-artisanal manner, while Peugeot — 25,000, Citroën — 100,000, and the American giants Chevrolet and Ford — about 1–1.5 million cars [22. P. 7].

Osinsky emphasized that while the electrical engineering and some other strategic industrial sectors had managed to develop in Tsarist Russia and were given even greater attention in the Soviet era, the automobile industry was less fortunate. Before the World War I, Russia had made promising experiments in producing a small number of domestically designed automobiles, but it primarily imported automobiles from abroad and mainly expensive and powerful vehicles for the upper classes, army and navy. During the World War I, due to the acute transport shortage at the front and in the rear, several automobile plants were urgently launched. However, due to the Revolution and the Civil War, automobiles were produced only at the Moscow plant and, until 1924, only the first Soviet trucks based on the technical expertise of the Italian company Fiat.

Osinsky sounded the alarm about the continuing underestimation of motorization in socialist planning, referring to the United States, where among the ten most important branches of American industry, the automobile industry was the most important, while the Soviet State Planning Committee did not even have a separate table for the automobile industry. It was largely thanks to Osinsky that the automobile, metaphorically speaking, managed to jump on the last train of the accelerating echelon of the first five-year plan. Following the Soviet public's sympathetic response to Osinsky's article about the cart and the automobile, the country's party leadership became seriously concerned about the prospects of the automobile industry and heeded many Osinsky's recommendations: to adopt a long-term 15-year plan for the mass motorization of the country; in the first five-year plan, to begin construction of an automobile plant producing at least 100,000 simple and inexpensive passenger cars annually and two more plants producing tens of thousands of trucks; to expand international automotive cooperation in every possible way, primarily with the world's leading automobile power, the United States; to stimulate public enthusiasm for automobiles by creating a voluntary society to promote the development of the automobile industry [22. P. 40].

During the first and subsequent pre-war five-year plans, the USSR built (or reconstructed) the Nizhny Novgorod automobile giant GAZ, designed jointly with Ford the Yaroslavl truck plant YaGAZ and the Moscow factories KIM and ZIS. By the late 1930s, the USSR had become the first truck producer in Europe and second in the world. By 1941, as Osinsky had proposed, more than a million Soviet vehicles had been produced. However, achieving a quantity and quality of vehicles worthy of an industrial power in Osinsky's project was not so much

the goal as the means to create a new man and a new society. Like Henry Ford, who sincerely believed that his automobile served to ennoble capitalism, Osinsky considered the development of the automobile industry in the USSR a path to the creation of the socialist society and the new socialist man, overcoming the backwardness and prejudices of the old world. In discussions with his numerous readers, Osinsky identified the typical everyday Soviet prejudices that were holding back motorization, for instance, the idea that the car was a "bourgeois vehicle" that, given Soviet labor productivity and prices, would remain a luxury available only to the elite, not a means of transportation for ordinary citizens. Osinsky argued that the USSR was capable of mass, assembly-line production of inexpensive automobiles accessible to ordinary Soviet citizens and criticized the Soviet People's Commissariats' purchase of expensive limousines for their high-ranking members, suggesting that Soviet officials learn to drive, thereby saving significant state resources by reducing the number of personal chauffeurs.

At the same time, Osinsky opposed the barracks-like egalitarianism that was so popular in the early USSR. He sympathetically cited the example of a letter from a car enthusiast who, through great effort, had acquired and repaired an old car but was constantly called a bourgeois by those around him, explaining that Soviet people do not drive cars. Osinsky also criticized the utopian sentiments of Soviet people who proposed priority development of mass aircraft production, thus countering the lack of automobiles and the lack of roads. Some Soviet citizens even noted that automobiles require good roads, but good roads would allow imperialist countries to move deeper into the USSR in the event of war; by maintaining poor roads the USSR creates natural barriers to the invasion of enemy motorized armies. Osinsky argued that mass automobile production would entail the construction of high-quality roads and motorized troops of the Red Army, whose homeland, i.e., roads, would be of greater assistance than to the enemy.

Moreover, the automobile would be especially useful for the development of rural Russia, and for peasant cooperatives, Osinsky suggested special credit incentives for the purchase of automobiles. He concluded his article about the Russian cart and the American automobile with the slogan: "Not only automobiles for the proletariat, but also and especially automobiles for the peasantry". In 1928, naive Osinsky even published a short utopian story "Letter written on November 6, 1937" about his imaginary journey by car from Moscow to Voronezh on the eve of the twentieth anniversary of the October Revolution, describing this utopian land's excellent roads, gas stations with nearby comfortable cafes and hotels, many cars and trucks taking workers and peasants to attend to their collective, cooperative and personal business, and even so many foreigners travelling around the USSR to study the successes of humanistic socialism that Soviet gas station workers begin to communicate quite well in foreign languages [22. P. 98].

Stalin's motorization of the 1930s, hierarchical and autarkic, turned out to be a dystopia directed against Osinsky's dreams. His idea of "automobiles for

the peasantry" was significantly at odds with Stalin's plans, although Stalin and the Central Committee took Osinsky's concerns into account when discussing the first five-year plan and appointed him the chief ideologist and mouthpiece of socialist motorization. But by the end of the first five-year plan, Osinsky was significantly burdened with other, no less important planning and statistical work and replaced by new ideological and technical supervisors of the Soviet automobile industry. Stalinist motorization was carried out cautiously and selectively: Soviet automobiles were primarily intended for official use by Soviet officials and within a specific hierarchical order. Under Stalin, workers, intellectuals and especially peasants had almost no chance of having a personal car, with the exception of particularly distinguished figures in science and culture and Stakhanovites. In response to Osinsky's calls to catch up with capitalism through the most democratic use of automobiles (primarily for the development of rural Russia), in 1929 Stalin proclaimed in his article "A year of great change" that the country was moving full steam ahead along the path of industrialization toward socialism, leaving behind our centuries-old Russian backwardness, and that when the USSR would get on the automobile (obviously intended for Soviet officials and worker-drivers) and the peasant would get on the tractor (obviously state-owned, belonging to a state farm or MTS — machine-tractor station), capitalists, boasting of their 'civilization', would need to catch up with the Soviet Union [24. P. 134].

In his reflections on Soviet automobiles, Osinsky paid particular attention to the development of light trucks and vans as particularly useful for rural cooperatives. Certainly, he acknowledged the importance of heavy trucks for the development of the national economy, but the share of medium-sized and heavy trucks (with an insignificant number of light trucks and a shortage of passenger cars) in Stalin's auto industry turned out to be unprecedentedly high compared to the economies of other countries. However, the production of light armored vehicles based on heavy trucks for the Red Army flourished. Osinsky strove to integrate the Soviet automobile industry into the international automotive industry by producing modern, competitive vehicles, but in the mid-1930s, the USSR had largely wound down international automobile projects, condemning its auto industry to an autarkic existence, which predetermined its chronic lagging behind the West. Moreover, Osinsky did not accept hierarchy of the society of prestigious consumption [22. P. 117] and proposed buying cheap foreign cars for all Soviet citizens, while the Stalinist USSR of the 1930s primarily purchased expensive and prestigious American limousines for the party and business leaders, among whom their own 'bourgeois', quasi-American style of prestigious consumption had already developed. Thus, Osinsky was accused of sabotage and espionage and executed in 1938.

The reasons for the failure of Soviet motorization and socially oriented Fordist projects with their desire for a total transformation of rural-urban reality can be considered through the views of *Nikolai Fedorovich Fedorov* on the relationship

between the city and the village, which is one of the central issues in his philosophy of the common cause. In many of his works, Fedorov repeatedly argues that it was precisely in urban society that the alienation of the earth from the sky occurred, leading to intensified movement from villages to cities, from the outskirts to the center, accompanied by the depletion of nature. To prevent this destruction, people need to return to the earth (ashes of our fathers) and to the sky hidden by the city. Fedorov also mentioned the task of returning city dwellers with their accumulated scientific knowledge to rural life, thus calling for an alliance of urban intelligentsia and rural residents in the common cause of transforming and reviving the whole world [4].

It might seem that Ford, in his approach to the rural-urban question, is almost a spontaneous cosmist in the spirit of Fedorov: Ford left his father's farm with all hardships of rural labor, achieved knowledge and skill, wealth and respect in the city, and now, not wanting to be a prodigal son forgetting his kin, returns to the village with all his technical, scientific and financial resources to radically transform rural life and make it even superior to city life. Ford promised to put an end to back-breaking physical labor, make rural life comfortable as in the city, preserve and revive the former rural communal life and culture by developing both modern, compact, optimal agro-industrial production and a network of schools and museums. But Ford's plans were often distorted beyond recognition and failed.

One possible, yet partial and superficial, social-economic explanation is that Ford, an eccentric technocratic capitalist, was the odd one in the global capitalist world of big cities and finance, which is why he repeatedly rebelled against Wall Street, mercilessly criticizing it, and Wall Street, in turn, dealt Ford's work some very sensitive blows, repeatedly bringing the charismatic leader and his initiatives to the brink of dangerous bankruptcy. To more deeply understand the drama of the failures of Ford's rural-urban projects, we should, as Fedorov did, consider how issues of wealth and poverty conceal the fundamental question of the society' life and death. From the perspective of Fedorov's ideals of universal resurrection, Ford's rural-urban transformations seem almost a Faustian project — with the help of automobiles and tractors to expand and improve the dams of progressive comfort, supposedly protecting the old and young generations of rural-urban households from the mounting waves of social and environmental crises. However, the mechanized waves of new generations of increasingly productive and powerful tractors and automobiles significantly deepen the abyss of new environmental and technocratic risks and disasters both in the city and in the countryside. Moreover, the question is whether the cheerful, high-tech Ford farmer, returning from the city to the countryside, truly strives for the revival, resurrection and transformation of the lost eternal life or simply wants to open a provincial branch of the city with no roots and sense of history.

Like many Faustian geniuses, Ford was a paradoxically contradictory figure: on the one hand, a childishly enthusiastic, passionate and good-natured inventor;

on the other hand, a predatory and calculating businessman [11. P. 12], and this fateful duality of Ford's vision also fundamentally differs from the holistic Fedorov's outlook. On the one hand, Ford strongly emphasized that a person should strive to achieve profit in the most direct capitalist sense of the word. On the other hand, Ford argued that profit is by no means an end in itself: a person should use profit to improve himself and the world around him. This statement reveals a familiar dilemma about primary (food and profit) and secondary (questions and improvements) human actions: with such a semantic emphasis, most people focus on maximizing food and profit, never engaging in inquisitive questioning and comprehensive self-improvement [10].

Another significant difference between Ford and Fedorov is their attitudes toward people around them. While democratic in American style and pragmatic, Ford was deeply convinced that not all people are interested in creative, cognitive work — most people are quite satisfied with routine, monotonous work as long as they are paid enough for it, and for this majority's good Ford invented his assembly line [6. P. 133–148]. Fedorov vehemently disagreed with this view, believing that all people possess the capacity and right to inquisitive, creative knowledge and action. Perhaps, that is why Ford's assembly lines and agro-industrial towns never managed to overcome social contradictions between those in power and those ruled. In the ideal settlements of the future envisioned by Fedorov and his followers, there is no such division between a knowledgeable, creative minority and an order-following majority [7]. Certainly, Fedorov would have responded with gratitude and respect to Ford's scientific-technological inventions contributing to the regulation of natural and social life along the paths of the common cause of the immortal transformation of the world but would harshly criticize Ford's assembly line for distributing rural-urban goods as a result of everyone's pursuit of profit.

Funding
The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

References

1. Benson A. *The New Henry Ford*. Moscow; 1927. (In Russ.).
2. Chayanov A.V. *Optimal Size of Agricultural Enterprises*. Moscow; 1928. (In Russ.).
3. Ermakova A.V. *The Individual and the Organization of Labor under Contemporary Capitalism*. Moscow; 1988. (In Russ.).
4. Fedorov N.F. Supramoralism, or universal synthesis. *Collected Works*: in 4 vols. Vol. 1. Moscow; 1995. (In Russ.).
5. Fitzgerald D.K. *Every Farm a Factory: The Industrial Ideal in American Agriculture.* Yale University Press; 2003.
6. Ford H. *My Life and Work*. Minsk; 2014. (In Russ.).
7. Gacheva A.G. Urban planning as world-building: The image of the ideal city in V.N. Muraviev's mystery play "Sophia and Kitovras". *Antsiferov's Collection II*. Moscow; Berlin; 2021.
8. Galey J. Industrialist in the wilderness: Henry Ford's Amazon venture. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs.* 1979; 21 (2).
9. Ilf I., Petrov E. *One-Story America. Letters from America*. Moscow; 2014. (In Russ.).

10. Lipietz A. *Mirages and Miracles. The Crises of Global Fordism*. London; 1987. (In Russ.).
11. Lochner L.P. *America's Don Quixote: Henry Ford's Attempt to Save Europe.* Leningrad; 1925.
12. Moon D. *The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s–1930s*. Cambridge University Press; 2020.
13. Muraviev V.N. Application of Ford's methods in the organization of Agriculture. *Economy and Management*. 1925; 3. (In Russ.).
14. Muraviev V.N. The story of how Yaichkin became Ford. *Works*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2011. (In Russ.).
15. Muraviev V.N. Rhythm and culture. *Works*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2011. (In Russ.).
16. Nikulin A.M. *Agrarians and Power: From the Past to the Present*. Moscow; 2014.
17. Nikulin A.M. Appalachia as a laboratory for contemporary rural-urban development. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2).
18. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Historical-futurological projects: Utopian models of V.F. Odoevsky and A.V. Chayanov. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2).
19. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3).
20. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopias of Alexander Bogdanov and Alexander Chayanov: The choice of rural-urban development and its consequences for rural human capital and social differentiation. *Russian Peasant Studies.* 2023; 8 (4).
21. Odoevsky V.F. A tale of how collegiate councilor Ivan Bogdanovich Otnoshenye failed to wish his superiors a Happy Easter. Odoevsky V.F. *Motley Tales*. Saint Petersburg; 1996. (In Russ.).
22. Osinsky N. (Obolensky V.V.). *The American Automobile or the Russian Cart: Articles*. Moscow–Leningrad; 1930. (In Russ.).
23. Platonov A.P. Anti-Sexus. *Collected Works:* in 5 vols. Vol. 1. Moscow; 1998. (In Russ.).
24. Stalin I.V. A year of great change: On the 12th anniversary of the October Revolution. *Works*. Vol. 12. Moscow; 1949. (In Russ.).
25. Trotsuk I.V. Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism? *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-816-829
EDN: UMEJZF

Идеи фордизма в России в начале XX века: три зарисовки в ритмах города и деревни*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, *просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия*

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые художественные и научные идеи замечательного социального философа Валериана Николаевича Муравьева, посвященные вопросам организации труда и производства в проектах сельского развития Генри Форда в связи

* © Никулин А.М., 2026
Статья поступила в редакцию 10.06.2026. Статья принята к публикации 25.08.2026.

с проектами модернизации социальной жизни в СССР. В.Н. Муравьев, в своих сочинениях затрагивавший многообразные вопросы истории, войны, революции и строительства социализма, достаточно точно и глубоко отмечал огромное значение и роль крестьянства в русской истории и русской революции. Особое внимание в статье уделяется образам и идеям незавершенного муравьевского сатирического произведения «Повесть о том, как Яичкин сделался Фордом». Далее следует описание ряда фордистских технократических проектов, направленных на преодоление неравенства между городом и деревней: приводятся положительные и отрицательные отзывы советских и зарубежных авторов о сельскохозяйственных технологиях, агрогородах, сельских культурных инициативах Г. Форда. В связи с американскими проектами Форда рассматриваются и проекты автомобилизации СССР, разработанные видным советским большевиком Валерианом Валериановичем Оболенским (партийный псевдоним — Николай Осинский): как американский, так и советский проекты автомобилизации приводили в реальных условиях капитализма и социализма к развитию и углублению социальных и экологических противоречий общественной жизни. В заключительной части статьи аграрные идеи Форда рассматриваются с точки зрения философии общего дела Николая Федоровича Федорова и его последователя В.Н. Муравьева.

Ключевые слова: В.Н. Муравьев; Г. Форд; В.В. Оболенский; Н.Ф. Федоров; развитие сельских и городских территорий; проекты модернизации; технократические проекты; капитализм; социализм; философия «Общего дела»

Для цитирования: *Никулин А.М.* Идеи фордизма в России в начале XX века: три зарисовки в ритмах города и деревни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 816–829. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-816-829 EDN: UMEJZF

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 830–846
http://journals.rudn.ru/sociology

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-830-846
EDN: UKXJNF

Адаптация россиян к трансформирующейся реальности: индикаторы, состояние и факторы*

Н.Е. Тихонова[1, 2], И.В. Дудин[1, 2]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

[2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: netichon@rambler.ru; dudiniv99@mail.ru)

Аннотация. На данных общероссийского опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в октябре 2025 года (N = 2000), показано, что реальная адаптированность к внешним условиям и объективные показатели адаптированности к ним — разные феномены. Объективные индикаторы адаптированности обладают меньшим эвристическим потенциалом, чем те, которые учитывают восприятие человеком соотношения своих потребностей и возможностей их удовлетворения. Адаптационный потенциал россиян достаточно высок: около трети можно считать хорошо адаптированными, число плохо адаптированных вдвое меньше, остальные относятся к средне адаптированным. Для молодежи соответствующие показатели выглядят еще благополучнее — доля хорошо адаптированных составляет почти 45 %, а доля дезадаптантов почти вчетверо меньше. Плохо адаптированные россияне страдают в основном от проблем со здоровьем на фоне недоступности медицинской помощи; финансовых проблем, особенно ограничивающих возможности использования свободного времени; социальной незащищенности в случае потери работы. В число факторов, повышающих шансы оказаться в группе плохо адаптированных, входят, судя по результатам регрес-

*© Тихонова Н.Е., Дудин И.В., 2026
Статья поступила в редакцию 29.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

сионного анализа, плохое здоровье, работа на позициях низовых работников торговли и бытового обслуживания или низко- и среднеквалифицированных рабочих, а также неготовность принять на себя ответственность за свою и отсутствие навыков долгосрочного планирования (для молодежи значимы только два последних фактора). Наиболее важные факторы успешной адаптации, помимо хорошего здоровья, — включенность в высокоресурсные социальные сети, наличие установок на личную ответственность за свою жизнь и вера в роль собственных усилий для достижения успеха (для молодежи — только здоровье). Решающая роль здоровья для успешной адаптации говорит о недостаточности мер государственной социальной политики для россиян, имеющих плохое здоровье, но не получивших инвалидности.

Ключевые слова: адаптация; адаптированность; социальная адаптация; социально-экономическая адаптация; индикаторы адаптированности; измерение адаптированности; адаптационный потенциал; ресурсы для адаптации; факторы успешности адаптации

Для цитирования: *Тихонова Н.Е., Дудин И.В.* Адаптация россиян к трансформирующейся реальности: индикаторы, состояние и факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 830–846. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-830-846 EDN: UKXJNF

Последние десятилетия были для россиян непростыми. Тяжелейшие 1990-е годы, многочисленные кризисы (1998–1999, 2008–2009, 2014–2016, 2020, 2022 и ряд более мелких), структурная перестройка экономики сначала в сторону деиндустриализации, а затем реиндустриализации потребовали огромной адаптивности и готовности не только перестраивать привычные жизненные стратегии под изменяющиеся условия, но и корректировать свои запросы с учетом новых реалий. В этих условиях естественны вопросы: какова сейчас адаптированность россиян к постоянно изменяющейся внешней среде? Всегда ли отсутствие проблем означает успешную адаптацию к реалиям сегодняшней России? Какие факторы влияют на успешность? Конечно, дать на эти вопросы исчерпывающие ответы в рамках одной статьи невозможно: ее выводы — скорее попытка активизировать внимание исследователей к данной проблематике, несколько ослабевшее в последние полтора десятилетия.

Опыт изучения проблем адаптации в социологии

Понятие «адаптация» используется во многих науках, при этом и биологи, и психологи, и социологи подразумевают под ней обычно процесс приспособления субъекта (организма, популяции, индивида, социальной группы и т.п.) к окружающей среде и ее изменениям, а под адаптированностью — результат этого процесса, способствующий успешному функционированию [9; 10]. Однако на этом единство подходов заканчивается, а вопросы о том, что можно считать критериями (или индикаторами) успешности адаптации применительно к человеку и что обуславливает ее успешность, вызывают дискуссии до сих пор. Так, Э. Динер и Э. Су [15] считали, что базовыми индикаторами успешности адаптации выступают социально-экономический статус и здоровье, а другие ученые обращали внимание на необходимость

учета субъективного ее аспекта [18]. Были и те, кто пытался учитывать одновременно и объективный, и субъективный аспекты адаптированности, подчеркивая, что объективная успешность может сочетаться с субъективной дезадаптированностью [14].

Сложность анализа соотношения реальной адаптированности индивидов к окружающим реалиям и объективных ее показателей связана со многими факторами, важнейшие из которых состояние здоровья и характер потребностей. Согласно концепции «response shift» изменения состояния здоровья (в том числе субъективного его восприятия) влияют на оценки индивидом многих сторон своей жизни, что усложняет интерпретацию адаптации исключительно через объективные, внешние ее индикаторы [19]. Что касается характера потребностей, то люди, находящиеся в тяжелых условиях, склонны пересматривать свои запросы, а сужение потребностей выступает одной из разновидностей адаптационного поведения. Все это приводит к расхождению объективных индикаторов адаптированности и ее субъективного восприятия [16], и даже при схожих объективных результатах адаптации субъективное ее восприятие может существенно различаться [17; 20]. Таким образом, вопрос об индикаторах успешной адаптации к внешним реалиям остается открытым, а эвристический потенциал разных подходов к ее оценке нуждается в проверке.

В отечественных исследованиях проблематика социальной адаптации рассматривается обычно через призму факторов ее успешности или неуспешности. Так, важнейшим фактором ее успешности в условиях длительно нестабильности внешней среды выступает социальный капитал [11], повышавший как субъективные, так и объективные ее показатели. Отмечалась и значимая роль места индивида в стратификационной иерархии: высокие позиции стимулируют накопление ресурсов, требуемых для успешной адаптации, а нахождение на нижних позициях снижает возможности для адаптационной активности независимо от готовности активизировать собственные усилия [4]. Показана и роль для адаптации в российских условиях не только восприятия человеком своего здоровья, но и наличия психологических проблем, в частности ощущения одиночества [7].

Что касается оценок адаптированности россиян к жизни в быстро меняющемся обществе, то в отечественной литературе доминируют высокие оценки [5; 8]. Предпосылками роста адаптированности называют улучшение показателей здоровья, рост межличностного доверия и распространение ощущения субъективного благополучия. К основным барьерам, препятствующим успешной адаптации, обычно относят преобладание во многих домохозяйствах малоэффективных стратегий выживания в силу их низкой ресурсообеспеченности и недостаточный уровень финансовой компетентности [2; 6]. Затрудняют адаптацию россиян к современным реалиям несовершенство ряда социально-экономических институтов и внешние шоки, вы-

нуждающие менять адаптационные стратегии. Однако даже в этих условиях при выборе этих стратегий россияне действуют рационально, пытаясь максимизировать отдачу от имеющихся ресурсов, а при ограниченности таковых увеличивают трудовые нагрузки или долговую нагрузку [2; 3; 4].

Отдельное направление анализа — специфика адаптационных процессов в молодежной среде. Немало работ обращает внимание в том числе на роль латентных смысловых барьеров — результат глобального информационного противоборства, затрудняющий успешную адаптацию молодежи к внешней среде при переходе ко «взрослой» жизни [1]. Другие авторы, напротив, оценивают степень адаптированности молодежи как достаточно высокую и отмечают падение ее показателей по мере увеличения возраста, поскольку сложности, с которыми приходится сталкиваться россиянам при переходе от одного этапа жизненного цикла к другому, нарастают быстрее, чем их ресурсы, обеспечивающие успешную адаптацию [8].

Таким образом, современное понимание социальной адаптации базируется на признании ее двойственной природы: как способности эффективно справляться с теми проблемами, которые возникают в жизни, что обеспечивает объективно успешное приспособление к внешней среде, и как субъективно переживаемого опыта удовлетворения значимых потребностей в процессе взаимодействия со средой. Успешная социальная адаптация устойчиво связывается в литературе с местом человека в социальной иерархии, умением функционировать в рамках сложившихся институтов и наличием ресурсов для адаптации, наиболее значимую роль среди которых играют здоровье, включенность в социальные сети и ряд психологических особенностей.

Эмпирические данные

Эмпирической базой исследования выступили данные 17-й волны «Мониторинга динамики общественного сознания» Института социологии ФНИСЦ РАН, проходившей в октябре 2025 года (N = 2000). Выборка репрезентировала взрослое (18+) население России и была многоступенчатой: сначала рассчитывались квоты по федеральным округам, затем квоты по типам поселений в них, а также по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Опрос проходил методом face-to-face.

Инструментарий исследования включал несколько объективных показателей адаптированности к реалиям российской жизни, которые позволили построить индекс объективных показателей адаптированности (Индекс ОПА). В их числе были свидетельствующие как об успешности адаптации индикаторы (отсутствие в течение года перед опросом серьезных проблем и отсутствие необходимости предпринимать что-то для улучшения материального положения), за наличие каждого из которых присваивался один балл, так и о неспособности успешно адаптироваться к институциональным условиям (пассивность в силу убеждения, что респондент ничего не может

сделать для улучшения своего положения, а также отсутствие желаемых достижений за последние три года). За наличие каждого из них присваивался минус один балл. Таким образом, индекс мог приобретать значения от –2 до +2, медианным и средним значением был 0.

После содержательного анализа данных респондентов с разными значениями Индекса ОПА они были объединены в три группы: «неблагополучные» (минусовые значения индекса), «средне-типичные» (нулевые показатели) и «благополучные» (положительные значения). Для группы «неблагополучных» характерно практически полное отсутствие признаков успешной адаптации, для «благополучных» — полное отсутствие признаков дезадаптированности, для «средне-типичных» — редкость и того, и другого (табл. 1).

Таблица 1

Доля россиян с разными объективными индикаторами успешности адаптации, %

Индикаторы	Неблагополучные	Средне-типичные	Благополучные	Доля
Живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими серьезными проблемами	2,8	14,7	79,9	28,4
Ничего не предпринимают для улучшения своего положения, так как в этом нет необходимости	0	4,1	56,2	16,8
Ничего значимого за три года добиться не удалось, хотя планировали	63,1	9,9	3,9	25,2
Ничего не предпринимают для улучшения своего положения, так как ничего не могут сделать для этого	51,5	8,9	0	20,1
Доля в массиве	31,8	41,4	26,8	100,0

Однако картина внешне вполне благополучной адаптированности может скрывать простое смирение со своим положением и отказ от ряда потребностей. С другой стороны, высокий уровень запросов даже при объективно вполне благополучном положении может приводить к дисбалансу между потребностями и реалиями жизни, требующему действий для своего преодоления. Поэтому для более точной оценки реальной адаптированности к внешней среде с учетом специфики потребностей респондентов был использован

Индекс адаптированности, построенный с учетом как объективной, так и субъективной составляющих адаптации. Он был ранее обоснован и подробно описан [8], поэтому отметим лишь, что он рассчитывается с учетом степени удовлетворенности человека пятью наиболее статистически значимыми для оценки жизни ее сторонами (питание, одежда, досуг, общая материальная обеспеченность и статус в обществе) (табл. 2). Изначальная версия индекса предполагает диапазон значений от 0 до 10 (медианные и средние значения соответственноы 6 и 6,3 балла). После укрупнения шкалы [8] численность плохо адаптированных представителей массовых слоев составила 17,7 %, средне адаптированных – 49,6 %, а хорошо адаптированных — 32,7 %. Хорошо адаптированные резко выделяются на общем фоне по всем пяти индикаторам, в наименьшей степени эти респонденты довольны своим социальным статусом. Средне адаптированные характеризуются доминированием удовлетворительных оценок во всех аспектах жизни. Плохо адаптированные оценивают свою ситуацию с базовыми потребностями (питание, одежда) и положением в обществе как удовлетворительную, но однозначно недовольны своим материальным положением и досуговыми возможностями.

Таблица 2

Индикаторы, использовавшиеся для построения Индекса адаптированности, и их распространенность в группах с разной степенью успешности адаптации, % (не представлены респонденты, давшие удовлетворительные оценки)

Индикаторы	Плохо адаптированные	Средне адаптированные	Хорошо адаптированные
Материальная обеспеченность			
хорошо	0	4,1	73
плохо	65,9	2,3	0,2
Досуг			
хорошо	0,6	17,6	71,5
плохо	59,9	4,6	0,2
Статус, положение в обществе			
хорошо	2,3	11,8	63,6
плохо	28,7	2,8	0,3
Одежда			
хорошо	0,3	16,3	93,7
плохо	24,1	0,1	0
Питание			
хорошо	1,1	23,8	97,9
плохо	18,5	0,2	0

Адаптированность к внешней среде через призму разных подходов

Объективные индикаторы адаптированности к реалиям российского общества статистически значимо коррелируют с адаптированностью к ним с учетом запросов (коэффициент корреляции Спирмена для Индекса ОПА и Индекса адаптированности — 0,389**). Однако в группы, занимающие одинаковое место на шкалах двух индексов, попали лишь 46,4 % респондентов (совпадение позиций характеризовало большинство только в наименее адаптированных группах — табл. 3), подавляющее большинство остальных занимали смежные позиции, 5,3 % — диаметрально противоположны.

Таблица 3

Соотношение групп, выделенных по Индексу ОПА и Индексу адаптированности, % (жирным шрифтом выделены доминирующие в соответствующей группе по Индексу адаптированности)

Группы, выделенные по Индексу ОПА	Группы, выделенные по Индексу адаптированности		
	Плохо адаптированные	Средне адаптированные	Хорошо адаптированные
Неблагополучные	**54,8**	35,4	13,9
Средне-типичные	41,2	**43**	38,9
Благополучные	4	21,6	**47,2**

Для выявления факторов, связанных с расхождением объективных показателей адаптированности человека (Индекс ОПА) и учитывающего соотношение запросов и его реальной ситуации Индекса адаптированности, был применен алгоритм CHAID (Chi-square Automatic Interaction Detection), основанный на критерии хи-квадрат, что позволило провести многомерный разведывательный анализ широкого спектра переменных массива (свыше 600) и выделить наиболее значимые признаки, характерные для групп с совпадением или расхождением значений двух индексов. В их числе оказались разные ожидания динамики своего положения в ближайший год, доминирующее социально-психологическое состояние, самооценка в социальной иерархии в тесте с 10-членной шкалой социального статуса и чувства, испытываемые при мыслях о личном будущем. Таким образом, решающую роль в расхождении оценок адаптированности по двум индексам играли факторы социально-психологического характера, отражающую уверенность человека в том, что ему удастся совладать в будущем с возникающими проблемами. И только после них шли показатели материального благополучия и его динамики (доход, изменение материального положения в последний год и за три года перед опросом).

Какой же из рассматриваемых индексов обладает бо́льшим эвристическим потенциалом и четче дифференцирует группы с разной успешностью адаптации? Как показало сравнение групп, более точен Индекс адаптированности. Так, если среди хорошо адаптированных доминировали (52,7 %) ожидания улучшения своего положения в ближайшем будущем, а среди плохо адаптированных — ожидания ухудшения своего положения (54,9 %), то для благополучных и неблагополучных по Индексу ОПА соответствующие показатели составляли 47 и 44,7 %, т.е. характеризовали менее половины групп. Что касается самооценок социального статуса, то свыше 60 % плохо адаптированных ставили себя не выше 4 ступени на 10-ступенчатой социальной лестнице, у средне адаптированных — около четверти, а самым массовым у них было самопозиционирование на 5 снизу ступени (30,9 %). Хорошо адаптированные ставили себя в основном (73,5 %) на 6 и выше ступени. Для групп с разными значениями Индекса ОПА соответствующие показатели составили 38,5 % у неблагополучных, 24,8 % у среднетипичных и 69,2 % у благополучных. Схожей была картина и по другим социально-психологическим факторам расхождений между рассматриваемыми группами.

Судя по особенностям, наиболее сильно различающим группы, выделенные по Индексу ОПА и Индексу адаптированности, дифференцирующая сила последнего заметно выше. В отношении показателей дохода или динамики материального положения Индекс адаптированности также обладает большей дифференцирующей силой. Так, у 53,8 % плохо адаптированных индивидуальный среднемесячный доход составлял не более 0,75 медианы индивидуальных доходов в том типе поселений, где они проживали, и 53,3 % хорошо адаптированных имели индивидуальные доходы свыше 1,25 медианы. Соответствующие показатели для полярных по Индексу ОПА групп составили 39,5 и 46,1 %. При этом материальное положение ухудшилось за последний год у 65,1 % плохо адаптированных — у неблагополучных согласно Индексу ОПА 47,6 %.

Важным показателем адаптированности к внешней среде выступает и восприятие своей жизни в целом. Если среди выделенных по Индексу адаптированности 76,6 % хорошо адаптированных были полностью довольны своей жизнью, а среди плохо адаптированных ей давали оценку «плохо» 20,7 %, то для выделенных с помощью Индекса ОПА групп соответствующие показатели составили 58,4 и 10,1 %, т.е. были кратно меньше.

Таким образом, учитывающий двойственную природу адаптации Индекс адаптированности более точно измеряет реальную адаптированность к внешней среде, чем Индекс ОПА, даже несмотря на то, что ключевые факторы, статистически значимо связанные с вероятностью попадания индивида в группы с разной степенью адаптированности, для обоих индексов практически совпадают: состояние здоровья, возраст,

социально-профессиональный статус, работа на наиболее привлекательных (с точки зрения уровня доходов и соблюдения базовых трудовых прав) рабочих местах, ресурс социальных сетей (число доступных видов помощи) и т.д.

Если, опираясь на показатели Индекса адаптированности, оценить ее степень у представителей массовых слоев, то нужно согласиться с ее оценками другими учеными как достаточно высокой. Так, почти треть россиян (32,7 %) входили в группу хорошо адаптированных и только 17,7 % — плохо адаптированных. Для молодежи 18–35 лет соответствующие показатели составили 43,5 и 12,1 %, для работающей части населения — 36,8 и 13,1 %. Относительно чаще плохо адаптированных беспокоили проблемы, связанные со здоровьем (48,9 %) или плохим материальным положением (48 %). В пятерку лидеров (из 21 варианта) среди сфер жизни, ситуацию в которых респонденты оценивали как плохую, вошли материальное положение (65,9 %), доступность качественной медицинской помощи (62,8 %), возможности проведения досуга (59,9 %), уровень социальной защищенности в случае потери работы (57,7 % при 67,8 % у работающих представителей группы, у кого она лидирует) и возможность отдыха в период отпуска (53,4 % при 60,7 % у работающих). Среди плохо адаптированных работающих россиян большинство оценивало как плохой свой баланс работы и отдыха (50,3 %).

Сравнительная роль факторов успешности адаптации

Для оценки факторов успешной адаптации была применена мультиномиальная логистическая регрессия, поскольку зависимая переменная (степень адаптированности по соответствующему Индексу) представлена тремя категориями. В качестве базовой была выбрана средняя степень адаптированности, что позволило оценить факторы, связанные с отклонением от нее как в сторону низкой, так и высокой адаптированности. В качестве независимых переменных в модель вошли: 1) аскриптивные характеристики человека, 2) обусловленные его местом в территориально-поселенческой и социально-профессиональной структуре внешние ограничения, 3) характеристики его ресурсной обеспеченности, обуславливающей его возможности справляться с вызовами (на основе [13]) (табл. 4). Такой набор переменных был обусловлен как упоминавшимися в начале статьи выводами других ученых, так и результатами проверки нами связей показателей успешности адаптации с разными переменными массива данных с помощью корреляционного анализа (не учитывался индивидуальный доход). В качестве базовых категорий использовались либо «срединные» позиции, либо (в случае дихотомических переменных) за базовую бралась та позиция, которая предположительно могла негативно влиять на степень адаптированности.

Таблица 4

Описание независимых переменных, вошедших в базовые и итоговые модели регрессионного анализа для работающих россиян

Переменные	Распределение значений, % (N = 1398)
Аскриптивные характеристики	
Возраст	Непрерывная переменная, значения от 18 до 88 лет
Пол	Мужской – 52,9 Женский – 47,1 (база)
Структурные характеристики	
Тип населенного пункта по месту проживания	Москва и Санкт-Петербург – 12,7 Центры субъектов РФ – 26,8 Села и ПГТ – 31,6 Прочие города – 28,9 (база)
Социально-профессиональный статус (укрупненные позиции)	Предприниматели, самозанятые, руководители, специалисты и служащие на предполагающих наличие высшего образования должностях — 34,6 Низовые работники торговли и бытового обслуживания, рабочие низкой и средней квалификации — 37,8 Специалисты и служащие на должностях, не предполагающих наличия высшего образования, рабочие от 5 разряда — 27,6 (база)
Ресурсные характеристики	
Квалификационный ресурс (образование)	Без профессионального — 13,3 Высшее — 35,3 Среднее специальное — 51,4 (база)
Культурный ресурс (образование родителей)	Оба без профессионального — 18,5 Один с высшим — 19,7 Оба с высшим — 18,2 Хотя бы один со средним профессиональным — 42,1 (база)
Физиологический ресурс (самооценки здоровья)	Хорошо — 39,9 Плохо — 4,1 Удовлетворительно — 51,7 (база)
Социальный ресурс (количество доступных по сетям видов помощи, без хозяйственно-бытовой)	Не могут получить помощь — 22,7 Могут получить 1–2 вида помощи — 21,5 Могут получить от 3 видов помощи — 50,4 (база)
Личностный ресурс (установки и горизонт планирования):	
Видение источников жизненного успеха	Считают, что упорный труд в долгосрочной перспективе приводит к улучшению жизни — 59 Считают, что успех в основном результат везения и личных связей — 41 (база)
Установка на ответственность за свою жизнь	Считают, что человек сам кузнец своего счастья — 62,6 Считают, что жизнь человека степени определяется в основном внешними обстоятельствами — 37,4 (база)
Горизонт планирования	Планируют свою жизнь хотя бы на год вперед — 60,9 Не планируют свою жизнь — 37,6 (база)

Построение моделей происходило в несколько этапов, учитывающих возможные различия факторов адаптации для разных социальных групп. Сначала были построены модели для всего населения (N = 1760), показавшие значимость факторов, связанных с особенностями занятости. Потом с учетом этого обстоятельства были построены базовая, промежуточные и итоговая модели отдельно для работающего (N = 1398) (табл. 5) и неработающего населения (N = 362), продемонстрировавшие большую роль фактора возраста для неработающих (студенты, пенсионеры). Затем были построены модели для разных возрастных групп (сначала более мелких, затем с разделением массива работающую молодежь от 18 до 35 лет (N = 387) и работающих от 36 лет и старше (N = 1011)). В ходе анализа из моделей были исключены статистически незначимые переменные (соблюдение работодателем базовых трудовых прав, наличие на работе дополнительных социальных благ, наличие в семье инвалидности и др.). В результате в базовые регрессии вошли по две аскриптивные и структурные характеристики, а в итоговые — также показатели ресурсообеспеченности. С учетом ограниченного объема статьи ниже приводятся результаты только базовой и итоговой моделей для работающего населения, показывающие значимость разных ресурсов для адаптации.

Решающую роль для успешной адаптации работающих играет состояние здоровья, влияющее как на объективные возможности, так и на субъективное восприятие своей жизни. Из других факторов значимы прежде всего социальный капитал и личностный ресурс (установка на ответственность за свое благополучие). Что касается повышенных шансов попасть в группу плохо адаптированных, то среди определяющих факторов также лидирует состояние здоровья, но плохое. Большое значение имеет и социально-профессиональный статус, задающий суженный коридор возможностей для представителей нижних структурных позиций в профессиональной стратификации. При этом мужской пол, хорошее здоровье, способность долгосрочного планирования своей жизни и установки на то, что благополучие зависит в большей степени от человека, а не внешних обстоятельств, статистически значимо снижают для работающего населения вероятность плохой адаптированности. Интересно также, что, хотя для молодежи нет факторов, статистически значимо повышающих вероятность оказаться в группе плохо адаптированных, мужской пол и убежденность, что человек сам кузнец своего счастья и что упорный труд — путь к успеху, статистически значимо снижают шансы попасть в группу плохо адаптированных. В то же время у представителей среднего и старшего поколений сильнее всего снижают их шансы попасть в данную группу хорошее здоровье, долгосрочное планирование своей жизни и наличие профессионального образования.

Таблица 5

Результаты построения базовой и итоговой регрессионных моделей для работающего населения страны[1]

Независимые переменные	Плохо адаптированные		Хорошо адаптированные	
	Базовая	Итоговая	Базовая	Итоговая
Возраст	1,015	1,000	**0,983****	1,015
Пол (база — женщины)	0,709	**0,61***	1,058	1,118
Тип поселения (база — города, не являющиеся субъектами РФ или их центрами)				
Москва и Санкт-Петербург	1,136	0,856	1,019	1,142
Центры субъектов РФ	1,302	1,195	1,191	1,357
Сельская местность (пгт и села)	**1,839****	1,617	1,13	1,381
Социально-профессиональный статус (база — специалисты и служащие на должностях, не предполагающих наличия высшего образования, и рабочие от 5 разряда)				
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания, рабочие низкой и средней квалификации	**1,955****	**2,263*****	1,373	0,767
Предприниматели, самозанятые, руководители, специалисты и служащие на предполагающих наличие высшего образования должностях	1,029	1,821	0,698	1,330
Здоровье (база — удовлетворительное)				
Плохое		**3,751*****		0,607
Хорошее		**0,337*****		**6,066*****
Ресурс социальных сетей (база — могут получить 1–2 вида значимой помощи)				
Не могут получить помощи		1,055		0,9
Могут получить 3 и более вида помощи		0,678		**1,886*****
Особенности установок и горизонт планирования				
Считают, что человек сам кузнец своего счастья (база — считают, что жизнь человека определяется в основном внешними обстоятельствами)		**0,52*****		**1,524****
Считают, что упорный труд в долгосрочной перспективе приводит к улучшению жизни (база — считают, что успех в основном результат везения и связей)		0,724		**1,461***
Планируют свою жизнь на год и более (база — не планируют)		**0,502*****		1,302
Уровень образования (база — среднее профессиональное)				
Без профессионального		0,472		0,556
Высшее		0,44		0,929
Образование родителей (база — один или оба со средним профессиональным)				
Оба родителя без профессионального		1,214		0,799
Хотя бы один с высшим		1,543		0,67
Оба с высшим		1,884		0,96

Примечание: показатели exp(β): * — 10 % уровень значимости, ** — 5 %, *** — 1 %; жирным шрифтом выделены статически значимые показатели

Заслуживают внимания еще два важных обстоятельства: незначимость для успешности адаптации при прочих равных уровня образования родителей работающих россиян и их самих, что говорит

о недооценке российским рынком труда культурного капитала и профессионального образования. Конечно, последнее обеспечивает человеку несколько более высокий доход, но, с другой стороны, требует инвестиций времени, сил и средств, что повышает уровень запросов, поэтому даже высшее образование не приносит работающим представителям массовых слоев преференций с точки зрения возможностей удовлетворения своих потребностей. В итоге, хотя социализация в высокообразованных семьях и наличие профессионального образования, на первый взгляд, увеличивают вероятность оказаться в числе успешно адаптирующихся к непрерывным и быстрым изменениям (наличие высшего образования в 1,8 раза, а высшее образование у обоих родителей в 1,6 раза повышают шансы оказаться в числе хорошо адаптированных), но это преимущество кажущееся. За ним стоит специфика личностного ресурса, который [12] зависит от уровня собственного образования и социального происхождения.

Что касается моделей, построенных на подвыборках работающей молодежи 18–35 лет и остальных работающих россиян, то для первых хорошее здоровье — единственный статистически значимый фактор успешности адаптации ($\exp(\beta) = 8{,}037^{***}$), хотя плохое здоровье не связано статистически значимо с шансами оказаться в числе плохо адаптированных. Зато наличие установки на ответственность за свою жизнь и оценка труда как главной предпосылки жизненного успеха снижают шансы на попадание в число плохо адаптированных ($\exp(\beta) = 0{,}321^{*}$ и $0{,}326^{*}$ соответственно). Здоровье играет ключевую роль и для адаптации неработающего населения — статистически значимо ($\exp(\beta) = 7{,}73^{***}$) для роста шансов оказаться в числе как плохо адаптированных (в случае оценок здоровья как плохого), так и хорошо адаптированных (при самооценках здоровья как хорошего — $\exp(\beta) = 6{,}053^{***}$). При этом для попадания в последнюю группу здоровье — единственная статистически значимая характеристика.

***

Исследование подтвердило, что реальная адаптированность к изменяющимся внешним условиям, включающая связанные со спецификой потребностей человека субъективные аспекты, и объективные показатели адаптированности — разные феномены. Расхождения между ними связаны прежде всего со спецификой запросов, возникновением новых проблем и особенностями социально-психологического состояния. При этом, хотя связь между двумя феноменами достаточно тесная (лишь у каждого двадцатого реальная адаптированность к внешней среде и объективные ее показатели существенно расходятся), дифференцирующая сила индикаторов адаптированности, учитывающих субъективное

восприятие соотношения наиболее значимых своих потребностей и возможностями их удовлетворения, лучше.

Адаптированность россиян к внешней среде достаточно высока: почти треть входят в группу хорошо адаптированных и пятая часть — в число плохо адаптированных. Последних чаще всего беспокоят проблемы, связанные со здоровьем (их или членов семьи) и/или плохим материальным положением. Как плохое они обычно оценивают свое материальное положение, доступность медицинской помощи, возможности проведения досуга, социальную защищенность в случае потери работы и возможность отдыха в период отпуска. Для работающей части плохо адаптированных россиян добавляется нарушение баланса работы и отдыха. Таким образом, жизнь группы плохо адаптированных осложняют: 1) проблемы, связанные со здоровьем на фоне недоступности необходимой медицинской помощи, 2) финансовые проблемы, прежде всего обуславливающие несовпадение объективных возможностей проведения свободного времени и потребностей в этой сфере, 3) социальная незащищенность в случае потери работы. Обеспокоенность плохо адаптированных россиян проблемами здоровья вполне естественна, поскольку плохое здоровье резко повышает шансы оказаться в данной группе, что говорит о существенных пробелах в реализации компенсаторной функции социальной политики для населения с плохим здоровьем. К числу других таких факторов относятся отсутствие готовности принять ответственность за собственную жизнь и навыков долгосрочного планирования. Повышают шансы на успешность адаптации (особенно у работающего населения и молодежи) не только наличие хорошего здоровья и установок на личную ответственность за свою жизнь, но и вера в роль собственных усилий для достижения успеха.

Другой важный фактор успешной адаптации — включенность в высокоресурсные социальные сети. И, напротив, поскольку включенность в такие сети тесно связана с местом человека в социальной и профессиональной структуре [4], работа на позициях низовых работников торговли и бытового обслуживания или низко- и среднеквалифицированных рабочих резко сужает коридор возможностей для успешной адаптации. В то же время ни наличие профессионального образования, в том числе высшего, ни социализациях в семьях, где родители имели высшее образование, не повышают сами по себе шансы на успешную адаптации — их влияние косвенно и реализуется через формирование определенных установок (габитуса). Институциональные факторы, в том числе связанные с ситуацией в сфере здравоохранения, политикой занятости или сокращения избыточных социальных неравенств, пока недостаточно способствуют успешности адаптации массовых слоев к вызовам, возникающим в ходе быстрой трансформации российского общества.

Информация о финансировании
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 25-28-01014.

Библиографический список

1. *Адамьянц Т.З.* Смысловые барьеры в процессах социальной адаптации современной молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2.
2. *Каравай А.В.* Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2.
3. *Каравай А.В.* Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX — начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 1.
4. *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3.
5. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 2.
6. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся. 2016. № 14.
7. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Психологические аспекты социальной адаптации // Россия реформирующаяся. 2023. № 21.
8. *Латов Ю.В., Тихонова Н.Е.* Измерение и оценка адаптированности российской молодежи // Социологические исследования. 2025. № 11.
9. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999.
10. *Реан А.А., Кудашев А.А., Баранов А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006.
11. *Тихонова Н.Е, Каравай А.В.* Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10.
12. *Тихонова Н.Е.* Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29. № 1.
13. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
14. *Chiang Y., Chu M., Zhao Y. et al.* Influence of subjective/objective status and possible pathways of young migrants' life satisfaction and psychological distress in China // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12.
15. *Diener E., Suh E.* Measuring quality of life: Economic, social and subjective indicators // Social Indicators Research. 1997. Vol. 40.
16. *Groot W.* Adaptation and scale of reference bias in self-assessments of quality of life // Journal of Health Economics. 2000. Vol. 19.
17. *Miao H., Li Z., Yang Y. et al.* Social comparison orientation and social adaptation among young Chinese adolescents: The mediating role of academic self-concept // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9.
18. *Noll H.* Subjective social indicators: Benefits and limitations for policy making — an introduction to this Special Issue // Social Indicators Research. 2013. Vol. 114.
19. *Sprangers M., Schwartz C.* Integrating response shift into health-related quality of life research: A theoretical model // Social Science and Medicine. 1999. Vol. 48.
20. *Stasielowicz L.* Focus on opportunities and adaptive performance: The importance of distinguishing between subjective and objective performance measures // Psychological Reports. 2024. Vol. 129. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-830-846
EDN: UKXJNF

Russians' adaptation to the transforming reality: Indicators, state and factors*

N.E. Tikhonova[1, 2], I.V. Dudin[1, 2]

[1]Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo str., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia

[2]Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: netichon@rambler.ru; dudiniv99@mail.ru)

Abstract. Based on the data of the nationwide survey conducted by the Institute of Sociology of FCTAS RAS in October 2025 (N = 2000), the authors show that actual adaptability to external conditions and objective indicators of adaptation to them are different phenomena. Moreover, objective indicators of adaptability have less heuristic potential than those based on personal perception of the relationship between one's needs and ability to satisfy them. The adaptive potential of Russians is quite high: about a third can be considered well-adapted, half — poorly adapted, and the rest — moderately adapted. For younger people, the corresponding indicators are even more favorable: the share of well-adapted is almost 45 %, while the share of maladapted — a quarter of that. Poorly adapted Russians suffer primarily from health problems due to lack of access to medical care; financial problems, especially those limiting their ability to spend free time; and social insecurity in case of losing job. According to the regression analysis, factors that increase chances of being classified as poorly adapted include poor health, employment in low-level trade and service jobs or low- and medium-skilled blue-collar jobs, unwillingness to take responsibility for one's life and lack of long-term planning skills. For younger people, only the last two factors are important. The most significant factors for successful adaptation, in addition to good health, include being a part of high-resource social networks, taking personal responsibility for one's life, and a belief in one's own efforts for achieving success (for younger people only health). The decisive role of health in successful adaptation suggests the inadequacy of the current social policy for Russians with poor health.

Key words: adaptation; adaptability; social adaptation; social-economic adaptation; indicators of adaptation; measurement of adaptation; adaptive potential; resources for adaptation; factors of adaptation success

For citation: Tikhonova N.E., Dudin I.V. Russians' adaptation to the transforming reality: Indicators, state and factors. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 830–846. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-830-846 EDN: UKXJNF

References

1. Adamyants T.Z. Smyslove bariery v protsessah sotsialnoi adaptatsii sovremennoi molodezhi [Barriers of meaning in social adaptation of today's youth]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaja Praktika*. 2020; 8 (2). (In Russ.).
2. Karavay A.V. Deistviya rossiyan po uluchsheniyu sobstvennogo materialnogo polozheniya v epokhu covid-19 [Russians' actions for improving their financial situation in the era of the covid-19]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny.* 2021; 2. (In Russ.).

*© N.E. Tikhonova, I.V. Dudin, 2026
The article was submitted on 29.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

3. Karavay A.V. Izmeneniya v strategiyah sotsialno-ekonomicheskoi adaptatsii rossiyan v kontse XX — nachale XXI vv. [Changes in Russians' strategies of social-economic adaptation in the late 20th — early 21st centuries]. *Journal of Institutional Studies.* 2020; 12 (1). (In Russ.).
4. Karavay A.V. Osnovnye modeli sotsialno-ekonomicheskoi adaptatsii v raznyh stratah rossiiskogo obshchestva [Basic models of social-economic adaptation in different strata of the Russian society]. *Terra Economicus*. 2019; 17 (3). (In Russ.).
5. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Kak menyayut zhizn rossiyan chrezvychainye sobytiya: novye vyzovy i ustoichivost adaptatsii [How emergency events change the lives of Russians: New challenges and stable adaptation]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2025; 13 (2). (In Russ.).
6. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Osobennosti i tendentsii adaptatsii rossiyan k izmenyayushchimsya usloviyam v postsovetsky period [Characteristics and trends in Russians' adaptation to changing conditions in the post-soviet period]. *Rossiya Reformiruyushchayasya.* 2016; 14. (In Russ.).
7. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Psikhologicheskie aspekty sotsialnoi adaptatsii [Psychological aspects of social adaptation]. *Rossiya Reformiruyushchayasya.* 2023; 21. (In Russ.).
8. Latov Yu.V., Tikhonova N.E. Izmerenie i otsenka adaptirovannosti rossiiskoi molodezhi [Measurement and assessment of the Russian youth's adaptability]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 11. (In Russ.).
9. Parygin B.D. *Sotsialnaya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. Issues of Methodology, History and Theory]. Saint-Petersburg; 1999. (In Russ.).
10. Rean A.A., Kudashev A.A., Baranov A.A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika* [Psychology of Personal Adaptation. Analysis. Theory. Practice]. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.).
11. Tikhonova N.E., Karavay A.V. Resursy rossiyan v usloviyah krizisa: dinamika i rol v adaptatsii k novym usloviyam [Russians' resources in times of crisis: Dynamics and role in adaptation to new conditions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 10. (In Russ.).
12. Tikhonova N. Osobennosti identichnostei i mirovozzreniya osnovnyh strat sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Features of the worldview and identities of the mass strata of the contemporary Russian society]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (1). (In Russ.).
13. Tikhonova N. *Sotsialnaya struktura Rossii: teorii i realnost* [Russia's Social Structure: Theory and Reality]. Moscow; 2014. (In Russ).
14. Chiang Y., Chu M., Zhao Y. et al. Influence of subjective/objective status and possible pathways of young migrants' life satisfaction and psychological distress in China. *Frontiers in Psychology.* 2021; 12.
15. Diener E., Suh E. Measuring quality of life: Economic, social and subjective indicators. *Social Indicators Research*. 1997; 40.
16. Groot W. Adaptation and scale of reference bias in self-assessments of quality of life. *Journal of Health Economics*. 2000; 19.
17. Miao H., Li Z., Yang Y. et al. Social comparison orientation and social adaptation among young Chinese adolescents: The mediating role of academic self-concept. *Frontiers in Psychology.* 2018; 9.
18. Noll H. Subjective social indicators: Benefits and limitations for policy making — an introduction to this Special Issue. *Social Indicators Research*. 2013; 114.
19. Sprangers M., Schwartz C. Integrating response shift into health-related quality of life research: A theoretical model. *Social Science and Medicine*. 1999; 48.
20. Stasielowicz L. Focus on opportunities and adaptive performance: The importance of distinguishing between subjective and objective performance measures. *Psychological Reports*. 2024; 129 (5).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 847–866**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-847-866
EDN: UCRAFD

Семейные установки студенческой молодежи: между ценностями поколения зумеров и вызовами демографической политики*

И.А. Алешковский[1], А.Т. Гаспаришвили[1, 2, 3], О.В. Крухмалева[1, 2], Н.П. Нарбут[2, 3], Н.Е. Савина[1]

[1]Московский государственный университет,
Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, 119991, Россия

[2]Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая,6, Москва,117198, Россия,

[3]Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, щ117218, Москва, Россия,

(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru; narbut-np@rudn.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Аннотация. Демографическая ситуация в России, как и в большинстве европейских стран, характеризуется устойчивой тенденцией снижения рождаемости и ориентацией на малодетную модель семьи. Поколение зумеров все чаще откладывает на более поздний период создание семьи и рождение детей. В этой связи перед обществом стоит сложная задача поиска компромисса между личными предпочтениями молодежи и реакцией на демографические вызовы, преодоление которых определяет развитие страны. Социологическое исследование мнений студентов о семье, браке, рождении детей, их установок и планов в семейной сфере — один из способов поиска решений обозначенного противоречия. Важные социальные маркеры, которые не только отражают репродуктивное поведение молодежи, но позволяют прогнозировать развитие демографической ситуации, оценивать ограничения и обозначать возможности ее улучшения, — желаемое и ожидаемое количество детей в семье, возраст вступления в брак, форма семейных отношений. Основа статьи — данные опроса российских студентов (2025; N = 9299), направленного на выявление их установок и планов относительно брака и родительства. Несмотря на высокую ценность семьи, у зумеров приоритеты смещаются в сторону самореализации, мобильности и материальных достижений. В молодежной среде формируются разные модели поведения: от отказа от брака и детей до ориентации на малодетную или многодетную семью. Для каждой подгруппы характерны свои приоритеты, что требует разработки разных подходов к решению задач воспроизводства населения. Среди ключевых барьеров для вступления в брак и рождения детей студенты называют неуверенность в завтрашнем дне, материальные трудности, отсутствие собственного жилья и стремление к личной самореализации, карьере и путешествиям. Необходимы адресные

*© Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е., 2026
Статья поступила в редакцию 09.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

меры демографической политики, учитывающие ценностные особенности поколения «зумеров», включая жилищные программы, поддержку студенческих семей, формирование позитивного образа родительства.

Ключевые слова: студенты; поколение зумеров; семья; брак; демографическая политика; репродуктивное поведение; самореализация; родительство; ожидаемое и желаемое количество детей

Для цитирования: *Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.* Семейные установки студенческой молодежи: между ценностями поколения зумеров и вызовами демографической политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 847–866. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-847-866 EDN: UCRAFD

Россия, как и большинство европейских стран, проходит этап демографического перехода — в семьях рождается меньше детей, молодые люди позже вступают в брак и дольше не становятся самостоятельными, оставаясь жить с родителями. По данным официальной статистики, в последнее десятилетие естественная убыль населения страны устойчиво растет (1). Социальные факторы, влияющие на демографию, усиливаются внешними вызовами. В этой связи политика в сфере семьи, материнства и детства становится одним из важнейших направлений деятельности государства. Президент России В.В. Путин в мае 2024 года поставил задачу повышения рождаемости — это один из стратегических приоритетов страны: суммарный коэффициент рождаемости должен вырасти до 1,6 к 2030 году и до 1,8 — к 2036 (2). В марте 2025 года Правительство России утвердило Стратегию семейной и демографической политики на период до 2036 года (3) — она должна способствовать повышению рождаемости, улучшению репродуктивного здоровья населения и укреплению института брака через продвижение традиционных ценностей и противодействие «деструктивным идеологиям». На повышение рождаемости направлен национальный проект «Семья» (2025–2030), в рамках которого предусмотрен целый комплекс мер социального и материального характера. В обществе системно продвигается нарратив о важности семьи, семейных ценностей, рождения и воспитания детей. Все эти инициативы ориентированы в первую очередь на молодежь (18–35 лет), людей, которые находятся в активном репродуктивном возрасте.

Возрастает и роль системы образования, охватывающей значительную часть молодежи. Министерство образования и науки в рамках поручения Президента ведет последовательную работу по обновлению стандарта для вузов по поддержке семей с детьми (планируется ввести с осени 2026 года). В учебных организациях реализуется комплекс мер поддержки студенческой семьи и студентов с детьми, программы по созданию в кампусах комнат матери и ребенка, групп кратковременного пребывания детей, расширяются условия для совместного проживания студентов с детьми в общежитиях, возможности индивидуального графика обучения для студентов, ожидаю-

щих рождения ребенка или имеющих несовершеннолетних детей. На уровне вузов разрабатываются меры материальной поддержки студенческой семьи и родительства [25. С. 466]. Однако успешная реализация мер поддержки и программ по улучшению демографической ситуации невозможна без решения двух ключевых проблем молодежи — устойчивого экономического положения в текущей и долгосрочной перспективе и доступного жилья (включая кредитные и ипотечные условия покупки) [20].

Таким образом, изучение представлений студентов о семье и факторах, которые оказывают влияние на решение о вступлении в брак и рождении детей, представляется актуальным. Опросы общественного мнения показывают, что ценность семьи у молодежи стабильно входит в тройку приоритетов: от 54 % (4) до 67 % (5) молодых россиян считают ее одной из самых главных ценностей. Однако у поколения зумеров [12; 15; 22], составляющего сегодня основную часть молодежи, наблюдается постепенное вытеснение ценности семьи личностными приоритетами (самореализации, творчества, материальных и карьерных достижений (6)).

Изучение ориентаций молодежи в сфере семьи — предмет междисциплинарного интереса: демографы уделяют особое внимание тенденциям в брачном и репродуктивном поведении [1; 16; 24; 31], психологи — эмоциональному, мотивационному и поведенческому аспектам [14; 17; 26]. Социологов интересуют ценностные аспекты семьи [3; 4; 11], ее доминирующие модели [2; 5; 8; 27], репродуктивное поведение [7; 9; 19; 26], влияние социальной среды, родительской семьи и внешнего окружения [13; 18; 23; 32] на установки и поведение молодежи в сфере семьи и брака.

В теории Н. Хоу и У. Штрауса [29] поколение зумеров характеризуется как цифровое, выросшее в электронную эпоху, что отразилось не только на их креативности, динамичности, стремлении к комфорту, но и на форматах коммуникации, социальных связях и мобильности. Данные факторы напрямую влияют на поведенческие установки в семейные отношения [12; 22; 32]. Социологи отмечают несколько наиболее характерных тенденций, отличающих поведение современной молодежи, например, чем моложе поколение, тем позднее проявляются в его жизни маркеры взрослости [16. С. 6], прежде всего в социально-экономической и демографической сферах. Процесс, когда молодой человек постепенно становится самостоятельным и независимым, во многом связан с уходом из родительской семьи (в психологии «сепарация от родителей» [30]). У поколения зумеров, для которого стремление к комфорту — одна из значимых характеристик, долгое проживание с родителями во многом обусловлено не материальной выгодой или отсутствием жилья, а вторичной выгодой — не нужно менять привычный уклад жизни, самостоятельно организовывать быт и вести домашнее хозяйство (7). Многие авторы [15; 16; 31; 32] считают, что жизнь в родительской семье определяет более позднее взросление и инфантильность молодых лю-

дей (8): «происходит отложенное создание семьи и рождение детей, а, возможно, укореняется и привычка одинокого образа жизни» (9).

Другая обсуждаемая тенденция — ориентация молодежи на самореализацию, развитие, творчество [12], что согласуется с выводом Р. Инглхарта о том, что в современных обществах усиливается значение индивидуальной свободы и автономии, что влечет за собой откладывание брака и рождения детей на более поздние периоды [28]. Зумеры хотят посмотреть мир, попробовать силы в разных сферах и иметь возможность учиться, осваивать новые навыки. Семья и дети выступают для них скорее ограничением планов и желаний [10; 15], чем стимулом и приоритетом. Мобильность молодежи и изменение поведения в сфере занятости, в том числе более легкая смена работы и рода деятельности, напрямую сказываются на устойчивости материального положения и не стимулируют создание семьи и появление детей.

В статье рассмотрены планы и установки студентов на брак и родительство, выявленные по результатам опроса, проведенного в 2025 году Центром стратегии развития образования МГУ и кафедрой социологии РУДН при поддержке Российского Союза ректоров (поточная выборка; N = 9299 студентов бакалавриата и специалитета очных отделений (10); электронная анкета (11); взаимосвязанных блоки вопросов о том, как студенты представляют будущую семью, какие ценности, традиции и образы из родительской семьи хотели бы перенести в собственную семью, сколько детей хотели бы иметь в своей семье, какие проблемы и ограничения считают наиболее значимым препятствием для вступления в брак и рождения детей). Социально-демографические характеристики выборки: юноши — 31,1 %, девушки — 68,9 %; в основном в возрасте от 18 до 22 лет (90 %); не состоят в браке — 92,7, 96 % не имеют детей; большинство живет в настоящее время в больших и крупных городах, где сосредоточены вузы, но многие родились и выросли в малых городах и сельских поселениях.

Отвечая на вопрос о предпочтительной форме брачных отношений, большинство опрошенных высказались за традиционный зарегистрированный брак (68 %), незарегистрированный брак выбрали 6 %, предпочли бы не вступать в брак и жить без семьи — 8,7 %, затруднились ответить — 17,3 %. Официальная регистрация брака предполагает наличие установок на создание семьи и рождение детей, готовность брать на себя ответственность. Девушки заметно чаще юношей выбирают зарегистрированный брак (74,5 % против 53,5 %). Наиболее тревожным и сложным для анализа был вариант о нежелании вступления в брак вообще и выборе одиночества (8,7 %): мотивы и причины такого выбора — предмет социально-психологического анализа, так как имеют выраженную тенденцию к росту [9; 10].

Необходимо отметить, что установка на крепкую семью и рождение детей традиционно связывается с обязательностью брачных отношений между супругами [13; 21]. По данным Л.А. Журавлевой, регистрация брака для

появления детей обязательна, по мнению 65 % респондентов [13], семейные (женатые/замужние) ожидаемо чаще поддерживают такую модель (74 %). Вместе с тем мнения студенческой молодежи несколько отличаются от данных общероссийских опросов. Так, исследователи компании SuperJob отмечают, что «за 17 лет в российском обществе произошли заметные изменения в восприятии необходимости брака для рождения детей — почти в полтора раза выросла доля россиян, которые полагают, что вступать в брак для рождения ребенка не обязательно (с 18 до 26 %). Существенным является и снижение доли тех, кто считает брак не обязательным, но желательным условием (с 42 до 32 %)» (12).

Можно предположить, что молодежь склонна признавать необходимость официальных отношений и семьи для рождения ребенка, но по мере взросления разные факторы (личный опыт и опыт значимых других, образовательные, материальные, карьерные и др.) оказывают на эту установку сильное влияние. Ежегодно в России около 23 % детей рождается вне брака, и официальная статистика одним из основных факторов решения женщины родить ребенка вне брака считает наличие образования (13). Исследователи отмечают, что в России с начала 2000-х годов растет доля детей, рожденных вне брака (половина этих рождений приходится на незарегистрированный брак). В этой связи представляется важным сохранить у студенческой молодежи установку на рождение детей в семье «с юридическим статусом».

Для современной молодежи характерна тенденция более позднего создания семьи и вступления в брак [1; 7; 9]. По данным нашего опроса, за ранний брак (до 23 лет) как для мужчин, так и для женщин выступает небольшая доля респондентов (рис. 1, 2). Оптимальный возраст для брака — 23–25 лет, что отражает современные социальные нормы и ожидания общества. В ответах респондентов наблюдается высокая положительная корреляция: те, кто называет больший оптимальный возраст для мужчин, склонны называть больший оптимальный возраст и для женщин (0,75). Пол респондента практически не влияет на оценку возраста вступления в брак для мужчин (разница в ответах статистически незначима ($p > 0,05$), но относительно возраста женщины девушки несколько чаще называют более старший оптимальный возраст (разница незначительная, но статистически значимая ($p < 0,01$)). Девушки предпочитают вступать в брак раньше, что, вероятно, обусловлено признанием биологического фактора и традиционными представлениями о роли женщины в обществе. Около трети респондентов считают оптимальным вступление в брак в возрасте старше 26 лет. Для мужчин оптимальный возраст смещен в сторону более позднего периода — пик приходится на 25 лет, а среднее значение — 26,3. Оптимальный возраст женщины для вступления в брак в среднем почти на два года ниже — 24,8 лет, что иллюстрирует устойчивый стереотип — оптимальный возраст мужчины для вступления в брак на 1–2 года старше оптимального возраста женщины.

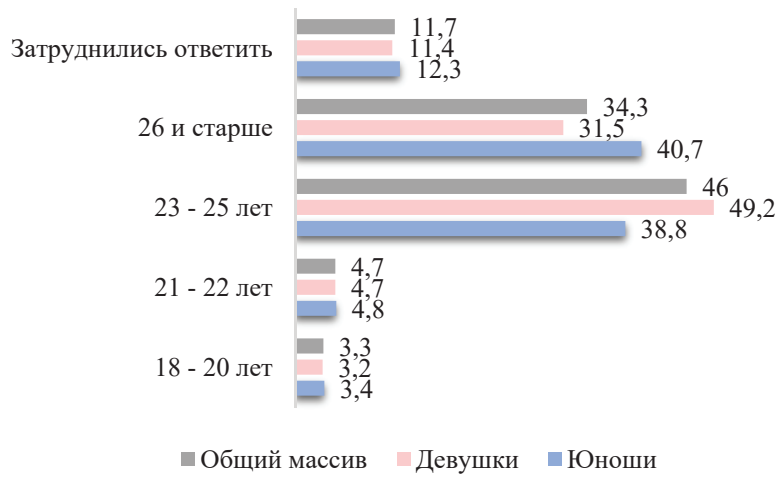

Рис. 1. Распределение ответов о возрасте мужчины для вступления в брак (в %)

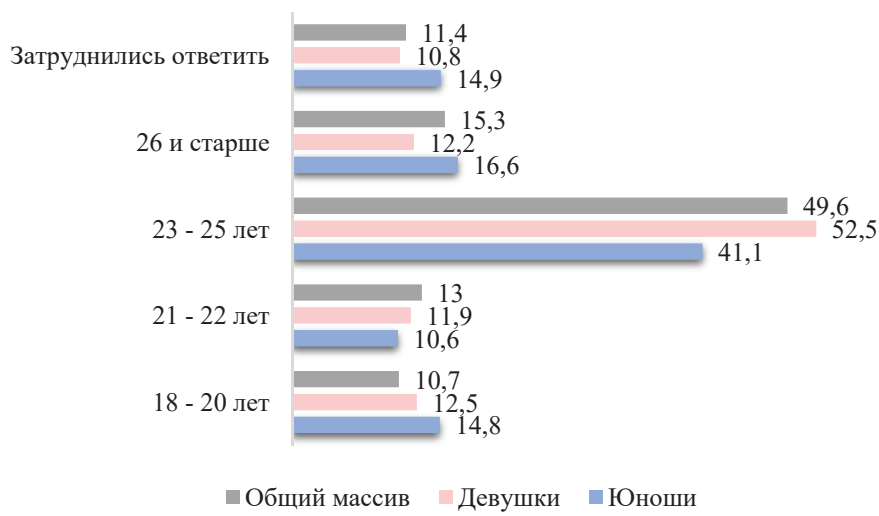

Рис. 2. Распределение ответов о возрасте женщины для вступления в брак (в %)

Данные свидетельствуют о растущем принятии позднего брачного возраста и подтверждают наблюдения социологов и демографов относительно брачных установок молодого поколения. Средний возраст вступления в брак у женщин сегодня составляет 25 лет, у мужчин — 27 лет. Демографы фиксируют существенное его увеличение с конца 1990-х годов (19 и 23 года соответственно) (14), и 90 % россиян полагают, что оптимальный возраст для вступления в брак — период от 25 до 28 лет [13]. 47 % мужчин и 53 % женщин считают, что идеально вступать в брак в возрасте от 26 до 30 лет, около трети уверены, что жениться нужно в возрасте от 21 до 25 лет, еще 12 %

россиян и 6 % россиянок назвали идеальным возраст от 31 до 35 лет (15), т.е. большинство девушек откладывает брак до завершения обучения. Ситуация с вступлением в брак существенно различается по регионам и уровню образования: наиболее позднее создание семьи и рождение детей характерно для крупных мегаполисов, которые являются одновременно университетскими центрами (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Казань, Нижний-Новгород, Севастополь) [8].

Одна из главных причин отложенного вступления в брак — стремление молодых людей к финансовой независимости, личной самореализации, образованию и карьере. В условиях глобализации и распространения цифровых технологий изменения происходят не только в индивидуальных представлениях о браке, но и в социальных практиках, в частности распространяются онлайн-знакомства для поиска супруга [22]. Аналогичные тенденции фиксируют и зарубежные исследователи [31; 32]. По данным ООН, средний возраст вступления в брак существенно отличается по странам: самые молодые браки в Африке, Азии и странах Ближнего Востока [31], наблюдается устойчивая тенденция роста возраста вступления в брак в большинстве стран Европы и Северной Америке [8].

Отмеченные тенденции подтверждают наши данные: взаимосвязь между ответами о браке и возрастом вступления в брак устойчива и не зависит от пола. Так, сторонники официального брака называют более поздний оптимальный возраст для мужчин (27,4), чем выступающие за незарегистрированный брак (25,9) (разница статистически значима ($p < 0{,}001$)). Те, кто придерживается идеи традиционного брака, считают, что мужчина должен сначала встать на ноги (завершить учебу, определиться с местом работы и т.д.), а потом жениться. Те, кто не видит смысла в регистрации, допускает более ранний брак. Аналогичная ситуация с возрастом женщины — сторонники брака называют более старший возраст для вступления женщин в брак (25,6), чем противники (24,3).

В этом контексте следует оценить личные приоритеты молодежи. Для оценки согласованности ответов респондентов по всем целям был применен коэффициент Кронбаха ($\alpha = 0{,}73$), который показывает внутреннюю согласованность ответов и позволяет использовать их в анализе как единую систему. Основные приоритеты студентов — создание семьи (59,7 %), самореализация (59,2 %) и материальная стабильность (52,9 %). С минимальным отрывом от этой тройки идут возможности путешествовать и посмотреть мир (50,7 %), далее, со значительно бо́льшим отставанием — наличие интересной работы (31,9 %), рождение и воспитание детей (28,7 %), наличие друзей (27,9 %) и успешная карьера (26,2 %). В группе ответов, по которым доли ответивших не превысили 20 %, оказались: получение качественного образования (18,7 %), наличие свободного времени (16,7 %), возможность выражать свое мне-

ние (11,9 %), собственный бизнес (10,6 %) и связи (9,3 %). Доли ответов по остальным позициям не превысили 5 % (стать известным, добиться успехов в науке и др.).

Группировка показывает, что в ответах респондентов доминируют личные цели — почти половина всех выборов связана с самореализацией, досугом, образованием и путешествиями. Вторую позицию занимают социальные цели — семья, дети, друзья, уважение, затем идет группа материальных целей (бизнес, карьера, достаток), среди которых выделяется «стабильный доход» (наиболее часто упоминается). То есть респонденты в целом ориентированы на внутреннее развитие, свободу и семью, а не на внешний престиж или статус. В ответах почти нет гендерных различий: юноши и девушки демонстрируют схожие приоритеты и стремления, единственным исключением стала цель «путешествовать, побывать в разных странах мира». Статистически значимая связь ($p = 0{,}026$) показывает, что для девушек эта цель более значима (58,3 против 33,9 %), т.е. у девушек желание путешествовать по миру и создать семью (61,7 %) находятся примерно на одной ступени, но с точки зрения жизненных реалий не очень совместимы. Вариант ответа «родить и воспитать детей» отмечен в приоритетах у 27 % девушек, что, вероятно, отражает ценностный конфликт: мобильность, свобода и самореализация воспринимаются как альтернатива раннему материнству, а не как совместимые жизненные выборы. У юношей разрыв между этими показателями составляет всего 2,2 % (33,9 и 31,7 %). Логично предположить, что при таком подходе девушки не будут спешить вступать в брак и обзаводиться детьми.

Планирование семьи предполагает рождение детей — это одна из значимых характеристик устойчивости семьи, ее основная институциональная функция. Репродуктивное поведение объединяет естественную потребность к продолжению рода и социальные факторы. От того, насколько сформирована и насколько качественно транслируется молодому поколению культура репродуктивного поведения, во многом зависит демографическая ситуация. Согласно статистике в 2023–2024 годы средний возраст рождения первого ребенка у российских женщин — 28 лет и 10 месяцев, вторые и третьи дети появляются в среднем после 30 лет. В последние годы средний возраст появления первенца увеличился почти на год (в 2018–2022 годы составлял 26 лет и 9 месяцев (16)), более 50 % российских женщин рожают первого ребенка в период 21–27 лет (17), самые высокие показатели в этой группе приходятся на 24–25 лет. В целом тенденция отложенного рождения первого ребенка и отказа от многодетности в большинстве стран Европы и Северной Америки фиксируется примерно с 1960–1970-х годов [6. С. 206].

В анкету были включены два вопроса — сколько детей респонденты хотели бы иметь в идеале (желаемое количество) и сколько реально детей скорее всего будет в их будущей семье (ожидаемое количество) (рис. 3).

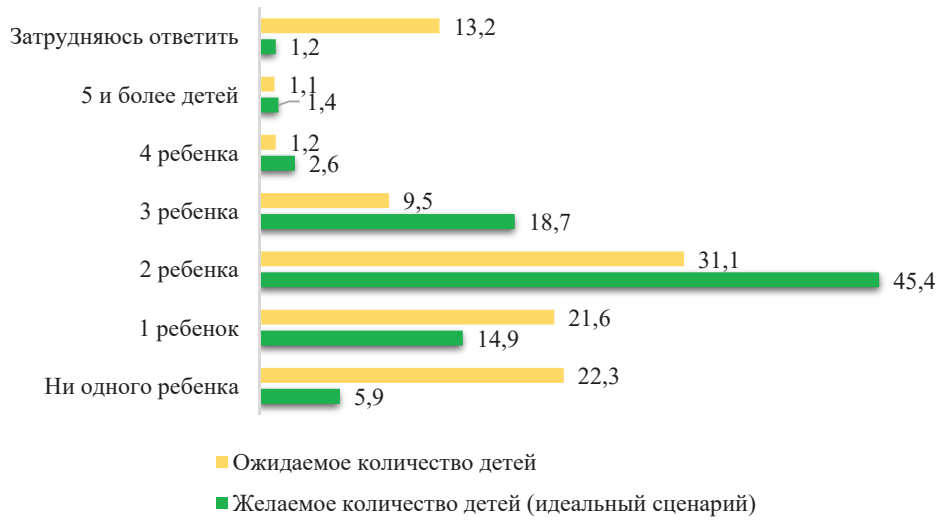

Рис. 3. Распределение ответов о желаемом и ожидаемом количестве детей (в %)

Идеальные представления респондентов тяготеют к двум-трем детям, но реальные обстоятельства сдвигают выбор в сторону меньшего количества, причем доля тех, кто хотел бы вовсе обойтись без детей или ограничиться одним ребенком, в реальном сценарии вырастает почти вдвое. Установки на многодетность для современной молодежи не характерны, и это тревожный демографический индикатор. Около 15 % даже в идеальных условиях планируют только одного ребенка, причем доля девушек здесь выше, чем юношей. Большинство респондентов хотят двоих детей (45,4 %, девушки несколько чаще), юноши высказываются за многодетную семью — чаще хотят трех и четырех детей в семье. Наши данные во многом перекликаются с результатами опроса на платформе «Неравнодушный человек»: 8 % студентов не планируют иметь детей, 16 % хотят только одного ребенка, 41 % планирует двоих, 15 % — троих и более, 20 % затруднились с ответом (18). Доля тех, кто не планирует иметь детей, в реальных условиях вырастает в два раза и составляет более 22 % (нет существенных различий по полу). Что касается установки на бездетность, то исследователи следующие ее факторы по результатам опросов: неуверенность в завтрашнем дне (89 %), затруднительное материальное положение (82 %), необходимость закончить обучение в вузе (78 %), отсутствие собственного жилья (68 %), стремление достичь успехов в работе, построить карьеру, добиться более высокого уровня профессионализма (64 %), желание какое-то время пожить для себя (37 %) и неудовлетворенность состоянием здоровья (8 %) [10. С. 93].

Ответы респондентов относительно количества детей можно рассматривать в соотношении с ответами об обязательности регистрации брака — прослеживается четкая связь установок на большее количество детей и официальный брак (рис. 4).

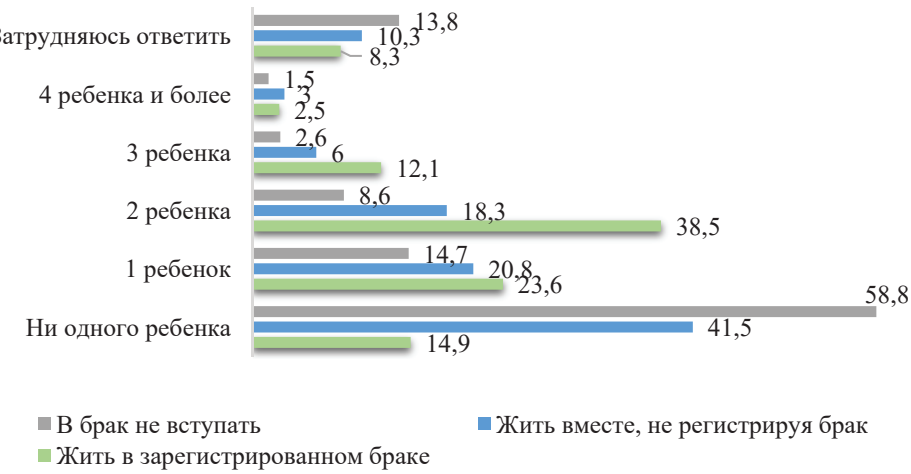

Рис. 4. Распределение ответов об ожидаемом количестве детей в зависимости от формы регистрации брака (в %)

Те респонденты, кто выступает за регистрацию брака, преимущественно ориентированы на рождение двух и более детей (53,1 %), а отказ от регистрации брака ориентирует в основном на одного ребенка. Студенты, утверждающие, что не собираются обременять себя узами брака и планируют жить одни, демонстрируют самые низкие репродуктивные ожидания (не планируют рождение детей — 58,8 %, допускают появление максимум одного ребенка — 14,7 %). Девушки, ориентированные на регистрацию брака, заявляют о желании иметь двух детей — это самая устойчивая модель. У юношей распределения схожи, но отмечен чуть более высокий уровень готовности к трем детям. Таким образом, установка на официальный брак тесно связана с установкой на рождение двух и более детей, а отказ от официальной регистрации брака почти всегда сопровождается низкими репродуктивными ожиданиями или неопределенными ответами. Причем связь между желаемым (в идеальном сценарии) количеством детей и регистрацией брака статистически значима ($\chi^2 = 587{,}3$, $p < 0{,}001$, коэффициент Пирсона = 0,48, коэффициент Крамера = 0,28), а связь между реально ожидаемым количеством детей и регистрацией брака еще более выражена ($\chi^2 = 642{,}1$, $p < 0{,}00001$, коэффициент Пирсона = 0,52, коэффициент Крамера = 0,31), т.е. ожидаемое число детей сильнее зависит от формы брака, чем желаемое, что указывает на реалистичность представлений молодежи о будущем родительстве и браке.

В региональном разрезе выше всего доля ориентирующихся на многодетную семью в Северо-Кавказском (18 %) и Южном федеральных округах (17 %), что отражает традиционные культурные ценности многодетности, характерные для этих регионов. Вместе с тем за реальную многодетную семью высказались и студенты Москвы (около 17 %), что существенно выше, чем по другим субъектам. Наиболее заметные отличия между желанием и реаль-

ностью также наблюдаются в ответах московских студентов. Наши данные подтверждаются результатами аналогичных исследований: так, в рейтинге субъектов России по доле родившихся детей у матерей в возрасте до 25 лет от общего числа родившихся в 2021 году первое место занимает Республика Дагестан (44 %), последнее — Санкт-Петербург (15 %), и фиксируется устойчивая тенденция сдвига основной доли рождений к материнским возрастам старше 25, 30 и 35 лет. Кроме Дагестана в лидерах Чеченская Республика (43 %), Забайкальский край (35 %), Республика Тыва (35 %) и Кабардино-Балкарская Республика (33 %) [1. С. 96].

В целом показатели желаемого в идеальном сценарии и реально ожидаемого количества детей в семье — значимые демографические маркеры. По нашим данным, в среднем разрыв между идеальным и ожидаемым количеством детей составляет 0,62, т.е. многие хотели бы иметь больше детей, чем ожидают в реальности. Даже с учетом того факта, что респонденты пока только обсуждают предполагаемое развитие событий, оно говорит об общей внутренней установке на малодетность или отказ от рождения детей: «идеальное число детей отражает представления индивидов о социальной норме детности и довольно устойчиво во времени. Желаемое число детей лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности» [9. С. 177].

В нашей анкете был приведен широкий перечень вариантов ответа на вопрос о необходимых условиях для вступления в брак. Взаимопонимание, доверие и любовь — главные условия принятия решения о создании семьи (29,7 %), но любовь уступает первое место уважению и доверию (31 %), далее идут материальные факторы (отдельное жилье — 13,2 %, уровень дохода — 6,8 %) и социокультурные (соблюдение личного пространства — 6,8 %, наличие общих интересов и увлечений у партнеров — 12,5 %). Молодые поколения взрослеют в реалиях, где базовые условия для семьи (жилье, стабильный доход, финансовая подушка) не гарантированы и требуют длительных индивидуальных усилий, т.е. демографические сдвиги отражают рационализацию жизненных решений в условиях неопределенного будущего.

Крепкие семьи в представлениях студентов базируются преимущественно на эмоциональных связях (взаимопонимании, уважении, доверии, любви), и эти факторы высоко ценятся практически всеми респондентами, независимо от желаемого числа детей. Стремление сохранить личные границы и общие интересы существенно снижает вероятность наличия больших семей, поскольку значительная доля студентов, выбирающих небольшой размер семьи или отказ от нее, указывают на важность личной свободы и гармонии в отношениях вне репродуктивных целей.

Уровень доходов занимает третье место по значимости, его чаще называют те, кто не планирует иметь детей (33,1 %) или хочет одного ребенка (28,8 %),

что, вероятно, связано с осознанием финансовых обязательств, возникающих при появлении нового члена семьи, и с нежеланием испытывать ограничения и трудности. Для тех, кто нацелен на большее число детей, материальные условия — второстепенный фактор (разрыв между группами составляет около 20 %). Фактор наличия собственного жилья может повлиять на решение о вступлении в брак и количестве планируемых детей, но чаще всего его указывают те, кто не планируют иметь детей (19,9 %) или ориентированы максимум на одного ребенка (15,6 %). Наличие общих интересов и увлечений менее значимо для создания семьи, особенно для тех, кто не планирует большое количество детей. Общий интерес к совместному досугу важен для тех, кто ориентируется на рождение двух и более детей. Соблюдение личного пространства наиболее важно для тех, кто не планирует заводить детей (15,7 %), что, возможно, отражает их стремление к большей свободе и автономии. Обязательность общих взглядов на количество детей и их воспитание чаще отмечают те, кто ориентируется на рождение трех детей (12,2 %).

Анализ ответов респондентов о наиболее важных целях и прогностической оценке количества детей в будущей семье позволили выделить несколько моделей поведения. *Бездетная семья* — у респондентов, не собирающихся заводить детей, основные жизненные цели формируются вокруг материальных и карьерных ожиданий. Самореализация занимает самую высокую позицию и говорит о стремлении заниматься тем, что приносит удовольствие и удовлетворение. В этом отношении вполне логична высокая доля ответов о стремлении найти интересную работу, личностно развиваться, расширять социальные связи и заводить полезные знакомства. Финансовое благополучие также выступает одной из приоритетных целей в этой группе. Наличие стабильного достатка позволит им обеспечить комфортный уровень жизни и реализацию своих желаний, в том числе возможность путешествовать и интересно проводить свободное время. Создание семьи как важная жизненная цель и личный приоритет отметил каждый третий в этой группе (хотя они не планируют иметь детей).

Семья с одним ребенком — для тех, кто планирует иметь в семье одного ребенка, создание семьи имеет важное значение, как и родительство. Занятие любимым делом занимает второе место по важности, что подчеркивает важность самореализации и личностного роста. Стремление к путешествиям также занимает ведущую позицию, а достаток оказался на третьем месте и важен для обеспечения комфортного уровня жизни и возможности реализовывать не только собственные жизненные цели, но и создавать условия для воспитания ребенка.

Семья с двумя детьми — для подавляющего большинства тех, кто планирует иметь двух детей, создание семьи — определяющая жизненная цель, т.е. дети для них выступают важнейшей составляющей семьи. Рождение и воспитание детей как важную личную цель в этой группе указали более

40 %, что значительно выше, чем в группе, ориентированной на рождение одного ребенка. Самореализация через любимое дело очень важна, а интересная профессиональная деятельность вызывает средний интерес — вероятно, респонденты понимают, что совмещение карьерных амбиций и воспитание детей требует баланса между поставленными целями. Наличие свободного времени значимо только для каждого десятого, а расширение сети контактов и установление полезных связей практически не интересует респондентов — большинство предпочитает сосредотачиваться на кругу близких и друзей.

Семья с тремя детьми — основная цель 80 % из тех, кто планирует рождение трех детей, связана с созданием семьи. Семейные ценности находятся на первом месте и значительно опережают другие жизненные цели. Воспитание детей стоит на втором месте по значимости — действительно, появление третьего ребенка предполагает осознание серьезности и ответственности родительства при переходе в категорию многодетной семьи. Реализовать себя профессионально важно примерно для половины респондентов, интересная работа значима для четверти (показатель значимо ниже, чем у других вариантов), а приоритетность достижения финансового благополучия уменьшается пропорционально увеличению предполагаемого количества детей в семье, хотя материальное обеспечение — одна из значимых составляющих успешного будущего для многодетных семей. В этой группе только каждый десятый отметил как цель наличие свободного времени, что существенно ниже, чем в группе бездетных и планирующих одного ребенка.

Семья, в которой четверо и более детей — для тех, кто ориентирован на многодетную семью, важнее всего создание семьи и рождение детей, затем следуют цели, связанные с профессиональной деятельностью, — заниматься любимым делом и иметь интересную работу, что отражает установку молодых людей на сочетание семейных обязанностей с самореализацией. Менее значимы, но все же важны путешествия и хороший достаток, а свободное время и социальные связи занимают последние места в списке приоритетов, что может указывать на готовность жертвовать личным временем и социальными контактами ради достижения других целей, связанных с традиционными ценностями создания семьи и родительства, что не исключает стремления совмещать семейную жизнь с профессиональными амбициями.

Таким образом, ориентация на официальный брак и ожидаемое количество детей в планируемой семье оказывают значительное влияние на формирование системы ценностей и жизненных приоритетов студентов. С увеличением количества детей усиливается значение семейных ценностей и отходят на второй план личностные (свободное время, возможность путешествовать) и материальные ценности (достаток). Наиболее высокие значения карьерных и материальных целей фиксируются в группах, ориентированных на рождение одного ребенка и на бездетность. Чем меньше детей планируется, тем сильнее ориентация на карьеру, финансовый успех

и индивидуальную свободу. Напротив, многодетные родители чаще делают акцент на традиционных семейных ценностях. Рождение и воспитание трех детей формируют особое мировоззрение и систему ценностей, где основной фокус направлен на создание прочной семьи и успешное родительство, но также на возможность сохранить личное пространство для саморазвития и увлечений. При этом финансовые проблемы и нехватка свободного времени — ожидаемые и характерные трудности, с которыми сталкиваются многодетные семьи.

Результаты опроса и соотнесение их с данными аналогичных исследований позволяют сформулировать ряд выводов. В ответах студентов прослеживается высокая значимость семьи: большинство называют создание семьи главным жизненным приоритетом и ориентированы на зарегистрированный брак, но ожидаемое количество детей существенно ниже желаемого (идеального сценария), т.е. имеет место расхождения между ценностными ориентациями и практическими репродуктивными намерениями. Опрос подтверждает тенденцию сдвига брачного и репродуктивного возраста в представлениях молодежи, что отражает определенную прагматичность и рациональность поколения зумеров: они стремятся сначала получить образование, достичь финансовой независимости и самореализоваться, а потом уже строить семью и заводить детей, причем брак выступает институциональной рамкой репродуктивного поведения, поэтому можно утверждать, что укрепление института брака остается значимым ресурсом повышения рождаемости. Тем более что выявлен приоритет самореализации и мобильности над репродуктивными установками в жизненных целях. Ключевые барьеры для создания семьи и рождения детей — материальные (наличие отдельного жилья, уровень дохода, неуверенность в завтрашнем дне), за ними следуют эмоциональные (любовь, доверие, уважение), причем они наиболее остро воспринимаются теми, кто либо не планирует детей, либо ориентируется на одного ребенка, т.е. экономическая нестабильность выступает главным фактором отложенного родительства.

Можно предложить следующие направления поиска компромисса между личностными приоритетами поколения зумеров и демографическими интересами общества и государства:

- усилить экономическую и институциональную поддержку молодых семей, например, ввести программы арендного жилья для студенческих семей с дифференцированной (вплоть до символической) платой, учредить «демографический сертификат» при рождении первого ребенка, который можно будет использовать на улучшение жилищных условий, оплату услуг по уходу за ребенком, образование;
- разработать механизм «стимулирования родительства» в вузах (предоставление академического отпуска по уходу за ребенком без потери образова-

тельной траектории, создание групп кратковременного пребывания детей при университетах, перевод на индивидуальные учебные планы);

• развивать поддерживающую инфраструктуру, снижающую издержки рождения и воспитания детей, особенно для молодых родителей; поддерживать волонтерские программы помощи семьям с детьми (присмотр, репетиторство, патронат);

• последовательно формировать в общественном мнении позитивный образ родительства, не противопоставляя его самореализации, а акцентируя внимание на их совместимости и взаимодополняемости;

• транслировать образ успешной многодетной семьи через актуальные для молодежи каналы коммуникации (социальные сети, блоги, рилсы, подкасты), привлекая лидеров мнений для демонстрации реальных примеров совмещения родительства, карьеры и личностного развития;

• вести целенаправленную работу по противодействию нарративу о детях как «ограничении свободы», акцентируя внимание на долгосрочных психологических и социальных преимуществах родительства;

• обеспечить широкую доступность медицинских и психологических консультаций для студентов по вопросам планирования семьи и репродуктивного здоровья — в вузах или на базе партнерских клиник и профильных центров;

• усилить социологическое изучение латентных факторов, влияющих на репродуктивное поведение молодежи — проводить качественные исследования мотивов выбора бездетности и однодетности, роли онлайн-знакомств и цифровой коммуникации в брачном поведении, влияния межпоколенческой передачи моделей семейного поведения; проводить мониторинг мнений молодежи по вопросам семьи и родительства для оперативной корректировки реализуемых мер.

Информация о финансировании
Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Примечания

(1) Мониторинг демографии. 25.02.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7533665.
(2) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542.
(3) Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года. Распоряжение Правительства России от 15.03.2025 № 615-р. URL: http://government.ru/news/54573.
(4) Данные исследования Федерального агентства по делам молодежи. 26.12.2025. URL: https://www.vesti.ru/article/4848660.
(5) Исследование ВЦИОМ. 24.01.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost.
(6) Рублева Т. В приоритете успех: почему современная молодежь не стремится заводить семью и детей. Мнения экспертов. URL: https://mir24.tv/articles/16478561.

(7) Фриш А. Почему взрослые дети остаются жить с родителями и как это влияет на их личность. URL: https://mediagazeta.ru/content/kod-obshchestva/pochemu-vzroslye-deti-ostayutsya-zhit-s-roditelyami.
(8) Городилов М. Почему так много людей в США, Европе и России живет с родителями. 03.11.2023. URL: https://t-j.ru/no-bunnies-no-lawns/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
(9) Луговская Е. Болезненная неуверенность в своих силах. 02.11.2022. URL: https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/3172045-roditeli-sami-otnyud-ne-toropyatsya-rasstavatsyas-detmi-pochemu-molodyye-lyudi-stali-pozzhe-nachinat.
(10) Выборка сопоставима с количеством студентов России, обучающихся очно (2,8 млн). 2025. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php.
(11) Исследование платформы «Неравнодушный человек» (N = 190000). 12.2025. URL: https://m.business-gazeta.ru/news/690988.
(12) Данные Исследовательского центра портала Superjob.ru (N = 1600). 26.09.2025. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/115511/3-iz-10-zhenschin-s-zaplatoj-vyshe-srednego-schitayut.
(13) Сбор данных проводился с использованием системы аналитики и сбора данных компании Simpleforms. Обработка данных проводилась в IBM SPSS Statistics 25.
(14) Маниконян О. В России вырос средний возраст вступления в первый брак. 03.04.2023. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/487058-v-rossii-vyros-srednij-vozrast-vstuplenia-v-pervyj-brak.
(15) Опрос компании «Mamba» о брачных планах молодежи (N = 4700). 08.07.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21301061.
(16) Иволгин А. В каком возрасте рожают россиянки. 16.07.2025. URL: https://t-j.ru/birth-age/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
(17) Российская база данных по рождаемости и смертности. Данные обследований 2018–2022. URL: https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data?lang=ru.
(18) Данные Росстата о рождении детей вне брака. 23.06.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/18101685.

Библиографический список

1. *Абдульзянов А.Р., Рустамова Г.М.* Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодежи // Народонаселение. 2024. Т. 27. № S1.
2. *Акутина С.П.* Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // Социодинамика. 2020. № 8.
3. *Алексеенок А.А., Наливайко К.В., Сяоюй Т.* Социологический анализ традиционных ценностей современной студенческой молодежи (на материалах ЦИНДАО) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1.
4. *Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.* Представления студентов российских вузов о традиционных ценностях // Вестник высшей школы. 2026. № 1.
5. *Алиев Д.Ф.* Соотношение семейных и внесемейных ценностей в контексте репродуктивного поведения // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 3.
6. *Архангельский В.Н., Калачикова О.Н.* Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5.
7. *Бессчетнова О.В.* Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 2.
8. *Вилкова К.А., Груздев И.А., Шмелева Е.Д. и др.* Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ // Высшее образование в России. 2024. № 7.
9. *Вяльшина А.А.* Типы репродуктивных ориентаций современных студентов // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 3.

10. *Гокова О.В.* Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи в регионе (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22. № 1.
11. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1988.
12. *Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р.* Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник КемГУ. 2020. Т. 22. № 4.
13. *Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В. и др.* Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. 2023. № 11.
14. *Исаев А.В., Михалев И.В., Титова Е.В.* Формирование семейных ценностей в студенческой среде (социологический анализ) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 4.
15. *Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Рогозин Д.М.* (Не) желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4.
16. *Радаев В.В.* Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется //Демографическое обозрение 2025. Т. 12. № 4.
17. *Реан А.А.* Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1.
18. *Романович Н.А.* Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. 2023. № 3.
19. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Соловьева Н.А., Азарова Е.С.* Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // Женщина в российском обществе. 2024. № 4.
20. *Руденко Л.Г.* Демографический кризис в России: причины и возможные пути преодоления // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 7–1.
21. *Семенцова К.Р.* Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 12. № 4.
22. *Чистопашин Я.А., Черепанова М.И.* Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью // Society and Security Insights. 2025. Т. 8. № 1.
23. *Шаповалова И.С., Чернышева Е.А., Заводян И.С.* Жизненные стратегии молодых россиянок: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1.
24. *Ярных Э.А., Баснева В.А.* Брачность и семейно-брачные отношения: современные социально-демографические тенденции и факторы // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 1.
25. *Ястребов О.А., Ростовская Т.К.* Российская демографическая традиция на университетском уровне: актуальные образовательные и управленческие запросы и решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. № 2.
26. *Adejugbe B.* Fertility intentions in the USA: Unraveling gender and age dynamics through a cross-sectional lens // Journal of Population Research. 2025. Vol. 42. No. 14.
27. *Guzzo K.B., Hayford S.R.* Educational experiences and American young adults' childbearing goals: A research note // Journal of Marriage & Family. 2024. Vol. 86. No. 2.
28. *Inglehart R.* Cultural Evolution: People's Motivations are Changing and Reshaping the World. Cambridge University Press, 2018.
29. *Howe N.* The Fourth Turning is Here. Simon & Schuster, 2023.
30. *Hoffman J.A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. Vol. 34. No. 2.
31. *Kopf D.* The ages that people get married around the world // Quarts. 2022. July 20.
32. *Li X.* Analysis of influencing factors of fertility intention based on logistic model // Academic Journal of Management and Social Sciences. 2023. Vol. 2. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-847-866
EDN: UCRAFD

Family attitudes of the student youth: Values of Generation Z and challenges of demographic policy*

I.A. Aleshkovski[1], A.T. Gasparishvili[1, 2, 3], O.V. Krukhmaleva[1, 2], N.P. Narbut[2], N.E. Savina[1]

[1]Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 46, Moscow, 119991, Russia

[2]RUDN University,
Miklukho-Maklaya St.,6, Moscow,117198, Russia,

[3]Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St.,24/35, bldg.5, Moscow,117218, Russia,

(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru; narbut-np@rudn.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Abstract. The demographic situation in Russia, as in most European countries, is characterized by a steady downward trend in the birth rate and by attitudes towards a family model with few children. Generation Z has increasingly postponed family formation and childbearing. Therefore, society faces the difficult task of finding a compromise between personal preferences of the youth and necessary responses to demographic challenges. The sociological study of student opinions on family, marriage and childbearing, their attitudes and plans for family life is a way to address this contradiction. Important social markers that reflect the reproductive behavior of younger people, allow to predict the development of the demographic situation, assess limitations and identify opportunities for its improvement, are as follows: desired and expected number of children in one's future family, age of marriage, form of family relations. The article is based on the data from the survey of Russian university students (2025, N = 9299), aimed at identifying their attitudes and plans regarding marriage and parenthood. Despite the high value of family, Zoomers' priorities have shifted towards self-realization, mobility and material achievements. There are different behavior patterns among the youth: from rejection of marriage and parenthood to orientation towards a small or large family. Each group has its own priorities, which determines the need for different approaches of society and the state to solving demographic problems. Among the key barriers to marriage and having children, students mention uncertainty about the future, financial difficulties, lack of one's own housing, and the desire for personal self-realization, career and travel. The authors insist on the need for targeted demographic policy that takes into account value characteristics of Generation Z, including housing programs, support for student families and the formation of a positive image of parenthood.

Key words: students; Generation Z; family; marriage; demographic policy; reproductive behavior; self-realization; parenting; expected and desired number of children

For citation: Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Family attitudes of the student youth: Values of Generation Z and challenges of demographic policy. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 847–866. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-847-866 EDN: UCRAFD

*© I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina, 2026
The article was submitted on 09.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Abdulzyanov A.R., Rustamova G.M. Brachnoe i reproduktivnoe povedenie sovremennoj rossijskoj molodezhi [Marriage and reproductive behavior of today's Russian youth]. *Narodonaselenie*. 2024; 27 (S1). (In Russ.).
2. Akutina S.P. Sovremennaya studencheskaya semya: tsennostnye aspekty i zhiznennye strategii [Contemporary student family: Value aspects and life strategies]. *Sotsiodinamika*. 2020; 8. (In Russ.).
3. Alekseenok A.A., Nalivayko K.V., Tian Xiaoyu. Sotsiologichesky analiz traditsionnyh tsennostej sovremennoj studencheskoj molodezhi (na materialah TsINDAO) [Sociological analysis of the traditional values of today's student youth (based on the materials of Qingdao)]. *Sotsiologiya i Menedzhment.* 2025; 11 (1). (In Russ.).
4. Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Predstavleniya studentov rossijskih vuzov o traditsionnyh tsennostyah [Russian university students' views on traditional values]. *Vestnik Vysshey Shkoly*. 2026; 1. (In Russ.).
5. Aliev D.F. Sootnoshenie semejnyh i vnesemejnyh tsennostej v kontekste reproduktivnogo povedeniya [Relationship between family and non-family values in the context of reproductive behavior]. *Society and Security Insights.* 2024; 7 (3). (In Russ.).
6. Arkhangelsky V.N., Kalachikova O.N. Vozrast materi pri rozhdenii pervogo rebenka: dinamika, regionalnye razlichiya, determinatsiya [Mothers' age at the birth of first birth: Dynamics, regional differences, determination]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2020; 13 (5). (In Russ.).
7. Besschetnova O.V. Semejnye tsennosti i reproduktivnye ustanovki sovremennoj studencheskoj molodezhi: rozhat nelzya otkladyvat [Student youth's family values and reproductive attitudes: Giving birth cannot be postponed]. *Voprosy Upravleniya.* 2025; 19 (2). (In Russ.).
8. Vilkova K.A., Gruzdev I.A., Shmeleva E.D., Tarasova E.A., Startsev S.V. Chto my znaem o studencheskih semyah: sotsiologichesky analiz [What we know about student families: A sociological analysis]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2024; 33 (7). (In Russ.).
9. Vyalshina A.A. Tipy reproduktivnyh orientatsij sovremennyh studentov [Types of the contemporary youth's reproductive orientations]. *Narodonaselenie.* 2022; 25 (3). (In Russ.).
10. Gokova O.V. Analiz fenomena childfree i formirovanie traditsionnyh semejnyh tsennostej u sovremennoj studencheskoj molodezhi v regione (na primere Omskoj oblasti) [Analysis of the childfree phenomenon and the formation of traditional family values of today's student youth in the region (on the example of the Omsk Region)]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika.* 2024; 22 (1). (In Russ.).
11. Golod S.I. *Semya i brak: istoriko-sotsiologichesky analiz* [Family and Marriage: A Historical-Sociological Analysis]. Saint Petersburg; 1988. (In Russ.).
12. Grigoryeva E.V., Khakimova N.R. Osobennosti sistemy semejnyh tsennostej pokoleniya Z [Features of Generation Z's system of family values]. *Vestnik KemGU.* 2020; 22 (4). (In Russ.).
13. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V. et al. Formirovanie demograficheskoj kultury molodezhi kak sotsialnaya problema [Forming the youth's demographic culture as a social problem]. *Obrazovanie i Pravo*. 2023; 11. (In Russ.).
14. Isaev A.V., Mikhalev I.V., Titova E.V. Formirovanie semejnyh tsennostej v studencheskoj srede (sotsiologichesky analiz) [Formation of the student youth's family values (sociological analysis)]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye Nauki.* 2022; 4. (In Russ.).
15. Makarentseva A.O., Galieva N.I., Rogozin D.M. (Ne) zhelanie imet detej v zerkale oprosov naseleniya [Desire (not) to have children as reflected in public opinion polls]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny.* 2021; 4. (In Russ.).
16. Radaev V. Otkladyvayut li molodye pokoleniya svoe vzroslenie, i v chem eto proyavlyaetsya [If younger generations postpone their transition to adulthood, and how it is manifested]. *Demograficheskoe Obozrenie.* 2025; 12 (4). (In Russ.).

17. Rean A.A. Otnoshenie molodezhi k institutu semyi i semejnym tsennostyam [Youth's attitude to the family institution and family values]. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal.* 2016; 4. (In Russ.).
18. Romanovich N.A. Predstavleniya molodezhi o brake i semye [Youth's ideas of marriage and family]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2023; 3. (In Russ.).
19. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Solovyeva N.A., Azarova E.S. Reproduktivny potentsial molodoj semyi: analiz sotsiologicheskogo issledovaniya [Reproductive potential of the young family: Results of the sociological study]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2024; 4. (In Russ.).
20. Rudenko L.G. Demograficheskу krizis v Rossii: prichiny i vozmozhnye puti preodoleniya [Demographic crisis in Russia: Causes and possible solutions]. *Vestnik Altajskoj Akademii Ekonomiki i Prava.* 2025; 7–1. (In Russ.).
21. Sementsova K.R. Brachno-semejnoe povedenie molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve: ustanovki i tsennosti [Youth's marital-family behavior in the contemporary Russian society: Attitudes and values]. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta*. 2022; 12 (4). (In Russ.).
22. Chistopashin Ya.A., Cherepanova M.I. Otlozhennoe vstuplenie v brak i semejnye ozhidaniya molodezhi: mezhdu karyeroj i lichnoj zhiznyu [Delayed marriage and family expectations of the youth: Between career and personal life]. *Society and Security Insights*. 2025; 8 (1). (In Russ.).
23. Shapovalova I.S., Chernysheva E.A., Zavodyan I.S. Zhiznennye strategii molodyh rossiyanok (regionalny aspekt) [Life strategies of young women in Russia (a regional aspect)]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2026; 1. (In Russ.).
24. Yarnykh E.A., Basneva V.A. Brachnost i semejno-brachnye otnosheniya: sovremennye sotsialno-demograficheskie tendentsii i faktory [Marriage and family relations: Today's social-demographic trends and factors]. *Gorizonty Gumanitarnogo Znaniya*. 2022; 1. (In Russ.).
25. Yastrebov O.A., Rostovskaya T.K. Rossijskaya demograficheskaya traditsiya na universitetskom urovne: aktualnye obrazovatelnye i upravlencheskie zaprosy i resheniya [Russian demographic tradition at the university level: Current educational and managerial tasks and solutions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2). (In Russ.).
26. Adejugbe B. Fertility intentions in the USA: Unraveling gender and age dynamics through a cross-sectional lens. *Journal of Population Research*. 2025; 42 (14).
27. Guzzo K.B., Hayford S.R. Educational experiences and American young adults' childbearing goals: A research note. *Journal of Marriage & Family*. 2024; 86 (2).
28. Inglehart R. *Cultural Evolution. People's Motivations are Changing and Reshaping the World*. Cambridge University Press; 2018.
29. Howe N. *The Fourth Turning is Here*. Simon & Schuster; 2023.
30. Hoffman J.A. Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology.* 1984; 34 (2).
31. Kopf D. The ages that people get married around the world. *Quarts*. July 20, 2022.
32. Li X. Analysis of influencing factors of fertility intention based on logistic model. *Academic Journal of Management and Social Sciences*. 2023; 2 (2).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 867–887
http://journals.rudn.ru/sociology

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-867-887
EDN: UAENHW

Российская социология 2020-х годов о социодинамике российского общества (по материалам ведущих отечественных журналов)*

А.Ю. Чепуренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: achepurenko@hse.ru)

Аннотация. С начала 2020-х годов российское общество переживает существенные трансформации, связанные с цифровизацией, внешнеполитическими и экономическими шоками, изменением структуры занятости, форм неравенства. Все это влияет на процессы социальной стратификации и — в конечном счете — на социальную структуру общества. Задача статьи — показать на примере публикаций в профильных российских академических журналах, как отечественная социология описывает и интерпретирует новые процессы на пересечении социодинамики и стратификационного анализа. Для этого в статье реконструированы основные направления и результаты исследований, посвященных социодинамике, социальной структуре и стратификации российского общества. Был проведен систематический анализ 41 статьи, опубликованной в 2020–2025 годы в ведущих российских журналах, с использованием ключевых слов, связанных с социально-экономическими процессами, социальной структурой, мобильностью и неравенствами. Публикации сгруппированы в два суперкластера: «Социально-экономические процессы и социодинамика» и «Социальная структура и стратификация», причем второй суперкластер разделен на пять тематических кластеров, что позволило выявить доминирующие исследовательские повестки. Показано, что в отечественной литературе одновременно развиваются несколько линий анализа: осмысление новых трендов социодинамики; адаптация классических и неовеберианских теорий к российским реалиям, в том числе разработка более сложных схем стратификации и попытки построения альтернативных объяснительных концепций; изучение ресурсов социальной мобильности; взаимовлияние социодинамики и восприятия неравенств. Особое внимание уделено теоре-

*© Чепуренко А.Ю., 2026
Статья поступила в редакцию 15.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

тико-методологическим основаниям публикаций, используемым данным и ограничениям применяемых подходов. Сделан вывод о слабой связи исследований стратификационных процессов с анализом более широких сдвигов социодинамики, сохраняющейся концептуальной неопределенности в трактовке ключевых категорий, недостаточной изученности нижних слоев и дефиците междисциплинарных исследований. Результаты анализа позволяют уточнить исследовательскую повестку и обозначить перспективные направления изучения социальной структуры и социодинамики российского общества.

Ключевые слова: социодинамика; социальная структура; социальная стратификация; социальное неравенство; социальная мобильность; классы; Россия; систематический обзор литературы

Для цитирования: *Чепуренко А.Ю.* Российская социология 2020-х годов о социодинамике российского общества (по материалам ведущих отечественных журналов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 867–887. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-867-887 EDN: UAENHW

Социодинамика — направление, изучающее процессы изменения, функционирования и развития общества, социальных групп и институтов во времени, т.е. не только «состояние» общества, но и механизмы его трансформации. Социодинамика помогает описывать, как социальные структуры меняются и реагируют на внешние и внутренние вызовы: стратификация показывает, *как* общество структурировано, социодинамика – *как и почему* это устройство меняется. В российской социологии это понятие пока не укоренено, хотя введено в оборот в ряде исследований по социодинамике экономических институтов [14] и культуры [13]. Между тем с начала 2020-х годов российское общество — как в силу внутренних причин, так и под влиянием внешних макрошоков — демонстрирует новые тренды социодинамики: так, цифровизация труда и удаленная занятость приводят к изменениям социально-профессиональной структуры, создавая новые режимы неравенства и запуская перестройку социальной структуры — рост одних групп, трансформацию других, изменение стратификационных границ [12; 22; 32; 34].

В какой мере российская социология описала и объяснила новые тренды социодинамики и их связь со стратификационными процессами? Какие моменты сравнительно слабо изучены? Что можно сделать, чтобы интенсифицировать исследования по этим ключевым для социологии темам? Эти вопросы лежат в основе статьи. Она структурирована следующим образом: сначала описана методика отбора публикаций, затем проведен анализ их содержания и ключевых выводов, далее следует раздел с обсуждением результатов и, наконец, общее заключение.

Период поиска был ограничен 2020–2025 годами — в этот период российское общество оказалось в состоянии повышенной турбулентности, которая привела к значительным изменениям в экономике, социальной сфере и духовной жизни страны [20]. Примененная объяснительная

схема опирается на многомерный подход к стратификации, дополненный концептами капиталов П. Бурдье, теориями индивидуализации У. Бека и сетевого общества М. Кастельса, учитывает стратификационные модели отечественных исследователей [3; 4; 44; 45; 48] и развиваемую в российской литературе концепцию рентно-сословной трансформации [6; 21]. Соответственно, анализировались статьи, где среди ключевых слов обязательно присутствовало хотя бы одно из следующих, соотносимых с содержанием двух описанных выше процессов: «социально-экономические процессы», «социально-экономическая динамика», «трансформация» — для социодинамики, «социальная структура», «страты», «классы», «слои населения», «социальная мобильность», «групповая самоидентификация», «групповые предпочтения/установки/идентичность» — для социальной структуры и стратификации.

Отбор журналов осуществлялся по Списку В журналов НИУ ВШЭ: он основан на независимой экспертизе качества журналов и содержит четкие критерии их отнесения к той или иной категории; журналов категории А по рассматриваемой проблематике в России нет, поэтому список был ограничен журналами категории В, заявляющими соответствующую тематику в своей повестке («Вопросы образования», «Вопросы статистики», «Вопросы экономики», «Журнал исследований социальной политики», «Мир России», «Политические исследования», «Социологические исследования», «Социологическое обозрение», «Экономическая социология». Поскольку число журналов, по публикациям в которых производился поиск, сравнительно невелико, цифровые библиометрические методы не применялись. На базе eLibrary, Google Scholar и Semantic Scholar был вручную (по названиям, аннотациям и ключевым словам) сформирован список из 41 статьи.

С учетом представленности соответствующей проблематики и тематических пересечений были выделены два тематических суперкластера: «Социально-экономические процессы и социодинамика» (6 статей) и «Социальная структура и стратификация» (35). Второй суперкластер для удобства анализа был разделен на пять кластеров: «Общая теория и методология анализа социальной структуры» (8), «Ресурсы и факторы стратификации и социальной мобильности» (8), «Восприятие неравенств и его роль в социальной мобильности» (6), «Анализ отдельных социальных страт российского общества» (8) и «Прочие аспекты социальной стратификации» (4). Оказалось, что в рассматриваемый период два ведущих журнала систематически публиковали статьи по указанной проблематике: «Социс» (20) и «Мир России» (16). Полностью сопоставимых данных по цитируемости для всех статей из списка нет, но составленный по данным Google Scholar и eLIBRARY рейтинг десяти наиболее цитируемых выглядит так (табл. 1):

Таблица 1

Наиболее цитируемые статьи

Автор, номер в списке	Примерное число цитирований
Аникин [4]	40–80
Аникин [3]	30–60
Тихонова [48]	25–50
Соколов, Соколова [42]	20–40
Тихонова [44]	20–40
Слободенюк [40]	15–35
Тихонова [47]	15–30
Мареева [29]	10–30
Тихонова, Слободенюк [50]	10–25
Бузгалин, Колганов [8]	10–25

Социально-экономические процессы и социодинамика

Содержание статей этого суперкластера связано с обсуждением четырех проблем: пандемия и глобальная трансформация социально-экономического порядка; пандемия и динамика социально-экономических процессов в России; этапы трансформации социальной структуры российского общества и критерии ее периодизации; переход к сравнительному анализу стран и регионов в рамках комплексной оценки их развития (табл. 2).

Таблица 2

Социально-экономические процессы и социодинамика

№	Статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Бузгалин, Колганов [8]	Влияние пандемии на глобальную трансформацию экономического порядка	Постсоветский критический марксизм	Кабинетное исследование
2	Иванов [17]	Пост-глобализационные тенденции конца XX века	Теория «дополненной современности»	Кабинетное исследование
3	Шмат [54]	Построение композитного индекса гармоничного развития регионов России за 2010–2019 годы	Теория статистики	Факторный анализ статистики
4	Сорокин, Фрумин [43]	Значение темпоральных соотношений структуры и условий, содержания и эффектов типа действия	Теория «трансформирующей агентности»	Кабинетное исследование
5	Савин [38]	Связь направленности изменений в обществе и массовом сознании		Данные мониторингов ФНИСЦ РАН и других центров
6	Резаев, Трегубова [36]	Понятие «иной социальности»	Теория «искусственной социальности»	Кабинетное исследование

Анализ показывает различия в подходах к интерпретации трансформаций. Статьи [8; 17] исходят из доминирующего влияния глобальных процессов, но по-разному оценивают их направленность: трактуют пандемию как усиление тенденций, запущенных глобализацией и выводящих развитие за рамки классического капитализма, или, напротив, как окончательный разрыв с эпохой глобализации; современные тренды описываются через формирование «дополненной современности», основанной на виртуализации и цифровизации социальных связей. Статья [36] вводит концепт «иной социальности», связывая его с развитием ИИ и непредсказуемостью складывающейся системы с участием небиологических агентов и перенастройки онлайн-взаимодействий, в том числе в сферах любви, смерти, образования и здравоохранения, что ставит вопрос о границах понятия «социальное».

Фокус на глобальной повестке оставляет слабо разработанным вопрос о механизмах национально-специфической социодинамики: почему общемировые тенденции реализуются в различных странах по-разному? Отмеченная в [17] ключевая роль глобальных мегаполисов в формировании дополненной современности лишь частично отвечает на вопрос, поскольку процессы за пределами мегаполисов не рассмотрены. Зафиксированное в отечественной литературе [16] цивилизационное различие социодинамики в регионах России требует дальнейшего анализа. Развивая тезис о многовекторности социодинамики, автор [53] на данных по регионам за 2010–2019 годы показывает устойчивую стратификацию субъектов по уровню гармоничности развития; полученная конфигурация указывает на преимущественно индустриальный характер развития большинства регионов, т.е. воспроизводство общества модерна.

В современных обществах по-новому ставится вопрос о соотношении структуры (институтов, организационных полей) и действий акторов, или агентности. В отличие от мейнстрима, приписывающего структуре исходящую и формирующую роль, в статье [43] выдвигается тезис, что новые формы индивидуального и коллективного действия опровергают примат структуры и расширяют возможности ее трансформации агентами, чем, по сути, обосновывается критика представления о жесткой предопределенности социодинамики России. Вместе с тем не указаны конкретные социально-экономические и социально-политические условия, при которых возможен переход от примата структуры к доминированию агентности. Имплицитно более скептическое отношение к применимости концепции усиленной агентности к России представлено в статье [38]: показано, что уже более двух десятилетий доминирует стабилизационный тип массового сознания, характерный для обществ травмы. Массовое сознание трактуется как относительно автономный медиатор между структурой и действиями индивидов, задающий границы допустимых изменений. Отсюда вы-

текает новый вопрос: почему одним обществам состояние травмы удается преодолеть, а в других оно закрепляется и превращается в источник повторяющихся кризисов?

Данный суперкластер разбит на пять кластеров, первый из них — «Общая теория и методология анализа социальной структуры» (табл. 3). Работы этого кластера обсуждают как пригодность классических теорий классов и стратификации для описания российского общества, так и необходимость их уточнения и развития многомерных схем анализа. В статье [4] предпринята попытка эмпирически подтвердить на российском материале теорию «больших классов»; фиксируется почти линейная связь между классовой принадлежностью по профессиональному статусу и доходной стратификацией, что позволяет автору говорить о применимости этой схемы для анализа классовых эффектов в России. Другие авторы [44; 51], напротив, подчеркивают ограниченность как классических, так и неовеберианских подходов применительно к российским реалиям и предлагают опираться на понятие «страты» и концепт жизненных шансов как ключевой стратификационный фактор: россияне слабо соотносят себя с «классами», и понятие «класс» в силу исторического контекста остается идеологически нагруженным; к тому же массовые формы занятости носят прекарный характер и плохо укладываются в привычные модели среднего класса. Автор [41] также ставит под сомнение универсальность мейнстримных стратификационных схем применительно к России: классификации EGP, CAMSIS и другие дают лишь ограниченный прирост объяснений по сравнению с базовыми показателями (образование, доход, должностной статус), что интерпретируется как несоответствие российских механизмов конверсии культурного капитала в экономический западным моделям.

Статья [42] демонстрирует эвристический потенциал интеракционистского подхода: социальная структура описывается через устойчивые «среды» и сетевые сегменты, разделенные институциональными барьерами и стилями жизни. По сути, предлагается описание стратификации в терминах интерактивной близости и дистанции и ставится вопрос о валидности стиле-жизненных различий к России. В статьях [39] и [3], напротив, обосновывается применимость набора многомерных индикаторов, редко используемых, но совместимых с классическим стратификационным анализом; авторы стремятся объяснить особенности социальной структуры России, опираясь на принятые в международной социологии подходы. Например, в [39] показано, что Россия с учетом верхнего дециля относится к странам с очень высоким уровнем доходного неравенства, что требует использования расширенного набора индексов, а в [3] предложена пятичленная модель классов, в целом согласующаяся с веберовской концепцией жизненных шансов.

Таблица 3

Общая теория и методология анализа социальной структуры

№	Автор, статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Аникин [4]	Применимость конвенциональной теории классов к современной России	Теория «больших классов»	Оценка вероятности классовой принадлежности байесовскими методами (BLCA)
2	Тихонова [44]	Анализ ресурсных особенностей основных страт российского общества	Неовеберианская теория классов	Общероссийские исследования ФНИСЦ РАН (2015 и 2018)
3	Соколов [41]	Применимость конвенциональных теорий класса к современной России	Теория социальных классов и статусов	Статистическая оценка валидности стратификационных схем EGP, ISEI, шкалы Треймана, CAMSIS и схемы Райта
4	Соколов, Соколова [42]	Создание на российском материале новой стратификационной схемы	Сегментация общества на основе наличия/отсутствия дружеских связей	Концепция Уорнера и Лауманна о дружеских связях как предикторе социальной сегментации
5	Салмина [39]	Оценка обоснованности применения в России основных международных показателей неравенства	Концепция многомерной оценки неравенства	Данные ОЭСР об уровнях неравенства по доходам
6	Амбарова [1]	Переоценка теорий социальной фрагментации	Теория социальной фрагментации	Теоретическая работа
7	Тощенко [51]	Генезис идей социальной структуры российского общества в отечественной социологии	Концепция жизненных шансов Вебера	Историко-теоретическая статья
8	Аникин [3]	Анализ социальной структуры российского общества	Теория больших классов, многомерный подход	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН

На фоне продолжающихся дискуссий о теоретико-методологических основаниях анализа стратификации закономерно появление работ, предлагающих новые концептуальные ходы. Так, статья [1] диагностирует кризис концепции социальной фрагментации и ставит задачу теоретического переосмысления целостности социальной ткани, связывая обсуждение классов и страт с более общими вопросами о границах и связности социального порядка.

Состав второго кластера приведен в Таблице 4.

Таблица 4

Ресурсы и факторы стратификации и социальной мобильности

№	Автор, статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Лапин, Ильин, Морев [25]	Социетальное значение неравенства доходов	Оценка социальных неравенств по методике Лапина	Вторичный анализ социальной статистики
2	Богомолова, Черкашина [7]	Анализ расслоения домохозяйств по нефинансовому богатству	Теория стратификации по богатству	Вторичный анализ данных «Комплексного наблюдения условий жизни населения» (Росстат)
3	Попов [35]	Особенности человеческого капитала и динамики его накопления	Теория человеческого капитала	Анализ усредненных уровней измеренной грамотности
4	Кармаева, Хавенсон, Илиева-Тричкова [18]	Влияние образования и статуса на рынке труда на воспроизводство социального неравенства	Теория интерсекциональности	Данные Европейского социального исследования
5	Тихонова [48]	Анализ процессов и факторов трансформации структуры российского общества	Теория социальной стратификации	Кабинетное исследование
6	Слободенюк [40]	Анализ социальной мобильности на основе жизненных шансов	Концепция жизненных шансов Вебера	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
7	Варламова [9]	Поколенческие различия в доступе и использовании интернета	Теория цифрового разрыва/неравенства	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
8	Мареева [29]	Динамика монетарного и немонетарного неравенств	Теория социальной стратификации	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ

Авторы [25] отмечают, что экстремально высокие и растущие доходные неравенства между макростратами формируют особый характер и устойчивость социальной структуры. Статья [40], опирающаяся на индикаторы жизненных шансов, показывает, однако, наличие ограниченной вертикальной мобильности: четверть россиян сменили социальные страты в 2013–2018 годы. В то же время навыки использования цифровых технологий формируют новое основание неравенства, что перекликается с выводами [9] о межпоколенческом цифровом разрыве.

Ряд работ акцентирует необходимость учитывать помимо дохода другие ресурсы и факторы. В статье [7] на основе факторного и кластерного анализа выделены семь слоев, различающихся по наличию и структуре нефинансовых активов: имущественная структура домохозяйств смещена к группам с низкой обеспеченностью такими активами, а вместе с домохозяйствами, их не имеющими, они составляют около 70 % совокупности. При этом социально-демографические и экономические факторы попадания в верхние страты по нефинансовому богатству те же, что и в зарубежных исследованиях богатства, основанных на стоимостных показателях. Статья [29] подчеркивает важность немонетарных неравенств: однородность российского общества по качеству жизни выше, чем по доходам, т.е. разные жизненные обстоятельства сглаживают доходные различия и приводят к сходным позициям людей с разным уровнем дохода.

Статьи [35; 48] уделяют особое внимание отдаче от образования как ресурса мобильности. Фиксируется снижение уровней измеренной грамотности, слабая функция образования как социального лифта и рост значимости социального происхождения и признаков прекарности — человеческий капитал перестает быть универсальным механизмом продвижения. Анализ интерсекциональных эффектов [18] подтверждает неоднозначность влияния образования: женщины из менее привилегированных слоев, выигрывая в доступе к образованию, часто оказываются в нижнем сегменте рынка труда.

В совокупности статьи кластера демонстрируют многомерность ресурсов стратификации в России и недостаточность учета классических ресурсов — образования и квалификации. Социальная мобильность приобретает все более сложный характер, однако причинные механизмы этого процесса, свидетельствующие о сдвигах в социодинамике, остаются в значительной степени нераскрытыми.

Состав третьего кластера приведен в Таблице 5. Собранные здесь статьи фокусируются на том, как объективные стратификационные различия преломляются в массовом сознании и индивидуальном опыте. Статья [31] показывает, что восприятие доходного неравенства мало дифференцировано по социальным группам: подавляющее большинство считают его избыточным и несправедливым, что говорит о нормативной, ценностной природе подобных суждений. Авторы [23] дополняют картину, выявляя делегитимацию высших страт и маргинализацию низших, однако отмечают отсутствие консенсуса относительно справедливости социального устройства.

Откуда берутся субъективные представления, если не из социального опыта? Исследование [15] показывает, что ключевую роль в субъективном восприятии мобильности играют не нормативные моменты, а оценка отношений с родителями и эмоциональное самочувствие, т.е. микросоциальные и психологические факторы в интерпретации жизненных траекторий. Статьи [20] и [49] развивают этот тезис, фокусируясь на динамике субъек-

тивного статуса и групповых идентичностей: с одной стороны, фиксируется рост доли людей, оценивающих собственный и родительский статус как высокий; с другой стороны, обнаруживается устойчивость системы идентичностей и влияние эмоциональных и мировоззренческих установок на принятие или отрицание принадлежности к тем или иным группам. Подтверждена важность самооценки качества жизни: статья [27] связывает динамику субъективного благополучия и эмоционального состояния с уровнем автономии индивидов — чем она выше, тем более спокойно воспринимаются структурные барьеры. Однако тренды социодинамики последних лет говорят о стремительном сокращении автономности россиян от власти. Как это может сказаться на самооценке качества жизни и в итоге на восприятии сложившейся социальной структуры?

В Таблице 6 кратко описаны статьи, попавшие в четвертый кластер.

Таблица 5

Восприятие неравенств и его роль в социальной мобильности

№	Автор, статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Мареева, Слободенюк, Аникин [31]	Влияние реальной и ожидаемой социальной мобильности на восприятие монетарного неравенства в разных группах	Теория социальной стратификации	Кросс-секционный анализ количественных данных
2	Епихина [15]	Роль субъективных факторов социальной мобильности	Концепция многомерной социальной мобильности (Черныш)	Данные общероссийского опроса «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» (2020)
3	Латова [27]	Субъективное благополучие	Концепт субъективного благополучия	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН
4	Коленникова [20]	Динамика субъективного социального статуса	Теория субъективной социальной стратификации	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН
5	Тихонова, Дудин [49]	Оценка изменений в групповых идентичностях россиян	Теория групповой идентичности	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН
6	Крыштановская, Лавров [23]	Восприятие социальной структуры российского общества разными поколениями	Теория социальной стратификации	Результаты фокус-группы в крупных городах

Таблица 6

Отдельные страты российского общества

№	Автор, статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Пишняк [33]	Преобразования в составе среднего класса	Трехкритериальная методология идентификации среднего класса (благосостояние, социально-профессиональный статус и самоидентификация)	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
2	Тихонова [47]	Различия в подходах и методиках выделения среднего класса в экономической науке и социологии	Экономические и социологические теории среднего класса	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
3	Мареева, Слободенюк [30]	Социально-экономический портрет и изменения в составе сверхбогатых	Стратификационная теория	Списки «Форбс»
4	Клименко, Посухова [19]	Обзор исследований династийности для выработки гипотез ее эмпирического изучения в предпринимательстве	Социология профессиональной и социальной мобильности	Вторичный анализ исследований
5	Эфендиев, Резкий [54]	Социальное неравенство работающей по найму молодежи	Многомерный подход к причинам социального неравенства	Репрезентативный опрос в рамках исследования трудовой морали и практик работающей молодежи (2019)
6	Лукина, Мальцева, Розенфельд [28]	Паттерны субъективной социальной мобильности выпускников вузов	Концепция субъективной мобильности (Епихина)	Данные лонгитюда НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии»
7	Великий [10]	Объективные и субъективные предпосылки жизнедеятельности фермерства	Социология жизни (Тощенко)	Социально-экономическая статистика
8	Швецова [52]	Особенности и динамика экономического положения бизнес-элиты	Теория экономических оснований стратификационных различий	Анализ базы открытых данных
7	Тихонова [46]	Причины особого места профессионалов в системе социально-экономических неравенств	Теория человеческого капитала	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
8	Великий, Вяльшина [11]	Онтология и гносеология сельского социума	Концепция «жизненного мира»	Кабинетное исследование

В ряде статей анализируются количественные и структурные изменения в составе средних страт российского общества, включая сжимание их ядра [33]. Показана значимость для (само) отнесения к среднему классу образования [47], а также гетерогенность группы «профессионалов»: на основе человеческого капитала выделено семь подгрупп, причем премия за освоение новых специальностей достается только высококвалифицированным работникам [46]. Вместе с тем субъективная мобильность выпускников вузов, обычно относимых к среднему классу, низка: преобладает сохранение средних статусов при ослаблении роли образования как социального лифта [28]. Для работающей молодежи важными факторами неравенства являются профессия и наследственные ресурсы, а связь образования с доходами слаба [54]. Наблюдается сокращение ротации в составе сверхбогатых, снижение значимости прежней принадлежности к аппарату госуправления для вхождения в их число [30] и стабилизация числа миллиардеров [52]; подчеркивается роль темпоральных факторов и традиции в механизмах наследования на примере бизнес-династий в российском предпринимательстве [19]. Анализируется такая группа, как фермеры: устойчивый социальный статус имеют лишь владельцы крупных ферм, для прочих категорий характерна постоянная угроза его утраты [10]. При этом в сельский социум проникают социальные новации — через миграцию и через вовлечение селян в сетевые взаимодействия в рамках «дополненной современности» [11].

Часть выводов расходится с результатами других исследований. Так, тезис о высокой значимости образования для вхождения в среднюю страту [48] трудно согласуется с выводами того же автора о снижении роли образования как ресурса стратификации с начала 2000-х годами [46] и другими данными [28; 54]. Контринтуитивным — на фоне огосударствления экономики и высоких доходов руководителей госкорпораций — выглядит тезис [30] о снижении значимости опыта работы в госаппарате для попадания в состав сверхбогатых.

Таблица 7 иллюстрирует тематический спектр пятого кластера: значимость патерналистских ожиданий в контексте неравенства [5] и их связь с межрегиональными и межотраслевыми разрывами в зарплатах, наличием «квалификационных ям» [26]; роль потребительских практик как маркеров социальной стратификации, которые могут способствовать размыванию статусно-классовых границ [37], и снижение связи типа потребления алкоголя с классовой принадлежностью после 2010-х годов; отсутствие связи между социально-демографическими параметрами и геомобильностью (кроме дохода) [2]. Эти данные усиливают мозаичность социальной структуры российского общества.

Таблица 7

Анализ прочих аспектов социальной стратификации

№	Автор, статья	Вопрос/цель исследования	Теория	Методы
1	Аникин, Лежнина, Мареева, Слободенюк [5]	Факторы дифференциации запроса на содействие государства	Теории социальной стратификации и рынка труда	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН
2	Латова [26]	Влияние миграционных установок и предпочтений специалистов на их человеческий капитал и на потенциал экономического развития страны	Проблема «квалификационной ямы» в рамках отдачи от человеческого капитала	Данные мониторинга ФНИСЦ РАН
3	Рощина, Кондратенко [37]	Связь распространенности типов потребления алкоголя с социальным классом	Теория социальной стратификации и классов; теория стилей жизни	Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ
4	Андреенкова, Воронина [2]	Долгосрочная географическая мобильность разных поколений	Теория жизненного пути	Данные всероссийского опроса ЦЕССИ (2023)

***

Проведенный анализ позволяет зафиксировать следующее:

• Неравномерность изученности разных аспектов: наиболее полно исследованы доходное неравенство, страты по жизненным шансам, аспекты социальной мобильности и субъективное восприятие неравенств; слабее представлены «нижние» слои, причины бедности, важные трендов социодинамики. Картина социальной структуры «перекошена» в сторону средних и верхних сегментов.

• Ряд статей демонстрирует релевантность схем «больших классов» и веберианских подходов, но они не позволяют объяснить некоторые особенности социальной структуры в состоянии системного перехода. Применение термина «страты» эту проблему не снимает, «жизненные шансы» как объяснение стратификационных процессов работают не вполне удовлетворительно — остается вопрос о причинах воспроизводства неравенства жизненных шансов.

• Проблематичность понятия «средний класс»: в условиях сбоев в работе социальных лифтов модерна и роста значимости социального проис-

хождения и доступа к рентам понятие среднего класса маскирует квазисословные разделы.

• Дискуссии о социальной структуре зачастую оторваны от исследований общих направлений социодинамики: выводы о неработающих социальных лифтах требуют ответа на вопрос «почему?», который может быть дан через исследование таких трендов, как цифровизация, ценностный разлом, нарастание сословности.

• «Монополизация» данных и дефицит интереса: значительная часть эмпирических данных получена в ходе РМЭЗ НИУ ВШЭ и мониторингов ФНИСЦ РАН. Потенциал накопленных баз данных мог бы использоваться шире через доступные для исследователей репозитории. Но присутствует и избегание «больших» тем в отечественной социологии.

• Отсутствие междисциплинарных проектов обедняет исследовательский инструментарий и объяснительную силу подходов.

К числу ограничений настоящего исследования относится то обстоятельство, что в нем рассмотрены только статьи в журналах категории В. Привлечение к анализу гораздо более широкой группы журналов (категории С) могло бы дополнить картину, но привело бы к такому увеличению числа публикаций, которое сделало бы анализ в рамках одной журнальной статьи невозможным.

Библиографический список

1. *Амбарова П.А.* Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1.
2. *Андреенкова А.В., Воронина Н.С.* Долгосрочная географическая мобильность в жизненном пути разных поколений россиян: уровень, направление, мотивация, потенциал // Мир России. 2025. Т. 34. № 2.
3. *Аникин В.А.* Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 3.
4. *Аникин В.А.* Социальные классы новой России — неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2.
5. *Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д.* Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // Мир России. 2020. Т. 29. № 1.
6. *Бессонова О.Э.* Генезис российской матрицы в контексте общих институциональных процессов // Социологические исследования. 2015. № 10.
7. *Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю.* Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4.
8. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8.
9. *Варламова Ю.А.* Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. 2022. Т. 31. № 2.
10. *Великий П.П.* Фермерство — (не) укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы // Социологические исследования. 2024. № 5.
11. *Великий П.П., Вяльшина А.А.* Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума // Социологические исследования. 2025. № 4.

12. *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху «надзорного капитализма»: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3.
13. *Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
14. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Основания смешанной экономики и экономическая социодинамика. М., 2008.
15. *Епихина Ю.Б.* Благополучие как показатель субъективной мобильности // Мир России. 2023. Т. 32. № 3.
16. *Зубаревич Н.* Четыре России. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii.
17. *Иванов Д.В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5.
18. *Кармаева Н.Н., Хавенсон Т.Е., Илиева-Тричкова П.* Образование и социально-профессиональный статус: сглаживание неравенства среди мужчин и женщин в России // Социологические исследования. 2020. № 3.
19. *Клименко Л.В., Посухова О.Ю.* Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. Т. 29. № 1.
20. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 2.
21. *Коленникова Н.Д.* Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика // Социологические исследования. 2024. № 12.
22. *Кордонскнй С.Г.* Сословная структура постсоветской России (часть I) // Мир России. 2008. Т. 17. № 3.
23. *Костина Е.Ю., Орлова Н.А.* О этот новый старый мир, или как covid-19 трансформировал нашу повседневность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6.
24. *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Социальная структура глазами россиян: проблемы легитимности // Социологические исследования. 2025. № 8.
25. *Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В.* Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1.
26. *Латова Н.В.* Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. 2020. № 10.
27. *Латова Н.В.* Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов // Социологические исследования. 2024. № 9.
28. *Лукина А.А., Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я.* Субъективная социальная мобильность выпускников вузов через призму их образовательных траекторий // Социологические исследования. 2024. № 1.
29. *Мареева С.В.* Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9.
30. *Мареева С.В., Слободенюк Е.Д.* Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. 2024. Т. 33. № 1.
31. *Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А.* Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1.
32. *Меньшиков В.В., Комарова В.Ф.* Искусственная социальность: онтологические основы социологического анализа // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.

33. *Пишняк А.И.* Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. // Мир России. 2020. Т. 29. № 4.
34. *Полякова Н.Л.* Новое социальное неравенство. От общества среднего класса к биполярному обществу // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 4.
35. *Попов Д.С.* Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода // Социологические исследования. 2020. № 11.
36. *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* Иная социальность: опыт теоретической рефлексии // Социологические исследования. 2025. № 11.
37. *Рощина Я.М., Кондратенко В.А.* «Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты»: как изменялась взаимосвязь между социальным классом и типом потребления алкоголя в России // Мир России. 2024. Т. 33. № 1.
38. *Савин С.Д.* Кризисно-стабилизационная динамика массового сознания российского общества // Социологические исследования. 2024. № 6.
39. *Салмина А.А.* Высокое ли экономическое неравенство в России? Вопросы измерения, показатели и их оценки // Мир России. 2021. Т. 30. № 3.
40. *Слободенюк Е.Д.* Мобильность россиян в координатах жизненных шансов и рисков // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 1.
41. *Соколов М.М.* Описывают ли международные стратификационные схемы социальную структуру в России? // Социологические исследования. 2020. № 8.
42. *Соколов М.М., Соколова Н.А.* Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 4.
43. *Сорокин П.С., Фрумин И.Д.* Проблема «структура/действие» В XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7.
44. *Тихонова Н.Е.* Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29. № 1.
45. *Тихонова Н.Е.* Российские профессионалы: специфика рабочих мест и различие в уровнях человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10.
46. *Тихонова Н.Е.* Российские профессионалы: проблемы определения, факторы качества их человеческого капитала и структура группы // Мир России. 2025. Т. 34. № 1.
47. *Тихонова Н.Е.* Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. 2020. Т. 29. № 4.
48. *Тихонова Н.Е.* Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х — конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8.
49. *Тихонова Н.Е., Дудин И.В.* Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11.
50. *Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д.* Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. 2022. Т. 31. № 1.
51. *Тощенко Ж.Т.* Эволюция идей социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2022. № 10.
52. *Швецова Е.А.* Российские миллиардеры на международном фоне: особенности и динамика положения // Социологические исследования. 2024. № 10.
53. *Шмат В.* Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие? Часть III. Оценка индексов гармоничного развития регионов России // ЭКО. 2022. Т. 52. № 8.
54. *Эфендиев А.Г., Резкий С.Д.* Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-867-887
EDN: UAENHW

Russian sociology of the 2020s on sociodynamics of Russian society (based on materials from leading Russian journals)*

A.Yu. Chepurenko

Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: achepurenko@hse.ru)

Abstract. Since the early 2020s, Russian society has undergone significant transformations driven by digitalization, foreign policy and economic shocks, and shifts in employment structures and forms of inequality. All these factors affect social stratification and, ultimately, social structure. The article is based on the analysis of publications in specialized Russian academic journals and shows how Russian sociology describes and interprets new processes at the intersection of sociodynamics and stratification analysis. The author identifies the main research directions and findings in sociodynamics, social structure and stratification of Russian society based on the systematic analysis of 41 articles published from 2020 to 2025 in leading Russian journals, using key words related to social-economic processes, social structure, mobility, and inequality. These articles were grouped into two super-clusters — "Social-Economic Processes and Sociodynamics" and "Social Structure and Stratification", with the latter divided into five thematic clusters to identify dominant research agendas. The study reveals several lines of analysis developing in Russian sociology: conceptualizing new trends in sociodynamics; adapting classical and Neo-Weberian theories to Russian realities (including the development of more complex stratification schemes and attempts to construct alternative explanatory concepts); examining resources for social mobility; exploring the interplay between sociodynamics and the perception of inequality. Particular attention is paid to the theoretical-methodological foundations of publications, the data used, and the limitations of applied approaches. The author argues that there is a weak link between studies of stratification and the analysis of broader shifts in sociodynamics; persistent conceptual ambiguity of key categories; insufficient study of the lower strata; lack of interdisciplinary research. These findings allow to refine the research agenda and to identify promising directions for the study of social structure and sociodynamics of Russian society.

Key words: sociodynamics; social structure; social stratification; social inequality; social mobility; classes; Russia; systematic literature review

For citation: Chepurenko A.Yu. Russian sociology of the 2020s on sociodynamics of Russian society (based on materials from leading Russian journals). *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 867–887. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-867-887 EDN: UAENHW

*© A.Yu. Chepurenko, 2026
The article was submitted on 15.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Ambarova P.A. Sotsialnaya fragmentatsiya soobshchestv v sovremennoy Rossii: v poiskah sotsiologicheskoy teorii [Social fragmentation of communities in contemporary Russia: In search of sociological theory]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 1. (In Russ.).
2. Andreenkova A.V., Voronina N.S. Dolgosrochnaya geograficheskaya mobilnost v zhiznennom puti raznyh pokoleniy rossiyan: uroven, napravlenie, motivatsiya, potentsial [Long-term geographical mobility in the life course of different generations of Russians: Level, direction, motivation, potential]. *Mir Rossii*. 2025; 34 (2). (In Russ.).
3. Anikin V.A. Sotsialnaya struktura novoy Rossii: opyt primeneniya aposteriornogo podkhoda [Social structure of new Russia: An application of the a posteriori approach]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2022; 23 (3). (In Russ.).
4. Anikin V.A. Sotsialnye klassy novoy Rossii — neravnye i raznye [Social classes of new Russia: Unequal and different]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 2. (In Russ.).
5. Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Kto i pochemu ishchet gosudarstvennoy podderzhki v novoy Rossii? [Who seeks state support in new Russia, and why?]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (1). (In Russ.).
6. Bessonova O.E. Genezis rossiyskoy matritsy v kontekste obshchih institutsionalnyh protsessov [Genesis of the Russian matrix in the context of general institutional processes]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 10. (In Russ.).
7. Bogomolova T.Yu., Cherkashina T.Yu. Stratifikatsiya po nefinsovomu bogatstvu rossiyskih domokhozyaystv: vysota, profil, determinanty [Stratification of Russian households by non-financial wealth: Level, profile, determinants]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (4). (In Russ.).
8. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Rynok i sobstvennost: sotsialno-ekonomicheskie uroki pandemii [Market and property: Social-economic lessons of the pandemic]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 8. (In Russ.).
9. Varlamova Yu.A. Mezhpokolenechesky tsifrovoy razryv v Rossii [Intergenerational digital divide in Russia]. *Mir Rossii*. 2022; 31 (2). (In Russ.).
10. Veliky P.P. Fermerstvo — (ne) ukorenivshayasya sotsialnaya gruppa: postanovka problemy [Farming as a non-embedded social group: Defining the problem]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 5. (In Russ.).
11. Veliky P.P., Vyalshina A.A. Sotsiokulturnye i politicheskie aspekty zhiznennogo mira rossiyskogo selskogo sotsiuma [Sociocultural and political aspects of the lifeworld of Russian rural society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 4. (In Russ.).
12. Gavrilenko O.V. Sotsialnye tekhnologii v epokhu “nadzornogo kapitalizma”: tsifrovizatsiya i vlast algoritmov [Social technologies in the age of “surveillance capitalism”: Digitalization and the power of algorithms]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya.* 2023; 29 (3). (In Russ.).
13. Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiyskoy kultury* [At the Turn of Centuries: Sociodynamics of Russian Culture]. Moscow; 2022. (In Russ.).
14. Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. *Osnovaniya smeshannoy ekonomiki: ekonomicheskaya sotsiodinamika* [Foundations of Mixed Economy: Economic Sociodynamics]. Moscow; 2008. (In Russ.).
15. Epikhina Yu.B. Blagopoluchie kak pokazatel sub`ektivnoy mobilnosti [Well-being as an indicator of subjective mobility]. *Mir Rossii*. 2023; 32 (3). (In Russ.).
16. Zubarevich N. Chetyre Rossii [Four Russias]. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii. (In Russ.).
17. Ivanov D.V. Dopolnennaya sovremennost: effekty postglobalizatsii i postvirtualizatsii [Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 5. (In Russ.).
18. Karmaeva N.N., Khavenson T.E., Ilieva-Trichkova P. Obrazovanie i sotsialno-professionalny status: sglazhivanie neravenstva sredi muzhchin i zhenshchin v Rossii [Education and social-

professional status: Reducing inequality among men and women in Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
19. Klimenko L.V., Posukhova O.Yu. Professionalnye dinastii v biznese: spetsifika i potentsial razvitiya [Professional dynasties in business: Specifics and development potential]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (1). (In Russ.).
20. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Kak menyayut zhizn rossiyan chrezvychainye sobytiya: novye vyzovy i ustoychivost adaptatsii [How extraordinary events change Russians' lives: New challenges and sustainable adaptation]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2025; 13 (2). (In Russ.).
21. Kolennikova N.D. Sub`ektivnaya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva: dinamika i spetsifika [Subjective stratification of Russian society: Dynamics and specifics]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 12. (In Russ.).
22. Kordonsky S.G. Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii (chast I) [The estate structure of post-Soviet Russia (Part I)]. *Mir Rossii*. 2008; 17 (3). (In Russ.).
23. Kostina E.Yu., Orlova N.A. O etot novy stary mir, ili kak covid-19 transformiroval nashu povsednevnost [Oh this brave new old world, or how covid-19 transformed our everyday life]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 6. (In Russ.).
24. Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. Sotsialnaya struktura glazami rossiyan: problemy legitimnosti [Social structure in Russians' perception: Problems of legitimacy]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 8. (In Russ.).
25. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Ekstremalnye neravenstva i sotsialnoe gosudarstvo (chast 1) [Extreme inequalities and the welfare state (Part 1)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
26. Latova N.V. Migratsionnye ustanovki i predpochteniya rossiyskih rabochih v kontekste kontseptsii chelovecheskogo kapitala [Migration attitudes and preferences of Russian workers in the framework of the human capital concept]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 10. (In Russ.).
27. Latova N.V. Udovletvorennost rossiyan raznymi aspektami zhizni: desyatiletny trend na fone sotsialno-ekonomicheskih krizisov [Russians' satisfaction with different aspects of life: A ten-year trend under social-economic crises]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 9. (In Russ.).
28. Lukina A.A., Maltseva V.A., Rozenfeld N.Ya. Sub`ektivnaya sotsialnaya mobilnost vypusknikov vuzov cherez prizmu ih obrazovatelnyh traektoriy [Subjective social mobility of university graduates through their educational trajectories]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 1. (In Russ.).
29. Mareeva S.V. Neravenstvo v rossiyskom obshchestve v monetarnom i nemonetarnom izmerenii: dinamika poslednego desyatiletiya [Inequality in Russian society in monetary and non-monetary dimensions: Dynamics of the last decade]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2024; 9. (In Russ.).
30. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Sverkhbogatye v Rossii: sostav i dinamika gruppy [The super-rich in Russia: Composition and dynamics of the group]. *Mir Rossii*. 2024; 33 (1). (In Russ.).
31. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Tolerantnost k sotsialnym neravenstvam v epokhu neopredelennosti v Rossii: vazhna li sub`ektivnaya mobilnost? [Tolerance to social inequalities in Russia in the age of uncertainty: Does subjective mobility matter?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 1. (In Russ.).
32. Menshikov V.V., Komarova V.F. Iskusstvennaya sotsialnost: ontologicheskie osnovy sotsiologicheskogo analiza [Artificial sociality: Ontological foundations of sociological analysis]. *RUDN Journal of Sociology.* 2025; 25 (4). (In Russ.).

33. Pishnyak A.I. Dinamika chislennosti i mobilnost srednego klassa v Rossii v 2000–2017 gg. [Dynamics and mobility of Russia's middle class in 2000–2017]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (4). (In Russ.).
34. Polyakova N.L. Novoe sotsialnoe neravenstvo: ot obshchestva srednego klassa k bipolyarnomu obshchestvu [New social inequality: From the middle-class society to the bipolar society]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2020; 26 (4). (In Russ.).
35. Popov D.S. Chelovechesky kapital v Rossii: tochnost izmereniya i ogranicheniya podkhoda [Human capital in Russia: Measurement accuracy and limitations of the approach]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 11. (In Russ.).
36. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Inaya sotsialnost: opyt teoreticheskoy refleksii [Other sociality: Theoretical reflection]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 11. (In Russ.).
37. Roshchina Ya.M., Kondratenko V.A. "Skazhi mne, chto ty pyesh, i ya skazhu tebe, kto ty": kak izmenyalas vzaimosvyaz mezhdu sotsialnym klassom i tipom potrebleniya alkogolya v Rossii ["Tell me what you drink, and I will tell you what you are": Changes in the relationship between social class and alcohol consumption type in Russia]. *Mir Rossii*. 2024; 33 (1). (In Russ.).
38. Savin S.D. Krizisno-stabilizatsionnaya dinamika massovogo soznaniya rossiyskogo obshchestva [Crisis–stabilization dynamics of mass consciousness in Russian society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 6. (In Russ.).
39. Salmina A.A. Vysokoe li ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii? Voprosy izmereniya, pokazateli i ih otsenki [Is economic inequality high in Russia? Measurement issues, indicators and their evaluation]. *Mir Rossii*. 2021; 30 (3). (In Russ.).
40. Slobodenyuk E.D. Mobilnost rossiyan v koordinatah zhiznennyh shansov i riskov [Russians' mobility in coordinates of life chances and risks]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2022; 23 (1). (In Russ.).
41. Sokolov M.M. Opisyvayut li mezhdunarodnye stratifikatsionnye skhemy sotsialnuyu strukturu v Rossii? [Do international stratification schemes describe Russia's social structure?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 8. (In Russ.).
42. Sokolov M.M., Sokolova N.A. Sredy, a ne klassy: patterny gorizontalnoy stratifikatsii v sovremennoy gorodskoy Rossii [Environments, not classes: Patterns of horizontal stratification in contemporary urban Russia]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2020; 21 (4). (In Russ.).
43. Sorokin P.S., Frumin I.D. Problema "struktura/deystvie" v XXI v.: izmeneniya v sotsialnoy realnosti i vyvody dlya issledovatelskoy povestki ["Structure/action" problem in the 21st century: Changes in social reality and implications for research agenda]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 7. (In Russ.).
44. Tikhonova N.E. Osobennosti identichnostey i mirovozzreniya osnovnyh strat sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Identities and worldviews of the main strata of contemporary Russian society]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (1). (In Russ.).
45. Tikhonova N.E. Rossiyskie professionaly: spetsifika rabochih mest i razlichie v urovnyah chelovecheskogo potentsiala [Russian professionals: Job characteristics and differences in the human potential levels]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 10. (In Russ.).
46. Tikhonova N.E. Rossiyskie professionaly: problemy opredeleniya, faktory kachestva ih chelovecheskogo kapitala i struktura gruppy [Russian professionals: Definition issues, determinants of the human capital quality, and group structure]. *Mir Rossii*. 2025; 34 (1). (In Russ.).
47. Tikhonova N.E. Sredny klass v fokuse ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo podkhodov: granitsy i vnutrennyaya struktura (na primere Rossii) [Middle class in the economic and sociological perspectives: Boundaries and internal structure (the case of Russia)]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (4). (In Russ.).

48. Tikhonova N.E. Transformatsii sotsialnoy struktury rossiyskogo obshchestva: konets 1980-h — konets 2010-h gg. [Transformations of the social structure of Russian society: Late 1980s — late 2010s]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
49. Tikhonova N.E., Dudin I.V. Identichnosti rossiyan kak faktor konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Russians' identities as a factor of society's consolidation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 11. (In Russ.).
50. Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Bednost rossiyskih professionalov: rasprostranennost, prichiny, tendentsii [Poverty of Russian professionals: Scale, causes and trends]. *Mir Rossii*. 2022; 31 (1). (In Russ.).
51. Toshchenko Zh.T. Evolyutsiya idey sotsialnoy struktury rossiyskogo obshchestva [Evolution of ideas on the social structure of Russian society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 10. (In Russ.).
52. Shvetsova E.A. Rossiyskie milliardery na mezhdunarodnom fone: osobennosti i dinamika polozheniya [Russian billionaires in the international perspective: Features and dynamics of their position]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 10. (In Russ.).
53. Shmat V. Ekonomichesky rost ili garmonichnoe sotsialno-ekonomicheskoe razvitie? Chast III. Otsenka indeksov garmonichnogo razvitiya regionov Rossii [Economic growth or harmonious social-economic development? Part III: Evaluating indices of harmonious development for Russian regions]. *ECO*. 2022; 52 (8). (In Russ.).
54. Efendiev A.G., Rezky S.D. Sotsialnoe neravenstvo rabotayushchey rossiyskoy molodezhi: faktory i mekhanizmy formirovaniya i razvitiya [Social inequality among the working Russian youth: Factors and mechanisms of formation and development]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2022; 25 (2). (In Russ.).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 888–901
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901
EDN: TYVHAM

Духовно-нравственная культура как социальный феномен: теоретико-методологический анализ*

И.П. Рязанцев[1], Я.А. Ардельянова[2]

[1]Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул. Иловайская, 9, корп. 2, Москва, 109651, Россия

[2]Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: dekan-soc@mail.ru; ardyana@yandex.ru)

Аннотация. Статья предлагает теоретическую концептуализацию духовно-нравственной культуры как сложного и многомерного социального феномена. Актуальность исследования определяется современными цивилизационными сдвигами, процессом цифровизации и ценностным плюрализмом. Цель — системный анализ структурных уровней, ключевых функций и исторической динамики духовно-нравственной культуры сквозь призму социологического подхода. Теоретико-методологическая основа статьи — синтез институционального, структурно-функционального и культурно-исторического подходов, что позволяет рассматривать духовно-нравственную культуру и как продукт социальных институтов, и как механизм поддержания стабильности системы, и как динамическую ценностную систему, изменяющуюся в историческом времени. Показано, что духовно-нравственная культура представляет собой синтетическое единство трех оснований — духовности (ориентация на трансцендентные смыслы), нравственности (система норм) и символических систем (язык, ритуалы, искусство), что позволяет ей выполнять ключевые социальные функции. Авторы рассматривают следующие функции духовно-нравственной культуры: интегративная (формирование коллективной идентичности), регулятивная (внутренний моральный контроль), компенсаторная (преодоление экзистенциальных угроз) и эдукативная (трансляция ценностей в процессе социализации). В структуре духовно-нравственной культуры выделены три уровня: ценностно-смысловой, нормативно-регулятивный и символико-практический. Особое внимание уделено трансформации духовно-нравственной культуры в условиях модернизации, секуляризации и постмодерна, а также ее кризисам, вызванным глобализацией и цифровизацией. Духовно-нравственная культура выступает не просто моральным регулятором, но фундаментальным фактором устойчивости социальной системы, способным противостоять дегуманизации и аномии, однако ее эффективность зависит от глубины интериоризации ценностей, а не от формальной ритуализации.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура; социальный феномен; ценности; социальная интеграция; социология культуры; Россия; традиционные ценности; постмодерн; секуляризация; аномия

---

*© Рязанцев И.П., Ардельянова Я.А., 2026
Статья поступила в редакцию 30.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Для цитирования: *Рязанцев И.П., Ардельянова Я.А.* Духовно-нравственная культура как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 888–901. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901 EDN: TYVHAM

В условиях глубоких трансформаций современного общества, характеризующихся ускорением технологического прогресса, кризисом идентичности и ослаблением традиционных институтов, все более актуальным становится вопрос о роли духовно-нравственной культуры как фундаментального элемента социального бытия. Парадокс современности заключается в том, что беспрецедентный рост технологических возможностей сопровождается снижением уровня моральной ответственности, доверия и социальной солидарности [28], что указывает на системный дефицит духовно-нравственных ориентиров, которые традиционно обеспечивали устойчивость общественного порядка. Следовательно, в теоретическом плане необходимо обращение к основным аксиологическим категориям — духовность, нравственность, культура — и их синтез в феномене духовно-нравственной культуры.

В научной литературе, несмотря на обилие работ по проблемам нравственности и ценностного воспитания, до сих пор отсутствует единая теоретическая модель, описывающая духовно-нравственную культуру как целостный и динамичный социальный феномен. Преобладают педагогические, религиоведческие и психологические подходы, которые, безусловно, важны, но не дают комплексного, системного видения. Социологический подход с его фокусом на институтах, социальных функциях и структурах позволяет преодолеть эту фрагментарность. Социологическая оптика дает ключ к пониманию духовно-нравственную культуры не как абстрактного морального идеала, а как реально действующего механизма интеграции и воспроизводства общества [7; 12].

Цель статьи — концептуальное осмысление духовно-нравственной культуры как социального феномена через анализ ее структурных компонентов, функций, исторических модальностей и роли в современном обществе. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, систематизировать теоретические подходы к пониманию духовно-нравственной культуры в социологии; во-вторых, определить ее онтологический статус как объективированного ценностного порядка; в-третьих, проанализировать трансформацию духовно-нравственной культуры в условиях модерна и постмодерна, выявив кризисные тенденции и перспективы. В работе использован комплексный методологический подход — сочетание ряда социологических концепций:

• *Институциональный подход* рассматривает духовно-нравственную культуру как продукт и одновременно условие деятельности социальных институтов. Семья выступает первичным агентом социализации, формируя ба-

зовые нравственные ориентиры через повседневные практики и ритуалы [27]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают роль семьи в легитимации символического порядка, где родительские роли усваиваются детьми как «естественные» социальные модели [3]. Образование институционализирует этот процесс, создавая формальные каналы трансляции ценностей (например, внедрение в России курса «Основы религиозных культур и светской этики», а с 2026 года — курса «Духовно-нравственная культура России»). Религия, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию, наделяя моральные нормы священным смыслом и придавая им статус абсолютных истин, что особенно значимо для формирования национально-культурной идентичности [15].

• *Структурно-функциональный подход* позволяет анализировать духовно-нравственную культуру через ее вклад в поддержании стабильности социальной системы. В рамках AGIL-модели Т. Парсонса духовно-нравственная культура выполняет функцию поддержания ценностных паттернов (L — latency), обеспечивая мотивационную легитимность социального порядка. Общие ценности (справедливость, солидарность) — необходимое условие социальной интеграции [17]. Э. Дюркгейм рассматривал коллективное сознание, частью которого являются моральные нормы, как «цемент» общества, противодействующий аномии и дезинтеграции [10].

• *Культурно-исторический подход* фокусируется на динамике ценностей в историческом времени. П.А. Сорокин рассматривает духовно-нравственную культуру через призму социокультурных суперсистем, где смена идеационального, чувственного и идеалистического типов связана с фундаментальными изменениями ценностных ориентаций [20]. А.Г. Здравомыслов в работах по социологии конфликта показывает, как ценности становятся объектом борьбы в периоды социальных трансформаций, а нравственность выступает важнейшим регулятором, снижающим уровень конфликтности [11].

В российской социологической традиции проблематика духовно-нравственной культуры получила значительное развитие, что обусловлено как спецификой национального культурно-исторического опыта, так и острыми социальными вызовами постсоветского периода. Одно из важнейших направлений — теоретическая разработка концептуальных оснований духовно-нравственной культуры. Ф.В. Даминдарова рассматривает духовно-нравственную традицию как социокультурный феномен, обеспечивающий преемственность ценностного опыта и выполняющий функции интеграции и идентификации в условиях социальных изменений [8]: духовно-нравственная культура не сводится к совокупности моральных норм, но представляет собой сложную систему смыслов, транслируемых через механизмы традиции. В диссертации Н.И. Татаркиной обосновывается понимание духовно-нравственной культуры как сущностно-личностно-деятельностного образования, включающего ценностно-смысловой, мотивационный и поведенческий компоненты [23]. Эти теоретические разработки

создают основу для операционализации понятия духовно-нравственной культуры в эмпирических исследованиях.

Множество работ посвящено эмпирическому изучению духовно-нравственной культуры разных социальных групп, например, опрос студентов технического вуза выявил ценностный портрет современной молодежи, сочетающий традиционные ценности (семья, патриотизм) с прагматическими установками на успех и материальное благополучие [19]: ценности студентов сочетают идеи индивидуализма, либерализма, ценности семьи и любви к Родине, при этом наблюдается отрицательное отношение к политическим и религиозным институтам, что свидетельствует о сложном и противоречивом характере ценностного сознания молодежи. Исследование аксиологического профиля гражданской и территориальной идентичностей показало, что традиционные духовно-нравственные ценности в наибольшей степени соответствуют аксиологическому профилю респондентов с доминирующей гражданской идентичностью [16]: максимальное сходство между группами наблюдается в оценках общечеловеческих ценностей (жизнь человека, права и свободы), что указывает на универсальный характер базовых нравственных ориентиров.

В работе Г.А. Борщевского, основанной на анализе данных федерального статистического наблюдения и репрезентативных опросов 1990–2020-х годов, предпринята попытка эмпирической оценки выраженности традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе [4]. Исследование показало, что все «индивидуальные» духовно-нравственные ценности, закрепленные в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022), фиксируются объективно, а некоторые широко распространены и усиливаются со временем. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, гуманизма и милосердия. Ситуация с такими ценностями, как достоинство, права и свободы человека, приоритет духовного над материальным, справедливость, более противоречива, что говорит о необходимости дифференцированного подхода к оценке состояния разных компонентов духовно-нравственной культуры. Так, у сельских жителей прослеживается связь морали с социально-экономической сферой — трансформация социально-экономических условий непосредственно влияет на состояние духовно-нравственной культуры [1]. Поскольку системообразующим компонентом духовно-нравственной культуры являются ценности, их трансляция должна стать приоритетной задачей системы образования: формирование социокультурной идентичности студентов в рамках образовательного процесса высшей школы — средство консолидации российского общества и обеспечения национальной безопасности [22].

Таким образом, отечественные исследования духовно-нравственной культуры демонстрируют многообразие теоретических подходов и эмпи-

рических стратегий. Однако сохраняется запрос на интегративную модель, которая объединила бы институциональный, структурно-функциональный и культурно-исторический подходы и позволила бы описывать духовно-нравственную культуру как целостный социальный феномен.

Концептуальные основания и структурные уровни духовно-нравственной культуры. Духовность — это ориентация на трансцендентные смыслы (истина, добро, красота), проявляющаяся в поиске высших ценностей и экзистенциальной самореализации личности [20; 24]. Нравственность представляет собой систему нормативных регуляторов (долг, совесть, справедливость), направляющих поведение человека в отношении «обобщенного Другого» и общества в целом [10; 26]. Культура, в соответствии с социокультурным подходом Сорокина, определяется как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют эти значения [21]. Духовно-нравственная культура не является механической суммой этих элементов, а представляет собой их синтетическое единство, где духовность обеспечивает экзистенциальную глубину, нравственность — нормативную структуру, а культура — символические формы трансляции [25]. Этот синтез позволяет духовно-нравственной культуре выполнять ключевые социальные функции и отвечать критериям социального феномена — объективности (существует независимо от индивида), институциональности (закреплена в социальных структурах), регулятивности (направляет поведение), интерсубъективности (разделяется членами общества) [3].

В структуре духовно-нравственной культуры можно выделить три взаимосвязанных уровня: *ценностно-смысловой* (ядро) — включает базовые ценности (добро, справедливость, долг, патриотизм), которые носят трансцендентный характер и выступают ориентирами для социального действия, уровень отвечает на вопрос «во имя чего?» и задает направленность социальной активности; *нормативно-регулятивный* — система моральных норм, императивов и запретов, как формализованных (кодексы чести, заповеди), так и неформальных (традиции, обычаи), уровень отвечает на вопрос «как должно действовать?» и обеспечивает предсказуемость поведения; *символико-практический* — формы объективации ценностей через ритуалы, искусство, архитектуру, тексты, которые делают духовно-нравственную культуру доступной для восприятия и трансляции, уровень отвечает на вопрос «как ценности воплощаются в повседневности?» и обеспечивает их сохранение и передачу.

Социологическая операционализация. Для эмпирического изучения духовно-нравственной культуры необходима операционализация ее структурных уровней в виде системы измеримых индикаторов. Можно предложить следующую систему индикаторов: ценностно-смысловой уровень — степень согласия с традиционными ценностями (семья, патриотизм, справедливость,

жизнь человека) в массовых опросах; иерархия терминальных и инструментальных ценностей (методика М. Рокича); восприятие социальной справедливости и доверия к институтам; ценностные ориентации в сферах труда, досуга, семейных отношений; нормативно-регулятивный уровень — степень морального осуждения девиантных практик (коррупция, уклонение от налогов, нарушение прав других); готовность следовать моральным нормам в ситуациях конфликта интересов; степень интериоризации норм взаимопомощи и солидарности; отношение к формальным и неформальным социальным санкциям; символико-практический уровень — участие в ритуальных практиках (религиозных, гражданских, семейных); обращение к культурным текстам (литература, искусство, медиа) как источникам нравственных ориентиров; практики межпоколенной трансляции ценностей (обсуждение моральных дилемм в семье, передача традиций); участие в волонтерской и благотворительной деятельности как воплощении ценностей милосердия.

Функции духовно-нравственной культуры. Анализ функций духовно-нравственной культуры позволяет раскрыть ее роль в обеспечении устойчивости и воспроизводства социальной системы; каждая функция имеет свои механизмы реализации и эмпирические проявления:

• *Интегративная функция* — проявляется в формировании коллективной идентичности на основе разделяемых идеалов и ценностей; ценностная интеграция предшествует политической и экономической консолидации общества [17]. Механизмами реализации интегративной функции выступают: общие символические системы (язык, история, религия), институты социализации (семья, школа, армия), ритуальные практики (праздники, церемонии, памятные даты). Эмпирические индикаторы — уровень социального доверия, степень идентификации с национальным сообществом, восприятие социальной справедливости, доля граждан, разделяющих базовые ценности. В российском контексте интегративная функция приобретает особое значение в силу полиэтничного и поликонфессионального характера общества: общность духовно-нравственных ценностей выступает важнейшим фактором межнационального согласия и социальной стабильности [16]. По данным ВЦИОМ (2024), доля россиян, считающих, что в стране есть общенациональная идея, способная объединить общество, составляет около 45 %, что указывает на незавершенность ценностной интеграции и необходимость дальнейшего укрепления духовно-нравственной культуры [5].

• *Регулятивная функция* — духовно-нравственная культура дополняет правовое и экономическое регулирование, формируя внутренние моральные императивы, снижая издержки внешнего контроля и повышая предсказуемость поведения: мораль — «дисциплинарный» механизм, ограничивающий эгоистические устремления [10]. В отличие от правовых норм, моральные императивы не требуют внешнего принуждения, а действуют через совесть, чувство долга, стыд и общественное порицание. Эмпирические исследования

фиксируют роль моральных регуляторов в разных сферах общественной жизни: так, готовность россиян соблюдать социальные нормы в значительной степени определяется не страхом перед санкциями, а внутренними моральными установками [4]. Особенно ярко это проявляется в ситуациях, когда контроль государства ослаблен (сфера межличностных отношений, бытовая коррупция, экологическое поведение; в условиях пандемии добровольное соблюдение ограничений основывалось скорее на нравственных установках, чем на страхе перед правовыми санкциями).

• *Компенсаторная функция* — выражается в способности духовно-нравственной культуры помогать людям преодолевать экзистенциальные угрозы (страх смерти, одиночество, бессмысленность существования). Религиозные практики (молитва, паломничество), гражданские ритуалы (День Победы, «Бессмертный полк») и коллективные переживания создают «системы смыслов», делающие страдания переносимыми. Эмпирические проявления — обращение к религии в кризисных ситуациях, участие в коллективных ритуалах, формирование «священных» объектов и мест памяти. В периоды социально-экономических кризисов и военных конфликтов наблюдается рост религиозности и обращение к традиционным ценностям [4], но существует риск идеологической подмены — когда символическая поддержка подменяет подлинное переживание, а ритуалы становятся формальными.

• *Эдукативная функция* — духовно-нравственная культура формирует личность, способную к эмпатии, ответственности и моральному суждению, через семью (первичная социализация), школу (целенаправленное воспитание) и церковь (духовное наставничество). Кризис этой функции в современном обществе связан с ослаблением авторитетов (педагогов, родителей, священников) и доминированием цифровых коммуникаций, ведет к относительности моральных стандартов. Эмпирические исследования демонстрируют наличие ценностного плюрализма: молодежь сочетает традиционные ценности (семья, патриотизм) с нематериальными ценностными ориентациями (самовыражение, толерантность) [19], причем наблюдается снижение роли институциональных агентов социализации (школы, семьи) и возрастание роли неформальных (интернет-сообщества, блогеры, сверстники).

Трансформации духовно-нравственной культуры: от традиционного общества к постмодерну. Духовно-нравственная культура представляет собой динамический феномен, чьи формы и содержание претерпевают глубокие изменения в ходе исторического развития. В традиционных обществах она была неразрывно связана с религиозным мировоззрением — ценности воспринимались как божественные установления, что обеспечивало их безусловный характер и высокую интегрирующую силу (сакрализация норм, коллективизм и ритуализация поведения). В Древней Руси православие стало основой государственности и морали, обеспечивая единство мировоззрения и преемственность поколений [9]. Эпоха модерна сопровождалась секуляри-

зацией — отделением духовно-нравственной сферы от религиозных оснований. Под влиянием Просвещения и научной революции мораль стала обосновываться рационально [13], что Вебер описал как «расколдование мира», которое ослабило единый ценностный порядок и привело к фрагментации общества. В России этот процесс носил драматический характер: петровские реформы ослабили влияние церкви, а революция 1917 года привела к радикальному разрыву с традицией и попытке создания новой, атеистической морали, что породило феномен двойной морали и глубокий ценностный кризис. Постмодернистское общество (с конца XX века) характеризуется отказом от «великих нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар), плюрализмом и релятивизмом ценностей. Мораль становится предметом индивидуального выбора, что ведет к фрагментации общественного сознания. Однако кризис ценностей — это не гибель культуры, а фаза ее трансформации: постмодерн не уничтожил потребность в духовности, а трансформировал ее формы, породив гибридные модели — гражданские ритуалы, экологическую этику, патриотическое воспитание как светскую религию [20].

Духовно-нравственная культура в современном российском обществе. Распад советской идеологической системы в 1990-е годы спровоцировал в России глубокий ценностный кризис, описываемый как состояние аномии — распад моральных регуляторов, ведущий к дезинтеграции общества [10]. Экономические реформы и рост неравенства усугубили деморализацию, создав ценностный вакуум. С начала 2000-х годов государство предпринимает попытки восстановления ценностного каркаса — возрождение роли православия, интеграция духовно-нравственной культуры в государственную политику («Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей») и внедрение образовательных инициатив.

Эмпирические данные свидетельствуют о неоднозначной динамике духовно-нравственной культуры. С одной стороны, наблюдается рост религиозности (67 % православных, по данным ВЦИОМ) и патриотических настроений, с другой — распространение морального релятивизма, снижение доверия к институтам и деформация семейных ценностей. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, гуманизма и милосердия, тогда как ситуация с ценностями достоинства, приоритета духовного над материальным и справедливости остается противоречивой [4; 18].

Духовно-нравственная культура сталкивается с системными вызовами, трансформирующими ее традиционные основания. Секуляризация — «уход части общества и культуры из-под власти религиозных институтов» [2] — приводит к тому, что мораль теряет связь с чем-то высшим, а представления о добре и зле становятся более относительными: 67 % россиян относят себя к православным, но лишь 12 % регулярно ходят в храм, т.е. религиозность во многом носит формальный характер [6]. Что касается цифровизации и виртуализации социальных взаимодействий, то аноним-

ность в интернете ослабляет ощущение ответственности, постоянное переключение внимания мешает серьезному осмыслению информации, а виртуальные образы заменяют подлинный символический опыт. Цифровая культура формирует человека, способного к быстрой реакции, но не к долгому размышлению, что угрожает традиционным механизмам трансляции ценностей [14]. Глобализация и культурный империализм навязывают ценности потребления и индивидуализма, вступающие в конфликт с традиционными установками, но в то же время глобализация потенциально создает возможности для диалога цивилизаций и критического осмысления собственной идентичности.

Одна из центральных проблем современной духовно-нравственной культуры — напряжение между необходимостью сохранения традиционных ценностей и необходимостью адаптации к изменяющимся условиям. С одной стороны, традиция обеспечивает преемственность и идентичность, но, с другой стороны, сохранение устаревших форм может привести к отчуждению молодежи и потере ценностями актуальности. Эффективная духовно-нравственная культура должна быть динамичной, способной к обновлению форм при сохранении ключевых ценностей: «традиция живет только в режиме творческого освоения, а не механического воспроизведения» [8], поэтому трансляция духовно-нравственной культуры в современном обществе требует поиска новых форм, адекватных цифровой среде, при сохранении ключевого содержания.

Несмотря на кризисные тенденции, духовно-нравственная культура сохраняет значительный ресурсный потенциал для преодоления аномии и социальной дезинтеграции, который раскрывается через несколько механизмов: ценностная рефлексия — способность индивидов и групп осмысливать свои моральные установки и корректировать поведение; социальная солидарность — формирование горизонтальных связей на основе общих ценностей, компенсирующих ослабление вертикальных институтов; культурная память — обращение к историческому опыту как источнику нравственных ориентиров. Эмпирические данные подтверждают наличие этих ресурсов: гражданская идентичность, основанная на разделяемых ценностях, выступает фактором социальной устойчивости и межгрупповой толерантности [16]; даже в условиях социально-экономической нестабильности сельские жители сохраняют приверженность традиционным ценностям взаимопомощи и солидарности [1]. Ресурсный потенциал духовно-нравственной культуры может быть активизирован через: образовательные программы, направленные на формирование ценностной рефлексии; поддержку институтов гражданского общества, транслирующих нравственные ориентиры; сохранение и популяризацию культурного наследия как источника ценностных смыслов; развитие межпоколенного диалога как механизма трансляции духовно-нравственной культуры.

***

Духовно-нравственная культура представляет собой сложный и фундаментальный социальный феномен, синтезирующий духовные основания, социальные нормативы и символические системы и выполняющий критически важные функции интеграции, регуляции, компенсации и социализации для обеспечения устойчивости общества в условиях социальных изменений. В российском контексте духовно-нравственная культура играет особую роль — механизм преодоления постсоветской аномии и формирования национальной идентичности, однако эффективность государственных инициатив в этой сфере зависит от интериоризации ценностей, а не от формальной ритуализации. Эмпирические данные свидетельствуют о неоднозначной динамике духовно-нравственной культуры в России: при росте формальной религиозной идентичности и патриотических настроений сохраняются риски морального релятивизма и ценностной фрагментации.

Ключевым вызовом для духовно-нравственной культуры в XXI веке становится цифровизация, ведущая к фрагментации сознания и росту морального релятивизма. Как показывает исторический анализ, духовно-нравственная культура демонстрирует способность к адаптации: возникают гибридные формы (гражданские ритуалы, экологическая этика), сочетающие традиционные ценности с современными вызовами, т.е. духовно-нравственная культура остается реально действующим механизмом социальной интеграции, способным противостоять дегуманизации и аномии.

Можно выделить несколько перспективных направлений дальнейших исследований духовно-нравственной культуры как социального феномена:

• Разработка интегративной теоретической модели духовно-нравственной культуры, объединяющей институциональный, структурно-функциональный и культурно-исторический подходы. Такая модель позволит описывать духовно-нравственную культуру как целостный феномен, учитывая как ее структурные компоненты, так и динамику в историческом времени.

• Эмпирическое изучение духовно-нравственной культуры разных социальных групп (особенно поколенческих, сельских и городских, профессиональных и образовательных) с использованием сопоставимых методик, что позволит выявить факторы, способствующие сохранению или трансформации духовно-нравственной культуры в современных условиях.

• Исследование механизмов трансляции духовно-нравственной культуры в цифровой среде: как онлайн-платформы и социальные сети влияют на формирование ценностных ориентаций, какие новые формы трансляции ценностей возникают в виртуальном пространстве и т.д.

• Разработка системы показателей для мониторинга состояния духовно-нравственной культуры в российском обществе — создание надежного инструментария для регулярного измерения духовно-нравственной культуры позволит отслеживать эффективность государственной политики в этой сфере.

• Изучение взаимосвязи между духовно-нравственной культурой и социальным самочувствием населения — понимание этой взаимосвязи необходимо для разработки комплексных социальных программ, направленных на укрепление духовно-нравственных оснований общества.

Библиографический список

1. *Абдрахманова Ф.Р., Антошкин В.Н.* Духовно-нравственная культура жителей села: по результатам региональных социологических исследований // Евразия и глобальные социально-экономические изменения. М., 2020.
2. *Бергер П.* Секуляризация: процесс и проблема // Религия и общество. 1998. № 1.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. *Борщевский Г.А.* Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. 2024. № 3.
5. ВЦИОМ: Образ будущего: оценки россиян: аналитический обзор (февраль 2024). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossija.
6. ВЦИОМ: Религия и общество: мониторинг (июнь 2025). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025.
7. *Гофман А.Б.* Социология культуры. М., 2010.
8. *Даминдарова Ф.В.* Духовно-нравственная традиция в жизни общества: автореф. дис. д.филос. н. Челябинск, 2011.
9. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
10. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
11. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1999.
12. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2012.
13. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. М., 1994.
14. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
15. *Кузнецова О.В., Шабанов Л.В.* Православные ценности в системе воспитания современной российской молодежи // Социологические исследования. 2020. № 8.
16. *Пантелеев В.Г., Шевченко О.М.* Духовно-нравственные ценности России в аксиологическом профиле гражданской и территориальной идентичностей (на примере Ростовской области) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 12.
17. *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002.
18. Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы: сб. материалов Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения» / отв. ред. И.П. Рязанцев. М., 2026.
19. *Рязанцев И.П., Гридина В.В., Тимонина Т.В.* Духовно-нравственная культура студентов технического вуза // Социология. 2019. № 2.
20. *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика. М., 2000.
21. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
22. *Стрижакова В.Е.* Аксиологический аспект духовно-нравственной культуры современной студенческой молодежи // Труды Московского гуманитарного университета. 2024. № 2.
23. *Татаркина Н.И.* Формирование духовно-нравственной культуры личности курсантов вузов МВД России: дис. д. пед. н. Елец, 2006.
24. *Тиллих П.* Мужество быть. М., 1995.
25. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. М., 1994.
26. *Mead G.H.* Mind, Self and Society. University of Chicago Press, 1934.

27. *Parsons T., Bales R.F.* Family, Socialization and Interaction Process. Free Press, 1955.
28. *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. Simon & Schuster, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901
EDN: TYVHAM

Spiritual-moral culture as a social phenomenon: A theoretical-methodological analysis*

I.P. Ryazantsev[1], Ya.A. Ardelyanova[2]

[1]St. Tikhon's Orthodox University of Humanities,
Ilovaiskaya St., 9, bldg. 2, Moscow, 109651, Russia

[2] Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: dekan-soc@mail.ru; ardyana@yandex.ru)

Abstract. The article presents a theoretical conceptualization of spiritual-moral culture as a complex and multidimensional social phenomenon. The relevance of the study is determined by contemporary civilizational shifts, digitalization and value pluralism. The article aims at conducting a systematic analysis of the structural levels, key functions and historical dynamics of spiritual-moral culture using a sociological approach. The theoretical-methodological basis of the study is a synthesis of institutional, structural-functional, and cultural-historical approaches, which allows to consider spiritual-moral culture as a product of social institutions, a mechanism for maintaining the stability of the system, and a dynamic value system that changes over time. The authors show that spiritual-moral culture is a synthetic unity of three foundations — spirituality (focus on transcendent meanings), morality (system of norms), and symbolic systems (language, rituals, and art), which allows it to perform key social functions. The authors consider the following functions of spiritual-moral culture: integrative (formation of collective identity), regulatory (internal moral control), compensatory (overcoming existential threats), and educational (transmission of values during socialization). The authors identify three levels in the structure of spiritual-moral culture: value-semantic, normative-regulatory, and symbolic-practical. Special attention is paid to the transformation of spiritual-moral culture under modernization, secularization and postmodernism, and to its crises caused by globalization and digitalization. Spiritual-moral culture is not just a moral regulator but a fundamental factor in the stability of social system, capable of resisting dehumanization and anomie, but its efficiency depends on the depth of internalization of values rather than on formal ritualization.

Key words: spiritual-moral culture; social phenomenon; values; social integration; sociology of culture; Russia; traditional values; postmodernism; secularization; anomie

For citation: Ryazantsev I.P., Ardelyanova Ya. A. Spiritual-moral culture as a social phenomenon: A theoretical-methodological analysis. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 888–901. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-888-901 EDN: TYVHAM

* © I.P. Ryazantsev, Ya.A. Ardelyanova, 2026
The article was submitted on 30.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Abdrakhmanova F.R., Antoshkin V.N. Dukhovno-nravstvennaya kultura zhitelei sela: po rezultatam regionalnyh sotsiologicheskih issledovaniy [Spiritual-moral culture of rural population: Results of regional sociological studies]. *Evraziya i globalnye sotsialno-ekonomicheskie izmeneniya.* Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Berger P. Sekulyarizatsiya: protsess i problema [Secularization: process and problem]. *Religiya i Obshchestvo.* 1998; 1. (In Russ.).
3. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
4. Borshchevsky G.A. Traditsionnye rossiiskie tsennosti i sotsialnye praktiki: opyt empiricheskoi proverki [Traditional Russian values and social practices: Empirical verification]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2024; 3. (In Russ.).
5. VCIOM: *Obraz budushchego: otsenki rossiyan* [Image of the Future: Russians' Assessments: Analytical Review. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossija. (In Russ.).
6. VCIOM: *Religiya i obshchestvo: monitoring* [Religion and Society: Monitoring]. 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025. (In Russ.).
7. Gofman A.B. *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Damindarova F.V. *Dukhovno-nravstvennaya traditsiya v zhizni obshchestva* [Spiritual-Moral Tradition in the Life of Society]. Chelyabinsk; 2011. (In Russ.).
9. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow; 1991. (In Russ.).
10. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1996. (In Russ.).
11. Zdravomyslov A.G. *Sotsiologiya konflikta: Rossiya na putyah preodoleniya krizisa* [Sociology of Conflict: Russia on the Path to Overcoming the Crisis]. Moscow; 1999. (In Russ.).
12. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury: put v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: Path to the New Millennium]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Kant I. *Osnovy metafiziki nravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Moscow; 1994. (In Russ.).
14. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Kuznetsova O.V., Shabanov L.V. Pravoslavnye tsennosti v sisteme vospitaniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Orthodox values in the upbringing of the contemporary Russian youth]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2020; 8. (In Russ.).
16. Panteleev V.G., Shevchenko O.M. Dukhovno-nravstvennye tsennosti Rossii v aksiologicheskom profile grazhdanskoi i territorialnoi identichnostei (na primere Rostovskoi oblasti) [Russia's spiritual-moral values in the axiological profile of civil and territorial identities (on the example of the Rostov Region)]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya.* 2025; 12. (In Russ.).
17. Parsons T. *O sotsialnyh sistemah* [The Social System]. Moscow; 2002. (In Russ.).
18. *Rossiiskaya tsivilizatsiya: dukhovnye istoki i istoricheskie perspektivy* [Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects]: sb. materialov Vserossiyskoy setevoy nauchnoy konferentsii "Innokentyevskie chteniya". Ed. by I.P. Ryazantsev. Moscow; 2026. (In Russ.).
19. Ryazantsev I.P., Gridina V.V., Timonina T.V. Dukhovno-nravstvennaya kultura studentov tekhnicheskogo vuza [Spiritual-moral culture of students in the technical university]. *Sotsiologiya.* 2019; 2. (In Russ.).
20. Sorokin P.A. *Sotsiokulturnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow; 2000. (In Russ.).

21. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow; 1992. (In Russ.).
22. Strizhakova V.E. Aksiologichesky aspekt dukhovno-nravstvennoi kultury sovremennoi studencheskoi molodezhi [Axiological aspect of the contemporary student youth's spiritual-moral culture]. *Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta.* 2024; 2. (In Russ.).
23. Tatarkina N.I. *Formirovanie dukhovno-nravstvennoi kultury lichnosti kursantov vuzov MVD Rossii* [Formation of cadets' personal spiritual-moral culture in universities of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Elets; 2006. (In Russ.).
24. Tillich P. *Muzhestvo byt* [The Courage to Be]. Moscow; 1995. (In Russ.).
25. Yadov V.A. *Sotsialnye i sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsialnoi identichnosti lichnosti* [Social and Social-Psychological Mechanisms of Formation of Individual's Social Identity]. Moscow; 1994. (In Russ.).
26. Mead G.H. *Mind, Self and Society.* University of Chicago Press; 1934.
27. Parsons T., Bales R.F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Free Press; 1955.
28. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* Simon & Schuster; 2000.

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 902–916
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-902-916
EDN: TYKHVC

Трансмедийный политический нарратив: методология анализа и рамки концепта*

С.В. Чугров, С.А. Кучарина

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

(e-mail: s.chugrov@inno.mgimo.ru; sofiyadolganova@gmail.com)

Аннотация. Перенос концепта «трансмедийность» из медиатеории в сферу политической социологии, хотя, несомненно, является эвристически плодотворным, порождает методологическую проблему избыточной метафоричности и размытости применения. Статья направлена на преодоление этого разрыва путем разработки четкой аналитической модели для изучения трансмедийных политических нарративов и операционализации смежных понятий. Методологическую основу исследования составляет системный анализ научной литературы, теоретическое моделирование и иллюстративный кейс-стади. В итоге предложена оригинальная трехуровневая модель анализа трансмедийных политических нарративов: первый, идеолого-мифологический, уровень фокусируется на базовом сюжете, архетипах и ключевых символах нарратива; второй, медийно-платформенный, уровень раскрывает архитектуру распределения смысловых элементов по специфичным каналам коммуникации, где каждый платформенный формат вносит уникальный вклад в раскрытие общей «вселенной»; третий, праксеологический, уровень обращен на практики вовлечения аудитории, от со-творчества в производстве контента до участия в ритуалах, посредством которых нарратив материализуется в социальном действии. Главный вывод авторов заключается в том, что концепт трансмедийных политических нарративов предоставляет продуктивный инструмент для анализа современных идеологий, функционирующих не как жесткие доктрины, а как децентрализованные, адаптивные и вовлекающие системы смыслопорождения. Однако применение данного концепта требует последовательного междисциплинарного подхода, учитывающего специфику политического поля.

Ключевые слова: трансмедийность; политический нарратив; политическая коммуникация; медиатизация; идеология; методология; цифровая публичная сфера

Для цитирования: *Чугров С.В., Кучарина С.А.* Трансмедийный политический нарратив: методология анализа и рамки концепта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 902–916. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-902-916 EDN: TYKHVC

*© Чугров С.В., Кучарина С.А., 2026
Статья поступила в редакцию 05.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

В эпоху стремительной цифровой конвергенции и развития гибридных медиасистем классические формы политической и социальной коммуникации претерпевают фундаментальные трансформации. Одним из ключевых феноменов цифровой среды становится трансмедийное повествование, концепт которого был детально разработан Г. Дженкинсом как обозначение процесса систематического распределения элементов истории (story) по множеству медийных платформ, где каждый канал вносит уникальный вклад в развертывание единого связного смыслового мира [37]. Изначально возникнув в индустрии развлечений для описания крупных медиафраншиз, трансмедийность сегодня активно проникает в сферы образования, документалистики, социальной активности и политической коммуникации [38].

Необходимо строго разграничивать *трансмедийность* как объективное свойство современной коммуникации, *трансмедийный подход* как исследовательскую оптику (методологию) и *трансмедийный сторителлинг* как политическую технологию. Изначально возникнув в индустрии развлечений, трансмедийный сторителлинг сегодня интегрируется в политическое поле, становясь для политических акторов мощной стратегией конструирования реальности, а для исследователей — релевантным подходом к анализу этих процессов [55]. Политические акторы целенаправленно конструируют устойчивые смысловые миры, рассредоточивая их элементы по разным каналам коммуникации для легитимации своих действий, мобилизации сторонников и маргинализации оппонентов [57]. Перенос трансмедийного подхода требует адаптации к специфике политического поля как пространства жесткой конкуренции институциональных акторов за монополию на легитимное определение социальной реальности и мобилизацию масс (в отличие от коммерческой логики индустрии развлечений).

Концепт *трансмедийного повествования*, будучи изначально разработан Дженкинсом применительно к индустрии развлечений [37], был впоследствии расширен в трудах Ш. Шенхава до анализа функционирования нарративов как инструмента конструирования политической реальности [54]. Изучению специфики трансмедийных политических кампаний, функционирующих в логике конфликтности и перманентной «войны нарративов», посвящены работы Р. Гамбарато и С. Медведева [29], а также К. Сколари, акцентировавшего внимание на архитектуре распределения смыслов [53]. Вклад в понимание роли аудитории, переходящей от пассивного потребления к со-творчеству и социальной активности, внесли теоретики культуры соучастия [18].

Несмотря на обширный массив исследований, перенос концепта «трансмедийность» из индустрии развлечений в сферу политики порождает проблему избыточной метафоричности, размытости границ концепта. Кроме того, отметим и отсутствие четкого аналитического инструментария, спо-

собного учитывать специфику политического поля [17]. В условиях цифровой среды наблюдается утрата институциональной монополии на авторство политического текста. Внимание исследователей смещается на процессы децентрализации производства контента и рост культуры соучастия (prosumer culture), где институциональный актор создает лишь базовую архитектуру нарратива, а аудитория выступает полноправным соавтором [4]. В таком контексте ремейк становятся не признаком творческого кризиса, а формой переосмысления классики приемами художественной реконструкции, которые наполняют старые сюжетные ходы новым актуальным содержанием и иными «символами времени» [7]. Креативность здесь описывается формулой «копировать–трансформировать–комбинировать», где оригинальность заключается исключительно в способе аранжировки уже существующих элементов [41]. Сам текст превращается в «мозаику цитат» и «эхо-камеру», осуществляя интериоризацию внешнего семиотического фона [4]. Политическая коммуникация в трансмедийной среде становится «игрой смыслов», которые наслаиваются посредством цитирования без кавычек, и единство нарратива определяется не его истоком (автором), а местом назначения — читателем, самостоятельно собирающем смысловой пазл [12].

Эволюция трансмедийных сред способствует формированию феномена постправды, который следует рассматривать не как отклонение, а как закономерное когнитивное искажение цифровой среды. Согласно логике сетевого распространения информации потребитель контента реагирует прежде всего на сенсационность, что запускает механизмы аффективной мобилизации и вирусного распространения политического контента [9]. Согласно Р. Докинзу потребитель информации все больше попадает под влияние таких аспектов, как зрелищность, эпатаж и сенсационность, что превращает политический нарратив в разновидность аффективного вируса [6]. Погружение аудитории в подобную среду нередко происходит через формат пастиша (pastiche) — имитационного медиапродукта, который конструирует квазиреальность, обладающую высоким потенциалом правдоподобия [44]. В условиях алгоритмической фильтрации контента многократная репликация таких сообщений ведет к формированию закрытых гомогенных информационных сетей («эхо-камер»). В результате многократной репликации этой «как-бы-правды» все шире распространяются «информационные пузыри» и «эхо-камеры», в которых истинным признается лишь то, что тиражируется внутри закрытой системы, а трансмедийные нарративы при этом усиливают эмоциональную сопричастность, апеллируя к рефлексам, но не к рефлексии [9].

Для анализа трансмедийных повествований мы предлагаем трехуровневую модель, разграничивая три смежных понятия: трансмедийный нарратив (базовая смысловая единица), трансмедийная кампания (управляемый институциональный проект) и трансмедийная мифология/идеология (устойчи-

вая система нарративов). Такая модель позволяет анализировать идеологии не как жесткие доктрины, а как децентрализованные, адаптивные системы смыслопорождения. Модель анализа трансмедийных политических нарративов (далее — ТПН) включает три уровня: *идеолого-мифологический* — выявление базового сюжета (ядра-мифа), архетипов, ключевых персонажей-агентов и системы ценностей; *медийно-платформенный* — раскрытие архитектуры распределения смысловых элементов по каналам коммуникации (от телевидения как задающего «канон» до социальных сетей и мессенджеров, обеспечивающих со-творчество и координацию); *праксеологический* — анализ практики вовлечения аудитории и материализации нарратива в социальном действии. Инструментарий предложенной модели апробируется на кейсе нарратива о «Великой Победе»: кейс обладает высокой степенью корреляции с теоретическими положениями политической трансмедийности. Ядро-нарратив о «сакральной жертве и триумфе» [1] циркулирует между традиционными и цифровыми платформами — от канонических ТВ-марафонов до мемов в социальных сетях. Праксеологическое измерение кейса демонстрирует, как ритуальные практики (от использования георгиевской ленты до массового участия в акциях «Бессмертный полк») способствуют консолидации общества и перформативному воспроизводству национальной идентичности [3]. Кейс позволяет раскрыть и методологические ограничения ТПН: зависимость устойчивости нарратива от алгоритмов цифровых сред [2] и противоречия в массовом сознании, ведущие к поляризации и актуализации частной (семейной) версии исторической памяти в противовес официальным идеологическим клише [31].

Теоретический каркас: от трансмедийного сторителлинга к трансмедийной политике

Концепт «трансмедийность» был апробирован в рамках исследований новых форм повествования, порожденных цифровой конвергенцией и корпоративной логикой медиаиндустрии [43], — слияние технологий, контента и экономических моделей привело к возникновению новых медийных форматов [39]. Изначально концепт описывал медиафраншизы, такие как «Матрица» или вселенная Marvel, где комиксы, фильмы, видеоигры и вебсайты не дублировали контент, а расширяли и обогащали общий нарратив [40]. Критически важными принципами, выделенными Дженкинсом, стали децентрализация (отсутствие единого канонического текста-источника, что позволяет более гибко развивать нарратив), со-творчество (проактивная роль аудитории в распространении, обсуждении и создании фанатского контента) и логика расширения вселенной [38], которая становится фундаментальной для погружения в повествование [15]. Политические акторы в условиях гибридной медиасистемы, концептуализированной Э. Чедвиком [56], также стремятся конструировать устойчивые, привлекательные и адаптив-

ные смысловые миры, такие как идеология «национального возрождения» или миф о «справедливой революции» [55]. Эти элементы рассредоточиваются по платформам с разной логикой и аудиторией, что позволяет влиять на общественное мнение и мобилизовывать сторонников [19].

В связи с экспансией термина возникает необходимость в четком разграничении смежных понятий. *Трансмедийный политический нарратив (ТПН)* представляет собой базовую единицу анализа — распространяемую и развиваемую на множестве платформ историю, или нарратив, обладающий идеологическим ядром и адаптируемый к специфике разных медиа [24]. Это не просто набор сообщений, а целостная структура, объединяющая разрозненные элементы в расширенный мир, который аудитория может «населять» [48]. *Трансмедийная политическая кампания* — целенаправленная, часто ограниченная во времени и управляемая институциональными акторами (политические партии, движения, лидеры или правительство) акция по продвижению конкретного ТПН [29]. *Трансмедийная мифология (или идеология)* — более высокий уровень организации, представляющий собой устойчивую систему взаимосвязанных ТПН, которая образует целостную картину политического мира [42]. Такая мифология, как правило, привязана к крупному актору (государству, политическому движению) и формирует долгосрочный символический фундамент для множества политических кампаний [48].

В рамках предлагаемой модели мы концептуализируем современный политический нарратив как гибрид идеологии и мифа: классические идеологии эпохи модерна функционировали как жесткие, рационализированные доктрины (текстоцентричные и иерархичные). В отличие от них в условиях постмодерна и алгоритмической среды формируются *трансмедийные гибриды*. В них идеология задает политическую цель и систему ценностей (вектор власти), а мифология (опирающаяся на архетипы и аффекты) выступает оболочкой, позволяющей децентрализовать этот смысловой конструкт и адаптировать его для разных медиаплатформ. Идеология обеспечивает смысловое единство и преемственность, а мифология — вовлечение и эмоциональный резонанс.

Следует различать трансмедийность и кроссмедийность: последняя подразумевает репликацию или дублирование одного и того же контента на разных платформах (например, публикация текста новости на сайте и в социальной сети) [30], а политическая коммуникация в трансмедийной среде характеризуется высокой интертекстуальностью. Формирование итогового сообщения происходит в процессе нелинейного декодирования: единство нарратива обеспечивается не исходным источником, а когнитивными усилиями реципиента, который осуществляет самостоятельную смысловую сборку из распределенных по платформам информационных фрагментов [50]. Трансмедийный сторителлинг отличается от кросс-медийного пове-

ствования, более ориентированного на распространение контента, чем на его расширение [52].

В политической коммуникации это может трактоваться как стратегия, в рамках которой телевидение задает «официальный канон» события или явления, социальные сети обеспечивают оперативность, конфликт и возможность для обратной связи, а также эмоционально-визуальную эмпатию, а видеоигра или документальный фильм обеспечивают глубокое нарративное погружение в миф [11]. Применение трансмедийной оптики к политике требует учета ее фундаментальных отличий от индустрии развлечений. Во-первых, на первый план выходит роль институциональных акторов (государств, политических партий, некоммерческих организаций), которые, в отличие от медиакорпораций, часто стремятся к централизованному контролю над ядром нарратива [28]. Во-вторых, политические трансмедиа существуют в поле перманентной высокой конфликтности — политические нарративы почти всегда конкурируют с контрнарративами, что порождает динамичную «нарративную войну», где трансмедийные стратегии используются для атаки, обороны и саботажа [27]. В-третьих, прямая связь с практиками мобилизации — сущностная черта трансмедийных политических нарративов [14]. Идеал со-творчества в политическом контексте модифицируется в конкретные формы политического участия: от кликтивизма (лайки, репосты, мемы) до создания пользовательского контента (фанарт, видео) и, что критически важно, выхода в офлайн-пространство (участие в митингах, флешмобах, гражданских инициативах) [58]. Праксеологическое измерение — способность нарратива генерировать действия — становится не побочным эффектом, а одной из его главных целей и критериев успеха в политическом поле.

Модель анализа трансмедийного политического нарратива

Анализ ТПН требует комплексного подхода, охватывающего три взаимосвязанных уровня, чтобы не только понять, что сообщается (содержание мифа и символики), но и где и как сообщение распространяется (медийная экосистема и форматы), а также зачем и с каким эффектом (цели, вовлечение аудитории и социальные последствия).

Идеолого-мифологический уровень анализа ТПН раскрывает фундаментальные семантические и символические структуры, на которые опираются политические нарративы и которые формируют их глубинное смысловое содержание [49]. Нарративы предоставляют богатый источник информации о том, как люди осмысливают свою жизнь, сплетая разрозненные факты для интерпретации реальности [7]. Этот уровень определяет, *что* транслируется, выявляя ядро-миф, ключевых персонажей-агентов и систему ценностей и символов, вокруг которых строится политическое повествование [8]. Ядро-миф составляет стержень политического нарратива, опираясь на универсальные архетипические сюжеты, которые резонируют с коллективным

бессознательным аудитории. Эти архетипы структурируют миф вокруг бинарных оппозиций, таких как «герой против дракона/врага», «золотой век против хаоса» или «заговор против народа», которые определяют базовые сюжетные линии в политическом дискурсе [5]. Политический миф служит не просто отражением прошлого, но выступает как средство объяснения событий и оправдания действий, формирующих политический хронотоп (типичную коммуникативную ситуацию, которая повторяется в определенных временных и пространственных координатах). В рамках ядра-мифа действуют персонажи-агенты, которые играют ключевые роли и олицетворяют собой абстрактные политические или идеологические концепты: герой (личность, группа или нация, выступающая в качестве спасителя или лидера), враг (оппонент, угроза или антагонист), жертва (страдает от действий врага и нуждается в защите) и союзник (поддерживающие силы или сообщества) [18]. Их образы тщательно конструируются, часто с использованием элементов политического развлечения (политейнмента), таких как персонализация, эмоциональность и тривиализация проблем, что способствует более глубокой вовлеченности аудитории [24].

Так, имидж политических деятелей формируется с использованием трансмедийных нарративов, которые объединяют выступления в различных медиа (телевидение, социальные сети, автобиографические книги). Ценности и символы составляют ключевые элементы, а их визуальные репрезентации усиливают эмоциональное воздействие ядра-мифа и способствуют его устойчивости в коллективной памяти [12]. Политические мифы получают выражение не только в длинных нарративах, но и в символических основаниях: флаги, цвета, образы, гербы, узнаваемые логотипы или даже мемы — семиотические маркеры. В политической коммуникации визуальные нарративы политических лидеров становятся центральными, поскольку изображения устанавливают когнитивную связь между лидером и аудиторией через эмоциональный обмен, способствуя созданию эмоциональной горизонтальности диалога.

Медийно-платформенный уровень изучает, *где* и *как* политические нарративы распространяются и адаптируются в условиях многоканальной и конвергентной медиасреды [10]. Трансмедийный сторителлинг — одно из наиболее перспективных направлений исследований в области политической коммуникации: он превосходит по влиянию художественную литературу и журналистику и приводит к возникновению «трансполитики» — состояния, при котором политический процесс окончательно утрачивает автономию, сливаясь с логикой развлекательных медиаиндустрий и поп-культурой, а политические решения принимаются с учетом их потенциала для трансмедийного развертывания [21]. В этой экосистеме наблюдается функциональная дифференциация: телевидение часто выступает в роли «канона», устанавливая сюжетные линии, закрепляя мифологическое ядро, обеспе-

чивая широкий охват аудитории и формируя базовое восприятие нарратива; социальные сети служат платформой для со-творчества, обратной связи и динамичного развития нарратива через комментарии, репосты, хештеги и пользовательский контент; кино и видеоигры (включая патриотические квесты) способствуют эмоциональному погружению, расширяя нарративные пространства за счет интерактивности, визуально-сенсорных впечатлений и активного участия [20]; мессенджеры используются для координации действий, оперативного распространения информации и прямой коммуникации среди участников сообщества, обеспечивая эффективность мобилизационных практик [26].

Такое распределение функций способствует созданию интегрированных медиаэкосистем, где каждый элемент играет свою роль в поддержании и развитии нарратива: в социальных сетях политические нарративы часто представлены в форме мемов, рилсов (коротких видеоисторий), которые легко распространяются, вызывают эмоциональный отклик и стимулируют интеракцию [36], причем мемы могут использоваться для создания сатирических комментариев или визуализации политических позиций; в видеоиграх или интерактивных онлайн-проектах политические нарративы могут быть интегрированы в игровые квесты, позволяющие пользователям интерактивно участвовать в сюжете, развивать эмпатию и переживать историю от первого лица [35]; флешмобы и хештег-кампании (онлайн и офлайн) представляют собой форматы массовой демонстрации политической солидарности [51].

Праксеологический уровень фокусируется на практиках вовлечения аудитории и социальных и культурных эффектах этого взаимодействия, позволяет понять, *зачем* используются трансмедийные нарративы в политике и каковы их последствия для общества. ТПН стремится активизировать граждан, побуждая их к участию в политических действиях, митингах, голосованиях или кампаниях. Трансмедийные проекты формируют общественный консенсус и доверие, представляя политические решения как необходимые и справедливые, формируя политические взгляды граждан, особенно молодого поколения [58]; интегрируют индивидов в политический контекст, создавая общую систему координат для интерпретации событий; могут использоваться для создания негативного образа политических противников, их идей или действий, способствуя поляризации общества и консолидации собственных сторонников [16]. Нарративы способны персонализировать, интегрировать, приводить примеры и поляризовать, и вовлечение может выходить за рамки цифровой среды, проявляясь в участии в митингах, демонстрациях, флешмобах, патриотических мероприятиях и других формах коллективного действия [58], — такие ритуалы укрепляют чувство общности и принадлежности к «воображаемому сообществу».

Кейс Великой Победы в России демонстрирует высокую степень корреляции с положениями многоуровневой модели анализа ТПН, одновременно

выявляя ряд особенностей и ограничений, характерных для данного социокультурного контекста и медиаразнообразия. Высокая степень взаимосвязи традиционных и цифровых медиа позволяет нарративу о Великой Победе эффективно циркулировать между телевидением, кино и социальными сетями, усиливая охват и воздействие на аудиторию. При этом наблюдается сильная эмоциональная и символическая нагрузка нарратива о «сакральной жертве и триумфе», которая способствует устойчивому вовлечению разных целевых групп — от ветеранов до молодежи [1].

Вместе с тем наблюдаются и ограничения применения трансмедийного подхода к кейсу Великой Победы. Противоречия в массовом историческом сознании россиян — избирательность оценок и переплетенность с советскими идеологическими клише — обусловливают сложности работы с коллективной памятью [31]. Наблюдается поляризация массового исторического сознания и частичная девальвация исторических смыслов, что ведет к актуализации частных версий исторической памяти, например, семейной. Кроме того, интенсивное использование социальных сетей влечет за собой зависимость от изменчивых алгоритмов и особенностей платформ, что может влиять на охват и реакцию аудитории, а также на устойчивость нарратива [2].

Анализ нарратива о Великой Победе сквозь призму многоуровневой модели ТПН демонстрирует, как комплексное взаимодействие идеолого-мифологических, медийно-платформенных и праксеологических элементов формирует мощный инструмент воздействия на общественное сознание. Практики вовлечения аудитории, начиная от ношения ленты и заканчивая участием в акциях «Бессмертный полк», способствуют консолидации общества, перформативному воспроизводству национальной идентичности и легитимации политических действий. Несмотря на высокую эффективность и устойчивость кейса Великой Победы, его реализация сталкивается с определенными объективными вызовами, связанными с необходимостью сохранения идеологического единства и адаптации к динамике цифровых платформ. Сама по себе идеологическая преемственность и опора на государственную историческую политику являются безусловным благом, однако требуют постоянной работы по противодействию попыткам фальсификации истории. Первоочередная задача кейса — защита исторической правды от разрушительных и враждебных нарративов, что предполагает высокую ответственность за качество и полноту подачи материала, чтобы не допустить схематизации сложных процессов в глазах молодежи. Что касается вызовов, обусловленных динамикой цифровых платформ, то здесь фиксируются внешние угрозы, порожденные либеральной моделью управления интернетом и алгоритмами соцсетей, которые зачастую фрагментируют патриотический контент до потери смысловых связей, что требует укрепления курса на суверенизацию цифровых экосистем и защиту единого информационного пространства.

Таким образом, многоуровневая модель анализа ТПН подтверждает свою применимость и эвристический потенциал для анализа политических нарративов в медиасреде. Она предлагает системный подход к интерпретации нелинейных процессов формирования, распространения и восприятия политических сообщений. Системный характер модели позволяет комплексно рассматривать идеолого-мифологический, медийно-платформенный и праксеологический уровни, объединяя анализ медиаконтента, распространения и воздействия нарративов в разных медиаэкосистемах [22].

Исследование сакрализованных политических нарративов сопряжено с определенными *этическими рисками*. В центре дискуссий стоит вопрос агентности в формировании ТПН, поскольку нарративы могут быть результатом как top-down стратегий, так и grassroots инициатив. Традиционно политические нарративы воспринимаются как верхнеуровневые конструкты официальных институтов и элит, сформированные для легитимации своих действий и мобилизации масс [33], однако эмпирические данные показывают и растущую активность снизу [57]. Граждане и сообщества создают собственные нарративы, которые распространяются через трансмедийные каналы, усиливая эффекты со-творчества и вовлеченности, например, цифровой сторителлинг может использоваться участниками низовых движений [20]. Все это свидетельствует о двунаправленной динамике: top-down стратегии обеспечивают структурную поддержку, а grassroots-инициативы создают локальные интерпретации. Роль агентности аудитории становится все более значимой в цифровой среде, формируя новые политические пространства и микрополитику [30].

Трансмедийный подход помогает преодолеть традиционный разрыв между анализом медиаконтента и анализом политических практик, интегрируя оба аспекта в единую аналитическую рамку для изучения сложных взаимосвязей между медиа и трансполитикой. Такой подход позволяет понять, как политические темы и сюжеты в медиаконтенте, например в видеоиграх, могут быть интегрированы в контекст изучения социополитической науки и практики. Типичным примером геймификации политико-идеологического нарратива, нацеленного на подрыв российского патриотического нарратива о Великой Победе, можно считать выпущенную британской компанией Rebellion Developments в 2005 году видеоигру «Sniper Elite: Berlin 1945», где снайпер американской разведки устраняет попадающихся на пути советских и немецких военнослужащих. Нарратив снайпера, «нейтрализующего злых русских», продолжает серия видеоигр, например, произведенный в 2017 году фирмой CI Games S.A. (Польша) шутер «Sniper: Ghost Warrior 3»; в сиквеле «Call of Duty: Modern Warfare 2» от «Infinity Ward» западный многонациональный спецотряд охотится за злобным лидером российских ультранационалистов, а батальон американских рейнджеров защищает Вашингтон

от «русского нашествия». В России также набирает обороты геймификация, в частности, в образовании, и в начале 2020-х годов была выпущена игра «Бессмертная симфония» о героических и трагических страницах обороны Ленинграда.

Таким образом, трансмедийный нарратив окончательно перестал быть исключительно феноменом индустрии развлечений — сегодня это стратегический инструмент политической коммуникации, необходимый для конструирования идентичности и комплексного имиджа [45]. В условиях цифровой медиасистемы успешность политической кампании напрямую зависит от создания децентрализованных смысловых архитектур, что подтверждается внедрением трансмедийных практик в коммуникации политических партий и движений [47]. Предложенная трехуровневая методология анализа показала свою релевантность для системного декодирования политических кампаний. Перспективным направлением дальнейших исследований видится изучение стратегий защиты публичной сферы от манипулятивных аспектов трансмедийности и поиск путей преодоления цифрового и нарративного неравенства. Изыскания в области ТПН могут быть обогащены материалами сравнительного анализа нарративов разных идеологий, стран и политических режимов. Социологи могут сопоставлять использование трансмедийного сторителлинга политическими лидерами разных стран и проводить более широкие кросс-культурные исследования аудитории на стыке социологии и политологии.

Библиографический список/References

1. *Артамонов Д., Пеннер Р.* Ценность Великой Победы: эмоциональная оптика // Patria. 2025. Т. 2. № 2 / Artamonov D., Penner R. Tsennost Velikoy Pobedy: emotsionalnaya optika [The value of the Great Victory: An emotional optics]. *Patria*. 2025; 2 (2). (In Russ.).
2. *Архипова А.С., Доронин Д.Ю., Кирзюк А.А. и др.* Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33 / Arkhipova A.S., Doronin D.Yu., Kirzyuk A.A. et al. Voyna kak prazdnik, prazdnik kak voyna: performativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy [War as a holiday, holiday as a war: Performative commemoration of Victory Day]. *Antropologichesky Forum*. 2017; 33. (In Russ.).
3. *Борисова Т.Г., Печенюк А.Н.* Медиатизация концепта «патриотизм» как фактор создания единого ценностно-ориентационного пространства // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2025. № 12 / Borisova T.G., Pechenyuk A.N. Mediatizatsiya kontsepta “patriotism” kak faktor sozdaniya edinogo tsennostno-orientatsionnogo prostranstva [Mediatization of the concept of “patriotism” as a factor in creating a unified value space]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*. 2025; 12. (In Russ.).
4. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989 / Barthes R. Smert avtora [The death of the author]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow; 1989. (In Russ.).
5. *Бреева Т.Н.* Русский миф в славянском фэнтези // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 2 / Breeva T.N. Russky mif v slavyanskom fentezi [Russian myth in the Slavic fantasy]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 2015; 157 (2). (In Russ.).

6. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М., 2013 / Dawkins R. *Egoistichny gen* [The Selfish Gene]. Moscow; 2013. (In Russ.).
7. *Малинова О.Ю.* Миф как категория символической политики // Символическая политика. 2015. Вып. 3 / Malinova O.Yu. Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki [Myth as a category of symbolic politics]. *Simvolicheskaya Politika*. 2015; 3. (In Russ.).
8. *Суслов И.В., Кныжова З.З.* Политический мономиф американского кинематографа в эпоху доминирования визуальных способов повествования // Наука телевидения. 2025. Т. 21. № 1 / Suslov I.V., Knyzhova Z.Z. Politichesky monomif amerikanskogo kinematografa v epokhu dominirovaniya vizualnyh sposobov povestvovaniya [Political monomyth of American cinema in the era of dominant visual narratives]. *Nauka Televideniya*. 2025; 21 (1). (In Russ.).
9. *Чугров С.В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Политические исследования. 2017. № 2 / Chugrov S.V. Post-truth: transformatsiya politicheskoy realnosti ili samorazrushenie liberalnoy demokratii? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *Political Studies*. 2017; 2. (In Russ.).
10. *Штейман М.С., Зайцева Н.В.* Стратегии и тренды развития современных массмедиа в контексте глобализационных процессов: региональный аспект // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8 / Shteyman M.S., Zaytseva N.V. Strategii i trendy razvitiya sovremennyh massmedia v kontekste globalizatsionnyh protsessov: regionalny aspekt [Strategies and trends in the development of contemporary mass media under globalization: A regional aspect]. *Nauchny Dialog*. 2022; 11 (8). (In Russ.).
11. Basaraba N., Cauvin T. Public history and transmedia storytelling for conflicting narratives. *Rethinking History*. 2023; 27 (2).
12. Benito J. Una aproximación al transmedia, el storytelling y los nuevos modelos narrativos electorales actuales en la comunicación política actual. *MARCO*. 2016; 2.
13. Bennett L., Segerberg A. *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. Cambridge University Press; 2012.
14. Bergan D.E., Gerber A.S., Green D.P., Panagopoulos C. Grassroots mobilization and voter turnout in 2004. *Public Opinion Quarterly*. 2005; 69 (5).
15. Bhatia C., Gupta M. Transmedia storytelling in journalism: Engaging audiences across multiple platforms. *Cuestiones de Fisioterapia*. 2025; 54 (4).
16. Bialas B. Political branding: Subterfuge or the new mode of governance? J*ournal of Public Governance*. 2023; 64 (2).
17. Browse S., Gibbons A., Hatavara M. Real fictions: Fictionality, factuality and narrative strategies in contemporary storytelling. *Narrative Inquiry*. 2019; 29 (2).
18. Carpentier N. Beyond the ladder of participation: An analytical toolkit for the critical analysis of participatory media processes. *Javnost — The Public*. 2016. Vol; 23 (1).
19. Christodoulou E., Iordanou K. Democracy under attack: Challenges of addressing ethical issues of AI and Big Data for more democratic digital media and societies. *Frontiers in Political Science*. 2021; 3.
20. Corona Rodríguez J.M. ¿Cuándo es transmedia?: discusiones sobre lo transmedia(l) de las narrativas. *Revista científica de Comunicación y Tecnologías emergentes*. 2016; 14 (1).
21. Cosentino E., Adornetti I., Ferretti F. Processing narrative coherence: Towards a top-down model of discourse. *Open Access Series in Informatics*. 2013; 32.
22. Das R., Ytre-Arne B. Critical, agentic and trans-media: Frameworks and findings from a foresight analysis exercise on audiences. *European Journal of Communication*. 2017; 32 (6).
23. Didi P.U., Abass O.S., Balogun O. Strategic storytelling in clean energy campaigns: Enhancing stakeholder engagement through narrative design. *GISRRJ*. 2022; 5 (3).
24. Durántez-Stolle P., Martínez-Sanz R. Politainment in the transmedia construction of the image of politicians. *Communication & Society*. 1970; 32 (3).

25. Eder J. Transmediality and the politics of adaptation: Concepts, forms, and strategies. *The Politics of Adaptation.* Ed. by D. Hassler-Forest, P. Nicklas. Palgrave Macmillan; 2015.
26. Fernández Castrillo C. Prácticas transmedia en la era del prosumidor: Hacia una definición del Contenido Generado por el Usuario (CGU). *Cuadernos de Información y Comunicación*. 2013; 19.
27. Gambarato R.R. *Transmedia (Anti-Storytelling) Audiences*. 2024. https://doi.org/ 10.4324/9781003268543-21.
28. Gambarato R.R., Lapina-Kratasiuk E. Transmedia storytelling panorama in the Russian media landscape. *Russian Journal of Communication*. 2015; 8 (1).
29. Gambarato R.R., Medvedev S.A. Transmedia storytelling impact on government policy change. *Politics, Protest, and Empowerment in Digital Spaces.* Ed. by Y. Ibrahim. IGI Global Scientific Publishing; 2017.
30. Garcés V. La difusión de la noticia transmedia y la expansión del prosumidor informativo: entre el periodismo transmedia, multiplataforma y crossmedia. *Cuadernos Info*. 2024; 57.
31. Golovashina O.V., Linchenko A.A., Anikin D.A. Memory of the Great Patriotic war: Victory Day in the historical consciousness of Russians. *Sociological Studies*; 2017 (3).
32. Hammack P.L. *Narrative and the Politics of Identity: The Cultural Psychology of Israeli and Palestinian Youth*. Oxford University Press; 2010.
33. Hammack P.L. Identity, conflict, and coexistence: Life stories of Israeli and Palestinian adolescents. *Journal of Adolescent Research*. 2006; 21 (4).
34. *Book of Research on Transmedia Storytelling and Narrative Strategies*. Ed. by R. Yılmaz, M.N. Erdem, F. Resuloglu. IGI Global Scientific Publishing; 2019.
35. Hart J. Cracking the code: Narrative and political mobilization in the Greek Resistance. *Social Science History.* 1992; 16 (4).
36. Herrero J.V., González-Neira A., Quintas-Froufe N. La audiencia activa en la ficción transmedia: plataformas, interactividad y medición. *Revista latina de comunicación social.* 2019; 74.
37. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press; 2006.
38. Jenkins H. Transmedia storytelling and entertainment: An annotated syllabus. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies.* 2010; 24 (6).
39. Johnson-Yale C.J.A. Hendricks (Ed.). The Twenty-First-Century Media Industry: Economic and Managerial Implications in the Age of New Media. *New Media & Society.* 2012; 14 (2).
40. Kim J.-H., Hong J.-Y. Analysis of trans-media storytelling strategies. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/292227191_Analysis_of_trans-media_storytelling_strategies.
41. Kinder M. *Playing with Power in Movies, Television, and Video Games: From Muppet Babies to Teenage Mutant Ninja Turtles*. University of California Press; 1991.
42. Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. Columbia University Press; 2024.
43. Kwon Y.-S., Byun D.H. An exploration of the limitations of transmedia storytelling: Focusing on the entertainment and education sectors. *Journal of Media and Communication Studies*. 2018; 10 (3).
44. Lakoff R. The hollow man: Donald Trump, populism, and post-truth politics. *Journal of Language and Politics*. 2017; 16 (4).
45. Markova G., Kalinov K. Transmedia narratives: A critical reading and possible advancements. *Annales Universitatis Mariae-Curie-Skłodowska. Sectio K: Politology.* 2017; 24 (1).
46. Medaglia F. Mythology in transmedia storytelling. *Myths of Origins. Literary and Cultural Patterns*. Ed. by C. Lombardi, E. Di Rocco. Brill; 2024.
47. Nielsen R.K. Political communication research: New media, new challenges, and new opportunities. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2014; 30 (56).
48. Noesselt N. *Visualized Narratives: Signs, Symbols, Political Mythology in East Asia, Europe and the US*. Tectum; 2021.

49. Patterson M., Monroe K.R. Narrative in political science. *Annual Review of Political Science*. 1998; 1.
50. Ryan M.-L. Transmedia storytelling: Industry buzzword or new narrative experience? *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. 2015; 7 (2).
51. Schillemans T. The hybrid media system: Politics and power. *Public Administration*. 2014; 92 (4).
52. Schiller M. Transmedia storytelling: New practices and audiences. *Stories*. Ed. by I. Christie, A. van den Oever. Amsterdam University Press; 2018.
53. Scolari C.A. *Narrativas transmedia*. Deusto; 2013.
54. Shenhav S.R. Political narratives and political reality. *International Political Science Review.* 2006; 27 (3).
55. Sugumaran R.P. *Transmedia Storytelling and the Recalibration of Power Relationships in the Public Sphere.* Waikato Institute of Technology; 2020.
56. Towner T.L. The hybrid media system. *Social Science Computer Review.* 2014; 33 (3).
57. Vergani M. Rethinking grassroots campaigners in the digital media: The 'grassroots orchestra' in Italy. *Australian Journal of Political Science*. 2014; 49 (2).
58. Zimmerman A. Transmedia testimonio: Examining undocumented youth's political activism in the digital age. *International Journal of Communication.* 2016; 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-902-916
EDN: TYKHVC

Transmedia political narrative: Methodology of analysis and conceptual framework*

S.V. Chugrov, S.A. Kucharina

MGIMO University,
Vernadskogo Prosp. 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: s.chugrov@inno.mgimo.ru; sofiyadolganova@gmail.com)

Abstract. The transfer of the concept of "transmediality" from media theory to the field of political sociology, although undoubtedly heuristically justified, raises the methodological question of excessive metaphor and fuzziness of application. The article aims at bridging this gap by developing a clear analytical model for the study of transmedia political narratives and operationalization of related concepts. The article's methodological basis is a systematic analysis of scientific literature, theoretical modeling and an illustrative case study. The conducted study allowed the authors to present an original three-level model of the transmedia political narratives analysis. The first, ideological-mythological, level focuses on the basic plot, archetypes and key characters of the narrative. The second, media-platform, level reveals the architecture of the distribution of semantic elements through specific communication channels, in which each platform format makes a unique contribution to the revealing of the common "universe". The third, praxeological, level analyzes the audience's engagement practices — from co-creation of content to participation in rituals through which narratives materialize

* © Chugrov S.V., Kucharina S.A., 2026
The article was submitted on 05.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

in social actions. The authors' main conclusion is that the concept of transmedia political narratives provides a productive tool for analyzing contemporary ideologies that function not as rigid doctrines but as decentralized, adaptive and involving systems of meaning generation. However, application of this tool requires a consistent interdisciplinary approach that takes into account the specifics of the political field.

Key words: transmedia; political narrative; political communication; mediatization; ideology; methodology; digital public sphere

For citation: Chugrov S.V., Kucharina S.A. Transmedia political narrative: Methodology of analysis and conceptual framework. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 902–916. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-902-916 EDN: TYKHVC

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) **2026 Vol. 26 No. 3 917–929**
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-917-929
EDN: TSUZMJ

Социология на пульсе трансграничного региона: кейс Бурятии*

З.Т. Голенкова[1], Д.Д. Бадараев[2], А.Б. Цыденов[2]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

[2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ, 670047, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru; damdin80@mail.ru; tsydenovab@bsu.ru)

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию социологической науки в Республике Бурятия — регионе, расположенном в российско-монгольском трансграничье. Для приграничных с Монголией регионов характерны низкие социально-экономические и демографические показатели, застойные явления на рынке труда, широко практикуются неформальные формы занятости. Вместе с тем такие регионы обладают потенциалом для развития трансграничного сотрудничества с Монголией, выступают межцивилизационным мостом, транзитной и контактной зоной для расширения международного взаимодействия с территориями и общностями Внутренней Азии. Цель статьи — обоснование необходимости развития социологии трансграничья как научного инструмента познания социальных процессов, выражающихся в современных явлениях приграничья: задачи постоянного совершенствования теоретико-методологических и методических основ данной отрасли социологии обусловлены новыми вызовами и изменением геополитического баланса на международной арене. Представлен краткий аналитический обзор особенностей социологического сообщества Бурятии: специфика функционирования, возможности развития, проблемы и перспективы расширения сотрудничества с социологами с сопредельных территорий Монголии. Уделено внимание вопросам профессиональной подготовки социологов в образовательных и академических учреждениях региона. Полученные за шестидесятилетнюю историю становления социологической науки в регионе теоретические и практико-ориентированные наработки, профессиональный кадровый потенциал, закрепленные годами научные связи с центральными профильными научно-образовательными учреждениями, а также с исследователями из Монголии и Китая дают основания для оптимистичных прогнозов — о дальнейшем динамичном развитии социологической науки в Республике Бурятия. Делается вывод о необходимости научного познания соседствующих обществ в тесной привязке с российскими территориями, что обеспечит предотвращение конфликтов, взаимовыгодное экономическое и социокультурное сотрудничество, определение тенденций и перспектив дальнейшего развития трансграничных территорий.

*© Голенкова З.Т., Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б., 2026
Статья поступила в редакцию 11.04.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Ключевые слова: приграничье; трансграничье; социология трансграничья; социологическое образование; подготовка кадров; Республика Бурятия; Монголия

Для цитирования: *Голенкова З.Т., Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б.* Социология на пульсе трансграничного региона: кейс Бурятии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 917–929. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-917-929 EDN: TSUZMJ

Современная система рейтингования российских регионов демонстрирует разницу между ними по социально-экономическим, административно-территориальным, этнонациональным и другим показателям. Особое место в иерархической вертикали занимают регионы, имеющие приграничное положение [8]: будучи неотъемлемой частью федеративного государства и выполняя контактную, транзитную функцию в продвижении внешнеполитических интересов, приграничные регионы нередко выступают частью двуединой этнокультурной, исторической общности, обусловленной их трансграничным положением [6. С. 52]. В зависимости от «степени прозрачности и прочности» границы влияние на приграничные общества извне выражается в разных направлениях международного взаимодействия — начиная от транспортных, товарно-денежных и людских потоков и завершая языковыми диалектами, социокультурными связями и совместными международными проектами [16]. В условиях геополитической и социально-экономической нестабильности такие формы взаимодействий претерпевают количественно-качественные преобразования, активизируются в зависимости от возникающего запроса на имеющиеся у сторон ресурсы и общественные блага [11]. Такой «статус» приковывает внимание ученых к этой общности и трансграничной территории, требующей особого исследовательского подхода.

Приграничные регионы выступают структурными элементами трансграничного региона, но на данный момент отсутствует общепринятое определение трансграничности. Наиболее точное, на наш взгляд, определение таково: трансграничье «охватывает части территорий двух или нескольких соседних стран… характеризуется определенным единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций» [5. С. 110].

Специфические особенности Бурятии как трансграничного региона проявляются, в первую очередь, в географическом положении и историческом контексте взаимодействия с Монголией и Китаем. Исторически сложившиеся в имперский период торговые пути и культурные связи между Бурятией и Монголией, их трансформация в советский и постсоветский периоды продолжают играть ключевую роль в межстрановых отношениях. Наиболее очевидный признак трансграничного региона —

этнокультурное многообразие, которое формировалось на протяжении нескольких веков. В современных условиях представляется важным влияние бурятского, русского и других этносов на формирование уникальной социокультурной среды региона. Актуальную исследовательскую повестку формируют многолетние дискуссии в широких слоях региональной общественности относительно сохранения и развития бурятского языка и культуры в условиях близости к Монголии. Вызывают интерес экономические аспекты трансграничности, связанные с ролью приграничной торговли, туризма, инвестиций и миграции в экономике Бурятии. Еще не получило должного академического внимания развитие туризма на Байкале как фактор привлечения иностранных туристов (преимущественно из Китая); роль малого и среднего бизнеса в приграничной торговле с Монголией и др.

Вслед за трансформационными реформами постсоциалистического периода на российско-монгольском трансграничье сохраняют актуальность уже ставшие постоянными социальные проблемы, связанные с уровнем и качеством жизни населения, миграцией, поляризацией и дифференциацией общества [13. С. 304, 339]. Несмотря на инертность региональных рынков труда в социальной структуре трансграничных обществ проявляются ранее слабоизученные социальные слои и группы (прекариат, салариат, IT-специалисты, самозанятые, охранники и фрилансеры), меняется социальное самочувствие населения, особенно в контексте сопоставления возрастных и социально-демографических групп, миграционные процессы сохраняют центростремительный характер [10]. В условиях новых вызовов адаптационные механизмы населения связаны с проявлениями у приграничных народов элементов неотрадиционализма — наблюдается активное возрождение традиционных ценностей, религиозных верований и хозяйственных практик [2. С. 102].

Детерминантами обозначенных разноаспектных процессов выступают: общее невысокое социально-экономическое положение большинства населения, активная цифровизация общества, продолжающийся технологический прогресс человечества, расширяющиеся возможности туристических поездок. В то же время можно констатировать на местах характерные для глокализации социальные явления и события, а геополитические реалии ставят мир и региональные общества перед серьезными вызовами современности. Финансово-экономические кризисы, совмещенные с пандемийными ограничениями и санкционной политикой ряда стран, специальная военная операция не могут не отражаться на жизнедеятельности граждан и их социальном самочувствии. Все больше актуализируется роль социальной политики государства и ее инструментов — социальной защиты населения и социальной работы, а также социологии как особой отрасли познания современных социальных процессов.

Граница как особый маркер и зона взаимодействия народов и культур выполняет не только разъединяющую, но и объединяющую функцию. В последнее десятилетие Россия и Монголия активно обсуждают проекты экономических коридоров, энергетического сотрудничества, туристических кластеров, взаимодействия бизнес-структур и развития народной дипломатии [7; 9. С. 167–170; 12; 16]. Приграничные регионы, подобные Бурятии, традиционно выполняют функцию межцивилизационного моста и транзитной зоны. Особая роль уделяется трансформации системы образования — ввиду переформатирования геополитической картины мира и усиления конкуренции между ведущими державами в применении технологий и методов «мягкой силы» [15].

Как одна из востребованных отраслей межстрановых исследований, использующих компаративистские принципы анализа, социология трансграничья — своевременный и востребованный научный инструмент познания широких социальных процессов, выражающихся в явлениях приграничья по обе стороны границы, требующих выявления закономерностей своего становления, развития и функционирования [3. С. 25]. Социологическое изучение трансграничных регионов, таких как Бурятия, имеет огромное значение для понимания сложных процессов, происходящих на стыке культур, экономик и государств. Комплексный анализ, основанный на современных социологических методах, позволяет выявлять как возможности, так и вызовы, связанные с трансграничностью, и разрабатывать эффективные стратегии для устойчивого развития региона и укрепления его социальной стабильности. Бурятия — важный кейс, демонстрирующий, как социология может помочь навигации в динамичном и многогранном мире пограничных пространств.

Принимая во внимание множественность подходов в теоретической и практической социологии, исследования в трансграничных обществах целесообразно проводить с учетом комплекса факторов, влияющих на общество и его структурные элементы. При этом важно соблюдать основные научные принципы социологического исследования: синхронизации, объективности, валидности и надежности. Применение аналогичных методик позволяет адекватно сравнивать и производить сопоставительное изучение рассматриваемых обществ. В этом плане трансформацию территорий, вызванную переходным периодом с характерным комплексом факторов, в условиях российско-монгольского трансграничья можно рассмотреть с позиции компаративизма [2. С. 60].

Тематика трансграничья междисциплинарна, соответственно, социологические исследовательские инициативы должны разворачиваться исходя из проблематики и теоретических основ изучения трансграничных регионов. Так, *концепция пограничья* определяет трансграничный регион как «пограничье» (borderland) — территорию, где происходит взаимодействие

и взаимопроникновение разных социокультурных систем. В рамках данной концепции важнейшее значение имеет изучение особенностей идентичности, ценностных ориентаций и социальных практик населения, проживающего в пограничных зонах. *Теория культурной ассимиляции и аккультурации* подразумевает анализ процессов культурного обмена, адаптации и возможной ассимиляции под влиянием соседних культур. *Социология регионального развития* предполагает изучение влияния трансграничных связей на социально-экономическое развитие региона, формирования новых экономических ниш и социальных институтов. Немаловажное значение имеет анализ становления и функционирования *транснациональных сообществ*, объединяющих людей по обе стороны границы (например, по этническому или родственному признаку). На этой теоретической основе можно обозначить некоторые ключевые социологические проблемы трансграничного региона на примере Бурятии: формирование региональной и трансграничной идентичности; социальная напряженность и межэтнические отношения; трансграничная миграция и ее последствия; влияние глобализации и соседних экономик; развитие социальной инфраструктуры в условиях трансграничности и т.д.

Современные геополитические и модернизационные вызовы обуславливают необходимость постоянного развития социологического направления в регионе в целях разрешения общих для современной российской науки и частных для региональной социологии проблем. Для сохранения преемственности и полноценного продолжения исследовательских инициатив особое значение имеет подготовка квалифицированных кадров в области трансграничья и сравнительной социологии в образовательных и академических учреждениях региона с дальнейшим трудоустройством по полученной специальности.

Основы бурятской социологической школы были заложены еще в 1965 году как результат развития социологии в советском государстве — в свое время она дала мощный импульс развития региональным социологическим школам по всей стране. За более чем полувековую историю из небольшой социологической группы численностью в несколько человек бурятское социологическое сообщество разрослось до нескольких профессиональных коллективов, представляющих крупные академические и образовательные учреждения региона. На начальном этапе бурятские социологи занимались эмпирическими исследованиями по заказу органов региональной власти с целью выработки практических рекомендаций по улучшению социальной и политической жизни в регионе. В процессе исследовательской работы социологи шаг за шагом осваивали специфические методы и приемы массовых эмпирических наблюдений, основы теории и методологии новой науки. Становление и развитие социологии в Бурятии связано

с такими именами, как Д.Д. Лубсанов, Ю.Б. Рандалов, И.И. Осинский, В.И. Затеев, Э.Д. Дагбаев, Ц.Б. Будаева, Э.О. Доболова, Л.К. Санхядова, А.Л. Цыденова, Е.Г. Харитонова, Л.В. Бадмаева и др. [4. С. 15].

Следующий этап развития социологии в Бурятии относится к 1990-м годам, когда общественный запрос в переходный период был вызван необходимостью изучения социальной стратификации и мобильности в региональном обществе, актуализировались и социально-политические исследования. В 2000-е годы не теряли актуальность проблемы трансформации социальной структуры населения региона. С 2010-х годов тема трансграничья получила системное развитие, в фокусе внимания оказалась не только вся этническая Бурятия, но и национальные республики Сибири — Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), а также сопредельные Монголия и Автономный район Внутренняя Монголия КНР [3. С. 27]. При изучении широкого пласта социально-экономических и культурно-цивилизационных процессов и явлений в пространстве Внутренней и Центральной Азии становится очевидным потенциал развития социологии трансграничья как перспективного научного направления в региональной и российской социологии.

Большая лепта вносится социологическими группами профессорско-преподавательских составов вузов и академических институтов Республики — подготовка научно-образовательных кадров для высшей школы, социально-гуманитарных отраслей региона и органов власти Республики. Коллективы социологов трудятся в ИМБТ СО РАН, в каждом из четырех государственных вузов (БГУ, ВСГУТУ, БГСХА, ВСГИК) функционируют кафедры с профессиональными социологами, преподающими дисциплины по гуманитарным и общественным наукам. В среднеспециальных и средних общеобразовательных учреждениях также ведут педагогическую работу остепененные социологи.

Региональная власть нередко заказывает социологические исследования представителям научных и образовательных учреждений региона и активно использует полученные результаты в своей административно-управленческой деятельности. Тематика хоздоговорных исследований в основном связана с межнациональными и межконфессиональными отношениями, современной языковой ситуацией, состоянием систем здравоохранения, образования и социальной защиты населения и т. д. В октябре 2025 года отметил пятилетний юбилей созданный при Правительстве Республики Бурятия Центр управления регионом (ЦУР), в котором также работают социологи (1). ЦУР, выступая эффективным инструментом взаимодействия государственных органов власти и общества, выполняет такие важные задачи, как мониторинг и аналитика жалоб и обращений граждан, поступающих в социальных сетях и через платформу обратной связи, обеспечение межведомственного и межуровневого взаимодействия органов власти, а также создание «тепловой карты» проблем.

В составе Бурятского регионального отделения Российского общества социологов (РОС) зарегистрировано более 40 человек. Социологи региона активно включаются в работу форумов, съездов и конгрессов как по социологии, так и по смежным наукам — востоковедению, монголоведению, политологии, этнологии, где выступают со своими наработками по социальным проблемам трансграничья. В последние несколько лет социологи вовлечены в деятельность Российского общества «Знание» — их лекции неоднократно признавались лучшими не только в республике, но и за ее пределами (2). Периодически организовываются выезды лекторов на федеральные площадки для участия в конкурсах Российского общества «Знание».

В Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова кафедра политологии и социологии на протяжении более чем двадцати лет осуществляет подготовку бакалавров по направлению «Социология», а также кадров высшей школы в аспирантуре. Кафедра ежегодно проводит Всероссийскую научно-практическую конференцию «Современное развитие регионов России: политические, социальные и экономические аспекты» [3]. Кроме базовой кафедры по социологии стабильным поставщиком кадров для высшей школы региона выступает кафедра теории социальной работы Бурятского государственного университета: социальные работники, именуемые «добрыми социологами», обучаются по программам бакалавриата и магистратуры, в период обучения проходят фундаментальную подготовку по проведению социологических исследований по актуальным социальным проблемам в республике и соседних регионах, социальному проектированию, анализу и мониторингу в социальной сфере в региональном аспекте. Кафедра — основной организатор ежегодной Международной научно-практической конференции «Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях», приуроченной ко Дню социального работника России — 8 июня [1]. Мероприятие стало традиционным событием для профессионального сообщества социальных работников и социологов, а также практикующих специалистов из системы социальной защиты населения из разных регионов страны, а также из Монголии, Китая и Казахстана.

Подготовка профессиональных социологов в аспирантуре организована в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). Социологи Института регулярно проводят научные мероприятия с привлечением ведущих социологов, представляющих исследовательские центры страны, а также академические и образовательные учреждения Монголии. К числу важнейших событий в социологическом сообществе следует отнести Международную научную конференцию «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке» и Байкальскую летнюю школу социологов, проведенные в 2018 и 2024 годы [3; 14]. Проведение столь масштабных

мероприятий стало возможным благодаря сотрудничеству ИМБТ СО РАН с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН (ФНИСЦ РАН), Институтом востоковедения РАН, Институтом философии Академии наук Монголии, Бурятским государственным университетом, Дальневосточным федеральным университетом и поддержке со стороны Российского общества социологов, Российского фонда фундаментальных исследований (2018) и Российского общества «Знание» (2024). Ведущими приглашенными лекторами Байкальской летней школы социологов стали признанные ученые из Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва) — Ю.А. Зубок, З.Т. Голенкова, А.С. Железняков, Института философии и права (Новосибирск) — Ю.В. Попков, Института философии Академии наук Монголии (Улан-Батор) — Ц. Цэцэнбилэг и многие другие ученые-исследователи и преподаватели из академических и образовательных учреждений регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Аналогичное мероприятие намечено на 3–8 августа 2026 года уже под новым названием «Байкальский социологический форум». В рамках форума запланировано проведение III Международной научно-практической конференции «Трансграничье Востока России в условиях современных вызовов», посвященной шестилетию сектора социологии ИМБТ СО РАН и тридцатипятилетию кафедры политологии и социологии БГУ, а также «Байкальской летней школы социологов». Формат таких мероприятий позволяет решать значимые исследовательские задачи. Главная цель мероприятий – актуализация дискуссионных вопросов и активизация академического и образовательного сотрудничества научных центров России, Монголии и Китая в области изучения цивилизационного развития и современных процессов модернизации в социальном, политическом, экономическом и культурном аспектах. В рамках Байкальской летней школы социологов – совместного проекта ИМБТ СО РАН и ФНИСЦ РАН – предполагается проведение лекций, обучающих занятий, консультаций и тренингов ведущих специалистов-социологов; организация дискуссионной площадки для обсуждения актуальных научных проблем цивилизационного развития, модернизации, современных российско-монгольско-китайских отношений, прогнозирования и моделирования политических, экономических и социокультурных процессов в трансграничье России, Монголии и Китая.

Уже более тридцати лет в Бурятском государственном университете с небольшими перерывами функционирует диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора социологических наук по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы». Диссовет под председательством известного в регионе и далеко за его пределами ученого, доктора философских наук, профессора И.И. Осинского выпустил плеяду остепененных социологов, пополнивших научные и образовательные кадры Сибири, Дальнего Востока,

Монголии и КНР. Социологи региона посвящают свои научные изыскания проблемам трансграничного региона, занимаются комплексным изучением сопредельных обществ Монголии и КНР, имеющих с трансграничными российскими регионами как общие, так и отличительные особенности по этническим, хозяйственно-бытовым, культурно-цивилизационным и духовно-религиозным основаниям. В республике издаются два периодических научных издания, имеющих специальные рубрики по социологии: «Восточный вектор: история, общество, государство» (3) при БГУ и «Восточный азимут: экономика, социология, этнология» (4) при ИМБТ СО РАН.

Возможности для дальнейшего развития социологии трансграничья в Бурятии достаточно благоприятны ввиду многолетнего научно-исследовательского задела, сложившейся региональной социологической школы и подготовленных за несколько десятилетий профессиональных кадров. Развивается сотрудничество с ведущими академическими учреждениями страны, в частности, в лице ФНИСЦ РАН, объединяющего центральные профильные социологические учреждения страны и филиалы в ряде регионов. Социологи Бурятии находятся в тесном контакте с монгольскими и китайскими социологами, между учреждениями заключены долгосрочные соглашения о сотрудничестве: реализуются совместные исследовательские проекты, периодически проводятся научные мероприятия, обсуждаются методологические вопросы современных исследований. Такое взаимодействие позволяет региональным социологам быть в постоянном тонусе и совершенствовать профессиональные навыки.

В качестве важнейших проблем, непосредственно касающихся социологического образования и науки региона, следует назвать: низкую заработную плату преподавателей и научных сотрудников; ограниченные возможности для повышения квалификации социологов; нежелание современной молодежи и выпускников вузов заниматься наукой и преподаванием; малое количество поддерживаемых грантовых проектов по социологическим темам; небольшое количество защит диссертаций, что связано с реформами в системе профессионального образования и требованиями к качеству работ для соискателей ученых степеней; сокращение количества региональных диссертационных советов по социологическим наукам; неразвитое сотрудничество с социологами из соседних стран и т.д. В условиях новых глобальных вызовов трансграничному региону имеет смысл финансировать программы приглашения ведущих ученых из сопредельных государств, проведения взаимных стажировок с исследователями и преподавателями из Монголии и Китая, организации совместных студенческих практик в социологических центрах, конференций, симпозиумов, семинаров и форумов. Открытие Центров социологического мониторинга в Улан-Удэ (Бурятия), Улан-Баторе (Монголия) и Хух-Хото (КНР) позволило бы трансграничным территориям создать систему единой информационной (социологической) базы, данные

которой могут активно применяться в деятельности органов власти, академических структур, образовательных учреждений федерального и регионального уровня.

К значимым перспективам продвижения социологии трансграничья можно отнести: развитие трансграничного сотрудничества, что предполагает поиск путей углубления позитивных аспектов трансграничного взаимодействия (экономического, культурного, научного) при минимизации рисков; формирование позитивной региональной идентичности — укрепление чувства принадлежности к Бурятии и России, учитывая при этом их уникальное положение; совершенствование миграционной политики — разработка эффективных механизмов адаптации и интеграции мигрантов с учетом интересов местного населения; поддержка межкультурного диалога — стимулирование программ, направленных на взаимное понимание и уважение этнических и культурных групп; систематические социологические исследования социокультурных и социально-экономических процессов в Бурятии для своевременного выявления проблем и выработки адекватных решений. В целом в условиях геополитической турбулентности актуализируется задача расширения методологической базы сравнительных и этносоциальных исследований, развития сети международного и внутрироссийского сотрудничества с крупными социологическими центрами и расширения горизонтальных связей с региональными центрами. Постоянное взаимодействие с органами государственной и региональной власти позволит социологическому сообществу региона представлять новые научно-обоснованные разработки и комплексные рекомендации для эффективного разрешения проблем регионального общества.

Таким образом, социологическое изучение трансграничных регионов, таких как Бурятия, имеет огромное значение для понимания сложных процессов, происходящих на стыке культур, экономик и государств. Комплексный анализ, основанный на современных социологических методах, позволяет выявлять как возможности, так и вызовы, связанные с трансграничностью, и разрабатывать эффективные стратегии для устойчивого развития региона. Концептуальное закрепление теоретико-методологических основ социологии трансграничья позволит применять ее инструменты в изучении и сопредельных обществ: научное познание соседствующих с российскими территориями обществ может дать ответы на многие актуальные вопросы, а учет специфических особенностей сопредельных обществ позволит обеспечить мирное сосуществование, взаимовыгодное экономическое и социокультурное сотрудничество и развитие народной дипломатии.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания. Проект № 125091010220–3 «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации».

Примечания

(1) В Бурятии заработал Центр управления регионом. 21.11.2020. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=79866.
(2) В Бурятии поделились итогами реализации регионального проекта Российского общества «Знание». URL: https://znanierussia.ru/news/v-buryatii-podelilis-itogami-realizacii-regionalnogo-proekta-obshestva-znanie.
(3) Научные журналы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова: «Восточный вектор: история, общество, государство». URL: https://journals.bsu.ru/journals/vvector/?issues&rus.
(4) «Восточный азимут: экономика, социология, этнология». URL: https://azimut-orientale.ru.

Библиографический список

1. *Антонова Н.С., Бадараев Д.Д, Бадонов А.М.* Обсуждение вопросов социальной безопасности и социальной защиты населения в современных условиях // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1.
2. *Бадараев Д.Д.* Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений / отв. ред. З.Т. Голенкова. Улан-Удэ, 2025.
3. *Бадараев Д.Д., Жалсанова В.Г.* Социология трансграничья: вызовы и возможности развития в Бурятии // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке и современное развитие регионов России / отв. ред. Д.Д. Бадараев, Т.Б. Бадмацыренов. Улан-Удэ, 2024.
4. Жизнь, отданная науке: биобиблиографический указатель к 90-летию со дня рождения профессора Ю.Б. Рандалова / сост. А.В. Бильтрикова, Л.Л. Кушнарева, Е.А. Кузьмина; отв. ред. Д.Д. Бадараев. Иркутск, 2022.
5. *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5.
6. *Кучинская Т.Н.* Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. 2012. № 11.
7. Меж трех соседей: внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии / науч. ред. В.А. Родионов. Улан-Удэ, 2018.
8. *Михалев М.С.* Засечная черта внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М., 2023.
9. Мягкая сила в российско-монгольских отношениях / отв. ред. В.А. Родионов. Иркутск, 2022.
10. Неформальная занятость в России и Монголии в современных условиях / науч. ред. З.Т. Голенкова, отв. ред. Д.Д. Бадараев. Улан-Удэ, 2023.
11. *Родионов В.А.* Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ, 2018.
12. Россия и Монголия в XX–XXI вв. : к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021.
13. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура и современное общество / отв. ред. М.Н. Балдано; науч. ред. П.К. Варнавский. Иркутск, 2024.
14. Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в. / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2018.
15. Трансформация системы образования стран Северо-Восточной Азии / под общ. ред. А.В. Дамдинова. Иркутск, 2024.
16. Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: дорожная карта / отв. ред. Б.В. Базаров, Ян Ченьхуа. Улан-Удэ, 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-917-929
EDN: TSUZMJ

Sociology on the pulse of the cross-border region: The case of Buryatia*

Z.T. Golenkova[1], D.D. Badaraev[2], A.B. Tsydenov[2]

[1]Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

[2]Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Sakhyanovoy St., 8, Ulan-Ude, 670047, Russia

(e-mail: golenko@isras.ru; damdin80@mail.ru; tsydenovab@bsu.ru)

Abstract. The article considers the development of sociology in the Republic of Buryatia, a region situated in the Russian Mongolian borderlands. Regions bordering Mongolia are characterized by low social-economic and demographic indicators, labor market stagnation, and widespread informal employment. At the same time, these regions possess the potential for cross-border cooperation with Mongolia, serving as a bridge between civilizations and acting as transit and contact zones for expanding international interaction with territories and communities of Inner Asia. The authors explain the need to develop sociology of borderlands as a scientific tool for understanding social processes typical for contemporary borderlands and to continue refining theoretical and methodological foundations of this sociological discipline under new challenges and shifts in the geopolitical balance on the international stage. The article presents a brief analytical overview of Buryatia's sociological community — its functioning, development opportunities, challenges and prospects for expanding cooperation with sociologists from neighboring Mongolian territories. The authors also consider professional training of sociologists at the region's educational and academic institutions. The theoretical and practical insights over the sixty-year history of sociology in the region, the available professional expertise and long-standing scientific ties with leading specialized research and educational institutions and with researchers from Mongolia and China provide grounds for an optimistic scenario of the continued dynamic development of sociology in the Republic of Buryatia. The authors believe that it is necessary to scientifically study neighboring societies in order to prevent conflicts, foster mutually beneficial economic and social-cultural cooperation, identify trends and prospects for the future development of cross-border regions.

Key words: borderland; cross-border; sociology of cross-border; sociological education; personnel training; Republic of Buryatia; Mongolia

For citation: Golenkova Z.T., Badaraev D.D., Tsydenov A.B. Sociology on the pulse of the cross-border region: The case of Buryatia. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 917–929. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-917-929 EDN: TSUZMJ

Funding
The article was prepared as part of the government assignment. Project No. 125091010220–3 "Russia, Mongolia and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities and Sociocultural Communications".

*© Z.T. Golenkova, D.D. Badaraev, A.B. Tsydenov, 2026
The article was submitted on 11.04.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Antonova N.S., Badaraev D.D, Badonov A.M. Obsuzhdenie voprosov sotsialnoy bezopasnosti i sotsialnoy zashchity naseleniya v sovremennyh usloviyah [Discussing issues of social security and social protection of the population in contemporary conditions]. *Vestnik Instituta Sotsiologii.* 2021; 12 (1). (In Russ.).
2. Badaraev D.D. *Rossiysko-mongolskoe transgranichye: strukturnye i etnokulturnye osobennosti sotsialnyh izmeneniy* [Russian Mongolian Borderland: Structural and Ethnocultural Features of Social Changes]. Ed. by Z.T. Golenkova. Ulan-Ude; 2025. (In Russ.).
3. Badaraev D.D., Zhalsanova V.G. Sotsiologiya transgranichya: vyzovy i vozmozhnosti razvitiya v Buryatii [Sociology of borderland: Challenges and development opportunities in Buryatia]. *Sotsialnye i politicheskie vyzovy modernizatsii v XXI veke i sovremennoe razvitie regionov Rossii.* Ed. by D.D. Badaraev, T.B. Badmatsyrenov. Ulan-Ude; 2024. (In Russ.).
4. *Zhizn, otdannaya nauke: biobibliograficheskiy ukazatel k 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora Yu.B. Randalova* [Life Dedicated to Science: A Biobibliographical Index to the 90th Anniversary of Professor Yu.B. Randalov]. Comp. by A.V. Biltrikova, L.L. Kushnareva, E.A. Kuzmina; ed. by D.D. Badarav. Irkutsk; 2022. (In Russ.).
5. Kolosov V.A., Turovsky R.F. Sovremennye gosudarstvennye granitsy: novye funktsii v usloviyah integratsii i prigranichnoe sotrudnichestvo [Contemporary state borders: New functions under integration and cross-border cooperation]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 1997; 5. (In Russ.).
6. Kuchinskaya T.N. Transgranichye kak potentsialnoe prostranstvo sorazvitiya Rossii i Kitaya [Trans-border region as a potential space for the co-development of Russia and China]. *Rossiya i Kitay: Problemy Strategicheskogo Vzaimodeystviya*. 2012; 11. (In Russ.).
7. *Mezh treh sosedey: vneshnie faktory politicheskogo protsessa v postsotsialisticheskoy Mongolii* [Between Three Neighbors: External Factors of Political Process in Post-Socialist Mongolia]. Ed. by V.A. Rodionov. Ulan-Ude; 2018. (In Russ.).
8. Mikhalev M.S. *Zasechnaya cherta vnutrenney Azii: Yuzhnaya Sibir i evraziyskaya integratsiya* [Defensive Line of Inner Asia: Southern Siberia and Eurasian Integration]. Moscow; 2023. (In Russ.).
9. *Myagkaya sila v rossiysko-mongolskih otnosheniyah* [Soft Power in Russian Mongolian Relations]. Ed. by V.A. Rodionov. Irkutsk; 2022. (In Russ.).
10. *Neformalnaya zanyatost v Rossii i Mongolii v sovremennyh usloviyah* [Informal Employment in Russia and Mongolia in Contemporary Conditions]. Ed. by Z.T. Golenkova, D.D. Badaraev. Ulan-Ude; 2023. (In Russ.).
11. Rodionov V.A. *Politichesky protsess v Mongolii v usloviyah postsotsialisticheskoy transformatsii* [Political Process in Mongolia under Post-Socialist Transformation]. Ulan-Ude; 2018. (In Russ.).
12. *Rossiya i Mongoliya v XX–XXI vv.: k 100-letiyu mongolskoy revolyutsii i ustanovleniya diplomaticheskih otnosheniy* [Russia and Mongolia in the 20th–21st Centuries: To the Centenary of the Mongolian Revolution and Establishment of Diplomatic Relations]. Novosibirsk; 2021. (In Russ.).
13. *Transgranichye Rossii, Mongolii i Kitaya: istoriya, kultura i sovremennoe obshchestvo* [Russia-Mongolia-China Borderlands: History, Culture, and Contemporary Society]. Ed. by M.N. Baldano, P.K. Varnavsky. Irkutsk; 2024. (In Russ.).
14. *Sotsialnye i politicheskie vyzovy modernizatsii v XXI v.* [Social and Political Challenges of Modernization in the 21st Century]. Ed. by B.V. Bazarov. Ulan-Ude; 2018. (In Russ.).
15. *Transformatsiya sistemy obrazovaniya stran Severo-Vostochnoy Azii* [Transformation of Education Systems in Northeast Asian Countries]. Ed. by A.V. Damdinova. Irkutsk; 2024. (In Russ.).
16. *Ekonomichesky koridor Kitay-Mongoliya-Rossiya: dorozhnaya karta* [China-Mongolia-Russia Economic Corridor: A Roadmap]. Ed. by B.V. Bazarov, Yan Chenhua. Ulan-Ude; 2017. (In Russ.)

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 930–947
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-930-947
EDN: TEMNBY

Child of its time: The potential of the Escalating Actions Structural Theory in explaining family-demographic macro-trends*

O.L. Chernozub[1], M.L. Belonozhko[2], V.V. Fedorov[3]

[1]Rosatom State Corporation,
Bolshaya Ordynka St., 24, Moscow, 119017, Russia

[2]Industrial University of Tyumen,
Volodarskogo St., 38, Tyumen, 625000, Russia

[3]VCIOM,
Prechistenka St., 38, Moscow, 119034, Russia

(e-mail: OLChernozub@rosatom.ru; belonozhkoml@tyuiu.ru; fedorov@wciom.com)

Abstract. The Escalating Actions Structural Theory (EAST) considers social action as an outcome of the interplay between implicit and explicit driving forces within the process of action escalation. Two primary forms of this escalation outcome are "prescribed" and "deliberate" actions. The former implies more or less unconscious use of pre-existing behavioral patterns, access to which depends on the actor's experience; the latter implies conscious elaboration of a course of action adapted to the situation, which depends on the actor's potential in reasoning. Thus, two distinct domains of social experience and cultural capital compete for control over escalation process and resulting actions. The article presents the findings from the test of the EAST's ability to distinguish between social groups and behavioral domains based on the balance between prescribed and intentional actions. The study is based on the empirical data on family formation practices — marriage and cohabitation — in Russia over the past seventy years. Adoption patterns for cohabitation culture versus marriage differ between men and women: unlike men, women have not yet developed an effective culture of cohabitation. Two domains differ in dynamics of cultural regulators, providing examples of both cultural rise (intentional actions predominate under the practice's expansion) and decline (prescribed actions prevail under the practice's contraction). The study confirmed the hypothesis that social actions resulting in the same outcome but following different escalation trajectories tend to have different social consequences. In both marriage and cohabitation, a prescribed course of action fosters a more effective partnership — one that endures longer and results in more children. Thus, as an effective culture of cohabitation develops among women, this practice will become more socially productive, leading to longer-lasting unions and more children.

Key words: social action; cultural evolution theory; dual process framework and model; prescribed action; deliberate action; sociology of family; marriage; cohabitation; Escalating Actions Structural Theory (EAST)

---

* © Chernozub O.L., Belonozhko M.L., Fedorov V.V., 2026
The article was submitted on 08.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

For citation: Chernozub O.L., Belonozhko M.L., Fedorov V.V. Child of its time: The potential of the Escalating Actions Structural Theory in explaining family-demographic macro-trends. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 930–947. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-930-947 EDN: TEMNBY

This study aims at testing the ability of the Escalating Actions Structural Theory (EAST) to explain social groups behavior within specific domains by dynamics of their cultural norms, in particular, whether the EAST is able to differentiate (a) social groups and (b) behavior domains by the structure of behaviors' main cultural regulators, explaining such structure dynamics over time. The EAST considers social action as an output of controversial interaction of implicit (uncontrollable and unconscious) versus explicit (controllable and conscious) forms of cultural regulation of behavior and differentiates actions by their trajectories within the action's escalation process. These trajectories set up "structural types" of action, and shares of different structural types in population behaviors are assumed to be a substantive feature of social groups, behavioral domains and cultural norms systems.

General rationale to explore this sphere arises from the fact that social actions are performed both consciously and unconsciously, while their motives and reasons are frequently inconsistent, and actors are normally unaware of real forces guiding their social behaviors. Responding to this "quest to find new analytical or methodological tools to explicate social action", sociologists turned to the dual-process models developed by cognitive and social psychologists [28. P. 169]. From the "dual-process" perspective, actions should be explained not only by conscious, declarative knowledge, but also by acquired social experience stored in ready-to-use cognitive schemas and accessible through automatic cognition (Type 1 data processing). It is assumed that deliberate cognition (Type 2 data processing) prompts action when Type 1 data processing proves ineffective (fails to reply to the external conditions of action). These two cognitive processes constitute the Dual-Process Model (DPM) [18].

Within a broader sociological framework, this approach is rooted in American pragmatism theories [17; 30], being further disciplinary articulated by Bourdieu's habitus concept [5; 6], Collins' ritual chains theory [12], Giddens' structuration theory [25], and Swidler "tool kit" model [39; 40]. Later DiMaggio called to pay special attention to the DPM as a potentially powerful explanation of social actions. Vaisey suggested the very first scheme of adapting the DPM for sociological needs, and them attention to this approach has grown exponentially [29. P. 288] and many approaches and models have been developed, mainly in sociology of culture [8; 15; 19; 20; 29; 38; 42; 43].

There are several conceptualizations of the main fields of potentially productive allocation of the dual process framework (DPF) as a general methodological approach, unlike the DPMs as particular models that could be quite

different in cognitive science and sociology [29]. In 2019, Leschziner mentioned two directions of such application: "cognitive processing as explanans" direction does not study the dual process but focuses on its output's impact on social actions (almost unexplored field for sociology, these studies primarily identify and explain implicit, uncontrollable and unconscious, Type 1 factors effects); "context and cognitive processing in action" direction studies the interactions of Type 1 and Type 2 processes, focusing on how environmental and social contexts affect and control the action [14; 18; 21; 35; 43]. In 2025, Devyatko proposed an alternative classification of the DPF implications: integration of theories of moral judgments and norms adoption; development of quantitative sociological measurements, which looks more promising for diagnosing implicit factors than in-depth interview and other qualitative methods [16].

We use the epistemological model of Lizardo and co-authors, who suggested to apply the DPF to the holistic process of enculturation, dividing this process into four stages — acquisition, storage, processing, and use of culture [29. P. 291]. For each stage, they proposed a sociological (cultural) interpretation of Type 1 and Type 2 factors and the stage-specific form of their interaction. The most problematic is the fourth stage of using culture due to the lack of diagnostic instruments for linking the output of culture processing with real social action. That is why most studies consider intention as a relatively close proxy for real action: "cultural analysts very often rely on data that get at (usually indirectly) culture in thinking and then attempt (with mixed success) to theoretically extend arguments to culture in action; this is an analytic move — the data themselves are not data of action" [29. P. 299]. However, accepting the output of culture processing instead of real action as a final point of analysis lead to a Parsonian bias (only "reasoned" action is defined as action, which is too far from reality).

In fact, Type 2 processes "implicate culture in action via intentional, controlled, and effortful mechanisms premised on planning and goal setting prior to action. This ideal type aligns with Parsonian models wherein actors are reflexively aware of reasoning in the process of execution and the specific intentions of action" [1. P. 7]; these models are also consistent with "bounded" rational action approaches popular in sociology [27]. Alternatively, Type 1 processes involve culture in action via the automatic eliciting of action schemata durably (through repeated past experiences in Type 1 cultural learning) associated with the perception of affordances in situation [6]. This culture in action process is generally unreflective (although it could become conscious) and relatively effortless [29. P. 300].

The EAST should be classified as a synthetic model by Leschziner, a quantitative DPM instrument according to Deviatko, and "use-of-culture" DPM model of escalating action according to Lizardo and colleagues. Leaving aside numerous discussions of the "true" nature and "correct" naming of both types of behavioral factors [37], the EAST differentiates Type 1 "implicit" ones, which

are deeply interiorized forms of social experience, conceptualized as dispositions. They are elicited automatically and affect behavior in uncontrollable way through a priori prescriptions to act in some specific way. In contrast, Type 2 "explicit" factors are output of more or less controllable reasoning over prospective action. The EAST suggests that both types of factors have their own nature and should be studied with specific measuring and analytical instruments. Within escalation, two types of factors compete for control over action, which results in a specific "structural type" of action with the following trajectory: stimulus to act — initial attitude (action program) — initial intention — intervening reasoning — revised attitude (action program) — revised intention — actual action. The balance of both factors' influence (composition of typical structural types) denotes specifics of (a) social group, (b) behavioral domain, and (c) cultural norms regulating behavior of the group within the domain [10].

To test the EAST potential to differentiate social phenomena based on the specifics of their behavior escalation, we chose the behavioral domain of romantic partnership, in which men and women will act as different social groups, while formal marriage and cohabitation will serve as markers of different types of cultural control over the given behavior.

In Judeo-Christian cultures, marriage is regarded as a formal union of two partners, while cohabitation refers to a couple that lives together but not married or in a civil partnership [13]. Cohabitation is increasingly widespread, with more couples choosing to cohabitate before or instead of marriage. Even if couples cohabit together for a variety of reasons — from testing compatibility to cutting expenses, this trend undoubtedly reflects evolving values of relationships and commitments [31; 32]. Some scholars argue that cultural recognition of nonmarital cohabitation influences relationship outcomes [3]: reliable markers of cultural acceptability — relationship duration or number of children; however, individual reasons are as far more influential factor [41].

This is consistent with the commitment theory [36] which distinguishes between commitments based on internal factors (i.e., dedication) and external factors (i.e., constraint commitment). That is, relationship-driven reasons correspond to dedication, while event-driven reasons — constraint commitment. Commitment theory and family studies show that it is useful to distinguish between internal and external reasons for marriage or cohabitation: internal causes are positively related to relationship quality, while external causes — negatively [31; 32; 42].

In our study, we will test another aspect of the potential factors of partnership: whether cultural adoption affects the effectiveness of marriage versus cohabitation, and what is the intensity of this cultural impact, if any. Markers for the grade of this adoption will be combinations of the EAST structural types of actions. According to the DPF, a higher share of prescribed actions will indicate relatively high level of cultural acceptability and higher adequacy of corresponding cultural norms to actual behavior. Higher level of deliberate actions will mean inadequacy

of cultural norms to most behavioral situations and cultural unacceptability of the given form of behavior. The reliable markers of cultural adoption's impact can be relationships' duration and number of children. Better adopted forms of behavior are anticipated to be more productive: the first marker will represent primarily individually, while the second — socially significant output of romantic partnership.

Our main hypotheses are as follows: **H0**. Proxy form of the EAST method to diagnose structural type of action is effective in this role; associations with control variables of self — assessment reasoning intensity and cultural capital level of development will be statistically-significant. **H1**. Social groups (men and women) will differ in the composition of structural types of action. **H2**. Behavioral domains of marriages versus cohabitations will differ in the composition of structural types of action, meaning they are at different stages of cultural adoption. **H3**. Compositions of structural types of actions will evolve over time in non-stochastic way, meaning the cultural adoption's directional dynamics. **H4**. This evolution, if any, will affect individual and social productivity of every form of partnership in the predicted way: higher level of cultural adoption — higher level of partnership productivity. This way, H1 is instrumentally focused, H2–3 — methodologically, and H4 — theoretically.

Thus, we hope to identify stable forms of behavioral factors' (In the EAST — structural types of actions) composition, which can substantively characterize groups, behavioral domains, and sets of cultural norms. That will support one of the EAST core provisions: *social actions, totally equal in other aspects but differing in escalation trajectories, would generate different social consequences*. This provides an opportunity to supplement the contemporary theory of individual reasons as the main factor of romantic partnership with the dimension of cultural influences. Finally, we hope to acquire some practical implications of our findings regarding interventional policy of the mass media, government, civil activists, and the Russian civil society regarding the family. To do this, we conducted a quantitative study in the form of the CAWI (N representing the Russian population 18+) to collect data on the objective context and subjective experience of romantic partnership. Due to the limited size of questionnaire and the permissible cognitive load for respondents, we focused only on cases of their very first experience. One should keep in mind these limitations of our generalizations.

The EAST original instruments and proxy model

The EAST focuses on the differentiation of social actions according to their origins determined by the features of escalation process — they can be different even for identical social actions. In its operationalized form, the EAST analyses action escalation based on a comparison of initial and resulting forms of the action program. An action automatically executed according to the initial

program is considered to be "prescribed" by a priori attitudes. If, however, some signs of prescriptions inadequacy arise, the reflective apparatus of the actor can be elicited, and ready-to-use behavioral program can be revised and altered. If successful, this process results in implementing the output of reasoning, which constitutes "deliberate" action.

Methodological meaning of this "structural" (by structure of action escalation) differentiation is based on the fact that even identical to outer spectator social actions can be driven by principally different factors and have to be explained and predicted in different ways. Two of the most common "structural types" of action are "prescribed" (the main driver is a set of general attitudes towards an object and a form of prospective action) and "deliberate" (the main driver is a set of particular attitudes towards action effectiveness criteria). There are some other types, like "heuristic" or "unplanned" actions, but we will focus on the above mentioned two.

To empirically differentiate actions by "structural types", the EAST proposes a matrix of principal drivers (Figure 1). If action is performed while the prescribed program prompts action, and reasoning suggests inaction, this action is guided by predispositions and is "prescribed". The opposite combination of operational driver statuses indicates a "deliberate" action. The space between these two poles of the matrix contains actions of various intermediate structural statuses, which we do not consider here (see: [10]).

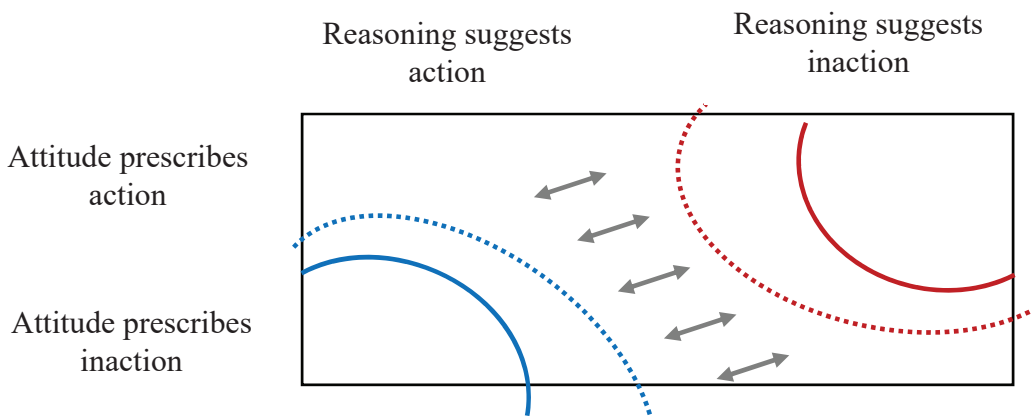

Figure 1. The EAST matrix conceptual model

To construct the "Prescriptions" scale of the matrix, the EAST uses a model of structural theory of attitudes: a complex structure of attitude; due to their mismatched nature, its components can be and often are inconsistent [33; 34]. Consistent positive attitudes towards anticipated actions are associated with the maximum probability of the prescribed action performance, while consistent

negative attitudes — with the maximum probability of inaction as inconsistent attitudes typically result in intermediate levels of action probabilities [9; 10]. The D2 (two-dimensional) metric of attitude consistency we use is a crosstab of attitude valence measured by direct and indirect instruments, which presumably indicate a valence of explicit and implicit factors of behavior. The former consists of conventional questions about attitude towards objects and forms of action. We use the Graphical Associative Test of Attitudes (GATA) as the second instrument, but other convenient techniques could also be used [10]. This kind of measurement results in scales of "Consistent" (both instruments detect positive valence), "Consistent–" (negative valence), and "Inconsistent" (reciprocal values) attitudes. Within the EAST Matrix, this D2 scale represents the potential impact of a priori prescriptions (D2 output is presented in Table 1 rows).

The "Deliberation" scale, reflecting the influence of reasoning, is formed with the common Theory of Reasoned Actions/Theory of Planned Behavior (TRA/TPB) toolkit. In most cases, we use basic questions about beliefs, (a) anticipating the output value of action, (b) expecting a reaction of social environment, and (c) assuming the physical ability to fulfil the action's program [23]. The TRA/TPB output is presented by Table 1 columns. Combination of two scales provides an operationalized form of The EAST matrix of actions.

Table 1

The EAST matrix of action "structural types"

Deliberation & Prescription scales	Positive	Neutral	Negative
Consistent+		Mainly prescribed	Entirely prescribed
Inconsistent	Mainly deliberate		Mainly prescribed
Consistent-	Entirely deliberate	Mainly deliberate	

Table 1 illustrates the technique of empirical differentiation between actions based on their dependence on the corresponding driver. The general pools of prescribed and deliberate actions can be formed by aggregating structural subtypes in the upper-right and lower-left corners of the EAST matrix [10]. Thus, the EAST methodological and technical apparatus seems to be appropriate to identify prescribed and deliberate behaviors in the empirical study and to form corresponding subsamples.

Since we wanted to consider actions performed years ago, we modified instruments to keep their measurands as close to the original EAST concepts as possible. We started with the analysis of self-report method as the only

available for our task, despite its effects of "lack of introspection" and "deliberate misreporting" [24]. To decrease their probability, we added some indirect indicators, intentionally degrade their face validity, to direct measurements — self-assessment of the reasoning intensity (RI) concerning the anticipated partnership. **RI.** "Some people think about the prospect of marriage for a long time, weigh the pros and cons, while others act more on a hunch. What was your case? (I thought about everything carefully and I believe that I made a conscious decision — I can't say that I thought about it too much, everything seemed to work out by itself)".

Three core questions rooted in the TRA/TBP [23] were stipulated to represent the output of the action escalation step, when the adequacy of initial (prescribed) program is tested: "When you were planning a family, how focused were on: **TBP1 — e**xpected personal value (What will I get? What I have to pay for? Is my romantic partner good enough for me? And am I?); **TBP2** — feasibility of action (Where do we move together? Will we have enough means for our family?); **TBP3** — social environment reaction (Will people, whom I really respect, approve of this action?)". These questions were supplemented with commonly accepted ten-point ordinal scales: "1 — had no thinking at all, 10 — I thought carefully". Instrumentally, these variables can be used as both independent indicators and summative scales. To differentiate prescribed and deliberate types of actions, we assumed the level of general (or summative) reasoning intensity an informative metric. All other things equal, its low level will indicate relatively higher probability for action to be of the prescribed type, while its high level — relatively higher probability for action to of the deliberate type. In terms of the EAST matrix, the former tends to reflect right-upper corners, while the latter — left-bottom corners.

Certainly, this measurement model is quite rough approximation of the original EAST model. However, there proofs that "it is the degree of effort, controllability, automaticity, and awareness involved in action initiation and execution that becomes a main analytic (and, from the actor's perspective, phenomenological) differentiating factor between Type I and Type II culture in action processes" [29. P. 300; 2]. Thus, our proxy model is a diagnostic instrument for the culture processing output, which, according to the enculturation DPM, is an indicator of the prevailing impact of implicit or explicit factors.

The previous section resulted in four operable variables (**RI, TBP1-3**), their summation is assumed to provide variable (**TYPE**) denoting prescribed versus deliberate structural types of action. To test validity of this indicator, we planned to additionally assess its associations with variables representing level of cultural capital (**CC1**, **CC2**). Then, the core variable is to point to the form of partnership (**Form**), supplemented with variable of the year of its creation (**Year**) to form a timeline for cases under studying. Finally, two variables represent the partnership productivity: duration (**Dur**) and number of children born (**Child**). The questionnaire

was structured as follows: **RI** — internal validation for **TYPE**); **TRA1-3** — structural type indicator resulting in the summative scale of **TYPE**); **CC1** — please, count all cases when you were forced to change your opinion on important issues (additional validation for **TYPE**); **CC2** — please, sum up all years you have invested in education, excluding secondary school but including all kinds of training courses (additional validation for **TYPE**); **Form** — when your first partnership was created, what was the first event (1. marriage; 2. Cohabitation); **Year** — in what year was this partnership established; **Dur** — how long did this partnership last; **Child** — how many children were born in this partnership; **Gender** — 1. male; 2. female.

Thus, our questionnaire consisted of 11 variables, 4 of which described objective aspects of partnership's creation (Form, Year, Gender, CC2), 2 — objective output (Dur, Child), and 5 — self-assessment of subjective factors of this action (RI, TPB1-3, CC1).

Data collection and transformation

Data was collected using CAWI on the VCIOM all-Russian representative online panel in February 2026. N = 1600 (18+); age, gender, education, federal district, type of settlement quotas (estimated standard error 2,75%). 82,4% have experience of family creation, thus constituting subsample for analysis. We transformed the data in two ways: introduced a nominal scale to differentiate prescribed and deliberate structural types of action, then, to represent temporal dynamics, introduced an ordinal time scale.

The action structural type's indicator was as a summative scale based on three of the TRA/TPB model's variables. To test the quality of summative scale, we used Cronbach's α statistics: if it is about 1 — variables are identical, do not complement each other and construction of summative (general) variable is senseless; if Cronbach's α is close to 0 — tested variables have nothing in common, and a summative variable cannot be created as variables measure different constructs. For our data Cronbach's α = 0.633 (3 variables), for 2 variables is α = 0.5 (without TBP1), α = 0.503 (without TBP2), α = 0.593 (without TBP3). Thus, our initial variables represent some common construct (Cronbach's α for all 3 variables is relatively high — 0.633). At the same time, taking any of them from the equation leads to a dramatical drop of α, i.e., our variables measure the common construct. Cronbach's α = 0,63 indicates that the set of initial variables is not sufficient to represent the construct, and additional variables are needed to cover its missing aspects. In general, our three TRA/TPB variables are suitable for an integral indicator of "general concern" about action.

The summative variable was calculated as sum of initial variables and then split into approximately equal parts at the summative scales' mean. The point of low values is supposed to represent the pool of predominantly prescribed actions, while the point of high values — predominantly deliberate ones (Table 2).

Table 2

Main indicators of prescribed/deliberate action

Summative scale	Mean	N	%	Structural type of action
Low intensity	6.69	665	50.4	Predominantly prescribed
High intensity	19.8	654	49.6	Predominantly deliberate
Sample	13,.19	1319	100	All

The main indicator **TYPE** was constructed. To test its validity, we added direct measurement variable of reasoning intensity self-assessment (**RI**) and two indicators for actors' cultural capital: **CC1** (important, mind-changing events) and **CC2** (additional education) [11]. ANOVA testing of **TYPE** variable in initial (summative) form with **RI** resulted in the means of 14.5 versus 12.5 for "reason" versus "hunch" — driven action ($F = 21.521$ for $DF = 1318$, $\rho = 0$). Tabulation of the two-point **TYPE** variable with the two-point **RI** demonstrated sufficient level of association ($\chi^2 = 18.501$, $DF = 3$, $\rho = 0$), i.e., internal validation with **RI** self-assessment direct measurement did not reveal any threats to the core variable's validity.

Theory suggests that people with well-developed cultural capital can act in a prescribed mode in wider range of situations to save resources of their reflective potential for complex and critical decisions [22]. As creation of romantic partnership (family) is one of the kind, we should encounter a relatively high level of cultural capital development in the group of deliberate actions and relatively low — in the group of prescribed actions. ANOVA output resulted in 0.67 years for prescribed versus 1.07 for deliberate actions ($F = 7.859$, $DF = 1318$, $\rho = 0.001$), and 0.176 years for prescribed versus 0.189 for deliberate actions ($F = 1.988$, $DF = 1299$, $\rho = 0.159$). Input data reflects extra education years and important mind-changing events in the period from 16 to the first family creation. Both cultural capital indicators favor the deliberate structural type: its practitioners seem to be more educated (In average have 0.1898 versus 0.1765 year of post-secondary school education) and more socially experienced (1.0994 versus 0.6701 mind-changing events). Thus, our data does not reveal any signs compromising the initial assumption of the ability of "general concern" to differentiate respondent's action as prescribed and deliberate structural types. More experienced and slightly more educated respondents tend to act in the deliberate mode, while less experienced and probably less educated ones tend to rely on the previously adopted attitudes' prescriptions. Thus, **H0** (preliminary) could be accepted.

To create the time scale we tested moving average procedure of 2, 3, 4 and 5 levels, which showed that moving average 3 serves better to keep enough observations for every period (Table 3).

Table 3

Timeline model

Name	1965	1980	1991	1996	2002	2007	2012	2019
Period								
Start	1946	1970	1985	1990	1997	2002	2007	2012
End	1985	1990	1997	2002	2007	2012	2018	2026
Duration, years	39	20	12	12	10	10	11	14
Family creations								
N	392	390	399	397	404	383	393	380
%	30.3	30.2	30.9	30.7	31.3	29.6	30.4	29.4

The EAST as explaining behavioral domains and cultural norms

The research question was whether the EAST model could help to explain, even partially, how, why and with what subsequences the practice under study penetrates traditional social structure. Figure 2 provides an overall picture, presenting data on the balances of marriage versus cohabitation and of prescribed versus deliberate types of actions in romantic partnerships: a rise in the number of cohabitations and a decline in number of marriages. Marriages, which in 1965 were guided primarily by prescribed actions, start to lose their cultural ground — since 1991 marriage has no longer been an automatic implementation of cultural schemata but a balanced combination of prescribed and deliberate actions. 1965–1991 is a period, when the marriage's cultural norms were revised: deliberate marriages are flat, while prescribed ones drop dramatically. In 1991, this process in general finished, and since then we see this cultural shift's output in social behavior — a gradual but steady decline in the number of marriages.

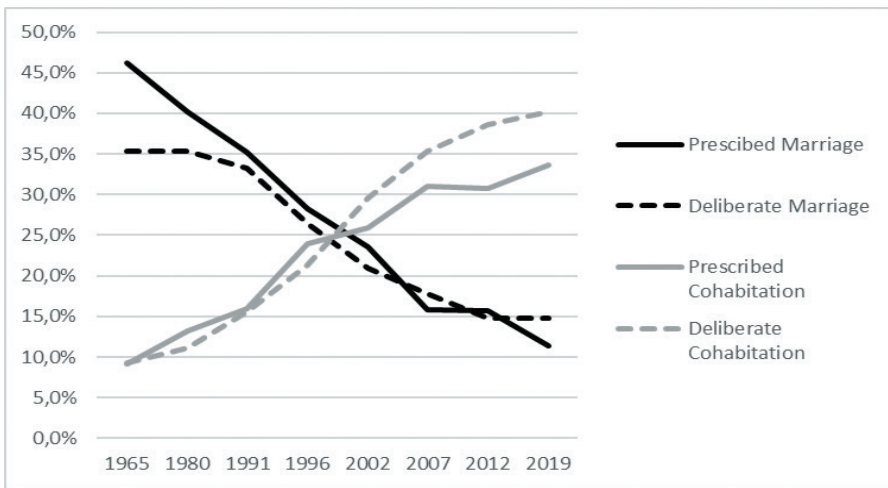

Figure 2. Marriage and cohabitation dynamics by structural type

On the contrary, the share of deliberate actions, i.e., based on situational decisions, still overweigh the prescribed ones in cohabitations. In other words, the balance of prescribed versus deliberate cohabitations suggests that elaboration and adoption of alternative (In favor of cohabitation and accurate enough to be its effective regulators) cultural norms has not finished. Russian society seems to question the traditional norms of official marriage, while cohabitation partnership' cultural regulators are still under consideration. These conclusions prove the EAST's ability to explain cultural evolution and differentiate behavioral domains by dynamics of this evolution.

The data on Figures 3–4 represents examples of the more detailed EAST's description of social groups. In the period under analysis, men behaved predominantly in the "prescribed" mode, i.e., they are not an agent of new forms of partnership. Apart from the revolt of marriage/cohabitation behaviors common for both groups, the only mentionable change for men is the narrowing gap between prescribed and deliberate marriages — from 13.8% in 1965 to 2% in 2019. This means men's careful attempts to test the adequacy of traditional marriage cultural norms in the new social environment. Nevertheless, during all period men's behavior was guided predominantly by the currently adopted culture.

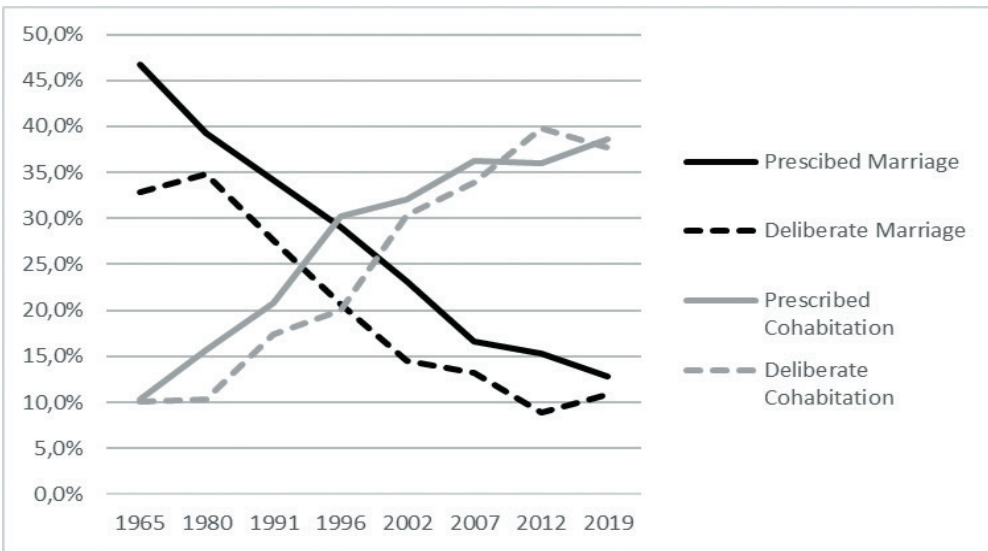

Figure 3. Marriage and cohabitation dynamics by structural type (men)

There are some meaningful differences in women's behaviors: from 1980–1991, women's behaviors within both domains are primarily deliberate, i.e., women are the "agent of change". From 1991, women began to revise the traditional marriage, and from 1996 — to experiment with cohabitation. For both domains, deliberate behavior starts to significantly exceed the prescribed one, which indicates the full-scale efforts to revise norms and attempts to explore new behavior forms. In theory, this should lead to new norms and adoption of a new, supposedly "enhanced" and

more effective culture. As the gap between women's deliberate and prescribed cohabitations is extremely wide (14.2%), the search for new forms of romantic partnership is currently underway.

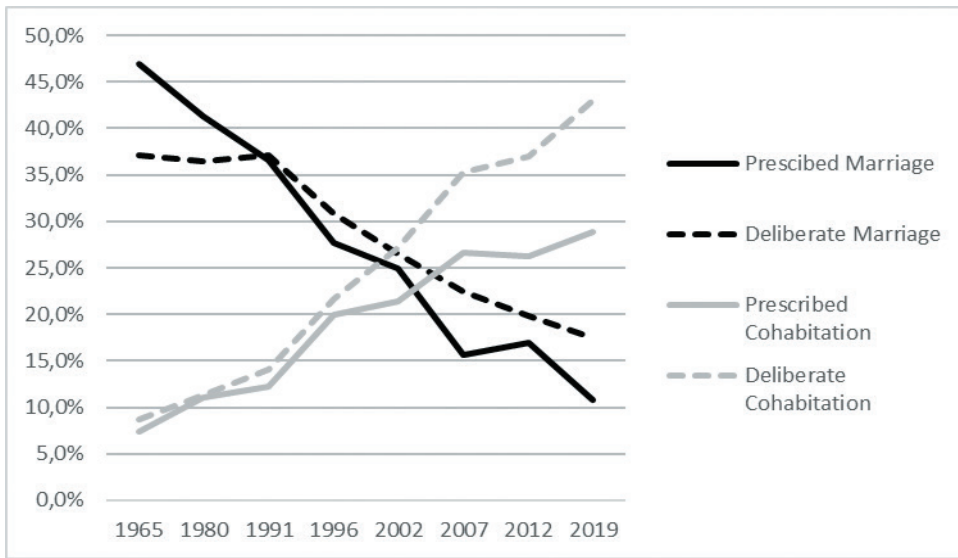

Figure 4. Marriage and cohabitation dynamics by structural type (women)

Thus, our data does not problematize the hypotheses concerning the EAST's ability to explain cultural evolution as differentiating behavioral domains and particular social groups.

Two of our variables were designed to test "social effectiveness" of different forms of partnership as an output of prescribed versus deliberate action. These variables indicate temporal sustainability partnerships and their demographic impact as the main social effect. For our behavioral domains and EAST structural types, we systematically examined (1) initial data, (2) ANOVA statistics, and (3) initial data normalized to simplify the comparison. Prescribed behavior looks considerably more "productive" in terms of individual and social outputs. The duration of partnership is longer for both marriage and cohabitation for both time periods:

• 1965–1996 — for marriage prescribed is 28.21, deliberate is 26.73, for cohabitation — 22.72 and 20.83 respectively;

• 2002–2019 — for marriage prescribed is 13.33, deliberate — 9.89, for cohabitation — 9.15 and 9.05 respectively.

The number of children born in both types of partnership is in favor of the prescribed form too:

• 1965–1996 — for marriage prescribed is 1.94, deliberate is 1.92, for cohabitation — 1.75 and 1.87 respectively (this is the only exception);

• 2002–2019 — for marriage prescribed is 1.99, deliberate — 5.56, for cohabitation — 1.63 and 1.58 respectively.

Prescribed marriage seems to be most effective and the most stable form, demonstrating in both periods the best values of indicators, and effectively keeping the fertility rate.

It is worth noting that we still do not have enough data to consider these associations as a casual explanation of partnership's productivity. To this date, the EAST structural types could be accepted if not as a casual driver but as a reliable predictor of the valency of cultural dynamics' social impact. It may be (even partially) a casual source of the effect or just indicate a presence of some "true" sources, and this uncertainty should be further studied. Nevertheless, our observations correspond to both EAST and cultural evolution theory in that prescribed behavior is associated with cultural regulation which fits environment well, does not elicit extra concerns and stimulates further reasoning over prospective action, while deliberate behavior — with revising and altering outdated regulators. According to our data, we are in the middle of the conflict between these two: residuals of marriage favoring environment are still in place, which why prescribed marriage, albeit on a smaller scale, is still the most developed and the best tailored (for external requirements) and subsequently the most productive form of behavior. Prescribed cohabitation has not yet finished elaboration of its cultural regulators, which explains why this behavioral domain is relatively less effective than prescribed marriage. Nevertheless, prescribed cohabitation looks generally more effective than deliberate: duration in 1965–1996 — prescribed 22.72, deliberate 20.83, in 2002–2019–9.15 and 9.05 respectively; number of children in 1965–1996 — prescribed — 1.75, deliberate — 1.87, in 2002–2019–1.63 and 1.58 respectively.

***

We can conclude that all four hypotheses were proved by our data. **H0**: proxy model using the indicator "grade of concern" about prospective action as a criterion to differentiate prescribed versus deliberate actions demonstrated acceptable functionality, which could be regarded as an instrumental (developing measurement methods) contribution to the EAST and other cultural evolution theories. **H1:** the EAST approach proved to be effective enough to differentiate large social groups by peculiarities of their actions' escalating process, e.g., by the mode of use of cultural capital. In theory, this suggests meaningful difference in the specific social groups' roles in cultural evolution: women act as pioneers in elaborating new cultural norms to make them effectively regulate emerging practices of cohabitation. This is in a good association with the fundamental principle of the EAST: even identical in form, social actions can differ in their social sources and outputs (for men and women partnerships are the same, but their impacts on the family creating culture are tremendously different). **H2:** composition of action escalation structure enables to differentiate behavioral domains by the grade of compliance with the current cultural regulations. In specific circumstances some

domains can fall out from the established cultural prescriptions. For the theory of social action this means the need for separate models to explain and predict social behavior in culturally homeostatic versus misbalanced domains. **H3:** the EAST has a potential ability to predict not only the general direction of evolving cultural norms and corresponding social practices but probably even some forms of models for these processes' dynamics (regular stages and speed). **H4:** prescribed forms are far more effective both in the individual and social dimensions, which means that Russian society can affect the above-mentioned processes by effectively stabilizing "prescribed marriage" and boosting the development of "prescribed cohabitation" cultures.

Thus, our study successfully completed its main tasks, providing some meaningful conclusions and observations. However, we should keep in mind its limitations, as it did not aim at the detailed description of the behavioral domains under study. Every reader should pay attention to the fact that we (trying to simplify the method and avoid potential interference of different experiences) considered only the very first romantic partnership of our respondents, and our timeline is a product of quite rough approximation. Therefore, our materials represent trends and their substantial aspects accurately enough, but particular characteristics may suffer from oversimplification.

References

1. Archer M. Routine, reflexivity, and realism. *Sociological Theory.* 2010; 28 (3).
2. Bargh J., Chartrand T. The unbearable automaticity of being. *American Psychologist.* 1999; 54 (7).
3. Beauparlant E.,Kong X., Machia L. A latent profile analysis of reasons for cohabitation. *Personal Relationships.* 2025; 32 (2).
4. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice.* Cambridge University Press; 1977.
5. Bourdieu P. Le capital social: Notes provisoires. *Actes de la recherche en sciences sociales.* 1980; 31.
6. Bourdieu P. *The Logic of Practice.* Polity; 1992.
7. Campbell C. Distinguishing the power of agency from agentic power: A note on Weber and the 'black box' of personal agency. *Sociological Theory.* 2009; 27 (4).
8. Chaiken S., Trope Y. *Dual-Process Theories in Social Psychology.* Guilford Press; 1999.
9. Chernozub O. Do indirect measures of attitudes improve our predictions of behavior? Evaluating and explaining the predictive validity of GATA. *RUDN Journal of Sociology.* 2024; 24 (4).
10. Chernozub O. Escalating Action Structural Theory better explains and predicts social behaviors. *Mir Rossii*. 2025; 34 (3).
11. Chernozub O., Fedorov V. Can the analysis of micro-processes of escalating actions bring clarity to some macro-uncertainties of cultural evolution theory? *Russian Sociological Review.* 2026; 25 (1).
12. Collins R. On the micro-foundations of macrosociology. *American Journal of Sociology.* 1981; 86.
13. Coontz S. The American family and the nostalgia trap. *Phi Delta Kappan.* 1995; 76 (7).
14. Danna Lynch K. Modeling role enactment: Linking role theory and social cognition. *Journal for the Theory of Social Behavior.* 2007; 37 (4).

15. D'Andrade R. *The Development of Cognitive Anthropology.* Cambridge University Press; 1995.
16. Devyatko I. Dual Process Theory in social cognition and outlook to augment sociological knowledge. *Sociological Studies.* 2025; 8.
17. Dewey J. *How We Think: A Restatement of the Relation of Reflective Thinking to the Educative Process.* D.C. Heath & Co Publishers; 1933.
18. DiMaggio P. Culture and cognition. *Annual Review of Sociology.* 1997; 23. Evans J. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annual Review of Psychology.* 2008; 59 (1).
19. Evans J., Stanovich K. Dual-Process Theories of higher cognition: Advancing the debate. *Perspectives on Psychological Science.* 2013; 8 (3).
20. Eliasoph N., Lichterman P. Culture in interaction. *American Journal of Sociology.* 2003; 108 (4).
21. Fazio R., Olson M. The MODE model: Attitude-behavior processes as a function of motivation and opportunity. *Dual Process Theories of the Social Mind.* Guilford Press; 2014.
22. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach.* Psychology Press; 2011.
23. Gawronski B., Hahn A. Implicit measures: Procedures, use, and interpretation. 2023. URL: https://www2.psych.ubc.ca/~schaller/528Readings/GawronskiHahn2019.pdf.
24. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration.* University of California Press; 1984.
25. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review.* 2001; 108 (4).
26. Hedström P. *Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology.* Cambridge University Press; 2005.
27. Leschziner V. Dual-Process Models in sociology. *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology.* Ed. by W. Brekhus, G. Ignatow. Oxford University Press; 2019.
28. Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D., Taylor M., Van Ness J. et al. What are Dual Process Models? Implications for cultural analysis in sociology. *Sociological Theory.* 2016; 34.
29. Mead, G. *Mind, Self, and Society.* University of Chicago Press; 1967.
30. Rhoades G., Stanley S., Markman H. The pre-engagement cohabitation effect: A replication and extension of previous findings. *Journal of Family Psychology.* 2009; 23 (1).
31. Rhoades G., Stanley S., Markman H. A longitudinal investigation of commitment dynamics in cohabiting relationships. *Journal of Family Issues.* 2012; 33 (3).
32. Rosenberg M.J. Cognitive structure and attitudinal affect. *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1956; 53 (3).
33. Rosenberg M.J., Hovland C.I., McGuire W.J., Abelson R.P., Brehm J.W. *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components.* Oxford; 1960.
34. Shepherd H. The cultural context of cognition: What the Implicit Association Test tells us about how culture works. *Sociological Forum.* 2011; 26 (1).
35. Stanley S., Markman H. Assessing commitment in personal relationships. *Journal of Marriage and the Family.* 1992; 54 (3).
36. Strandell J. Bridging the Vocabularies of Dual-Process Models of Culture and Cognition. *Oxford Handbook of Cognitive Sociology.* 2019, Oxford University Press, pp. 192–211. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.11.
37. Strauss C., Quinn N. *Cognitive Theory of Cultural Meaning.* Cambridge University Press; 1997.
38. Swidler A. Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review.* 1986; 51.
39. Swidler A. Talk of love: How culture matters. *Contemporary Sociology.* 2002; 31 (4).

40. Tang C., Curran M., Arroyo A. Cohabitors' reasons for living together, satisfaction with sacrifices, and relationship quality. *Marriage & Family Review.* 2014; 50 (7).
41. Vaisey S. Motivation and justification: A Dual Process Model of culture in action. *American Journal of Sociology.* 2009; 114 (6).
42. Vila-Henninger L. Toward defining the causal role of consciousness: Using models of memory and moral judgment from cognitive neuroscience to expand the sociological Dual Process Model. *Journal for the Theory of Social Behavior.* 2015; 45 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-930-947
EDN: TEMNBY

Дитя своего времени: потенциал структурной теории эскалации действий в объяснении семейно-демографических макротрендов*

О.Л. Чернозуб[1], М.Л. Белоножко[2], В.В. Федоров[3]

[1]ЦК ГК «Росатом»,
ул. Б. Ордынка, 24, Москва, 119017, Россия

[2]Тюменский индустриальный университет,
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Россия

[3]ВЦИОМ,
ул. Пречистенка 38, Москва, 119034, Россия

(e-mail: OLChernozub@rosatom.ru; belonozhkoml@tyuiu.ru; fedorov@wciom.com)

Аннотация. Структурная теория эскалации действий (СТЭД) рассматривает социальное действие как результат взаимодействия его имплицитных и эксплицитных движущих сил в рамках процесса эскалации действий. Две основные формы такого результата эскалации — «предписанные» и «обдуманные» действия. Первые предполагают более или менее бессознательное использование готовых поведенческих схем, возможность обратиться к которым зависит от опыта актора, вторые — сознательную разработку адаптированной к ситуации программы действий, которая зависит от рассудочного потенциала актора. Таким образом, две разные области социального опыта и культурного капитала соревнуются за возможность управлять процессом эскалации и формировать действия. В статье представлены результаты проверки способности СТЭД различать социальные группы и области поведения с точки зрения баланса предписанных и преднамеренных действий. Эмпирическая основа работы — поведенческая практика создания семьи в форме брака и совместного проживания в России за последние семьдесят лет. Принятие культуры совместного проживания вместо брака различается в группах мужчин и женщин — эффективная культура совместного проживания у женщин все еще не сформировалась. Также эти формы семьи отличаются динамикой культурных регуляторов, предоставляя примеры культурного подъема (преобладание преднамеренных действий на фоне расширения практики) и упадка (преобладание предписанных действий на фоне сужения практики). Была подтверждена исследовательская гипотеза, что

*© Чернозуб О.Л., Белоножко М.Л., Федоров В.В., 2026
Статья поступила в редакцию 08.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

социальные действия, одинаковые по результирующей форме, но отличающиеся траекториями эскалации, будут отличаться по своим социальным последствиям. Как в браке, так и в совместном проживании предписанный порядок действий приводит к гораздо более эффективному партнерству, которое длится дольше и приводит к рождению большего числа детей. В конечном счете, по мере развития женской культуры совместного проживания, оно станет более социально продуктивным: союз будет длиться дольше и принесет больше детей.

Ключевые слова: социальное действие; теория культурной эволюции; рамка и модель двойственного процесса; предписанное действие; обдуманное действие; социология семьи; брак; сожительство; структурная теория эскалации действий (СТЭД)

Для цитирования: *Чернозуб О.Л., Белоножко М.Л., Федоров В.В.* Дитя своего времени: потенциал структурной теории эскалации действий в объяснении семейно-демографических макротрендов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 930–947. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-930-947 EDN: TEMNBY

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 948–963
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-948-963
EDN: TDIDKX

Современные подходы к исследованию профессиональных качеств: концептуальные модели и прикладные методики*

А.А. Осеев, Ю.В. Тимохина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: oseev.a@mail.ru; julia_timokhina@mail.ru)

Аннотация. Профессиональные качества — ключевой фактор, определяющий пригодность работника к профессиональной деятельности и вероятность его успеха в ней. Согласно отчету «Vision of Leadership for 2023, количество навыков, необходимых для выполнения рабочих задач, ежегодно увеличивается в среднем на 5,4 %, что отражает ускоряющуюся трансформацию рынка труда и формирует новые требования как к работникам, так и к организациям, стремящимся сохранять конкурентоспособность в условиях технологического прогресса и глобальных изменений. Усложнение требований к профессиональным качествам работников повышает интерес к их изучению в разных научных направлениях, однако большинство исследований рассматривают профессиональные качества фрагментарно, в рамках отдельных дисциплин, что не позволяет сформировать целостное и системное представление об их структуре и развитии. Цель исследования — проанализировать эволюцию основных теоретических и прикладных подходов к пониманию профессиональных качеств, чтобы раскрыть междисциплинарный характер данного понятия, определить специфику подходов разных наук и проследить логику их формирования и развития в исторической перспективе, что будет способствовать формированию более целостного и научно обоснованного понимания профессиональных качеств как важной научной категории. В статье анализируются подходы социологии, менеджмента и психологии, оказавшие наибольшее влияние на изучение профессиональных качеств, рассматриваются современные направления и перспективы их развития, приводится описание одной из апробированных методик, позволяющей реализовать и верифицировать подходы к разработке профессиограмм, предложенные в рамках рассмотренных научных школ.

Ключевые слова: профессиональные качества; профессиограмма; психология профессий; профессиональная подготовка; верификация научных подходов к разработке профессиограмм; «идеальная модель руководителя»; 16-факторный личностный опросник Р. Кэттела

Для цитирования: *Осеев А.А., Тимохина Ю.В.* Современные подходы к исследованию профессиональных качеств: концептуальные модели и прикладные методики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 948–963. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-948-963 EDN: TDIDKX

*© Осеев А.А., Тимохина Ю.В., 2026
Статья поступила в редакцию 22.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью решения одной из важных задач в социологической, психологической и управленческой науках — определения сущности и структуры профессиональных качеств, т.е. психических, физиологических и интеллектуальных свойств профессионала как активного субъекта профессиональной деятельности. Сложность данной проблематики обусловлена многозначностью самого понятия — оно находится в междисциплинарном исследовательском поле, и каждая наука, дополняя другие, рассматривает его в рамках своей предметной области. Цель статьи — выявление особенностей и основ возникновения исследований профессиональных качеств, а также ключевых теоретико-методологических подходов к ним: рассмотрены истоки зарождения данных исследований, сопоставлены концепции разных наук, описаны современные направления и перспективы их развития.

Зарождение исследований профессиональных качеств проходило в контексте развития представлений о профессиональной деятельности. Профессиональные качества следует рассматривать как интегральную совокупность устойчивых психологических, когнитивных, деятельностных и ценностно-мотивационных характеристик субъекта, которые обеспечивают успешность выполнения профессиональной деятельности, соответствие требованиям профессии и достижение социально и профессионально значимых результатов. Профессиональные качества формируются в процессе освоения и осуществления профессиональной деятельности, могут изменяться и развиваться под влиянием трансформации содержания и условий труда.

Идеи Платона и Аристотеля заложили основу этико-философского понимания профессионально значимых качеств личности. В их трудах формируется представление о добродетели как основании эффективной социальной и управленческой деятельности. Платон связывал качества правителя с редкой природной одаренностью, доступной преимущественно философам и реализуемой лишь в правильно организованном государстве [27. С. 275]. Аристотель подчеркивал деятельностный характер формирования личности, утверждая, что нравственные качества зависят от самого человека и закрепляются через поступки.

В европейской этической традиции, восходящей к Платону и Аристотелю, закрепилось учение о кардинальных добродетелях: мудрости (рассудительности), справедливости, мужестве, умеренности, причем «добродетели по своей природе таковы, что недостаток (endeia) и избыток (hyperbole) их губят» [2. С. 80]. Аристотель рассматривает добродетель как устойчивое качество души, «определяет практичность как «разумно приобретенное душевное свойство, осуществляющее людское благо», особое значение придает рассудительности как способности выбирать средства достижения нравственно значимых целей. Практический разум без нравственного содержания делает человека опасным для общества, поскольку эффектив-

ность действий не гарантирует их моральной направленности. В платоново-аристотелевой традиции профессиональные качества личности трактуются как единство нравственных добродетелей и практического разума [14].

Идеи о профессиональных качествах на рубеже XVIII–XIX — начале XX века

До XIX века профессиональное образование во многом опиралось на принцип преемственности, при котором профессия и соответствующие ей качества передавались от поколения к поколению, от мастера к мастеру [22. С. 348], а профессиональные качества работника оценивались по продукту его труда. На протяжении долгого времени внимание людей и исследователей привлекало исключительно качество конечного продукта труда и способы его улучшения, а не профессиональные качества работников. Однако технологические и организационные изменения породили новые методы работы с качеством и позволили изучать и оценивать профессиональные качества работников (статистические исследования, циклы контроля и повышения качества на протяжении всего производственного процесса и т.д.). Появление исследований профессиональных качеств было вызвано двумя причинами: теоретическими — формирование нового, индустриального типа общества — и прикладными — повышение производительности труда.

На рубеже XVIII–XIX веков б*о*льшую часть развитого мира захватила индустриальная революция, результатом которой стали процессы профессиональной дифференциации — появление большого количества новых профессий. Возник рынок труда, новые формы организационного устройства, у работников появилась свобода в выборе профессий. А. Смит связывал все это с тем, что разнообразие труда характерно для промышленного производства, а доиндустриальные формы не предполагали развитого разделения труда [19. С. 10]. Развитие капиталистических отношений повлияло на многие аспекты профессиональной жизни работника — специфику его труда, взаимодействие с другими работниками, профессиональное становление и развитие. Множество людей столкнулись с необходимостью выбора и поиска работы с учетом профессиональной пригодности к ней. Индустриализация сопровождалась ростом урбанизации, увеличением численности работников и их функциональной дифференциацией на предприятиях. По мере усложнения производства развивались системы профессионального обучения и отбора, формировались профессиональные группы, наставничество и объединения [30]. Данные изменения обусловили необходимость научного осмысления усложняющейся социальной и профессиональной структуры — появляются теории, описывающие новое общество с его новой профессиональной структурой, а также новая наука — социология, призванная дать ответы на возникшие вопросы.

Предпосылки анализа профессиональной сферы присутствуют уже в работах Смита: в теории трудовой стоимости он рассмотрел качества услуги — трудовой деятельности — и попытался ее количественно измерить. Он отмечал наличие различий в качествах работников даже внутри одной профессии (например, между категориями торговцев), что проявляется в уровне дохода, ответственности и условиях труда. Тем самым фактически обозначалась идея профессионально значимых качеств и дополнительных характеристик, влияющих на эффективность труда [18. С. 159–160]. Однако масштабные исследования профессиональной сферы начались с возникновением социологии. Классическая социология рассматривала профессии как ключевой элемент социальной структуры. Профессиональные процессы анализировались преимущественно на уровне социальных групп и их взаимодействий. Профессиональные качества интерпретировались либо как результат влияния социальной группы (Г. Спенсер, Т. Парсонс), классовых отношений (К. Маркс), коллективной солидарности (Э. Дюркгейм), либо как проявление индивидуально-психологических особенностей (Г. Юнг, А. Маслоу и др.).

Г. Спенсер считается одним из основателей социологии профессий. Он рассматривал профессиональную дифференциацию как форму организации индустриального общества, возникающую в результате углубления разделения труда [1. С. 42]. Он описывал эволюцию профессий как усложнение и специализацию видов деятельности, однако категорию профессиональных качеств не выделял [22. С. 390]. Дальнейшее развитие данного направления связано с марксистской традицией, в которой понятие качества было включено в анализ производственных отношений. Марксистская традиция одной из первых обратилась к анализу профессиональной деятельности и организации труда в индустриальную эпоху, связав возникновение профессий с развитием рыночных и обменных отношений. Профессиональная сфера рассматривалась как элемент производственных отношений и подчинялась принципу экономического детерминизма. Марксизм критически подошел к изучению качеств работников на производстве, утверждая, что индустриальное общество сделало главным различием между сотрудниками количество труда безотносительно к его качеству, что привело к обезличиванию и отчуждению [11. С. 48–49]. Маркс обосновал закон перемены труда, отражающий зависимость профессиональной квалификации от уровня развития производительных сил: технический прогресс требует постоянного обновления знаний и навыков, повышения квалификации или смены профессии, и в этих условиях возрастает значение универсальности, гибкости и адаптивности профессиональных качеств.

Э. Дюркгейм в концепции разделения труда рассматривал профессиональные группы как важный механизм социальной интеграции в условиях индустриализации, когда ослабление традиционных институтов компенсируется развитием профессиональных сообществ, выступающих носителями

норм и морального порядка [29. С. 209]. Однако в профессиональной сфере присутствуют элементы «разобщенности», обусловленные дифференциацией. Смягчению негативных последствий разделения труда способствуют профессиональная этика и мораль, которые, встраиваясь в структуру профессиональных качеств, поддерживают солидарность профессиональной группы [21. С. 26]. Идеи Дюркгейма о роли этики и морали в структуре профессиональных качеств созвучны идеям Аристотеля о значимости «нравственных качеств души» [27. С. 351].

М. Вебер значительно расширил понятие профессиональной деятельности, включив в нее все виды занятости, обеспечивающие стабильный доход, тем самым выведя ее за рамки отдельных организаций [21. С. 11]. Как и Дюркгейм, Вебер подчеркивал важность освоения системы норм, ценностей, символов и традиций, которые служат средством для распознания «своих». Профессия наделяет своего представителя такими качествами, которые недоступны профану, позволяя ему оставаться «обычным человеком» [21. С. 29]. Кроме того, Вебер одним из первых обратился к сравнительному анализу профессиональных качеств представителей разных религиозных групп, введя в исследование профессиональной сферы культурные факторы. Ниже будет рассмотрена методика разработки профессиограмм, выступающая средством распознавания «своих» и «чужих» в профессиональной среде (идея о верификации профилей работников, соответствующих четырем типам социального действия Вебера).

Акцент классических социологов на функциях профессий, их роли в поддержании социального порядка, наряду со становлением социологии как самостоятельной дисциплины, заложил основы для дальнейших исследований профессиональной сферы. Так, П. Сорокин, развивая идеи Вебера и Дюркгейма, уделял особое внимание формированию физиологических, психических и социальных качеств работников и их связи со спецификой профессиональной деятельности. Он рассматривал профессиональную деятельность как преображающую человека «по своему образу и подобию» [20. С. 335] и анализировал механизмы профессионального отбора, формы и последствия профессиональных деформаций, отмечая, что представители одной профессии обладают сходными характеристиками (физическими и психическими), а представители функционально противоположных видов деятельности — существенно различающимися [20. С. 349]. Ниже будет показано, как реализуются эти идеи Сорокина, тем более что они созвучны идеям Г. Олпорта и Р. Кэттелла в рамках диспозиционной теории личности, согласно которой «посредством черт личности можно описать не только сами личности, но и те социальные группы, членами которых они являются» [24. С. 313].

Т. Парсонс выделил три группы профессиональных качеств — формальную подготовку, практические навыки и наличие у профессионалов уверенности, что их компетенции используются в интересах всей социальной

системы [21. С. 35]. Парсонс подчеркнул роль университета как ключевого института профессиональной социализации, где формируются ценности, нормы и установки будущих специалистов [21. С. 37]. В частности, идея о важности формирования «профессиональной уверенности» находит отражение в современных образовательных практиках, ориентированных на развитие компетенций, востребованных на рынке труда и обеспечивающих готовность выпускников к построению профессиональной карьеры.

Э. Хьюз, отмечал, что «работа человека — это одна из тех вещей, по которым о нем судят, и, разумеется, одна из важнейших вещей, по которым он судит о себе сам» [25. С. 134]. Тем самым он подчеркивал значимость анализа содержания труда, способов его выполнения, структурных ограничений, с которыми сталкиваются работники, значений, которые работники придают своему опыту, и качеств, которыми они должны обладать. Хьюз объяснял факторы развития профессиональных общностей, отмечая особенности изменения всех их компонентов: должностей, должностных лиц, социальных ролей и статусов, профессиональных качеств, материальных объектов. Рассматривая развитие профессиональных общностей через изменение их ролей, статусов и функций, Хьюз выделил базовые элементы профессии — лицензию и мандат: общественная санкция закрепляет за определенными группами право на выполнение конкретных видов деятельности и формирует требования к профессиональным качествам, обеспечивая исключительные полномочия профессионалов в сфере труда [29. С. 211].

Наиболее неординарный поход к профессиональной сфере предложил И. Гофман: он рассматривал проявления профессиональных качеств как ритуал, который обязывает профессионала «соблюдать тактичность и осмотрительность, т.е. не разоблачать спектакля, в чьи секреты он посвящен благодаря профессиональным обязанностям» [8. С. 193]. Профессиональные качества формируются не только личностными характеристиками, но и в процессе социального взаимодействия и соответствия ролевым ожиданиям, т.е. профессиональная успешность определяется степенью согласования индивидуальных качеств и социальных ожиданий. Гофман уделял особое внимание тому, как индивид создает образ себя в профессиональной сфере, управляя впечатлениями и поддерживая определенный имидж. Такой подход подчеркивает динамичность и контекстуальность профессиональных качеств, их зависимость от ситуации и социальной роли.

Таким образом, социология конца XIX — начала XX века заложила основы анализа структуры и внутренних процессов в профессиональной сфере, а также роли профессиональных качеств. Вместе с тем ряд вопросов остался открытым, в частности, о видах и способах измерения профессионально значимых качеств, включая ценностные ориентации, ответственность, волевые качества и др. — в начале XX века они стали предметом социальной психологии.

Профессиональные качества в системе менеджмента

Технологический и организационный прорыв в начале XX века, связанный с деятельностью Г. Форда и Г. Лиланда, привел к внедрению конвейерного производства, углублению специализации труда и строгой его регламентации [5. С. 92], что сформировало представление о возможности целенаправленного управления результатами труда и стимулировало развитие прикладных исследований, ориентированных на повышение производительности. В ходе углубленного изучения факторов, влияющих на производительность, формировалось понимание, что на производительность и благополучие работника влияет состояние его профессиональных качеств, что способствовало разработке систем их оценки, показателей результативности, а также механизмов оплаты, мотивации и развития персонала.

Ф. Тейлор рассматривал отбор, оценку и развитие работников как ключевые элементы управления [10. С. 202–203]. Научная новизна его подхода заключалась в организации специальных исследований выполнения профессиональных задач с целью их последующей оптимизации. Он показал, что благосостояние работника и результаты его труда связаны не только с системой вознаграждения, но и с его профессиональными качествами (психическими, интеллектуальными и физическими). Задача компании и руководителя — развитие каждого работника до «максимально доступной ему степени производительности» в рамках его профессии [23]. Отсюда вытекала необходимость изучения потенциальных «резервов» профессионального развития сотрудника.

Аналогичные идеи развивал А. Гастев, подчеркивая значимость психологических и профессиональных различий между работниками. Он обосновывал необходимость формирования нормативных моделей «первоклассного работника» (знания, навыки и личностные качества), с которыми соотносятся реальные сотрудники. Также он утверждал, что работники различаются не только антропометрическими характеристиками, но и проверяемыми психологическими и профессиональными качествами [7], поэтому необходимо вырабатывать определенные нормативы и образцы, включающие в себя знания и навыки, а также обладание определенными личностными качествами. Другой прикладной задачей стала разработка методик тестирования на профпригодность, профориентационных тестов и инструментов оценки специфики профессий [4. С. 41], которая решалась в социальной психологии.

Особенности социально-психологического подхода к исследованию профессиональных качеств

В рамках психологического подхода профессия рассматривается через призму внутреннего мира личности — ее мотивации, ценностей, эмоциональной устойчивости и способов взаимодействия: любая профессиональная деятельность опирается на «функциональный аппарат» личности, т.е. со-

вокупность ее психологических характеристик [3. С. 13], что подчеркивает важность внутренней структуры личности как основы профессиональной деятельности. Успешное выполнение профессиональных обязанностей зависит не только от приобретенных навыков и знаний, но и от внутреннего функционального аппарата личности — совокупности психологических качеств, мотиваций, ценностей и личностных особенностей. В этом смысле профессия — качественная определенность личности, совокупность конкретных (общих и специфических) знаний, умений, навыков, а также личностных качеств [26. С. 72]. Например, такие характеристики, как коммуникативность, ответственность, стрессоустойчивость и мотивация, существенно влияют на результативность деятельности и адаптацию в коллективе.

Внешнего наблюдения недостаточно для анализа профессионального поведения — от него ускользают внутренние психические процессы, мы видим лишь то, что работник готов или хочет демонстрировать. В связи с этим разрабатываются диагностические методы (в том числе личностные тесты), позволяющие выявлять мотивацию и личностные особенности [9. С. 126]: профессиограммы — системные описания профессиональной деятельности, включающие совокупность признаков, требований и стандартов, предъявляемых рабочим местом к работнику для выполнения конкретной профессиональной деятельности (например, практико-ситуационный подход к определению должного состояния социальных объектов В.В. Щербины [28]).

Еще в 1920-е годы социальной психологии начали заниматься оценкой профессиональных качеств кандидатов при отборе на должность с целью последующей их сверки с образцом — профессиограммой. Результаты таких исследований позволяли разрабатывать конкретные рекомендации по профессиональному отбору, обучению и развитию персонала, а также по организации труда с учетом индивидуальных особенностей работников. Эти прикладные разработки не только уточняли теоретические представления о структуре профессиональных качеств, но и становились важным инструментом научно обоснованного управления человеческими ресурсами, способствуя повышению эффективности трудовой деятельности и достижению целей организаций. Исследования этого периода заложили основы прикладной психологии труда и профессионального отбора, способствовали развитию научных подходов к оценке работников и соотнесению их индивидуальных особенностей с требованиями профессии, что позволило сделать подбор кадров более обоснованным и повысить эффективность обучения и организации труда.

Постепенно формируется представление об управленце как о самостоятельной профессии, предполагающей выполнение специфических функций, несводимых к экономическим и технологическим задачам. Актуализировалась необходимость выделения особых качеств управленца и разработки научных подходов к их изучению и оценке. С середины 1950-х

годов в крупных компаниях создаются центры оценки персонала, ориентированные на выявление управленческого потенциала, включая профессиональные умения, коммуникативные и интеллектуальные способности [4. С. 46].

Целью исследований первоначально было повышение производительности труда, а вопросы благосостояния работника оставались вторичными. В противовес данному утилитарному подходу на рубеже 1920–1930-х годов формируются школа человеческих отношений и психологическое направление в социологии, акцентирующие внимание на неформальных факторах регуляции трудовой деятельности и их влиянии на профессиональные качества работников. С конца 1920-х годов усиливается интерес к личностным ресурсам — ценностям и мотивации высшего уровня, включая самовыражение, креативность и социальное взаимодействие. Представители школы человеческих отношений (Э. Мэйо, А. Маслоу, М. Фоллетт и др.) обосновывали значимость социально-психологических факторов, включая благоприятный психологический климат в коллективе, межличностные отношения и особенности организационной среды. Существенный вклад в изучение психологических аспектов социального поведения внесли представители психологического направления в социологии (Л. Уорд, Г. Тард, В. Вундт, Г. Лебон), исследовавшие влияние социальной среды и групповых процессов на формирование личностных характеристик и поведенческих стратегий индивида, включая особенности групповой динамики. Подчеркивалась роль социального окружения и социальных факторов в формировании таких индивидуальных характеристик, как ответственность (фактор G, совестливость по Кэттеллу), агрессивность, склонность к подчинению или лидерству (фактор E, доминирование по Кэттелу). Данный подход предвосхитил дальнейшие исследования соотношения индивидуального и коллективного в профессиональной деятельности, заложив основы представления, что профессиональные качества формируются не только на уровне личности, но и под воздействием социальной среды, групповой динамики и организационной культуры.

Современные подходы к изучению профессиональных качеств

Индустриализация, сопровождавшаяся усложнением социальных процессов и становлением управленческого слоя, обусловила переосмысление категории «качество» и выделение профессиональных качеств работников в самостоятельный объект исследования. С начала XIX века в центре внимания социологии оказываются трудовая деятельность, сознание и поведение работников, а также условия труда. В то же время психология в рамках профессиографирования обращается к изучению внутренних, непосредственно не наблюдаемых качеств личности, их формирования и развития. Постепенно утвердилось понимание, что профессиональные качества отражают различные формы функционирования психики в контексте конкретных прикладных задач исследования.

Сегодня выделяют три основных направления исследований профессиональных качеств: первое связано с анализом *образовательных практик* и ориентировано на оценку формируемых у выпускников знаний, умений и личностных характеристик, а также механизмов их становления (оценка эффективности образовательных программ, определение путей совершенствования профессиональной подготовки). Второе направление предполагает *измерение профессиональных качеств* на основе разработки профессиограмм и «портретов профессионала» и направлено на систематизацию требований к специалистам (знания, умения и личностные характеристики, необходимые для успешного выполнения профессиональных функций). Пример такого подхода — разработка Р.Л. Кричевским и В.П. Пугачевым портрета — профессиограммы — «наиболее важных личностных качеств эффективного руководителя» [17. С. 162–164]: предложены обобщенные модели профессионально значимых качеств руководителей, а также их отраслевые вариации (в производстве, здравоохранении, образовании и др.) [12; 15; 16]. Третье направление связано с *оценкой профессиональных качеств в практике управления персоналом* и включает методы диагностики профессиональных и личностных характеристик и программы развития персонала.

В совокупности три направления обеспечивают комплексный подход к изучению, оценке и развитию профессиональных качеств, что способствует повышению эффективности труда и достижению стратегических целей организаций и общества. Соответствующие исследования проводятся в рамках двух основных подходов к анализу профессиональных качеств: первый связан с изучением отдельных качеств и их взаимосвязей с различными аспектами профессиональной деятельности, второй — с изучением комплекса качеств и, как правило, соотносится с конкретными видами профессиональной деятельности (концепция профессионально значимых качеств как системно организованной совокупности характеристик, обеспечивающих успешную реализацию профессиональных функций). Сегодня приоритет отдается личностным качествам профессионала, отражающим его внутренние психические свойства. Функциональные качества, обладающие большей степенью операционализируемости, как правило, рассматриваются обособленно — преимущественно на уровне отдельных характеристик или их проявлений в конкретных ситуациях. Уровень предметной подготовки, как правило, оценивается на этапе отбора персонала, исходя из предпосылки наличия у кандидата необходимых профессиональных знаний и навыков. Особое внимание уделяется развитию «гибких навыков», которые входят в число наиболее востребованных компетенций будущего [31], что свидетельствуют о высокой динамике профессиональных требований и риске устаревания существующих наборов профессионально значимых качеств.

Опыт верификации идей научных школ в прикладных методиках

Для решения задач социальной практики каждый теоретический подход требует эмпирической верификации, и статья была бы неполной без представления методики, зарекомендовавшей себя в практике оценки и отбора кадров и позволяющей верифицировать научные подходы к разработке профессиограмм (см. подробнее в: [13; 16]). Ниже обозначены лишь ключевые методологические и методические особенности разработки профессиограмм в рамках ведущих научных школ.

Методика основана на выделении доминирующих начал в структуре личностных качеств, включая качества руководителя и лидера, что отражено в работах Аристотеля, А.Н. Чанышева, Г.В. Осипова, А. Анастази, Е.А. Чудиной, Р. Кэттелла и др. Проведенные исследования показывают, что профессиональные группы обладают специфической структурой профессионально значимых личностных качеств, включая доминирующие характеристики, отличающиеся по содержанию, например, у врачей в структуре профессионально значимых качеств может проявляться радикализм, тогда как у учителей это потенциально конфликтогенная черта.

Вторая методологическая основа методики — теория идеальных типов социального действия Вебера. Возможности ее применения в изучении личностных качеств руководителей и в анализе склонности к целерациональному, ценностно-рациональному, аффективному и традиционному поведению были подробно рассмотрены ранее [6].

Третья методологическая основа — положения ситуационного подхода к управлению организацией (Фоллетт и др.) и практико-ситуационного подхода Щербины к формированию социальных норм: при определении профессионально значимых качеств персонала конкретной организации следует опираться не столько на экспертные оценки, которые далеки от реальности и страдают субъективизмом, сколько на качества работающего персонала конкретной организации в конкретной сфере деятельности.

Четвертая методологическая основа, обеспечивающая достоверность результатов построения профессиограмм — положения диспозициональной теории личности Олпорта и Кэттелла, позволяющие анализировать структуру личностных качеств и характеристики соответствующих социально-профессиональных групп.

В качестве методической основы исследования выступал 16-факторный личностный опросник Кэттелла, призванный диагностировать коммуникативные, интеллектуальные, морально-волевые и другие профессионально значимые качества. Для разработки профессиограммы «идеальной модели руководителя» применялись две взаимодополняющие процедуры: оценка степени соответствия личностных характеристик работников авторской модели «идеального руководителя», разработанной на основе статистически значимого эмпирического массива и методических положений Щербины; во-

вторых, корреляционный анализ связи между выявленными личностными качествами «эффективных» и «неэффективных» работников и результативностью их деятельности.

В разработанной методике получили развитие ключевые положения ряда социологических и управленческих теорий: идея Спенсера о выделении специфических особенностей профессиональных групп; идеи Дюркгейма о социальной интеграции, солидарности и преодолении социальной разобщенности, поскольку в профессиональные группы и организации включаются кандидаты, соответствующие требованиям профессиограмм, которые разработаны на основе практико-ситуационного подхода к управлению и нормирования социальных ожиданий, опирающихся на этические и моральные основания (Аристотель, ценностно-рациональные модели поведения Вебера, уровень ответственности Кэттелла и пр.). Пример — профессиограммы работников из разных сфер: врачей [15], руководителей образовательных комплексов [13], государственных гражданских служащих, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий [14]. В каждой профессиограмме выделяются (и верифицируются) «специфические особенности профессиональных групп», их уникальные черты.

Методика также опирается на положения Вебера о значении освоения системы норм, ценностей, символов и традиций, выполняющих функцию идентификации «своих» в профессиональной среде; идеи Сорокина о сходстве представителей профессии по ряду личностных и поведенческих характеристик и, напротив, значительных различиях между представителями функционально различных профессий, что требует дифференцированного подхода к разработке профессиограмм профессиональных групп (конфликтогенными качествами могут обладать работники даже в сходных профессиограммах, например, отмечен нонконформизм в структуре личностных качеств работников сферы образования [13]; идеи Парсонса о значении «профессиональной уверенности» — основой отбора выступают модели профессиограмм, построенные на анализе качеств эффективных работников конкретных организаций (здравоохранение, образование и др.); идеи Гофмана о соотношении индивидуальных качеств личности и социальных ожиданий относительно их проявления (их совпадение — одно из условий успешной профессиональной деятельности).

Таким образом, несмотря на длительную историю исследований профессиональных качеств и накопленный объем эмпирических и теоретических данных, проблематика сохраняет свою актуальность, что обусловлено непрерывными изменениями профессиональной среды под влиянием ускоряющейся динамики социально-экономических и технологических процессов. Перспективными направлениями исследований выступают вопросы формирования и развития профессиональных качеств в условиях трансформации профессионального мира, особенно механизмы интеграции новых качеств в уже сложившуюся структуру профессионально значимых характеристик.

Библиографический список

1. *Абрамов Р.Н.* Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2009.
2. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983.
3. *Басов М.Я.* Личность и профессия. Воля как предмет функциональной психологии. М.–Л., 1926.
4. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М., 2001.
5. *Васильев М.М.* Оценка эволюции понимания категории «качество» // Вестник Самарского муниципального института управления. 2019. № 4.
6. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.
7. *Гастев А.К.* Как надо работать. URL: https://litlife.club/books/274107).
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
9. *Ерофеев А.К., Носкова О.Г.* К предыстории компетентностного подхода в прикладной психологии // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 4.
10. *Костенко Е.П., Михалкина Е.В.* История менеджмента. Ростов-на-Дону, 2014.
11. *Маркс К.* Нищета философии. М., 1941.
12. *Осеев А.А.* Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: методология и результаты изучения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
13. *Осеев А.А.* Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: уникальные черты (результаты изучения с применением корреляционного анализа) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
14. *Осеев А.А.* Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 3.
15. *Осеев А.А.* Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. 2017. № 1.
16. *Осеев А.А.* Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 1.
17. *Пугачев В.П.* Руководство персоналом. М., 2006.
18. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
19. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2019.
20. *Сорокин П.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. М., 1994.
21. *Старцева Н.Н.* Социология профессий и профессиональных групп. Екатеринбург, 2017.
22. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997.
23. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/quality/management/PrNauchnMen/prnauchnmen.html.
24. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб., 2008.
25. *Хьюз Э.* Работа и человеческое Я // Социальные и гуманитарные науки. 2003. № 4.
26. *Цвык В.А.* Категория «профессионализм» и ее методологическое значение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 3.
27. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. М., 1981.
28. *Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С.* Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.
29. *Hermanowicz J.C., Johnson D.R.* Professions // Concise Encyclopedia of Comparative Sociology. Leiden–Boston, 2014.

30. Rafferty J.P. The Rise of the Machines: Pros and Cons of the Industrial Revolution. URL: https://www.britannica.com/story/the-rise-of-the-machines-pros-and-cons-of-the-industrial-revolution.
31. World Economic Forum: Future of Jobs Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-948-963
EDN: TDIDKX

Contemporary approaches to the study of professional qualities: Conceptual models and applied methods*

A.A. Oseev, Yu.V. Timokhina

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: oseev.a@mail.ru; julia_timokhina@mail.ru)

Abstract. Professional qualities are a key factor determining the employee's suitability and success in professional activity. According to the "Vision of Leadership for 2023" report, the number of skills required to perform job tasks increases by an average of 5,4 % annually; this reflects rapid transformation of the labor market and creates new demands for both employees and organizations striving to remain competitive in the conditions of technological progress and global changes. The increasing complexity of requirements regarding professional qualities has determined interest in studying them across various scientific fields; however, most studies examine these qualities in a fragmented manner, which prevents the formation of a holistic, systemic understanding of their structure and development. This study aims at analyzing the evolution of key theoretical and applied approaches to understanding professional qualities in order to reveal this concept's interdisciplinary nature, identify the features of approaches developed by different sciences, and trace the logic of their historical changes; this will contribute to a more holistic and scientifically grounded understanding of professional qualities as a significant scientific category. The article considers approaches of sociology, management and psychology as disciplines that have most significantly influenced the study of professional qualities, current trends and prospects of these approaches, and describes a validated methodology that enables to implement and verify professiograms as proposed by the scientific schools under discussion.

Key words: professional qualities; professionogram; psychology of professions; professional training; verification of scientific approaches to the development of professionograms; "ideal model of leader"; R. Cattell's 16 Personality Factors Test

For citation: Oseev A.A., Timokhina Yu.V. Contemporary approaches to the study of professional qualities: Conceptual models and applied methods. *RUDN Journal of Sociology.* 2026; 26 (3): 948–963. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-948-963 EDN: TDIDKX

* © A.A. Oseev, Yu.V. Timokhina, 2026
The article was submitted on 22.03.2026. The article was accepted on 13.07.2026.

References

1. Abramov R N. Sotsiologicheskie interpretatsii professiy R. Dingwalla: k ponimaniyu anglo-saksonskoy traditsii issledovaniya zanyatiy [Sociological interpretations of professions by R. Dingwall: Toward understanding the Anglo-Saxon tradition of studies of professions]. *Professionalnye gruppy: dinamika i transformatsiya.* Moscow; 2009. (In Russ.).
2. Aristotle. *Sochineniya* [Works] in 4 vols. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
3. Basov M.Ya. *Lichnost i professiya. Volya kak predmet funktsionalnoy psikhologii* [Personality and Profession. Will as an Object of Functional Psychology]. Moscow; Leningrad; 1926. (In Russ.).
4. Bodrov V.A. *Psikhologiya professionalnoy prigodnosti* [Psychology of Professional Suitability]. Moscow; 2001. (In Russ.).
5. Vasilyev M.M. Otsenka evolyutsii ponimaniya kategorii "kachestvo" [Assessment of the evolution of understanding the category "quality". *Vestnik Samarskogo Munitsipalnogo Instituta Upravleniya.* 2019; 4. (In Russ.).
6. Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic concepts in Sociology]. *Izbrannye proizvedeniya.* Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Gastev A.K. How one should work [Kak nado rabotat]. URL: https://litlife.club/books/274107. (In Russ.).
8. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow; 2000. (In Russ.).
9. Erofeev A.K., Noskova O.G. K predystorii kompetentnostnogo podkhoda v prikladnoy psikhologii [On prehistory of the competence-based approach in applied psychology]. *Organizatsionnaya Psikhologiya*. 2014; 4 (4). (In Russ.).
10. Kostenko E.P., Mikhalkina E.V. *Istoriya menedzhmenta* [History of Management]. Rostov-on-Don; 2014. (In Russ.).
11. Marx K. *Nishcheta filosofii* [The Poverty of Philosophy]. Moscow; 1941. (In Russ.).
12. Oseev A.A. Idealny portret rukovoditelya obrazovatelnogo kompleksa: metodologiya i rezultaty izucheniya [Ideal image of the head of the educational complex: Research methodology and results]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
13. Oseev A.A. Idealny portret rukovoditelya obrazovatelnogo kompleksa: unikalnye cherty (rezultaty izucheniya s primeneniem korrelyatsionnogo analiza) [Ideal image of the head of the educational complex: Unique features (results of the study based on correlation analysis)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
14. Oseev A.A. Metodologicheskie osnovy issledovaniya lichnostnyh kachestv rukovoditeley i otbora kandidatov na vakantnye dolzhnosti na gosudarstvennuyu sluzhbu, personala v sfere bezopasnosti, rukovoditeley promyshlennyh predpriyatiy [Methodological bases of the study of personal qualities of managers and personnel selection for the public service, security personnel, heads of industrial enterprises]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2015; 3. (In Russ.).
15. Oseev A.A. Sotsialno-psikhologichesky portret vracha v svete motivatsionnoy teorii M. Webera [Social-psychological portrait of the physician in the light of M. Weber's motivational theory]. *Sotsiologiya*. 2017; 1. (In Russ.).
16. Oseev A.A. Sotsialno-psikhologichesky portret rukovoditelya: idealnaya model i sposoby ee izmereniya [Social-psychological portrait of the manager: An ideal model and methods for its measurement]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2011; 1. (In Russ.).
17. Pugachev V.P. *Rukovodstvo personalom* [Personnel Management]. Moscow; 2006. (In Russ.).
18. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow; 2007. (In Russ.).
19. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow; 2019. (In Russ.).

20. Sorokin P. *Vliyanie professii na povedenie lyudey i refleksologiya professionalnyh grupp* [Professions' Impact on People's Behavior and Reflexology of Professional Groups]. Moscow; 1994. (In Russ.).
21. Startseva N.N. *Sotsiologiya professiy i professionalnyh grupp* [Sociology of Professions and Professional Groups]. Yekaterinburg; 2017. (In Russ.).
22. Spencer H. *Sinteticheskaya filosofiya* [System of Synthetic Philosophy]. Kyiv; 1997. (In Russ.).
23. Taylor F. *Printsipy nauchnogo menedzhmenta* [The Principles of Scientific Management]. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/quality/management/PrNauchnMen/prnauchnmen.html. (In Russ.).
24. Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primenenie* [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
25. Hughes E. Rabota i chelovecheskoe Ya [Work and the Self]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki*. 2003; 4. (In Russ.).
26. Tsvyk V.A. Kategoriya "professionalism" i ee metodologicheskoe znachenie [The category of "professionalism" and its methodological significance]. *RUDN Journal of Sociology*. 2009; 3. (In Russ.).
27. Chanyshev A.N. *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [Course of Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow; 1981. (In Russ.).
28. Shcherbina V.V., Rodina V.Yu., Erokhin A.S. *Metodicheskie rekomendatsii po otsenke ispolzovaniya rabotnikov v kachestve lineynogo rukovoditelya srednego zvena* [Methodological Guidelines for Evaluating the Performance of Mid-Level Managers]. Moscow; 1983. (In Russ.).
29. Hermanowicz J.C., Johnson D.R. Professions. *Concise Encyclopedia of Comparative Sociology*. Leiden; Boston; 2014.
30. Rafferty J.P. The Rise of the Machines: Pros and Cons of the Industrial Revolution. URL: https://www.britannica.com/story/the-rise-of-the-machines-pros-and-cons-of-the-industrial-revolution.
31. World Economic Forum: Future of Jobs Report 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf.

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Ардельянова Яна Андреевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ardyana@yandex.ru).

Бадараев Дамдин Доржиевич — доктор социологических наук, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: damdin80@mail.ru).

Белоножко Марина Львовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета (e-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru).

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.vitebsk55@gmail.com).

Дудин Илья Васильевич — младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирант Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: dudiniv99@mail.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Костюкевич Светлана Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси (e-mail: svkostus@yahoo.com).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Кучарина София Александровна — аспирант кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: sofiyadolganova@gmail.com).

Куропятник Марина Степановна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kuropjatnik@bk.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: harmina@yandex.ru).

Осеев Александр Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: oseev.a@mail.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru)

Рязанцев Игорь Павлович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; диакон Русской православной церкви (e-mail: dekan-soc@mail.ru).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotina-mv@rudn.ru).

Тимохина Юлия Вадимовна — аспирант кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: julia_timokhina@mail.ru).

Тихонова Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор-исследователь Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: netichon@rambler.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Федоров Валерий Валерьевич — кандидат политических наук, генеральный директор Аналитического центра ВЦИОМ (e-mail: fedorov@wciom.com).

Цыденов Александр Баторович — младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: tsydenovab@bsu.ru).

Чепуренко Александр Юльевич — доктор экономических наук, научный руководитель департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: achepurenko@hse.ru).

Чернозуб Олег Леонидович — кандидат социологических наук, руководитель информационно-аналитического блока ЦК ГК «Росатом» (e-mail: OLChernozub@rosatom.ru).

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: s.chugrov@inno.mgimo.ru).

RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online) 2026 Vol. 26 No. 2 968–971
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — **«Библиографический список»** и **«References»**. Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
   - **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: http://journals.rudn.ru/sociology/index.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter "P", indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. 2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to 'References' can be found on the journal's website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
   - **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
   - **a list of 7–8 key** terms in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
   - **information about the author** in Russian and English, including: the author's full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author's contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: http://journals.rudn.ru/sociology/index.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК